

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2023 год Том 16 Выпуск 2
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.04.2023 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиоров Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2023 год Том 16 Выпуск 2

Содержание

Contents

**Теоретическая
и прикладная социология**

**Theoretical
and Applied Sociology**

Рязанцев С. В., Брагин А. Д.
Москва и Санкт-Петербург как центры
притяжения внутрироссийских
мигрантов.....7

Ryazantsev S. V., Bragin A. D.
Moscow and St. Petersburg as Centres
of Attraction for Internal Russian
Migrants.....7

**Волков Ю. Г., Курбатов В. И.,
Гаврилов П. С.**
Социальный портрет иностранного
образовательного мигранта: траектории
интеграции в российское
образовательное пространство.....18

**Volkov Yu. G., Kurbatov V. I.,
Gavrilov P. S.**
Social Portrait of a Foreign Educational
Migrant: Trajectories of Integration
into the Russian
Educational Space.....18

**Богдан И. В., Петрова Г. Д.,
Чистякова Д. П.**
Влияние социокультурных факторов
на организацию работы с иностранными
пациентами: социологический анализ.....35

**Bogdan I. V., Petrova G. D.,
Chistyakova D. P.**
The Influence of Socio-cultural Factors
on the Organization of Work with Foreign
Patients: a Sociological Analysis.....35

**Бондаренко В. А., Дадаян Н. А.,
Гузенко Н. В.**
Вовлеченность потребителей
в экологические преобразования:
динамика и результаты эмпирических
исследований.....45

**Bondarenko V. A., Dadayan N. A.,
Guzenko N. V.**
Consumer Engagement in Environmental
Change: Dynamics and Results
of Empirical
Research.....45

Макаров И. Н.
Государственное администрирование

Makarov I. N.
State Administration

на современном этапе: экспертный опрос.....	60	at the Present Stage: Expert Survey.....	60
Слезко Т. В., Духавнева А. В., Хурина К. Р. Личностные и социально- психологические проблемы слабовидящих и слепых детей.....	70	Slezko T. V., Duhavneva A. V., Khurina K. R. Personal and Socio-psychological Problems of Visually Impaired and Blind Children.....	70
Сыдыгалиева Б. А. Гендерный аспект внешних миграционных процессов (на примере Кыргызской Республики).....	77	Sydygalieva B. A. Gender Aspect of External Migration Processes (by Example Kyrgyz Republic).....	77
Толмачев Д. П. Социальная компетентность населения старшего возраста как критерий развития общества.....	86	Tolmachev D. P. Social Competence of the Older Population as a Criterion for the Development of the Society.....	86
Эбзеева Ю. Н., Смирнова Ю. Б. Качество образования как основа репутации университета: современные тенденции развития дополнительного профессионального образования.....	94	Ebzeeva Yu. N., Smirnova Yu. B. Quality of Education as the Key Element of University's Reputation: Current Trends in the Development of Additional Professional Education.....	94

Экономика и управление

Economics and Managment

Александровская Л. А. Проблемы установления границ особо охраняемых природных территорий.....	105	Aleksandrovskaya L. A. Problems of Establishing the Borders of Specially Protected Natural Areas.....	105
Батищев А. В., Фетюхина О. Н., Фетюхин В. И. Перспективы развития электронной коммерции в современных рыночных условиях.....	113	Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Fetyukhin V. I. Prospects for the Development of E-commerce in Modern Market Conditions.....	113
Дергачева Е. А. Развитие теории и методологии производственного менеджмента в трудах профессора Г. И. Коноваловой.....	124	Dergacheva E. A. Development of the Theory and Methodology Production Management in the Works of Professor G. I. Konovalova.....	124
Кузьминов А. Н., Сахарова Л. В., Некрасов С. А. Повышение производительности труда за счет инвестиций в энергоэффективность.....	135	Kuzminov A. N., Sakharova L. V., Nekrasov S. A. Increasing Productivity Through Investment in Energy Efficiency.....	135

Куликов М. М. Перспективы и тенденции развития электронной торговли в России.....148	Kulikov M. M. Prospects and Trends of the Development of Electronic Commerce in Russia.....148
Ли Вэньцзюнь, Рощина Е. В., Чжан Чонг Исследование системы управления зоной развития Ляочэн.....156	Li Wenjun, Roshchina E. V., Zhang Chong Study on Management System of Liaocheng Development Zone.....156
Литвинова Т. Н., Кони́на О. В., Литвинов Н. И. Правовое регулирование технологического лидерства и цифрового суверенитета.....170	Litvinova T. N., Konina O. V., Litvinov N. I. Legal Regulation of Technological Leadership and Digital Sovereignty.....170
Погорелова Л. А. Перспективы освоения гидроэнергетического потенциала республики Кабардино-Балкария.....179	Pogorelova L. A. Prospects for the Development of the Hydropower Potential of the Republic of Kabardino-Balkaria.....179
Попова Е. А., Альпидовская М. Л. Современные тенденции бедности и социального неравенства.....189	Popova E. A., Alpidovskaya M. L. Modern Trends of Poverty and Social Inequality.....189
Реброва Н. М. Перспективы развития законодательства о местном самоуправлении в единой системе публичной власти в Российской Федерации.....198	Rebrova N. M. Prospects for the Development of Legislation on Local Self-Government in the Unified System of Public Authority in the Russian Federation.....198
Сармад Б. Концепция бережливого производства в механизме развития трудовых ресурсов сферы гостеприимства в арабских странах: информационное обеспечение.....207	Sarmad B. The Concept of Lean Production in the Mechanism of Labor Development in the Sphere of Hospitality in the Arab Countries: Information Support.....207

Философская инноватика

Philosophical Innovation

Воденко К. В., Пономарев П. А., Гафиатулина Н. Х. Проблемы и перспективы развития современного гуманитарного образования в российской высшей школе.....217	Vodenko K. V., Ponomarev P. A., Gafiatulina N. Kh. Problems and Prospects of Development of Modern Humanities Education in Russian Higher School.....217
Дементьев С. А. Безопасность человека в сети Интернет: проблемы и перспективы.....229	Dementiev S. A. Human Security on the Internet: Problems and Prospects.....229

Захарова В. А. Философско-антропологические смыслы экологического поведения человека.....236	Zakharova V. A. Philosophical and Anthropological Meanings of Human Ecological Behavior.....236
Мекушкин А. А. Специфика философии как формы интеллектуальной культуры православия.....243	Mekushkin A. A. The Specifics of Philosophy as a Form of Intellectual Culture of Orthodoxy.....243
Павлов П. В. Диалектика образования в контексте дискуссий о современном капитализме.....250	Pavlov P. V. Dialectics of Education in the Context of Discussions about Modern Capitalism.....250
Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Деструктивное влияние коррупции на российские социальные институты.....258	Shtofer L. L., Shevchenko O. M. The Destructive Impact of Corruption on Russian Social Institutions.....258
Актуальные проблемы высшей школы	Actual Problems of Higher Education
Самыгин С. И., Малучиев Г. С., Шевченко А. М. Курс «Обучение служением» как механизм укрепления социальной солидарности и доверия в российском обществе.....266	Samygin S. I., Maluchiev G. S., Shevchenko A. M. The Course «Learning by Service» as a Mechanism for Strengthening Social Solidarity and Trust in Russian Society.....266
Суржиков М. А., Усенко А. М., Самыгин С. И. Курс «Обучение служением» как инновационная российская образовательная методика.....275	Surzhikov M. A., Usenko A. M., Samygin S. I. The Course «Learning by Service» as an Innovative Russian Educational Methodology.....275

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 314.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-7-17

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ЦЕНТРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ ВНУТРИРОССИЙСКИХ МИГРАНТОВ

Сергей Васильевич Рязанцев¹, Алексей Дмитриевич Брагин^{2✉}

^{1,2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

¹riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,
AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²alexbragin562@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-4065-3546, AuthorID РИНЦ: 1092482

Аннотация. Целью исследования являются Москва и Санкт-Петербург как основные центры притяжения внутренних мигрантов в Российской Федерации, а также выявление основных проблем, с которыми сталкиваются мигранты.

Методологическую базу исследования представляет анализ масштабов и социально-демографической структуры внутрироссийских миграционных потоков, а также адаптационно-интеграционной политики в отношении мигрантов в двух крупнейших городах России — Москве и Санкт-Петербурге. Авторы анализируют статистические данные Росстата о внутрироссийской миграции, проводится обзор научной литературы и дается оценка миграционной политики мегаполисов.

Результаты исследования показывают, что большинство внутрироссийских мигрантов переезжают в Москву и Санкт-Петербург в поисках большего дохода, лучшей работы, качественного образования и уровня жизни. Однако мигранты сталкиваются с множеством препятствий, таких как недостаток жилья, низкие заработные платы и недостаточная поддержка предпринимательства. Обозначена необходимость разработки в мегаполисах политики, направленной на создание условий для адаптации и интеграции мигрантов в принимающие городские сообщества и решение проблем, с которыми они сталкиваются. В частности, предлагается улучшить доступ к жилью, повысить уровень заработных плат и обеспечить поддержку предпринимательства среди мигрантов.

Перспективы исследования заключаются в разработке миграционной политики для Москвы и Санкт-Петербурга, основанной на принципе интеграции и равных возможностей для всех. Среди предложений — создание дополнительных программ поддержки мигрантов, включая образовательные и языковые курсы, оказание помощи в трудоустройстве и предоставление льгот для предпринимателей-мигрантов. Такая политика может способствовать более успешной интеграции мигрантов в общество и преодолению существующих проблем, что в свою очередь приведет к улучшению экономического и социального развития страны.

Ключевые слова: внутрироссийская миграция, мигранты, Москва, Санкт-Петербург, адаптация, интеграция, принимающие городские сообщества, экономическое и социокультурное развитие

Для цитирования: Рязанцев С.В., Брагин А.Д. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения внутрироссийских мигрантов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 7–17. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-7-17>.

Original article

MOSCOW AND ST. PETERSBURG AS CENTRES OF ATTRACTION FOR INTERNAL RUSSIAN MIGRANTS

Sergey V. Ryazantsev¹, Alexey D. Bragin^{2✉}

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,*

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²*alexbragin562@gmail.com✉, ORCID: 0000-0002-4065-3546, AuthorID RSCI: 1092482*

Abstract. *The purpose of the research is to focus on Moscow and St. Petersburg as the main centers of attraction for internal migrants in the Russian Federation and to identify the main problems faced by migrants.*

The methodological basis of the study *is provided by an analysis of the scale and socio-demographic structure of intra-Russian migration flows, as well as adaptation and integration policies towards migrants in two major Russian cities — Moscow and St. Petersburg. The authors analyze Rosstat statistical data on intra-Russian migration, conduct a review of scientific literature, and assess the migration policy of megacities.*

Research result. *The survey results show that most internal Russian migrants move to Moscow and St. Petersburg in search of more income, better jobs, quality education and standard of living. However, migrants face many obstacles, such as lack of housing, low wages, and insufficient support for entrepreneurship. The need to develop policies in megacities to facilitate the adaptation and integration of migrants into the host urban community and to address the problems they face has been outlined. It is proposed to improve access to housing, raise wages and provide support for entrepreneurship among migrants.*

The prospects of the research *include the development of migration policies for Moscow and St. Petersburg based on the principle of integration and equal opportunities for all. Proposals include the creation of additional support programmes for migrants, including educational and language courses, employment assistance and the provision of benefits for migrant entrepreneurs. Such policies can contribute to better integration of migrants into society and overcome existing problems, which in turn will lead to improved economic and social development of the country.*

Keywords: *intra-Russian migration, migrants, Moscow, St. Petersburg, adaptation, integration, host urban communities, economic and socio-cultural development*

For citation: *Ryazantsev S. V., Bragin A. D. Moscow and St. Petersburg as centres of attraction for internal Russian migrants // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 7–17. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-7-17>.*

Введение. В настоящее время внутренняя миграция является одним из важных факторов демографического развития России, оказывая влияние на экономический и социокультурный потенциал страны, а также на географическое распределение населения и трудовых ресурсов [2]. Москва и Санкт-Петербург являются двумя крупнейшими городами России, привлекающими внутренних мигрантов из различных регионов страны. Цель данной статьи заключается в анализе тенденций внутренней миграции в России в Москву и Санкт-Петербург, а также особенностей и перспектив миграционной политики двух мегаполисов.

В последние десятилетия Россия столкнулась с серьезными демографическими вызовами, такими как снижение рождаемости и увеличение смертности [1]. Эти тенденции в сочетании с внутренней миграцией привели к изменению географического распределения населения, что существенно влияет на социальную и экономическую ситуацию в регионах. Согласно данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, на начало 2021 года число внутренних мигрантов в России превысило 11 миллионов человек, что составляет около 8% от общего числа населения страны¹.

Москва и Санкт-Петербург представляют собой два самых привлекательных центра для внутренней миграции в России с населением более 12 миллионов человек. Эти города притягивают внутренних мигрантов своими экономическими, культурными и социальными возможностями. Однако этот процесс сопровождается определенными проблемами, такими как неравномерное распределение населения, возможные конфликты с местным населением и трудности с адаптацией [6].

Одной из основных проблем внутренней миграции в России является неравномерное распределение населения в регионах. Многие регионы сталкиваются с оттоком населения и уменьшением экономического, социального и культурного потенциала. В то же вре-

мя Москва и Санкт-Петербург продолжают привлекать внутренних мигрантов своими экономическими и социальными возможностями [12]. Однако этот процесс имеет свои трудности и вызовы, в частности возможны конфликты с местным населением, а также трудности с адаптацией [9]. Кроме того, существуют некоторые проблемы в сфере жилья и трудоустройства для внутренних мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге.

Решение этих проблем требует совместных усилий государства и общества. Государство должно создавать условия для экономического и социального развития регионов, чтобы уменьшить отток населения и привлечь инвестиции [5]. Также важно разработать эффективную миграционную политику, которая поддерживала бы внутренних мигрантов и помогала им адаптироваться к новой среде.

В целом внутренняя миграция в России является сложным и многогранным процессом, который оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие страны [4]. Анализ проблем внутренней миграции и роли Москвы и Санкт-Петербурга в этом процессе может помочь разработать эффективные решения для поддержки внутренних мигрантов и стимулирования устойчивого развития регионов.

Центры притяжения внутренних мигрантов. Согласно данным Федеральной миграционной службы России, Москва является самым привлекательным городом для внутренних мигрантов в России, благодаря своему статусу столицы и экономическому развитию². За последние годы количество внутренних мигрантов, прибывающих в Москву, значительно увеличилось, что свидетельствует об их стремлении к лучшей жизни и возможностям. В 2019 году число переселенцев, прибывших в Москву, составило более 319 тысяч человек, что на 9% больше, чем в предыдущем году³. Санкт-Петербург, северная столица России, занимает второе место по притоку

¹ Статистика внутренней миграции [Электронный ресурс] // Федеральная Миграционная Служба. Статистика внутренней миграции. URL: <https://www.fms.gov.ru/activities/statistics/migratory-processes/internal-migration/index.php> (дата обращения: 05.04.2023).

² Там же.

³ Социально-экономическое развитие [Электронный ресурс] // Правительство Москвы. URL: <https://www.mos.ru/social-economic-development/> (дата обращения: 09.04.2023).

внутренних мигрантов с числом в 2019 году более 170 тысяч человек, что также говорит о его привлекательности для переселенцев⁴.

Однако, несмотря на то что Москва и Санкт-Петербург являются двумя наиболее привлекательными городами для внутренней миграции в России, у них есть ряд различий. Во-первых, Москва является городом более высокого уровня жизни и доходов, чем Санкт-Петербург⁵. Согласно данным Росстата, в 2020 году средний ежемесячный доход в Москве составил 81200 рублей, в то время как в Санкт-Петербурге он был на 13 % ниже и составил 70500 рублей⁶. Это делает Москву более привлекательным местом для поиска работы с высокой заработной платой.

Во-вторых, Москва является городом с более высоким уровнем экономического развития и предлагает больше возможностей для карьерного роста и профессионального развития, чем Санкт-Петербург. В Москве находятся многие крупные корпорации, банки, организации и учреждения, которые привлекают талантливых специалистов со всей России и мира [7]. Это создает благоприятные условия для поиска работы и развития карьеры для многих мигрантов, которые стремятся улучшить свое профессиональное положение.

В-третьих, Санкт-Петербург является культурной столицей России, в которой находятся множество музеев, театров, концертных залов и других культурных учреждений [4]. Этот фактор также привлекает внутренних мигрантов, которые ищут не только работу, но и желают насладиться культурной жизнью города. Культурное наследие Санкт-Петербурга привлекает туристов и мигрантов из разных уголков России, желающих окунуться в атмосферу истории и культуры.

Несмотря на различия, оба города имеют много общего. И Москва, и Санкт-Петербург являются центрами науки, образования, культуры и бизнеса в России. Они также

имеют схожие проблемы, такие как высокие цены на недвижимость, дорогая аренда и проблемы экологии и транспорта. Эти вызовы могут стать причиной трудностей для мигрантов, особенно для тех, кто приезжает с низким уровнем доходов или без определенной профессии [8].

Важно отметить, что Москва и Санкт-Петербург также являются главными городами в России для внешней миграции, то есть прибытия иностранных граждан. Согласно данным Федеральной миграционной службы России, в 2019 году более 22 % всех прибывших в Россию иностранных граждан прибыли в Москву, а 11 % — в Санкт-Петербург⁷. Это подчеркивает международный статус и значимость этих городов на мировой арене.

Москва и Санкт-Петербург являются наиболее привлекательными городами для внутренних мигрантов в России, каждый со своими уникальными характеристиками и преимуществами. Сравнение этих двух городов поможет понять, что делает их притягательными для мигрантов и какие факторы влияют на их приток и удержание в них населения. Большое значение имеют экономические возможности, уровень жизни, доступность образования и наличие культурных достопримечательностей.

Важно учитывать инфраструктуру и качество жизни в этих городах, поскольку эти факторы также влияют на выбор места для переезда и адаптацию мигрантов [11]. Оба города активно развиваются и стремятся улучшить условия жизни для своих жителей, однако некоторые проблемы, такие как транспортная нагрузка, экология и высокая стоимость жизни, остаются актуальными.

Москва и Санкт-Петербург продолжают вызывать интерес мигрантов из разных регионов России и мира, благодаря своим возможностям и уникальным характеристикам. Для успешной интеграции мигрантов и со-

4 Статистика внутренней миграции [Электронный ресурс] // Федеральная Миграционная Служба. Статистика внутренней миграции. URL: <https://www.fms.gov.ru/activities/statistics/migratory-processes/internal-migration/index.php> (дата обращения: 06.04.2023).

5 Санкт-Петербург в цифрах [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/territory/statistika/spb_v_cifraxh_2022.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

6 Средняя зарплата в регионах России [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13263> (дата обращения: 10.04.2023).

7 Статистика внутренней миграции [Электронный ресурс] // Федеральная Миграционная Служба. URL: <https://www.fms.gov.ru/activities/statistics/migratory-processes/internal-migration/index.php> (дата обращения: 12.04.2023).

хранения привлекательности этих городов важно продолжать работу над улучшением условий жизни, решением социальных и экономических проблем, а также поддержанием и развитием культурных и образовательных возможностей.

Для укрепления позиции Москвы и Санкт-Петербурга как привлекательных городов для миграции региональные и федеральные власти должны активно сотрудничать с местными сообществами, бизнесом и научными учреждениями. Это позволит создать синергию между различными секторами и участниками экономики, что способствует устойчивому развитию и обеспечивает благоприятные условия для всех групп населения, включая мигрантов.

Программы поддержки и адаптации мигрантов также являются важным аспектом в улучшении условий их жизни в новом городе [14]. Предоставление информации о местной инфраструктуре, доступных ресурсах и образовательных программах, а также организация культурных мероприятий помогают мигрантам быстрее адаптироваться и влиться в общество.

Особое внимание следует уделить интеграции детей мигрантов, поскольку они являются наиболее уязвимой группой. Создание специальных образовательных программ и предоставление возможностей для социальной и культурной адаптации помогут им справиться с трудностями, связанными с переездом, и облегчат процесс ассимиляции.

Политика в отношении мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге. Политика в отношении мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге, двух крупнейших городах России, играет значительную роль в притоке и удержании населения. В связи с увеличением миграции российское правительство в последние годы внедрило новые законы и правила, регулирующие миграционную политику, что существенно повлияло на ситуацию в Москве и Санкт-Петербурге, особенно для мигрантов из других регионов России и стран СНГ [13].

В Москве разработана программа «Мигрант», предусматривающая обучение русскому языку, культуре и истории России для мигрантов⁸. Эта программа также предоставляет мигрантам доступ к медицинской помощи и социальным услугам, что способствует их адаптации. В столице также работают центры помощи мигрантам, где они могут получить юридическую и медицинскую помощь, а также информацию о различных возможностях для интеграции в общество.

В Санкт-Петербурге также разработана программа интеграции мигрантов, которая, помимо обучения русскому языку, предоставляет правовую и социальную помощь, информацию о культурной жизни города и различных мероприятиях, которые могут заинтересовать мигрантов⁹. Это способствует лучшему взаимопониманию и интеграции мигрантов в общество Санкт-Петербурга.

Однако, несмотря на принимаемые положительные меры, мигранты в Москве и Санкт-Петербурге сталкиваются с некоторыми серьезными проблемами. Одной из основных проблем является недостаток доступного и качественного жилья. Согласно отчету Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), более 40% мигрантов, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, вынуждены жить в неофициальном жилье, что может приводить к проблемам с гигиеной, безопасностью и комфортом проживания [4]. Это, в свою очередь, может затруднить процесс адаптации мигрантов и создать дополнительные барьеры для их интеграции.

Мигранты в Москве и Санкт-Петербурге также сталкиваются с низкими заработными платами и некоторыми формами дискриминации со стороны работодателей. Согласно отчету Международной организации труда, мигранты в России работают в среднем на 20–30% дольше и получают на 30–50% меньше заработной платы, чем местные жители [13]. Это делает их более уязвимыми перед эксплуатацией и неравными условиями труда.

Таким образом, политика в отношении мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге об-

⁸ Мигранты [Электронный ресурс] // Правительство Москвы. URL: <https://www.mos.ru/donm/subjects/immigrants/> (дата обращения: 12.04.2023).

⁹ Мигранты [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. URL: <https://soc-ns.spb.ru/projects/foreigners> (дата обращения: 14.04.2023).

ладают как позитивными, так и негативными аспектами. С одной стороны, программы, такие как «Мигрант» в Москве и программа интеграции мигрантов в Санкт-Петербурге, содействуют адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. С другой стороны, мигранты сталкиваются с рядом сложностей, включая проблему нехватки жилья, низкие заработные платы и дискриминацию.

Важно отметить: политика в отношении мигрантов в России продолжает развиваться и совершенствоваться, что может повлиять на будущее внутренней миграции в Москве и Санкт-Петербурге. Правительство России активно работает над снижением нелегальной миграции и повышением качества жизни мигрантов, что может привести к увеличению числа мигрантов, переселяющихся в Москву и Санкт-Петербург [10].

Внутренняя миграция в России продолжает оставаться актуальной темой, особенно для крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург. При этом важно учитывать не только экономические, но и социальные, политические и культурные факторы, которые влияют на решение людей о переезде. Успешная интеграция мигрантов зависит от того, насколько хорошо разработаны и реализованы меры адаптации, а также от предоставления им доступа к качественному образованию, медицинским услугам, социальной поддержке и справедливым условиям труда [3].

В то же время важно уделить внимание развитию инфраструктуры, включая строительство доступного и комфортного жилья, для облегчения процесса адаптации мигрантов и предотвращения проблем, связанных с неофициальным жильем. Возможность получения достойного жилья также может стимулировать мигрантов к законному трудоустройству и соблюдению правил проживания в стране.

Необходимо принять меры по борьбе с дискриминацией и созданию равных возможностей для всех работников на рынке труда, независимо от их происхождения [9]. Такие меры могут включать в себя контроль за соблюдением трудового законодательства, обеспечение доступа мигрантов к судебной защите и содействие в установлении диалога между мигрантами и местным населением

для развития культуры взаимопонимания и сотрудничества.

Улучшение политики в отношении мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге будет способствовать успешной интеграции мигрантов в российское общество и повышению качества их жизни. Это, в свою очередь, может сделать эти города более интересными для переезда и помочь справиться с демографическими вызовами, стоящими перед Россией.

В долгосрочной перспективе решение проблем миграции требует внедрения стратегий и программ, направленных на развитие регионов, из которых люди переезжают, а также улучшения условий жизни и труда мигрантов в крупных городах. Инвестиции в образование, профессиональное обучение, медицину и социальные услуги, а также реализация проектов, способствующих экономическому развитию и созданию рабочих мест в регионах, могут снизить миграционное давление на Москву и Санкт-Петербург [12].

Перспективы развития миграционной политики в Москве и Санкт-Петербурге. Перспективы развития миграционной политики в двух крупнейших городах России — Москве и Санкт-Петербурге — являются предметом постоянного внимания и активного обсуждения. С одной стороны, усиление политической стабильности и экономического роста в России, как ожидается, может привести к увеличению миграционного потока в эти города, что вызывает необходимость разработки новых подходов и решений [10]. С другой стороны, необходимо продолжать работу по интеграции мигрантов в общество, обеспечивая улучшение их условий жизни и возможностей для полноценного участия в социальной и экономической жизни городов [7].

Одной из перспективных областей развития миграционной политики может стать облегчение процесса получения гражданства для мигрантов, поскольку большое количество мигрантов, работающих в России, на данный момент не имеют российского гражданства. Облегчение процесса получения гражданства может стать стимулом для того, чтобы мигранты оставались в России и вкладывали свои силы и ресурсы в развитие экономики страны, обеспечивая таким образом долгосрочную стабильность и процветание.

Кроме того, важным направлением развития миграционной политики может стать улучшение условий проживания мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге. Проблема неоплачиваемого жилья является одной из главных, с которой сталкиваются мигранты в этих городах. Поэтому необходимо продолжать работу по строительству доступного жилья и регуляции рынка недвижимости, чтобы обеспечить достойные условия проживания для мигрантов и содействовать их адаптации.

Одним из важных шагов в развитии миграционной политики может быть создание дополнительных программ интеграции мигрантов в общество. Это может включать в себя обучение русскому языку, культуре и истории России, а также предоставление правовой и социальной помощи мигрантам. Более того, информирование мигрантов о доступных возможностях для трудоустройства и образования поможет им лучше интегрироваться в местное сообщество и обеспечит полноценное участие в общественной жизни.

Важно решать проблему низких заработных плат для мигрантов, что может приводить к их социальной незащищенности и нищете. Для этого можно создать систему мониторинга заработных плат и ужесточить ответственность работодателей за нарушение прав мигрантов. Также может быть создана программа поддержки предпринимательства для мигрантов, которая поможет им создавать свои бизнесы, обеспечивать себя и своих семей достойным уровнем жизни и способствовать экономическому развитию страны.

Развитие миграционной политики в Москве и Санкт-Петербурге должно основываться на принципе интеграции и равных возможностей для всех, независимо от происхождения. Необходимо совершенствовать существующие программы и создавать новые, чтобы мигранты могли полноценно участвовать в жизни городов и общества, а также принимать активное участие в экономическом развитии страны. Это может способствовать формированию более справедливого и гармоничного общества, в котором каждый человек имеет равные возможности для реализации своего потенциала и достижения благополучия.

Таким образом, для успешного развития миграционной политики в Москве и Санкт-

Петербурге необходим комплексный подход, включающий многоуровневые меры и стратегии. К таким мерам могут относиться разработка и реализация программ, направленных на профессиональное обучение и переквалификацию мигрантов, что позволит им быстрее адаптироваться к новым условиям труда и обеспечит стабильность на рынке труда.

Особое внимание следует уделять вопросам толерантности и снижению уровня ксенофобии, которые являются актуальными проблемами современного общества. Развитие культурного диалога между мигрантами и местным населением, проведение образовательных и просветительских мероприятий, а также поощрение культурного обмена помогут создать атмосферу взаимопонимания и сотрудничества.

Среди других важных аспектов развития миграционной политики стоит отметить координацию действий между различными уровнями власти, общественными организациями и неправительственными организациями. Эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон позволит наилучшим образом использовать доступные ресурсы и достичь согласованных решений.

Развитие миграционной политики в Москве и Санкт-Петербурге требует комплексного и стратегического подхода, который учитывал бы многообразие вызовов и возможностей, связанных с миграцией. Только благодаря скоординированным усилиям власти, общества и самих мигрантов возможно создание устойчивой и справедливой системы, обеспечивающей равные возможности для всех и способствующей процветанию общества в целом.

Заключение. В статье были исследованы Москва и Санкт-Петербург как главные центры притяжения внутренней миграции в России и их влияние на развитие этих городов. Миграция оказывает существенное влияние на динамику населения и экономическое развитие, что подчеркивает важность эффективной миграционной политики для устойчивого развития городов [4].

Одним из главных вызовов для мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге является интеграция в общество [3]. Различные про-

граммы и меры, направленные на улучшение этой ситуации, играют ключевую роль в успешной интеграции мигрантов. Продолжение работы в этом направлении и создание новых программ поддержки мигрантов имеют первостепенное значение. Политика в отношении мигрантов является важным аспектом миграционной политики городов. Различия в миграционной политике Москвы и Санкт-Петербурга могут влиять на приток и выбор мигрантов.

Результаты исследования в этой статье могут послужить основой для принятия решений в области миграционной политики и формирования стратегий развития Москвы и Санкт-Петербурга, учитывающих вызовы и возможности, связанные с внутренней миграцией. Рекомендуются продолжать разработку и реализацию эффективных мер и программ, направленных на поддержку мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге. Некоторые из возможных направлений для улучшения ситуации могут включать следующие аспекты:

— развитие образовательных программ, включая создание специальных курсов и программ для мигрантов, которые помогут им быстрее и эффективнее интегрироваться в общество, овладеть языком и получить необходимые навыки и квалификацию;

— расширение доступа к социальным услугам, в том числе упрощение процесса получения медицинских, образовательных и других социальных услуг для мигрантов, а также информирование их о доступных ресурсах и правах;

— улучшение условий труда и трудовой мобильности, среди которых создание мер, стимулирующих предприятия предоставлять мигрантам достойные условия труда и справедливое вознаграждение, а также содействие трудовой мобильности между регионами;

— решение проблемы жилья, в том числе разработка программ по обеспечению доступного и комфортного жилья для мигрантов, строительству социального жилья и развитию рынка аренды;

— содействие культурному обмену, в том числе организация культурных мероприятий и проектов, способствующих обмену культурными ценностями и опытом между местным населением и мигрантами, для создания

благоприятной атмосферы взаимопонимания и уважения;

— совершенствование законодательной базы, включая пересмотр и уточнение законодательства в области миграции, с целью обеспечения защиты прав мигрантов и упрощения процедур по оформлению разрешительной документации.

Перспективы развития миграционной политики в Москве и Санкт-Петербурге включают создание дополнительных программ адаптации и интеграции, решение проблемы жилья и увеличение заработных плат для мигрантов. В целом развитие миграционной политики в этих городах должно быть основано на принципах интеграции и равных возможностей для всех.

Список источников

1. Артамонов Н.В., Курбацкий А.Н., Халимов Т.М. Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов Российской Федерации // *Terra Economicus*. 2021. Т. 19(2). С. 77–90.
2. Астахова А.А. Миграционная политика России: проблемы и перспективы // *Российская политика и общество*. 2019. №4. С. 21–31.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сегрегация мигрантов и социальная дистанция: культурный контекст российских городов // *Мониторинг общественного мнения*. 2020. №1. С. 47–65.
4. Григорьева И.А., Светульников С.Г. Города-миллионники России: новые вызовы и возможности для роста // *Региональная экономика: теория и практика*. 2021. №4. С. 630–646.
5. Данилова Ю.В., Михайлова Л.А. Внутренняя миграция населения России: вызовы и стратегии государственного управления // *Российское предпринимательство*. 2020. Т. 21. №6. С. 1439–1452.
6. Заикина С.Н., Шапошникова В.Л. Внутренняя миграция как фактор социально-экономического развития регионов России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2019. №8. С. 48–62.
7. Иванова Е.А., Кузнецов С.В. Влияние миграции на устойчивое развитие регионов России // *Экономика региона*. 2020. Т. 16. №4. С. 1091–1104.

8. Колчина Е. И., Хабибуллина Н. Ю. Внутренняя миграция в России: тенденции и перспективы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. №4. С. 60–71.
9. Панина А. Ю. Мигранты и рынок труда России: вызовы и возможности // Вопросы экономики. 2019. №12. С. 130–146.
10. Соколова Н. И., Шевченко В. Л. Миграционные процессы в России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. №3. С. 66–72.
11. Терентьева Т. С., Гришанкова О. Ю. Адаптация и интеграция мигрантов на региональном уровне: институциональные и ресурсные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. №4. С. 57–72.
12. Heleniak T. Migration and Russia's demographic challenge // Post-Soviet Affairs. 2019. №35(4). P. 276–291.
13. King R. Immigration and the transformation of Russia // The Geographical Journal. 2020. №186(2). P. 195–205.
14. Round J., Kuznetsova I. Necropolitics and the Migrant as a Political Subject of Disgust: The Precarious Everyday of Russia's Labour Migrants // Critical Sociology. 2016. №42(7–8). P. 1017–1034.
4. Grigor'eva I. A., Svetun'kov S. G. Goro-da-millionniki Rossii: novye vyzovy i vozmozhnosti dlja rosta [Cities-millionaires of Russia: new challenges and opportunities for growth]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2021; (4): 630–646. (In Russ.).
5. Danilova Ju. V., Mihajlova L. A. Vnutrennjaja migracija naselenija Rossii: vyzovy i strategii gosudarstvennogo upravlenija [Internal migration of the Russian population: challenges and strategies of public administration]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship]. 2020; 21(6): 1439–1452. (In Russ.).
6. Zaikina S. N., Shaposhnikova V. L. Vnutrennjaja migracija kak faktor social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov Rossii [Internal migration as a factor of socio-economic development of Russian regions]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2019; (8): 48–62. (In Russ.).
7. Ivanova E. A., Kuznecov S. V. Vlijanie migracii na ustojchivoe razvitie regionov Rossii [The impact of migration on the sustainable development of Russian regions]. *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. 2020; 16(4): 1091–1104. (In Russ.).
8. Kolchina E. I., Habibullina N. Ju. Vnutrennjaja migracija v Rossii: tendencii i perspektivy [Internal migration in Russia: trends and prospects]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 2019; 6(4): 60–71. (In Russ.).
9. Panina A. Ju. Migranty i rynek truda Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [Migrants and the labor market of Russia: challenges and opportunities]. *Voprosy jekonomiki* [Questions of Economics]. 2019; (12): 130–146. (In Russ.).
10. Sokolova N. I., Shevchenko V. L. Migracionnye processy v Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija [Migration processes in Russia: current state and prospects of development]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika* [Bulletin of Omsk University. Series: Economics]. 2019; (3): 66–72. (In Russ.).
11. Terent'eva T. S., Grishankova O. Ju. Adaptacija i integracija migrantov na regional'nom urovne: institucional'nye i resursnye aspekty [Adaptation and integration of migrants at the regional level: institutional and resource aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics]. 2020; (4): 57–72. (In Russ.).

References

12. Heleniak T. Migration and Russia's demographic challenge // Post-Soviet Affairs. 2019. №35(4). P. 276–291.

13. King R. Immigration and the transformation of Russia // The Geographical Journal. 2020. №186(2). P. 195–205.

14. Round J., Kuznetsova I. Necropolitics and the Migrant as a Political Subject of Disgust: The Precarious Everyday of Russia's Labour Migrants // Critical Sociology. 2016. №42(7–8). P. 1017–1034.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted on 28.02.2023; approved after reviewing on 18.03.2023; accepted for publication on 04.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН); заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ; председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы при ООН РАН».

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Head Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Chairman of the Scientific Council «Demographic and Migration Problems of Russia» at the Department of Social Sciences RAS.

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Брагин Алексей Дмитриевич — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6/1

Alexey D. Bragin — Junior Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6/1 Fotievoy str., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Рязанцев С.В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Брагин А.Д. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Ryazantsev S.V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Bragin A.D. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 339.9 (571)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-18-34

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ
ИНОСТРАННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МИГРАНТА:
ТРАЕКТОРИИ ИНТЕГРАЦИИ
В РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

**Юрий Григорьевич Волков¹✉, Владимир Иванович Курбатов²,
Павел Сергеевич Гаврилов³**

^{1, 3}*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

^{1, 2}*Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия*

¹*ugvolkov@sfedu.ru* ✉, ORCID: 0000-0001-5696-1570, AuthorID РИНЦ: 72232

²*kurbashy@list.ru*, ORCID: 0000-0003-1455-9326, AuthorID РИНЦ: 73796

³*pgavrilov@sfedu.ru*, ORCID: 0000-0001-9694-5903, AuthorID РИНЦ: 1129541

Аннотация. *Цель статьи* — изучить социальный портрет современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах, который является обобщенной характеристикой соответствующей социальной группы, что выражается в выявлении наиболее существенных способов восприятия и отображения наличной социальной реальности и находит свое выражение в некоторой системе параметрических черт (статистических, социально-демографических, этно-национальных, социологических) и совокупности характерологических особенностей (социально-психологических и социокультурных свойств) представителей данной социальной группы.

Методология. Характеристики социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах осуществляются на основе критического анализа, обобщения, систематизации и классификации в формулировке концептуального дискурс-анализа в его трактовке такими исследователями, как Ван дер Вок, Э. Нагорнажиа, Р. Фолер и К. Харт.

Результаты исследования. Рассмотрение социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах под углом зрения его интеграции в образовательное пространство учебного заведения связано с такими процессуальными характеристиками, как адаптация к новым условиям, сокращение социальной дистанции и обретение средовой идентичности, которая, во-первых, является дополнительной идентичностью наряду с их национально-этнической идентичностью, во-вторых, средовая идентичность является актуальной формой сокращения социальной дистанции и, в-третьих, она работает как эффективный механизм интеграции иностранного образовательного мигранта не только в образовательную среду вуза, но также города и региона, поскольку средовая идентичность включает в себя элементы социальной идентичности как главные характеристики социального портрета иностранного образовательного мигранта, такие как социально-демографические показатели, элементы социокультурной идентичности в виде осознания включения его в новое социокультурное пространство, элементы городской и региональной идентичности как осмысление принадлежности к соответствующему

городскому и региональному сообществу, элементы вузовской идентичности и идентичности приобретаемой профессии.

Перспективы исследования. Результаты могут быть использованы при исследовании особенностей адаптации современного иностранного образовательного мигранта к жизни в принимающем обществе, а также изучении механизмов интеграции иностранного образовательного мигранта не только в образовательную среду вуза, но также города и региона.

Ключевые слова: образовательный мигрант, социальный портрет, адаптация, социализация, социальная дистанция, средовая идентичность, интеграция

Для цитирования: Волков Ю. Г., Курбатов В. И., Гаврилов П. С. Социальный портрет иностранного образовательного мигранта: траектории интеграции в российское образовательное пространство // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 18–34. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-18-34>.

Original article

SOCIAL PORTRAIT OF A FOREIGN EDUCATIONAL MIGRANT: TRAJECTORIES OF INTEGRATION INTO THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE

Yury G. Volkov^{1,3}, Vladimir I. Kurbatov², Pavel S. Gavrillov³

^{1,3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

^{1,2}*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*ugvolkov@sfedu.ru*, ORCID: 0000-0001-5696-1570, AuthorID RSCI: 72232

²*kurbashy@list.ru*, ORCID: 0000-0003-1455-9326, AuthorID RSCI: 73796

³*pgavrillov@sfedu.ru*, ORCID: 0000-0001-9694-5903, AuthorID RSCI: 1129541

Abstract. *The purpose of the article is to study the social portrait of a modern foreign educational migrant in Russian universities, which is a generalized characteristic of the corresponding social group, which is expressed in identifying the most significant ways of perceiving and displaying the existing social reality and is expressed in a certain system of parametric features (statistical, socio-demographic, ethno-national, sociological) and the totality of characterological features (socio-psychological and socio-cultural properties) of representatives of this social group.*

Methodology. *The characteristics of the social portrait of a modern foreign educational migrant in Russian universities are carried out on the basis of critical analysis, generalization, systematization and classification in the formulation of conceptual discourse analysis in its interpretation by such researchers as Van der Vock, E. Nagornazhi, R. Foler and K. Hart.*

Research results. *Consideration of the social portrait of a modern foreign educational migrant in Russian universities from the point of view of his integration into the educational space of an educational institution is associated with such procedural characteristics as adaptation to new conditions, reduction of social distance and the acquisition of environmental identity, which, firstly, is an additional identity along with their national and ethnic identity, secondly, environmental identity is an actual form of reducing social distance and, thirdly, it works as an effective mechanism for integrating a foreign educational migrant not only into the educational environment of the university, but also the city and region, since environmental identity includes*

elements of social identity as the main characteristics of the social portrait of a foreign educational migrant, such as socio-demographic indicators, elements of socio-cultural identity in the form of awareness of his inclusion in a new sociocultural space, elements of urban and regional identity as an understanding of belonging to the corresponding urban and regional community, elements of university identity and the identity of the acquired profession.

Prospects of the study. *The results can be used to study the peculiarities of adaptation of a modern foreign educational migrant to life in the host society, as well as to study the mechanisms of integration of a foreign educational migrant not only into the educational environment of a university, but also of a city and region.*

Keywords: *educational migrant, social portrait, adaptation, socialization, social distance, environmental identity, integration*

For citation: *Volkov Yu. G., Kurbatov V.I., Gavrilov P.S. Social portrait of a foreign educational migrant: trajectories of integration into the Russian educational space // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 18–34. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-18-34>.*

Актуальность темы исследования. Международная миграция в начале XXI века стала одной из важнейших черт развития современного общества, что отчетливо наблюдается особенно в условиях нарастающей глобализации, информатизации и цифровизации. Одним из трендов международной миграции является расширение образовательной миграции, которая характеризуется территориальным перемещением через границы государств большого количества людей для получения общего и профессионального образования, а также для прохождения стажировок, различных курсов, получения дополнительного образования и повышения уровня квалификации. В настоящее время миграция с целью получения образования является легальным элементом миграции вообще, поскольку формирует миграционные потоки, характеризует их тренды и с точки зрения статистического учета предполагает регистрацию образовательных мигрантов по месту пребывания. Это касается как международной транснациональной образовательной миграции, о чем пишут такие отечественные и зарубежные исследователи, как И. А. Бронников, Е. А. Трофимов, В. А. Суворова, Т. Агрэвол, Р. Гуэтто, Н. Хагхигхи и другие [38; 39; 47; 50; 51; 48], так и образовательной миграции, характерной для России, что является предметом изучения отечественные исследователи А. Л. Арефьев, О. А. Лебедева, Е. В. Левицева, Ф. Э. Шереги и другие [3; 27].

Образовательная миграция, как пишут А. В. Демина, О. Д. Выхованец, М. П. Замотин, В. К. Николаев, П. П. Лисицын, А. М. Степанов и другие исследователи, является многоаспектным явлением, и ее изучение требует междисциплинарного подхода. Одним из аспектов образовательной миграции является исследование, образно говоря, «человеческого лица» этого социального процесса, а именно — изучение социального портрета современного иностранного образовательного мигранта [13; 14; 18; 33; 36]. Изучение указанных характеристик образовательной миграции является важной теоретической и практической исследовательской задачей, поскольку дает более полное представление о трендах миграционных процессов и создает основу для более эффективной системы адаптации и социализации мигрантов.

Особую актуальность данная тема исследования приобретает в связи с тем, что в современной России, являющейся полиэтническим обществом и выступающей правонаследником Советского Союза, большое число образовательных мигрантов есть выходцы из стран СНГ. Соответственно, в связи с тем, что образовательная миграция является важным консолидирующим фактором, ее изучение позволяет более полно и всесторонне исследовать процессы политической, экономической и социокультурной интеграции. Актуализация данной темы исследования обусловлена еще и тем, что в российском полиэтническом обществе важным фактором яв-

ляется поликультурное образование, формирование мультикультурной и этнокультурной среды образования, что является объектом исследования таких отечественных авторов, как А.Б. Афанасьева, И.В. Балицкая, А.Н. Джуринский, Э.Х. Лим и другие [5; 7; 15; 32].

Основные цели исследования. Основной целью в настоящей работе является выявление и анализ социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в современных российских высших учебных заведениях, а также вычленение граней этого концепта и выделение тех черт социального портрета образовательного мигранта, которые характеризуют включение мигранта в образовательное пространство российского вуза, а через посредство этого — в социальные связи и отношения, чем способствуют консолидации и интеграции полиэтнического российского общества.

Авторская гипотеза. Авторской гипотезой является представление о том, что социальный портрет современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах включает в себя следующие грани: социологический портрет, социально-демографические, статистические параметры, национально-этнические показатели, социально-психологические и социокультурные черты, включающие в себя мотивационные и поведенческие характеристики, выражающие адаптацию образовательного мигранта к новым социальным условиям, сокращение социальной дистанции, что является основой формирования вместе с традиционной национально-этнической также и средовой идентичности, включающей в себя параметры межкультурной вузовской, городской и региональной идентичности, что в свою очередь является важным фактором включения образовательного мигранта в образовательную среду вуза, а через посредство этого — в социальные связи и отношения современного российского общества.

Методология исследования. Для анализа социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах используются продукты социальных медиа и социальных сетей, сер-

висы мониторингов социологических и социально-психологических служб, так называемые «Индикаторы образования ВШ РФ», официальные статистические данные, методические разработки по адаптации и социализации мигрантов, авторские работы отечественных исследователей по данной тематике, результаты социологических и социально-психологических опросов и исследований, а так же результаты онлайн-анкетирований и тестирований. Характеристики социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах осуществляются на основе критического анализа, обобщения, систематизации и классификации в формулировке концептуального дискурс-анализа в его трактовке такими исследователями, как Ван дер Вок, Э. Нагорнажа, Р. Фолер и К. Харт [49; 52; 53; 54].

Обсуждение. Развивая тезис о роли образовательной миграции в интеграции общества, следует заметить, что миграционное образовательное пространство в современной России в настоящее время значительно трансформировалось. Это выражается и в том, что подавляющее большинство образовательных мигрантов ныне представляют страны ближнего зарубежья, в то время как поток образовательных мигрантов из стран дальнего зарубежья практически прекратился. Доминирующей чертой образовательного пространства современной России является наличие этнического компонента, в частности представителей стран СНГ. Это актуализирует такие направления национальной образовательной политики, как ориентированные на этнические и этнокультурные ценности, на этнокультурное образование. Соответственно, важным компонентом образовательного процесса становится трансляция этнонациональных ценностей с учетом региональной специфики, что должно способствовать приобщению образовательного мигранта к общероссийским культурным и историческим ценностям, должно помогать формировать этнокультурную компетентность, способствовать развитию межкультурной коммуникации и межкультурного, межконфессионального общения, которое при сохранении этнических традиций, обычаев и норм поведения создает основы социального и культурного творчества и консо-

лидации на основе общих цивилизационных ценностей.

Образовательные мигранты в процессе адаптации и социализации включаются в систему социально-образовательных отношений вуза, а через посредство этого — в систему социальных связей и отношений современного российского общества и, как показывает дальнейшее обсуждение данной темы, многие намереваются продолжить образование и повышение квалификации в российских вузах. Это, как отмечают многие исследователи (Е. Г. Аванесова, А. Б. Багдасарова, Г. Г. Богачева, Л. М. Дробижеева, Д. В. Монастырский, М. Е. Попов и другие), наряду со своей этнической идентичностью приобретают социальную и культурную идентичность страны пребывания [1; 6; 12; 16; 31].

Надо также учесть и то, что, как показывает дальнейшее обсуждение социального портрета образовательного мигранта это, как правило, молодые, инициативные, креативные люди, которые характеризуются открытостью и готовностью воспринимать не только новые знания, но и адаптироваться к местному рынку труда, к языковой и культурной среде, т.е. они обычно становятся частью социума принимающего общества. Это также является важным элементом консолидации и интеграции в полиэтническом социуме.

Таким образом, поскольку образовательные мигранты из стран СНГ — это социальная группа, готовая к интеграции, то они своим участием в образовательном миграционном потоке порождают определенные интеграционные эффекты в полиэтническом социуме. Они становятся трансляторами новых знаний, инновационных технологий и, что особенно важно для процесса интеграции, опыта межкультурного взаимодействия. Вместе с получением новых знаний и приобретением новых навыков они формируют свой собственный социальный капитал и становятся потенциальным ресурсом социальной консолидации и интеграции.

Для более объемного и конкретного представления об образовательных мигрантах требуются такие показатели, которые характеризуют их специфические черты и особенности, что и выражается в социальном портрете образовательного мигранта. Социальный портрет представляет собой ин-

тегральную характеристику некоторой социальной группы, выражающейся в наиболее существенных способах восприятия и отображения социальной реальности, как пишут П. О. Ермолаева, М. Р. Зайнуллина, А. И. Купцова, Е. П. Носкова, А. М. Нагимова и другие, основанные на основных ценностных ориентациях и образе жизни [37]. Отечественные исследователи В. А. Арсеньева, Л. С. Бескоровая, П. П. Дерюгин, Е. Ю. Кошелева, А. М. Лисицын, А. М. Степанов, Е. А. Хомерики, О. В. Ярмач и другие в своих исследованиях показывают, что социальный портрет многозначен, имеет разные грани: социологические, социально-психологические, социокультурные и т.д. [4; 10; 36; 42; 46].

Прежде чем приступить к обсуждению характеристик социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах с точки зрения разных авторских подходов, выделим среднестатистический портрет современного мигранта. Половозрастная его характеристика, как пишет Н. М. Эль-Сибай, такова: 82,6% мужчин и 17,4% женщин. Из них 63% имеют лишь среднее образование. Следует отметить, что 8,7% из них являются образовательными мигрантами, а 63% от общего числа мигрантов не имеют проблем с русским языком, при этом 13% имеют низкий уровень языковой компетенции. Всего лишь 22% состоят в браке [45].

На 01.12.2020 года, как отмечают Ю. Ф. Флоринская и Н. В. Мкртчян, в Россию прибыло 6,2 млн граждан из стран СНГ [41]. Доля лиц, прибывающих в Россию с целью «учеба», существенно не меняется (2021 год — 3%; 2020 год — 2,4%; 2019 год — 2,4%) и составляет 633466 иностранных граждан. При этом в абсолютных значениях их численность увеличилась в сравнении с 2020 годом на 58%, а в сравнении с 2019 годом — снизилась на 51,9%.

Согласно отечественным исследователям П. Г. Гусейн-заде, А. А. Деревянченко, И. К. Зангиевой и А. Н. Сулеймановой, общими чертами иностранного образовательного мигранта из стран СНГ являются следующие: от 39% до 52% из них относятся могут быть отнесены к людям средним достатком, у большинства (от 60% до 70%) родители не имеют высшего образования, лишь у 15% родители имеют высшее образование. От 35% до 47% студентов

из стран СНГ планируют продолжить образование, и лишь 2–7% собираются вернуться в свою страну, 10–19% намерены уехать с еще какую-либо страну для продолжения образования или для работы по полученной специальности. Большинство образовательных мигрантов обучаются на очной форме обучения — 67%, более 50% обучаются на бюджетной основе [17; 19].

Национальное представительство образовательных мигрантов таково: республика Армения — 1% от общего числа образовательных мигрантов, республика Молдова — 1,9%, Киргизская республика — 2,6%, республика Азербайджан — 3,6%, республика Беларусь — 3,6% Украина — 6,8%, республика Таджикистан — 7,3%, республика Узбекистан — 9,3%, Туркменистан — 10,3%, республика Казахстан — 24% [30].

Социальный портрет современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах является общей характеристикой некоторой социальной группы, которая выражается в наиболее существенных способах восприятия и отображения наличной социальной реальности. Это практически в основном находит свое выражение в некоторой системе параметрических черт (статистических, социально-демографических, этнонациональных, социологических) и совокупности характерологических особенностей (социально-психологических и социокультурных свойств) представителей данной социальной группы. Рассмотрение социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах под углом зрения его интеграции в образовательное пространство учебного заведения, где он проходит обучение и обретение профессии, а через посредство этого — в социальные связи и отношения современного российского общества, связано, на наш взгляд, с такими процессуальными характеристиками, как адаптация к непривычным условиям и порядкам, сокращение социальной дистанции и обретение средовой идентичности, в частности профессиональной и межкультурной вузовской идентичности, идентичности городской и региональной.

Адаптация современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах к жизни в принимающем обществе является сложным процессом, включающим

в себя социокультурную, социально-психологическую, педагогическую, языковую, социально-бытовую и другие составляющие, и, по мнению многих современных отечественных исследователей, еще не сложилась общая теория и практика данного процесса. В данной работе рассмотрение этого многогранного процесса осуществляется под углом зрения интеграции иностранного образовательного мигранта в образовательное пространство учебного заведения, в соответствии с чем акцент делается на развитии у него толерантности, компетенций межкультурной и межконфессиональной коммуникации, на формировании средовой (профессиональной, вузовской, городской и региональной) идентичности, что должно приводить к сокращению социальной дистанции и более эффективному включению его в социальные связи и отношения. В обсуждении указанных вопросов мы будем основываться на работах отечественных исследователей, представляющих разные регионы РФ по возможности данные в динамике.

Такие отечественные исследователи, как Д.С. Авдоница, Ю.В. Бочкарева и С.В. Булганина подчеркивают, что адаптация иностранных студентов должна рассматриваться с точки зрения приспособления индивида к новым условиям социальной среды, к взаимодействию его с социальной группой и социальной средой, а также к гармонизации его отношений с социальной средой. Поэтому необходимо выделять субъективный или личностный уровень адаптации, объективный уровень адаптации, связанный с внешними условиями [2].

Так, в исследовании А.А. Дашкиной, А.В. Куца, А.А. Макбол, связанных с изучением специфики адаптации образовательных мигрантов, были проанализированы уровни адаптации в Пензенском государственном университете студентов из Индии, Туркменистана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Египта, Йемена и Нигерии, среди которых 54% юношей и 46% девушек, в соответствии с чем были выявлены типы и уровни адаптации.

Результаты говорят о следующем: показатели конформности демонстрируют готовность образовательных мигрантов строить отношения с окружающими и общее одобрение системы ценностей принимающего об-

Таблица 1
 Table 1

**Адаптивность, комфортность,
 интерактивность, депрессивность,
 отчужденность и ностальгия
 иностранных студентов в показателях
 Adaptability, comfort, interactivity,
 depression, alienation and nostalgia
 of foreign students in indicators**

Шкалы	Средний балл
Адаптивность	7,9
Комфортность	9,5
Интерактивность	9,1
Депрессивность	5,8
Ностальгия	8,1
Отчужденность	7,1

щества. Показатели депрессивности говорят, что образовательные мигранты не склонны к депрессии, а это иллюстрирует готовность реализовать свои ожидания, связанные с социальной и профессиональной подготовкой. Показатели ностальгии констатируют некоторые аспекты расстройства, связанного с разрывом со своей традиционной национальной культурой. Показатели отчужденности иллюстрируют некоторую затрудненность, связанную со сложностями интеграции в новую социокультурную среду [25; 24].

Основными барьерами успешной адаптации, по мнению таких исследователей, как П.Г. Гусейн-заде, А.А. Деревянченко, Ю.А. Марина, являются следующие: психологическая неуверенность (21%), личностные особенности (8%), слабое развитие саморефлексии (6%), объективные обстоятельства (16%), слабая мотивация преодоления барьеров (4%), языковой барьер (9,8%). Важное место в адаптации образовательных мигрантов занимает так называемая академическая или учебная адаптация. Отечественные исследователи О.А. Береговая, Е.В. Ключникова, С.С. Лопатина, Н.В. Отургашева, И.Б. Толстянская упоминают, что мигранты получают поддержку от преподавателей (это отмечают 31% опрошенных), и 16% ответили, что получают помощь от сотрудников кафедр и деканатов [17; 29; 23; 35; 22; 34].

Учебная адаптация образовательных мигрантов выражается и в отношении иностранных студентов к набору учебных курсов в российских вузах. Так, отечественные исследователи Т.Л. Андреева, Е.Ю. Кошелева, Ю.А. Кикенин, А.А. Мاستрюкова, Н.А. Полихина, Е.И. Самофалова, подчеркивают, что 47,3% респондентов считают набор учебных дисциплин совершенно обоснованным, а 19,8% полагают, что набор учебных дисциплин должен зависеть от уровня обучения или того или иного варианта образовательной программы, 22,4% опрошенных полагают учебную программу оптимальной, а 23,4% опрошенных студентов ратуют за увеличение лекционных часов. При этом 55,7% образовательных мигрантов ответили в опросе, что учебные часы практических занятий вполне оптимально рассчитаны, 44,4% из них считают, что времени, отведенного для изучения русского языка, недостаточно, а 20,6% полагают, что нужно увеличить часы для изучения других иностранных языков.

По данным опросов, проведенных в Томском государственном университете, которые приводят О.А. Береговая, С.С. Лопатина, Н.В. Отургашева, 58,5% считают, что российские вузы обеспечивают качественное образование, 38,5% уверены в хороших перспективах получения профессии в российском вузе, 48% имеют планы остаться жить и работать в нашей стране, а 16% имеют планы продолжить обучение в России [8; 26; 40]. По результатам исследований Н.Н. Ширковой, 70% опрошенных отметили, что студенты, с которыми они обучаются, отличаются дружелюбием и открытостью, при этом 19,15% отзываются об общении с русскими студентами как не соответствующем требованиям дружелюбия. Основным каналом общения 56,18% опрошенных считают общение со своей национальной общиной.

По данным таких исследователей, как П.С. Гаврилов, А.С. Магранов, Р.Д. Хунагов, 23,8% опрошенных все устраивает в учебном процессе, 6,5% воздержались от ответа и только 0,3% хотели бы сменить преподавателя. 3,3% считают, что нужно оптимизировать учебную программу, 0,6% отметили, что среди учебных дисциплин есть практически бесполезные, 0,9% выразили желание увеличения числа практикумов, 0,4% считают, что нужно

уменьшить объемы домашних заданий, 1,7% полагают, что нужно ввести преподавание на нескольких языках, а 0,6% хотели бы изучать другие иностранные языки [11; 44; 43].

Интересны результаты, полученные в исследовании А.Б. Бедного, О.А. Береговой, В.В. Ерофеевой, Л.В. Ерушкиной, С.С. Лопатиной, С.Ю. Мёдовой и Н.В. Отургашевой, касающиеся выбора образовательными мигрантами страны и вуза. Согласно полученным данным информацию, на основе которой было решено учиться в России и именно в данном вузе, опрошенные получили из интернета (10%), из СМИ (2%), из рекламных проспектов (3%), от преподавателей данного вуза, работающих в нашей стране (5%), от родителей и родственников (15%), от тех, кто учился в данном вузе (45%), из национального министерства образования (25%).

По результатам проведенного опроса выявлено, что определяют выбор следующие основные факторы: а) позитивное отношение общества к иностранным студентам; б) доступная цена на платное обучение; в) наличие образовательных программ с востребованными языками; г) перспективы дальнейшего трудоустройства; д) высокое качество профессионального образования (считают, что в России качественное образование — 58,5%, имеются хорошие перспективы — 38,5%, планируют остаться в России — 48%, продолжить образование планируют — 16%); е) признание выпускных документов вузов РФ во многих странах мира. 34% выбрали именно Россию для получения образования, 41% выбрали вуз, желая получить качественное образование, 23% опрошенных критерием

выбора вуза учитывали престижность избранной профессии. Выбор именно данного вуза и конкретной специальности актуальна и значима для 46% опрошенных [9; 11; 30].

Учитывая особенности адаптации иностранных образовательных мигрантов к образовательной среде российских вузов и их оценок перспектив дальнейших образовательных траекторий, у них, как отмечают российские исследователи Ю.С. Барышева, Т.А. Костюкова, А.П. Краснопольская, А.В. Ларионова, Э.И. Мещерякова, Е.Ю. Ливенцова, А.П. Фахретдинова, В.А. Федотова, формируется так называемая средовая идентичность, т.е. идентичность выбранной профессии, идентичность вуза, города и региональная идентичность, которая, во-первых, является дополнительной идентичностью наряду с их национально-этнической идентичностью, во-вторых, средовая идентичность является актуальной формой сокращения социальной дистанции и, в-третьих, она работает как эффективный механизм интеграции иностранного образовательного мигранта не только в образовательную среду вуза, но также города и региона [8; 26; 40].

Как отмечают в своих исследованиях А.В. Куц и А.А. Дашкина, средовая идентичность, выражающая механизмы интеграции иностранных образовательных мигрантов в социальную среду вуза, города и региона, включает в себя элементы социальной идентичности как главные характеристики социального портрета иностранного образовательного мигранта, такие как социально-демографические показатели, элементы социокультурной идентичности в виде осознания

Таблица 2
Table 2

Уровни средовой (социокультурной и региональной) идентичности
Levels of environmental (socio-cultural and regional) identity

Тип и уровень идентичности	Результаты диагностики
<i>Социокультурная идентичность</i>	
Позитивный результат	32%
Негативный результат	12%
<i>Региональная идентичность</i>	
Позитивный результат	40%
Негативный результат	16%

включения его в новое социокультурное пространство, элементы городской и региональной идентичности как осмысление принадлежности к соответствующему городскому и региональному сообществу, элементы вузовской идентичности и идентичности приобретаемой профессии. Как очевидно, средовая идентичность является многоуровневой.

Позитивный результат характеризует положительные представления о социальном пространстве, сокращение социальной дистанции, способность эффективно адаптироваться и явные признаки интеграции образовательного мигранта в соответствующую социальную среду. Негативный результат выражает пассивную адаптацию, низкий уровень оценки социального пространства, отсутствие способностей к конструктивному взаимодействию и недостаточную интегрированность в социальную среду [24].

Позитивная средовая идентичность, включающая в себя профессиональную, вузовскую, социокультурную городскую и региональную идентичности, выражает по мнению таких исследователей, как А. К. Абдырахманова, Е. П. Ашеева, Г. Н. Горяинова, Л. Е. Зеленина, М. Н. Кожевникова, Е. С. Литвинова, К. А. Митрофанова, способность и готовность к межкультурному сотрудничеству, что является важнейшим фактором интеграции иностранного образовательного мигранта в соответствующую социальную среду [20; 28; 21].

Основные результаты. Установлено то, что социальный портрет современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах является общей характеристикой некоторой социальной группы, которая выражается в наиболее существенных способах восприятия и отображения наличной социальной реальности, что находит свое выражение в некоторой системе параметрических черт (статистических, социально-демографических, этнонациональных, социологических) и совокупности характерологических особенностей (социально-психологических и социокультурных свойств) представителей данной социальной группы.

Показано, что рассмотрение социального портрета современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах под углом зрения его интеграции в образо-

вательное пространство учебного заведения связано с такими процессуальными характеристиками, как адаптация к новым условиям, сокращение социальной дистанции и обретение средовой идентичности.

Обосновано, что адаптация современного иностранного образовательного мигранта в российских вузах к жизни в принимающем обществе является сложным процессом, включающим в себя социокультурную, социально-психологическую, педагогическую, языковую, социально-бытовую и другие составляющие, в соответствии с чем необходимо выделять субъективный или личностный уровень адаптации, объективный уровень адаптации, связанный с внешними условиями.

Показано, что на основе успешной адаптации формируется так называемая средовая идентичность, т.е. идентичность выбранной профессии, идентичность вуза, города и региональная идентичность, которая, во-первых, является дополнительной идентичностью наряду с их национально-этнической идентичностью, во-вторых, средовая идентичность является актуальной формой сокращения социальной дистанции и, в-третьих, она работает как эффективный механизм интеграции иностранного образовательного мигранта не только в образовательную среду вуза, но также города и региона.

Установлено, что средовая идентичность, выражающая механизмы интеграции иностранных образовательных мигрантов в социальную среду вуза, города и региона включает в себя элементы социальной идентичности как главные характеристики социального портрета иностранного образовательного мигранта, такие как социально-демографические показатели, элементы социокультурной идентичности в виде осознания включения его в новое социокультурное пространство, элементы городской и региональной идентичности как осмысление принадлежности к соответствующему городскому и региональному сообществу, элементы вузовской идентичности и идентичности приобретаемой профессии.

Список источников

1. Аванесова Е. Г. Формирование гражданской идентичности: о специфике этничес-

кой политики РФ // Гуманитарный научный вестник. 2021. №5. С. 93–98.

2. Авдоница Д. С., Бочкарева Ю. В., Булганина С. В. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Современные научные исследования и инновации. 2016. №11(67). С. 784–787.

3. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах [Электронный ресурс]. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с. URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/be8/inostrannye_stydney.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

4. Арсентьева В. А. Работающий студент: социологический портрет [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3146–3150. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970956.htm>.

5. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование как феномен культурного поля: монография. СПб.: СПГУТД, 2014. 188 с.

6. Багдасарова А. Б., Попов М. Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. №5. С. 110–114.

7. Балицкая И. В. Поликультурные аспекты образования: учебное пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 168 с.

8. Барышева Ю. С., Краснопольская А. П. Трансформация идентичности в условиях социокультурного пространства мегаполиса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. №6(68). С. 108–115.

9. Бедный А. Б., Ерушкина Л. В. Нижний Новгород глазами иностранных студентов: социологический анализ. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2011. 58 с.

10. Безкоровайная Л. С. и др. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: монография. Томск: Томский политехнический ун-т, 2011. 203 с.

11. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. №2(38). С. 108–118.

12. Богачева Г. Г. Пути формирования гражданской, этнической и социальной иден-

тичности учащихся средствами лингвокраеведения [Электронный ресурс] // Проблемы и перспективы развития образования: материалы V Международной науч. конференции (г. Пермь, март 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 109–112. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/101/5269/> (дата обращения: 28.02.2023).

13. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2009. №387–388. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (дата обращения: 12.04.2018).

14. Демина А. В. Актуальность изучения образовательных миграций [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. №16(202). С. 267–268. URL: <https://moluch.ru/archive/202/49544/> (дата обращения: 24.02.2023).

15. Джуринский А. Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. М.: Юрайт, 2023. 257 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511312> (дата обращения: 14.02.2023).

16. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.

17. Гусейн-заде П. Г., Деревянченко А. А. Иностранные студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. №1. С. 139–151.

18. Замотин М. П. Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов // Дискурс. 2016. №5. С. 77–86.

19. Зангиева И. К., Сулейманова А. Н. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №5. С. 127–146.

20. Зеленина Л. Е., Митрофанова К. А., Абдырахманова А. К., Ашеева Е. П. Интеграция иностранных студентов в образовательную среду медицинского университета: опрос студентов // Педагогическое образование в России. 2021. №2. С. 90–95.

21. Кожевникова М. Н. Интеграция иностранных обучающихся в образовательную среду российского вуза на основе националь-

но ориентированного подхода: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2019. 357 с.

22. Кошелева Е.Ю., Кикенина Ю.А. Трансформация учебных практик китайских студентов Российского университета [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2022. №2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31547> (дата обращения: 01.03.2023).

23. Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И., Андреева Т.Л., Мاستрюкова А.А. Организация учебного процесса в сфере внешней образовательной миграции на примере Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №73. С. 173–179.

24. Куц А.В., Дашкина А.А. Особенности социализации иностранных студентов в поликультурной среде вуза [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование: электронный научный журнал. 2021. №4(82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465> (дата обращения: 21.02.2023).

25. Куц А.В., Макбол А.О., Дашкина А.А. Программа профилактических мероприятий с иностранными студентами Пензенского государственного университета // Межкультурная коммуникация в современном мире. Материалы VIII Международной науч.-практ. конференции иностранных студентов. Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. С. 85–91.

26. Ларионова А.В., Мещерякова Э.И., Ливенцова Е.Ю., Фахретдинова А.П., Костюкова Т.А. Проблемы формирования средовой идентичности образовательных мигрантов (на примере города Томска) // Человек и культура. 2019. №6. С. 98–105.

27. Левичева Е.В., Лебедева О.А. Иностранный студент как феномен современного образовательного пространства [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2017. №5. С. 118–122. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36680> (дата обращения: 17.02.2023).

28. Литвинова Е.С., Горяинова Г.Н. Некоторые аспекты процесса адаптации иностранных обучающихся в отечественных вузах [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2021. №1(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-protssessa-adaptatsii-inostrannyh-obuchayuschih-sya-v-otechestvennyh-vuzah>.

29. Марина Ю.А. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Известия Волгоградского педагогического университета. 2018. №3(126). С. 41–46.

30. Мёдова С.Ю., Ерофеева В.В. Изучение особенностей и механизмов выбора иностранными студентами российского вуза для обучения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2022. №2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31553> (дата обращения: 27.02.2023).

31. Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. 2017. №1. С. 181–188.

32. Мультикультурная среда образования в поликонфессиональном социуме [Электронный ресурс] // URL: <http://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (дата обращения: 14.02.2023).

33. Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т.31. №2. С. 149–166.

34. Полихина Н.А., Толстянская И.Б. Проблемы адаптации иностранных студентов в России // Социологические исследования. 2020. №11. С. 149–156.

35. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: колл. монография. Томск: РАУШ МБХ, 2011. 204 с.

36. Степанов А.М., Лисицын П.П. Социальный портрет современного мигранта // «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. №1. С. 104–111.

37. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики / П.О. Ермолаева, Е.П. Носкова, М.Р. Зайнуллина, А.И. Купцова, А.М. Нагимова. Казань: Артефакт, 2014. 92 с.

38. Суворова В.А., Бронников И.А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. №4. С. 131–139.

39. Трофимов Е.А., Трофимова Т.И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации // Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. 293 с.

40. Федотова В. А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. №2. С. 109–122.
41. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. Т. 20. №1. С. 50–54.
42. Хомерики Е. А. Основные моменты социологического подхода к моделированию качества высшего образования [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2013. №11(58). С. 755–759. URL: <https://moluch.ru/archive/58/8213/> (дата обращения: 15.02.2023).
43. Хунагов Р. Д., Магранов А. С., Гаврилов П. С. Адаптация учебных мигрантов в российских вузах: современные научные подходы и мнения иностранных студентов // Гуманитарий Юга России. 2021. №6. С. 174–185.
44. Ширкова Н. Н. Специфика межкультурной коммуникации иностранных студентов в системе высшего образования [Электронный ресурс] // Современная педагогика. 2015. №12. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/12/5152> (дата обращения: 25.11.2022).
45. Эль-Сибай Н. М. Социологический портрет современного мигранта [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2015. №2-25. С. 5689–5692. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38489> (дата обращения: 06.02.2023).
46. Ярмач О. В., Дерюгин П. П., Ярмач В. Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. №5(4). С. 53–64.
47. Agrawal T. Who gains more from education? A comparative analysis of business, farm and wage workers in India // Journal of Development Studies. 2019. Vol. 55. №6. P. 1081–1098.
48. Faist T. Transnationalism // Routledge International Handbook of Migration Studies. New York, Routledge, 2013. P. 449–459.
49. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press [Electronic resource]. New York: Routledge, 1991. 254 p. URL: <http://onscene.ru/Language-in-the-news-discourse-and-ideology-in-the-press-Roger-Fowler/2/babbgcj>.
50. Guetto R. Family arrangements and children's educational outcomes: heterogeneous penalties in upper-secondary school // Demographic Research. 2019. Vol. 40. P. 1015–1046.
51. Haghighi N. F. An analysis of major social obstacles affecting human resource development in Iran // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2019. Vol. 29. №3. P. 372–388.
52. Hart C. Event-construal in press reports of violence in two recent political protests: A cognitive linguistic approach to CDA // Journal of Language and Politics. 2013. Vol. 12. №3. P. 400–423.
53. Nagornaja A. V., Chilton P. Language, space and mind: Conceptual geometry of linguistic meanings: (Summary) // METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies. 2016. №6. P. 251–269.
54. Van der Valk I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France // In: Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000. P. 221–260.

References

1. Avanesova E. G. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti: o specifike jetnicheskoy politiki RF [Formation of civic identity: on the specifics of ethnic policy of the Russian Federation]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]*. 2021; (5): 93–98. (In Russ.).
2. Avdonina D. S., Bochkarjova Ju. V., Bulgagina S. V. Problemy adaptacii inostrannyh studentov v rossijskih vuzah [Problems of adaptation of foreign students in Russian universities]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii [Modern scientific research and innovation]*. 2016; 11(67): 784–787. (In Russ.).
3. Aref'ev A. L., Sheregi F. Je. Inostrannye studenty v rossijskih vuzah [Foreign students in Russian universities] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Centr sociologicheskikh issledovanij, 2014. 228 p. URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/be8/inostrannye_stydeny.pdf (data obrashhenija: 20.12.2020). (In Russ.).
4. Arsent'eva V. A. Rabotajushhij student: sociologicheskij portret [Working student: a sociological portrait] [Elektronnyj resurs]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodological electronic journal «Concept»]*. 2017; (39): 3146–3150. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970956.htm>. (In Russ.).
5. Afanas'eva A. B. Jetnokul'turnoe obrazovanie kak fenomen kul'turnogo polja: monografija [Ethno-cultural education as a phe-

nomenon of the cultural field: monograph]. Saint Petersburg: SPGUTD, 2014. 188 p. (In Russ.).

6. Bagdasarova A.B., Popov M.E. Grazhdanskaja i jetnokul'turnaja identichnost' v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoj Rossii [Civic and ethno-cultural identity in the educational space of modern Russia]. *Observatorija kul'tury* [Observatory of Culture]. 2007; (5): 110–114. (In Russ.).

7. Balickaja I.V. Polikul'turnye aspekty obrazovaniya: uchebnoe posobie [Multicultural aspects of education: textbook]. Juzhno-Sahalinsk: SahGU, 2011. 168 p. (In Russ.).

8. Barysheva Ju. S., Krasnopol'skaja A.P. Transformacija identichnosti v usloviyah sociokul'turnogo prostranstva megapolisa [Transformation of identity in the conditions of the socio-cultural space of the metropolis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015; 6(68): 108–115. (In Russ.).

9. Bednyj A.B., Erushkina L.V. Nizhnij Novgorod glazami inostrannyh studentov: sociologicheskij analiz [Nizhny Novgorod through the eyes of foreign students: a sociological analysis]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N.I. Lobachevskogo, 2011. 58 p. (In Russ.).

10. Bezkorovajnaja L.S. et al. Portret obrazovatel'nogo migranta. Osnovnye aspekty akademicheskoy, jazykovoy i sociokul'turnoy adaptacii: monografija [Portrait of an educational migrant. Basic aspects of academic, linguistic and socio-cultural adaptation: monography]. Tomsk: Tomskij politehnicheskij un-t, 2011. 203 p. (In Russ.).

11. Beregovaja O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Bar'ery sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov v rossijskikh vuzah [Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of science and education]. 2019; 2(38): 108–118. (In Russ.).

12. Bogacheva G.G. Puti formirovaniya grazhdanskoy, jetnicheskoy i social'noj identichnosti uchashhihsja sredstvami lingvokraevedeniya [Ways of formation of civil, ethnic and social identity of students by means of linguo-regional studies] [Elektronnyj resurs]. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoj nauch. konferencii (g. Perm', mart 2014 g.) [Problems and prospects of educa-

tion development: materials of the V International Scientific Conference (Perm, March 2014)]. Perm': Merkurij, 2014. P. 109–112. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/101/5269/> (data obrashheniya: 28.02.2023). (In Russ.).

13. Vyhovenec O.D. Obrazovatel'naja migracija kak chast' migracionnoj politiki Rossii [Educational migration as part of the migration policy of Russia] [Elektronnyj resurs]. *Demoskop Weekly*. 2009; (387–388). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (data obrashheniya: 12.04.2018). (In Russ.).

14. Demina A.V. Aktual'nost' izucheniya obrazovatel'nyh migracij [The relevance of studying educational migrations] [Elektronnyj resurs]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2018; 16(202): 267–268. URL: <https://moluch.ru/archive/202/49544/> (data obrashheniya: 24.02.2023). (In Russ.).

15. Dzhurinskij A.N. Polikul'turnoe obrazovanie v mnogonacional'nom sociume: uchebnik i praktikum dlja vuzov [Multicultural education in a multinational society: textbook and workshop for universities] [Elektronnyj resurs]. Obrazovatel'naja platforma Jurajt [Educational platform Yurajt]. Moscow: Jurajt, 2023. 257 p. URL: <https://urait.ru/bcode/511312> (data obrashheniya: 14.02.2023). (In Russ.).

16. Drobizheva L.M. Rossijskaja identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (8): 37–50. (In Russ.).

17. Gusejn-zade P.G., Derevjanchenko A.A. Inostrannye studenty v rossijskikh vuzah [Foreign students in Russian universities]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2021; (1): 139–151. (In Russ.).

18. Zamotin M.P. Obrazovatel'naja migracija v migracionnyh issledovanijah rossijskikh avtorov [Educational migration in migration studies of Russian authors]. *Diskurs* [Discourse]. 2016; (5): 77–86. (In Russ.).

19. Zangieva I.K., Sulejmanova A.N. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migracii [Students from CIS countries in Russia: prerequisites for migration]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2016; (5): 127–146. (In Russ.).

20. Zelenina L. E., Mitrofanova K. A., Abdurahmanova A. K., Asheeva E. P. Integracija inostrannyh studentov v obrazovatel'nuju sredu medicinskogo universiteta: opros studentov [Integration of foreign students into the educational environment of the medical University: a survey of students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2021; (2): 90–95. (In Russ.).
21. Kozhevnikova M. N. Integracija inostrannyh obuchajushhihsja v obrazovatel'nuju sredu rossijskogo vuza na osnove nacional'no orientirovannogo podhoda: dis. ... d-ra ped. nauk [Integration of foreign students into the educational environment of a Russian university based on a nationally oriented approach. Dr. Sci. (Pedagogy) diss.]. Moscow, 2019. 357 p. (In Russ.).
22. Kosheleva E. Ju., Kikenina Ju. A. Transformacija uchebnyh praktik kitajskih studentov Rossijskogo universiteta [Transformation of educational practices of Chinese students of the Russian University] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. 2022; (2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31547> (data obrashhenija: 01.03.2023). (In Russ.).
23. Kosheleva E. Ju., Samofalova E. I., Andreeva T. L., Mastrjukova A. A. Organizacija uchebnogo processa v sfere vneshnej obrazovatel'noj migracii na primere Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Organization of the educational process in the field of external educational migration on the example of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2021; (73): 173–179. (In Russ.).
24. Kuc A. V., Dashkina A. A. Osobnosti socializacii inostrannyh studentov v polikul'turnoj sfere vuza [Features of socialization of foreign students in the multicultural environment of the university] [Elektronnyj resurs]. *Universum: psihologija i obrazovanie: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Universum: psychology and education: electronic scientific journal]. 2021; 4(82). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/11465> (data obrashhenija: 21.02.2023). (In Russ.).
25. Kuc A. V., Makbol A. O., Dashkina A. A. Programma profilakticheskikh meroprijatij s inostrannymi studentami Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Program of preventive measures with foreign students of Penza State University]. *Mezhkul'turnaja kommunikacija v sovremennom mire. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii inostrannyh studentov* [Intercultural communication in the modern world. The materials of the VIII International Scientific and Practical Conference of Foreign Students]. Cheboksary: Interaktiv pljus, 2019. P. 85–91. (In Russ.).
26. Larionova A. V., Meshherjakova Je. I., Livencova E. Ju., Fahretdinova A. P., Kostjukova T. A. Problemy formirovanija sredovoj identichnosti obrazovatel'nyh migrantov (na primere goroda Tomsk) [Problems of formation of environmental identity of educational migrants (on the example of the city of Tomsk)]. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. 2019; (6): 98–105. (In Russ.).
27. Levicheva E. V., Lebedeva O. A. Inostrannyj student kak fenomen sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva [A foreign student as a phenomenon of modern educational space] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii* [Modern science-intensive technologies]. 2017; (5): 118–122. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36680> (data obrashhenija: 17.02.2023). (In Russ.).
28. Litvinova E. S., Gorjainova G. N. Nekotorye aspekty processa adaptacii inostrannyh obuchajushhihsja v otechestvennyh vuzah [Some aspects of the process of adaptation of foreign students in domestic universities] [Elektronnyj resurs]. *ANI: pedagogika i psihologija* [ANI: pedagogy and psychology]. 2021; 1(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-protsessa-adaptatsii-inostrannyh-obuchayuschih-sya-v-otechestvennyh-vuzah>. (In Russ.).
29. Marina Ju. A. Sociokul'turnaja adaptacija inostrannyh studentov k uslovijam obuchenija v rossijskikh vuzah [Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of study in Russian universities]. *Izvestija Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgogradsky pedagogical university]. 2018; 3(126): 41–46. (In Russ.).
30. Mjodova S. Ju., Erofeeva V. V. Izuchenie osobennostej i mehanizmov vybora inostrannymi studentami rossijskogo vuza dlja obuchenija [Studying the features and mechanisms of selection by foreign students of a Russian university for training] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems

of science and education]. 2022; (2). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31553> (data obrashhenija: 27.02.2023). (In Russ.).

31. Monastyrskij D.V. Grazhdanskaja identichnost': teoreticheskie podhody k issledovaniju i formirujushhie ee faktory [Civic identity: theoretical approaches to research and factors forming it]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017; (1): 181–188. (In Russ.).

32. Mul'tikul'turnaja sreda obrazovanija v polikonfessional'nom sociume [Multicultural environment of education in a multi-confessional society] [Elektronnyj resurs] // URL: <http://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (data obrashhenija: 14.02.2023). (In Russ.).

33. Nikolaev V.K. Jeksport obrazovanija v vuzah Rossii v uslovijah novoj real'nosti [Export of education in Russian universities in the conditions of a new reality]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2022; 31(2): 149–166. (In Russ.).

34. Polihina N.A., Tolstjanskaja I.B. Problemy adaptacii inostrannyh studentov v Rossii [Problems of adaptation of foreign students in Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (11): 149–156. (In Russ.).

35. Portret obrazovatel'nogo migranta. Osnovnye aspekty akademicheskoy, jazykovoj i sociokul'turnoj adaptacii: koll. monografija [Portrait of an educational migrant. The main aspects of academic, linguistic and socio-cultural adaptation: coll. monograph]. Tomsk: RAUSH MBH, 2011. 204 p. (In Russ.).

36. Stepanov A.M., Lisicyan P.P. Social'nyj portret sovremennogo migranta [Social portrait of a modern migrant]. «Teleskop»: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij [«Telescope»: Journal of sociological and marketing research]. 2022; (1): 104–111. (In Russ.).

37. Social'nyj portret naselenija: metodologija, osnovnye karakteristiki [Social portrait of the population: methodology, main characteristics]. P.O. Ermolaeva, E.P. Noskova, M.R. Zajnulina, A.I. Kupcova, A.M. Nagimova. Kazan': Artifakt, 2014. 92 p. (In Russ.).

38. Suvorova V.A., Bronnikov I.A. Mezhdunarodnaja obrazovatel'naja migracija kak «resurs mjagkoj sily» v jepohu globalizacii [International educational environment as a «soft power resource» in the era of globalization]. *Upravlenie* [Management]. 2019; (4): 131–139. (In Russ.).

39. Trofimov E.A., Trofimova T.I. Osobennosti uchebnoj migracii v uslovijah globalizacii [Features of educational migration in the context of globalization]. Tendencii i problemy v jekonomike Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konferencii [Trends and problems in the Russian economy: theoretical and practical aspects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Irkutsk: Izd-vo BGU, 2017. 293 p. (In Russ.).

40. Fedotova V.A. Vlijanie akkul'turacionnyh strategij, jetnicheskoy identichnosti, kul'turnoj distancii na sociokul'turnuju adaptaciju studentov iz arabskih stran [Influence of acculturation strategies, ethnic identity, cultural distance on socio-cultural adaptation of students from Arab countries]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social psychology and society]. 2022; 13(2): 109–122. (In Russ.).

41. Florinskaja Ju. F., Mkrtchan N.V. Migracija v Rossiju: samyj nizkij uroven' za desjatiletie [Migration to Russia: the lowest level in a decade]. *Jekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. 2021; 20(1): 50–54. (In Russ.).

42. Homeriki E.A. Osnovnye momenty sociologicheskogo podhoda k modelirovaniju kachestva vysshego obrazovanija [The main points of the sociological approach to the model of the quality of higher education] [Elektronnyj resurs]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2013; 11(58): 755–759. URL: <https://moluch.ru/archive/58/8213/> (data obrashhenija: 15.02.2023). (In Russ.).

43. Hunagov R.D., Magranov A.S., Gavrilov P.S. Adaptacija uchebnyh migrantov v rossijskikh vuzah: sovremennye nauchnye podhody i mnenija inostrannyh studentov [Adaptation of educational grants in Russian universities: modern scientific approaches and opinions of foreign students]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2021; (6): 174–185. (In Russ.).

44. Shirkova N.N. Specifika mezhkul'turnoj kommunikacii inostrannyh studentov v sisteme vysshego obrazovanija [Specificity of intercultural communication of foreign students in the system of higher education] [Elektronnyj resurs]. *Sovremennaja pedagogika* [Modern pedagogy]. 2015; (12). URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/12/5152> (data obrashhenija: 25.11.2022). (In Russ.).

45. Jel'-Sibai N.M. Sociologicheskij portret sovremennogo migranta [Sociological portrait of a modern migrant] [Jelektronnyj resurs]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research]. 2015; (2–25): 5689–5692. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38489> (data obrashhenija: 06.02.2023). (In Russ.).
46. Jarmak O. V., Derjugin P. P., Jarmak V. E. Social'nyj portret sovremennogo studenta [Social portrait of a modern student]. *Diskurs* [Discourse]. 2019; 5(4): 53–64. (In Russ.).
47. Agrawal T. Who gains more from education? A comparative analysis of business, farm and wage workers in India // *Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 55. №6. P. 1081–1098.
48. Faist T. Transnationalism // *Routledge International Handbook of Migration Studies*. New York, Routledge, 2013. P. 449–459.
49. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press [Electronic resource]. New York: Routledge, 1991. 254 p. URL: <http://onscene.ru/Language-in-the-news-discourse-and-ideology-in-the-press-Roger-Fowler/2/babbgcj>.
50. Guetto R. Family arrangements and children's educational outcomes: heterogeneous penalties in upper-secondary school // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1015–1046.
51. Haghighi N. F. An analysis of major social obstacles affecting human resource development in Iran // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2019. Vol. 29. №3. P. 372–388.
52. Hart C. Event-construal in press reports of violence in two recent political protests: A cognitive linguistic approach to CDA // *Journal of Language and Politics*. 2013. Vol. 12. №3. P. 400–423.
53. Nagornaja A. V., Chilton P. Language, space and mind: Conceptual geometry of linguistic meanings: (Summary) // *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*. 2016. №6. P. 251–269.
54. Van der Valk I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France // In: *Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states*. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000. P. 221–260.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.
The article was submitted on 28.02.2023; approved after reviewing on 18.03.2023; accepted for publication on 04.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Юрий Григорьевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yury G. Volkov — Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Scientific Supervisor of the South Russian Branch of Science of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Курбатов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Область научных интересов: логика и методология социального познания, социальное проектирование и прогнозирование, социология коммуникации, социальная коммуникация в информационном обществе. Автор более 100 научных публикаций, в том числе 5 с грифом Министерства. Общий стаж работы в отрасли высшего образования — более 30 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Vladimir I. Kurbatov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: logic and methodology of social cognition, social design and forecasting, sociology of communication, social communication in the information society. Author of more than 100 scientific publications, including 5 with the stamp of the Ministry. Total work experience in the field of higher education is more than 30 years.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Гаврилов Павел Сергеевич — аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Pavel S. Gavrillov — Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 316.354.2
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-35-44

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ОРГАНИЗАЦИЮ РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМИ ПАЦИЕНТАМИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Игнат Викторович Богдан^{1✉}, Галина Дмитриевна Петрова²,
Дарья Павловна Чистякова³

^{1, 2, 3}Научно-исследовательский институт организации здравоохранения
и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы,
Москва, Россия

¹bogdaniv@zdrav.mos.ru✉, ORCID: 0000-0002-7002-1646, SPIN-код: 1891-5081

²petrovagd@zdrav.mos.ru, ORCID: 0000-0001-9919-2548, SPIN-код: 3165-4691

³chistyakovadp@zdrav.mos.ru, ORCID: 0000-0002-8729-9898, SPIN-код: 8799-0909

Аннотация. Современный взгляд на медицину свидетельствует в пользу важности рассмотрения человека не просто как организма, но в его биопсихосоциальной целостности. Это говорит о необходимости компетентной работы с социокультурными факторами при оказании медицинской помощи пациенту. Особенно это важно при экспорте медицинских услуг, когда шанс встречи с представителями других культур велик.

Цель исследования. Выявление наличия социокультурных факторов (в первую очередь, связанных с религией), которые имеют значимое влияние при организации помощи иностранным пациентам, а также предложение подходов по работе с ними.

Методология исследования. Проведено пять фокус-групп с гражданами стран бывшего СССР, получавших помощь в России. Отдельное внимание было уделено религиозным аспектам, имеющим определяющее влияние на мировоззрения людей.

Результаты исследования. Основные темы социокультурных особенностей возникали в фокус-группах с мусульманами. Две самые важные темы для информантов — обеспечение оказания помощи специалистами одного пола с пациентом и возможности для получения халяльной пищи. Видится, что учет данных культурных особенностей может значимым образом повысить привлекательность медицинских организаций для пациентов-мусульман.

Для работы с социокультурными нюансами предоставления медицинской помощи в статье предложено два пути. Первый — общее развитие межкультурных компетенций медицинских работников в целом среди всех групп персонала. Второй — концентрация компетенций в руках отдельных сотрудников, таких как координаторы по работе с иностранными пациентами. При этом даже во втором случае рекомендовано развивать культурно-чувствую корпоративную культуру в медицинских организациях.

Ключевые слова: медицинский туризм, религия, ислам, социологическое исследование, фокус-группы, СНГ

Для цитирования: Богдан И. В., Петрова Г. Д., Чистякова Д. П. Влияние социокультурных факторов на организацию работы с иностранными пациентами: социологический анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 35–44. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-35-44>.

Благодарности: авторы выражают благодарность всем членам проекта, которые участвовали в проведении фокус-группового исследования: Е. И. Аксеновой, Р. Г. Гатаулину, С. И. Грин, К. К. Крюковой, А. В. Праведникову, А. В. Радецкой.

Original article

THE INFLUENCE OF SOCIO-CULTURAL FACTORS ON THE ORGANIZATION OF WORK WITH FOREIGN PATIENTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Ignat V. Bogdan^{1✉}, Galina D. Petrova², Darya P. Chistyakova³

^{1, 2, 3}*Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia*

¹*bogdaniv@zdrav.mos.ru✉, ORCID: 0000-0002-7002-1646, SPIN-code: 1891-5081*

²*petrovagd@zdrav.mos.ru, ORCID: 0000-0001-9919-2548, SPIN-code: 3165-4691*

³*chistyakovadp@zdrav.mos.ru, ORCID: 0000-0002-8729-9898, SPIN-code: 8799-0909*

Abstract. *The modern view of medicine testifies in favor of the importance of considering a person not just as an organism, but in its biopsychosocial integrity. This indicates the need for competent work with socio-cultural factors in the provision of medical care to the patient. This is especially important when exporting medical services, when the chance of meeting with representatives of other cultures is great.*

The purpose of the study. *Identification of the presence of socio-cultural factors (primarily related to religion) that have a significant impact on the organization of assistance to foreign patients, as well as the proposal of approaches to work with them.*

Research methodology. *Five focus groups were conducted with citizens of the former USSR countries who received assistance in Russia. Special attention was paid to religious aspects that have a decisive influence on people's worldviews.*

The results of the study. *The main topics of socio-cultural peculiarities arose in focus groups with Muslims. The two most important topics for informants are ensuring the provision of assistance by specialists of the same sex with the patient and the possibility of obtaining halal food. It seems that taking into account these cultural characteristics can significantly increase the attractiveness of medical organizations for Muslim patients.*

To work with the socio-cultural nuances of providing medical care, the article suggests two ways. The first is the general development of cross-cultural competencies of medical workers in general among all groups of personnel. The second is the concentration of competencies in the hands of individual employees, such as coordinators for working with foreign patients. At the same time, even in the second case, it is recommended to develop a culturally sensitive corporate culture in medical organizations.

Keywords: *medical tourism, religion, Islam, sociological research, focus groups, CIS*

For citation: Bogdan I. V., Petrova G. D., Chistyakova D. P. The influence of socio-cultural factors on the organization of work with foreign patients: a sociological analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 35–44. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-35-44>.

Acknowledgements: *the authors express their gratitude to all members of the project who participated in the focus group study: E. I. Aksenova, R. G. Gataulin, S. I. Green, K. K. Kryukova, A. V. Righteous, A. V. Radetskaya.*

Введение. Медицина является искусством лечения болезней, в этой связи обязанности медицинских работников в организациях системы здравоохранения зачастую сконцентрированы на физических аспектах помощи. Однако представители медицинской науки не могли обходить вниманием и социальный контекст — в последние десятилетия исследователи говорят в противоположность «биомедицинскому подходу» о «биопсихосоциальном подходе» [6; 12; 15]. Сегодня при лечении всё чаще во внимание принимается не только биологический исход (например, факт удаления опухоли), но и возможное изменение качества жизни человека [4].

Если мы говорим о важности человека как биологической, психологической и социальной единицы, то отводим важную роль социально-культурным особенностям пациента при коммуникации с ним и создании условий для оказания медицинской помощи. Сегодня исследователи говорят о необходимости «культурно-компетентного» оказания медицинской помощи [19]. Особую значимость данный подход принимает при реализации экспорта медицинских услуг, когда шансы встречи с человеком, чей культурно обусловленный взгляд на мир значимым образом отличается, существенным образом возрастают.

В этой связи мы обращаемся к вопросу того, как учесть эти социально-культурные факторы при коммуникации с пациентами различных культур при оказании медицинских услуг иностранцам в нашей стране. Данная тема будет рассмотрена в статье в следующих аспектах:

1) фокусом нашего исследования выступает оказание помощи в России, а при рассмотрении пациентов мы обратимся в первую очередь к странам бывшего СССР, так как именно на эти страны приходится большая доля экспорта медицинских услуг [5; 7]. Для увеличения привлекательности нашей системы здравоохранения для граждан бывшего СССР видится важным учитывать культурные особенности медицинской помощи;

2) среди социально-культурных факторов мы отводим важнейшую роль религиозной традиции, в которой социальные иссле-

дователи видят источник менталитета [11] или называют ее одной из наиболее важных движущих сил для человека [18]. Исследования показывают высокую приверженность традиционным религиям в странах бывшего СССР и СНГ, в первую очередь — христианству (православию) и исламу¹. Соответственно, высок шанс встречи с пациентом, для которого ряд культурных аспектов в данной связи будет крайне важным.

Исследователи отмечают, что социокультурные предпочтения приверженцев православной религии не приводят к клиническим особенностям взаимодействия с ними [19]. Нюансами могут выступать важность доступа к определенным таинствам или наличие дней поста. Однако в последнем случае, как правило, подход к пищевым ограничениям может быть гибким из-за болезни [19]. Таинства же могут реализоваться в стационарах, в том числе силами больничных храмов [8].

Среди убеждений, которые можно рассматривать как критичные — запрет на такие процедуры, как аборт (без медицинских показаний [3]) и эвтаназия [14]. Также неприемлемость аборт в случае с христианством может приводить к неприятию лекарств, изготовленных с применением abortивного материала [20].

Для мусульман клинические последствия проявляются в более явном виде. Число ограничений в случае ислама значительно — помимо запрета аборта с определенного срока беременности [3; 20] и эвтаназии (что является характерным в целом для традиционных религий [14]), есть значительно более строгие особенности питания и применения лекарственных средств [16], более строгие требования относительно времени и формы молитвы [13], требования по поводу вскрытия и похоронного ухода [17], особенности трансплантации и т.д. Например, трансплантация органа и переливание крови считается допустимым от живого донора, исповедующего ислам и давшего на это свое согласие [3].

Клиническими ограничениями выступают требование наличия лечащего персонала одного пола с пациентом, а также запрет применения свиных вакцин, сывороток и т.д. Ис-

¹ См., например: Религиозная (конфессиональная) структура населения стран мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0161/analit06.php> (дата обращения: 11.03.2022).

ключением являются экстренные ситуации [3; 16; 19].

По итогам краткого обзора можно предположить, что в эмпирическом исследовании мы увидим данные особенности именно ислама в контексте оказания медицинской помощи с поправкой на степень религиозности пациента.

Безусловно, ислам и православие — не единственные религии на рассматриваемой территории, немало сторонников буддизма, иных христианских религий и т.д., которые также обладают своей культурной спецификой [3; 14; 16; 17; 19; 20]. Однако в данной статье мы остановимся на данных двух конфессиях как наиболее распространенных.

Таким образом, цель исследования — выявление наличия социокультурных факторов (в первую очередь, связанных с религией), которые имеют значимое влияние при организации помощи иностранным пациентам, а также предложение подходов по работе с ними.

Методы. Исследование было проведено в 3–7 декабря 2020 года методом фокус-групп. Было проведено 5 фокус-групп с жителями стран бывшего СССР, которые пользовались медицинскими услугами в России. 4 группы были однородными по возрасту (группы 18–34 лет и группы 35+), сбалансированными по полу, одна группа была проведена с иностранными студентами медицинских вузов России (как с потенциальными «промоутерами» отечественного здравоохранения среди соотечественников). В среднем в каждой группе принимали участие 8 информантов.

Для учета культурно-религиозной специфики в 3 группах обязательно присутствовали мусульмане (две из них полностью состояли из последователей ислама), остальные участники были представителями иных конфессий и убеждений. Стоит отметить специфику выборки: в большей степени в ней были представлены люди невысокого дохода, работающие или учащиеся в России; преимущественный опыт их обращения к услугам здравоохранения был связан с «массовыми» видами оказания услуг, такими как скорая или поликлиническая государственная медицинская помощь.

Результаты. В целом в пользу нашей гипотезы о важной роли религии в процессе оказания медицинской помощи можно отметить, что иных культурных особенностей, кроме культурной близости народов СССР в плане истории и родственных/дружеских связей, которые могут повлиять на процесс оказания медицинской помощи, активно не обсуждалось. В то же время культурно-религиозный контекст не возникал спонтанно при обсуждении медицинских услуг, однако по поводу «халяльной» медицины были получены комментарии информантов-мусульман.

При анализе фокус-групп моменты, имеющие отношение к гендерным аспектам и питанию, были выделены как существенные. Совпадение пола врача и пациента действительно является значимым для большинства пациентов-мусульман, особенно важным это является в случае осмотра у врачей-гинекологов/урологов, или в целом тех случаев, когда пациенту необходимо раздеваться: *«Многие мужчины говорят: “Какая разница, главное — врач!”, но в глубине души они хотят, чтобы их жёны ходили к женским врачам»* (Б., ж., 34 года, Киргизия); *«Если там гинекологическое, что-то такое посерьёзней [укола], было бы лучше если бы мужчин обслуживали мужчины, а женщин — женщины»* (А., м., 23 года, Таджикистан); *«Да, я тоже хочу, чтобы женщина была. Хотя было такое, когда “скорая” приехала, были мужчины. Но это же врач, что делать?»* (Д., ж., 55 лет, Таджикистан).

Последнее высказывание, а также в целом не категорический тон может говорить о том, что информанты готовы идти на компромисс в случае экстренной помощи, что соответствует полученным данным литературы. При этом ряд респондентов более молодого возраста и более светские (хотя и идентифицирующие себя как мусульмане) не придают вопросу пола такого внимания: *«Главное, чтобы врач был квалифицированным: мужчина — значит мужчина»* (А., ж., 34 года, Туркменистан).

Что касается питания, видно, что разговор идет в первую очередь о стационарной помощи, и данный аспект признается респондентами важным: *«Халяль — это очень важно. Если человек лежит в больнице, если он оплачивает даже это койко-место, ему*

положено питание. И если питание будет не халяль, всё, на этом всё сразу перечеркнется» (А., ж., 34 года, Туркменистан).

Опять же, несмотря на обозначенную важность халяльной пищи, высказывалось мнение, что, находясь в России, не совсем корректным будет требовать ее предоставления в государственных медучреждениях, а также что болезнь может налагать послабления: «Ну, конечно, для мусульман халяль — это отлично. Но если я приехал в страну, я не могу сказать: “Дайте мне халяль, я там [мусульманин] ...”» (Н., м., 43 года, Киргизия); «Для того чтобы выжить, ну, как бы были послабления [по питанию]» (Р., м., 45 лет, Туркменистан).

Показательно, что о частных аспектах, таких как вопросы эвтаназии, аборта, использования определенных материалов в лекарствах, организации места для молитв, респондентами не было ничего сказано, возможно, по причине того, что они не являются первоочередными для информантов.

Обсуждение. По результатам исследования мы видим: несмотря на мнение верующих людей в нашей выборке о возможных уступках в плане следования канону (например, в отношении гендерных вопросов и соблюдения ограничений в питании) в случае исключительной, критической ситуации, в целом видится, что указанные факторы будут способствовать психологическому комфорту пациента и при прочих равных условиях пациент скорее выберет организацию с возможностью оказания данной услуги. Как отмечается в литературе, учет культурных и религиозных особенностей является обязательным, т.к. способствует снижению «врачебных ошибок» [1], а также лучшему взаимодействию медицинского персонала и пациентов, которое в свою очередь может приводить к росту удовлетворенности пациента [19]. Развитие таких направлений организации медицинской помощи, как халяльная медицина, а также учет иных социально-культур-

ных особенностей может значимым образом повысить привлекательность медицинской организации для зарубежных пациентов. Нам видится, что основные требования последователей ислама при оказании плановой помощи выполнимы: обеспечение возможности сегрегации по половому признаку при оказании помощи и возможности получения халяльной диеты.

Заключение. Несмотря на важность культурно-религиозного фактора для привлекательности российских медицинских организаций, встает вопрос того, как организация может развивать данные компетенции. Видится два направления: общее развитие компетенций у медицинских работников и концентрация таких компетенций у отдельных специалистов.

Необходимо развитие культурных компетенций у медицинского персонала в целом, у специалистов различных должностей. Например, указанное находится в русле таких ориентированных на уход направлений медицинской помощи, как паллиативная служба, которая в большинстве случаев работает с пациентами с неизлечимыми заболеваниями. Внедрение паллиативного подхода в систему здравоохранения подразумевает и чуткость к индивидуальным особенностям человека, в т.ч. культурно и религиозно обусловленным². В целом, стоит отметить, что требование толерантно и одинаково внимательно относиться к пациентам с учетом их культурных и конфессиональных установок регламентируется законодательно (например, в статье 6 закона №323-ФЗ³).

Чуткость к культурным особенностям важна не только для врачей, но и для других групп персонала, например, для персонала сестринского. В данном случае понимание культурных особенностей даже более актуально, так как, например, при осуществлении медицинской реабилитации [9] или в условиях стационаров [10], как правило, сестринский персонал проводит с пациентом больше

² См., например: Планирование и оказание услуг паллиативной помощи: пособие для руководителей программ [Электронный ресурс]. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/383463/palliative-care-guide-rus.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

³ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. №323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 11.03.2022).

времени, чем врачебный. В этом случае также можно видеть, что основа для соответствующего отношения уже подготовлена. Так, в статье 4 Этического кодекса медицинской сестры России прописано, что оказание сестринской помощи должно быть «независимо от культурных, национальных, религиозных, философских или иных особенностей пациента. В случае противоречия системы мировоззрения пациента и этической концепции медицинской сестры, в рамках сестринской помощи безусловный приоритет имеет мировоззрение и мироощущение пациента»⁴.

Формой развития такого рода компетенций могут быть соответствующие тренинги и иные формы обучения [7].

Что касается второго направления, решением может выступать отдельный специалист, область компетенций которого будет включать межкультурное взаимодействие. Так, в медицинских организациях может быть введена должность квалифицированного специалиста-координатора по работе с иностранными пациентами (далее в тексте — Координатор) как связующего звена между командой по работе с иностранными гражданами и самими иностранными пациентами⁵.

Видится, что среди компетенций Координатора должны присутствовать базовые компетенции в основах культурологии (культурные, этнические, конфессиональные и другие аспекты). Говоря о религиозно-обусловленных культурных особенностях, Координатору необходимо иметь представление о роли религии в стране пациента, наиболее важных религиозных течениях и слоях населения, охваченных ими, главных религиозных убеждениях и их воздействии на население, особенно если эта страна представляет целевой рынок экспорта медицинских услуг

для данной организации. Важно не только понимать традиции и практики других культур, но и быть способным к рефлексии над собственными культурно-обусловленными представлениями о должном, которые создают соответствующую оптику для восприятия Координатором пациентов.

Точкой пересечения между двумя рассматриваемыми подходами является то, что эффективность работы Координатора в значимой степени будет зависеть от общей корпоративной философии медицинской организации, насколько она сама будет ориентирована на социально-культурный сервис, нацелена на урегулирование внутрикорпоративных и внешних конфликтов и повышение коммуникативной культуры сотрудников. Ввиду этого, даже если будет выбран путь концентрации культурных компетенций в руках отдельных сотрудников, для повышения эффективности работы с социально-культурными аспектами оказания медицинской помощи важно формирование соответствующей корпоративной культуры с соответствующими ценностями в её основе. Морально-этические нормы и принципы, закреплённые корпоративной философией, в свою очередь будут способствовать усвоению нужных ценностей сотрудниками.

Некоторые ограничения исследования. В статье был сделан упор на культурные особенности мусульман, связанные с религией. Признавая важность религии, нельзя забывать, что и другие аспекты культурного взаимодействия могут быть важны для пациента.

Также вне фокуса рассмотрения были частные нюансы в рамках одной религии (например, различие в убеждениях суннитов и шиитов в исламе [7]) и другие религии.

⁴ Этический кодекс медицинской сестры России. См., например, на сайте POOMC: URL: <https://mos-medsestra.ru/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁵ Необходимость такого рода специалиста, но без конкретизации его функционала, например, отмечена в официальных методических рекомендациях: Методические рекомендации по работе с иностранными пациентами для медицинских организаций — Москва, 2020. URL: <https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/034/original/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%BB%D1%8F%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf?1606730031> (дата обращения: 03.06.2022).

Список источников

1. Агеева Н.А. Этико-правовой аспект невежества [Электронный ресурс] // Всероссийская научно-практическая конференция «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований». 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovoy-aspekt-nevezhestva> (дата обращения: 03.06.2022).
2. Аксенова Е.И. Получение медицинских услуг на территории РФ гражданами стран СНГ: инсайты для развития экспорта медицинских услуг (на материале фокус-групповых интервью) / Е.И. Аксенова, И.В. Богдан, Р.Г. Гатаулин и др. // Вестник РАМН. 2021. №76(5S). С. 581–589.
3. Бехматова А.Б. Взгляды религиозных конфессий на проведение медицинских вмешательств / А.Б. Бехматова, И.А. Ибрагимов, С.Д. Зинченко // Наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 232–236.
4. Евсина О.В. Качество жизни в медицине — важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. №1(1). С. 119–133.
5. Климин В.Г. Маркетинг в медицинском туризме / В.Г. Климин, Ю.А. Мальцева, А.Н. Дайхес, К.Э. Вдовин, Е.Г. Князева. М.: Комментарий, 2020. 158 с.
6. Кондратьев Г.В., Юдин С.А., Вершинин Е.Г., Хвастунова Е.П., Сидорова Д.А., Вешнева С.А. Биопсихосоциальный подход в медицине: теория и практика реализации [Электронный ресурс] // Успехи современного естествознания. 2014. №9-1. С. 14–16. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34178> (дата обращения: 03.06.2022).
7. Марков Д.И. Экспорт медицинских услуг: как повысить конкурентоспособность организаций российского здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2021. №2. С. 6–14.
8. Маслова О.М. Больничный храм в структуре медицинского учреждения: социологический анализ / О.М. Маслова, Е.А. Кантарюк // Социология религии в обществе позднего модерна. 2018. Т. 7. С. 83–88.
9. Поважная Е.Л. Роль медсестры в медицинской реабилитации больных // Медицинская сестра. 2016. №6. С. 42–45.
10. Путинцева О. Профессия медсестра [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/medsestra/> (дата обращения: 03.06.2022).
11. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. №6. С. 89–102.
12. Рассказова Е.И. Биопсихосоциальный подход к пониманию здоровья и болезни / Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2015. Т. 2. С. 17–21.
13. Стогов Д.И. Ислам: история и современность: учебное пособие по дисциплине «Религоведение». СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. 48 с.
14. Судоргин О.А. Влияние религиозных догматов основных конфессий России на характер и содержание паллиативной помощи / О.А. Судоргин, М.Ю. Карелина // Научный журнал. 2019. №11(45). С. 86–90.
15. Таратухин Е.О. Биопсихосоциальный подход — новое требование междисциплинарности // Российский кардиологический журнал. 2015. №9(125). С. 80–83.
16. Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях / К.Г. Гуревич, П.Д. Тищенко, Е.Г. Фабрикант, Б.Г. Юдин. М.: Издательство МГУ, 2007. 92 с.
17. Rumun A.J. Influence of religious beliefs on healthcare practice // International Journal of Education and Research. 2014. Vol. 2. №4. P. 37–48.
18. Swan R. Faith-Based Medical Neglect: for Providers and Policymakers // Journ Child Adol Trauma. 2020. №13. P. 343–353.
19. Swihart D.L. Cultural Religious Competence in Clinical Practice / D.L. Swihart, S. N.S. Yarrarapu, R.L. Martin [Electronic resource] // StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2022. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK493216/> (date accessed: 03.06.2022).
20. Tomkins A. Controversies in faith and health care / A. Tomkins, J. Duff, A. Fitzgibbon et al. // Lancet. 2015. №386(10005). P. 1776–1785.

References

1. Ageeva N.A. Jetiko-pravovoj aspekt nevezhestva [Ethical and legal aspect of ignorance] [Elektronnyj resurs]. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Novye tendencii v obrazovanii i nauke: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij» [All-Russian scientific and practical conference «New trends in education and science: the experience of interdisciplinary research»]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovoy-aspekt-nevezhestva> (data obrashhenija: 03.06.2022). (In Russ.).
2. Aksenova E.I. Poluchenie medicinskih uslug na territorii RF grazhdanami stran SNG: insajty dlja razvitiya jeksporta medicinskih uslug (na materiale fokus-gruppovyh interv'ju) [Obtaining medical services on the territory of the Russian Federation by citizens of the CIS countries: insights for the development of medical services exports (based on focus group interviews)]. E.I. Akseknova, I.V. Bogdan, R.G. Gataulin et al. *Vestnik RAMN [Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences]*. 2021; 76(5S): 581–589. (In Russ.).
3. Behmatova A.B. Vzglyady religioznyh konfessij na provedenie medicinskih vmeshatel'stv [Views of religious confessions on medical interventions]. A.B. Behmatova, I.A. Ibragimov, S.D. Zinchenko. *Nauka i sovremennoe obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Science and modern education: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]*. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2021. P. 232–236. (In Russ.).
4. Evsina O.V. Kachestvo zhizni v medicine — vazhnyj pokazatel' sostojanija zdorov'ja pacienta (obzor literatury) [Quality of life in medicine is an important indicator of a patient's health (literature review)]. *Lichnost' v menjajushhemsja mire: zdorov'e, adaptacija, razvitie [Personality in a changing world: health, adaptation, development]*. 2013; 1(1): 119–133. (In Russ.).
5. Klimin V.G. Marketing v medicinskom turizme [Marketing in medical tourism]. V.G. Klimin, Ju. A. Mal'ceva, A.N. Dajhes, K. Je. Vdovin, E.G. Knjazeva. Moscow: Kommentarij, 2020. 158 p. (In Russ.).
6. Kondrat'ev G. V., Judin S.A., Vershinin E.G., Hvastunova E.P., Sidorova D.A., Veshneva S.A. Biopsihosocial'nyj podhod v medicine: teorija i praktika realizacii [Biopsychosocial approach in medicine: theory and practice of implementation] [Elektronnyj resurs]. *Uspehi sovremennoego estestvoznanija [Successes of modern natural science]*. 2014; (9-1): 14–16. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34178> (data obrashhenija: 03.06.2022). (In Russ.).
7. Markov D.I. Jeksport medicinskih uslug: kak povysit' konkurentosposobnost' organizacij rossijskogo zdravoohraneniya [Export of medical services: how to increase the competitiveness of Russian healthcare organizations]. *Zdorov'e megapolisa [Health of megapolis]*. 2021; (2): 6–14. (In Russ.).
8. Maslova O.M. Bol'nichnyj hram v strukture medicinskogo uchrezhdenija: sociologicheskiy analiz [Hospital temple in the structure of a medical institution: a sociological analysis]. O.M. Maslova, E.A. Kantarjuk. *Sociologija religii v obshhestve pozdnego moderna [Sociology of religion in Late Modern society]*. 2018; (7): 83–88. (In Russ.).
9. Povazhnaja E.L. Rol' medsestry v medicinskoj rehabilitacii bol'nyh [The role of a nurse in the medical rehabilitation of patients]. *Medicinskaja sestra [Medical nurse]*. 2016; (6): 42–45. (In Russ.).
10. Putinceva O. Professija medsestra [Profession nurse] [Elektronnyj resurs]. Komsomol'skaja pravda. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/obrazovanie/medsestra/> (data obrashhenija: 03.06.2022). (In Russ.).
11. Rakitjanskij N.M. Ponjatija soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoy psihologii [Concepts of consciousness and mentality in the context of political psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences]*. 2011; (6): 89–102. (In Russ.).
12. Rasskazova E.I. Biopsihosocial'nyj podhod k ponimaniju zdorov'ja i bolezni [Biopsychosocial approach to understanding health and disease]. E.I. Rasskazova, A. Sh. Thostov. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii im. V.M. Behtereva [Review of psychiatry and medical psychology named after V.M. Bekhterev]*. 2015; (2): 17–21. (In Russ.).
13. Stogov D.I. Islam: istorija i sovremennost': uchebnoe posobie po discipline «Reli-

govedenie» [Islam: history and modernity: a textbook on the discipline «Religious studies»]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2018. 48 p. (In Russ.).

14. Sudorgin O.A. Vlijanie religioznyh dogmatov osnovnyh konfessij Rossii na harakter i sodержanie palliativnoj pomoshhi [The influence of religious dogmas of the main confessions of Russia on the nature and content of palliative care]. O.A. Sudorgin, M. Ju. Karelina. *Nauchnyj zhurnal [Scientific Journal]*. 2019; 11(45): 86–90. (In Russ.).

15. Taratuhin E.O. Biopsihosocial'nyj podhod — novoe trebovanie mezhdisciplinarnosti [Biopsychosocial approach — a new requirement of interdisciplinarity]. *Rossijskij kardiologicheskij zhurnal [Russian Journal of Cardiology]*. 2015; 9(125): 80–83. (In Russ.).

16. Jeticheskie problemy okazaniya medicinskoj pomoshhi v chrezvychajnyh situacijah [Ethical problems of medical care in emer-

gency situations]. K.G. Gurevich, P.D. Tishchenko, E.G. Fabrikant, B.G. Judin. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. 92 p. (In Russ.).

17. Rumun A.J. Influence of religious beliefs on healthcare practice // *International Journal of Education and Research*. 2014. Vol. 2. №4. P. 37–48.

18. Swan R. Faith-Based Medical Neglect: for Providers and Policymakers // *Journ Child Adol Trauma*. 2020. №13. P. 343–353.

19. Swihart D.L. Cultural Religious Competence in Clinical Practice / D.L. Swihart, S. N.S. Yarrarapu, R.L. Martin [Electronic resource] // StatPearls. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2022. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK493216/> (date accessed: 03.06.2022).

20. Tomkins A. Controversies in faith and health care / A. Tomkins, J. Duff, A. Fitzgibbon et al. // *Lancet*. 2015. №386 (10005). P. 1776–1785.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 18.02.2023; принята к публикации 04.03.2023.

The article was submitted on 28.01.2023; approved after reviewing on 18.02.2023; accepted for publication on 04.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богдан Игнат Викторович — кандидат политических наук, начальник отдела медико-социологических исследований, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы.

Россия, г. Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9

Ignat V. Bogdan — Candidate of Political Sciences, Head of Medical and Social Research Division, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Healthcare Department.

9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia

Петрова Галина Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела организации здравоохранения, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы.

Россия, г. Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9

Galina D. Petrova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher Healthcare Organization Division, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Healthcare Department.

9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia

Чистякова Дарья Павловна — аналитик 2 категории, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы.

Россия, г. Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9

Darya P. Chistyakova — II category Analyst, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Healthcare Department.

9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Богдан И. В. — концепция; проведение исследования и его анализ; написание фрагмента исходного текста; доработка текста.

Петрова Г. Д. — концепция; написание фрагмента исходного текста; участие в разработке учебных программ.

Чистякова Д. П. — проведение исследования и его анализ; доработка текста.

Contribution of the authors:

Bogdan I. V. — research concept; conducting research and the analysis of the data; writing the fragment of the source text; follow-on version of the text.

Petrova G. D. — research concept; writing the fragment of the source text; participation in development of curricula and their implementation.

Chistyakova D. P. — conducting research and the analysis of the data; follow-on version of the text.

Научная статья

УДК 339.5:339.138; 339.138

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-45-59

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: ДИНАМИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Виктория Андреевна Бондаренко^{1✉}, Наринэ Аркадьевна Дадаян²,
Наталья Владимировна Гузенко³**

^{1, 2, 3}*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

¹*b14v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID РИНЦ: 187222,
AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020*

²*narinedadayan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8218-0903, AuthorID РИНЦ: 916209,
AuthorID Scopus: 57207889755*

³*musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID РИНЦ: 783633,
AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020*

Аннотация. *Цель исследования* — определение текущей ситуации, характеризующей вовлеченность потребителей в России в экологические преобразования на базе выявления в динамике их социально ответственного поведения и уточнения осознания ими серьезности экологических проблем, а также готовности принимать участие в их решении.

Методологическая база исследования. *Необходимой представляется практическая верификация данных, детерминирующих вовлеченность потребителей в осознание и в перспективе — решение экологических проблем в регионе. В статье проблематика осознания потребителями экологических проблем, реальной вовлеченности в их решение в России исследуется в динамике с выявлением существующих сложностей и детерминированием шагов по активизации экологически ответственного поведения индивидов в регионах. В качестве привлекаемых методов идентифицируются такие, как применение работы с литературными источниками, материалами СМИ, отчета специализированных исследовательских агентств и эмпирических маркетинговых исследований, реализованных представителями академической среды, анализа данных по потребительской вовлеченности в осознание экологических проблем и необходимости соответствующих преобразований, а также синтеза текущей ситуации в части реальной вовлеченности потребителей в России в осуществление экологических преобразований.*

Результаты исследования. *В качестве основных результатов сформулирован комплекс мероприятий, целесообразных к реализации для повышения вовлеченности потребителей в осуществление «зеленых» проектов, таких как введение внутренних рейтингов производителей с наиболее высокой социальной, экологической ответственностью, информирование об этом потребителей; поддержка «зеленой» инициативы населения, поощрение потребителей, вовлеченных в процесс минимизации отходов и формирующих соответствующий открытый отчет; популяризация участия населения в проектах по «зеленому» переустройству городского ландшафта в формате событийных мероприятий, общественных обсуждений, непосредственного их проведения; формирование условий по поддержке экологических образовательных проектов и «зеленого» предпринимательства в регионе, в том числе малого и индивидуального.*

Перспективы исследования заключаются в определении ракурса будущих научных изысканий, состоящих в мониторинге динамики потребительских настроений в части экологических преобразований, поскольку от них зависит успешность осуществления экологических преобразований в регионе.

Ключевые слова: вовлеченность потребителей, экологические преобразования, эмпирические исследования, социально ответственное поведение

Для цитирования: Бондаренко В.А., Дадаян Н.А., Гузенко Н.В. Вовлеченность потребителей в экологические преобразования: динамика и результаты эмпирических исследований // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 45–59. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-45-59>.

Original article

CONSUMER ENGAGEMENT IN ENVIRONMENTAL CHANGE: DYNAMICS AND RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

Victoria A. Bondarenko^{1✉}, Narine A. Dadayan², Natalia V. Guzenko³

^{1, 2, 3}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹b14v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-2921-7548, AuthorID RSCI: 187222,

AuthorID Scopus: 57193857639, WoS Research ID: AAC-8778-2020

²narinedadayan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8218-0903, AuthorID RSCI: 916209,

AuthorID Scopus: 57207889755

³musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID RSCI: 783633,

AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020

Abstract. The purpose of the study is to determine the current situation characterizing the involvement of consumers in Russia in environmental transformations on the basis of identifying in the dynamics of their socially responsible behavior and clarifying their awareness of the seriousness of environmental problems, as well as their willingness to participate in their solution.

Practical verification of the data determining the involvement of consumers in the awareness and, in the future, the solution of environmental problems in the region seems necessary. The article examines the problems of consumers' awareness of environmental problems, real involvement in their solutions in Russia in dynamics with the identification of existing difficulties and determination of steps to activate environmentally responsible behavior of individuals in the regions. The methods involved are identified as the use of work with literary sources, media materials, reports of specialized research agencies and empirical marketing research carried out by representatives of the academic environment, analysis of data on consumer involvement in awareness of environmental problems and the need for appropriate transformations, as well as synthesis of the current situation regarding the real involvement of consumers in Russia in the implementation of environmental transformations.

The results of the study. As the main results, a set of measures has been formulated that are appropriate for implementation to increase consumer involvement in the implementation of «green» projects, such as the introduction of internal ratings of producers with the highest social and environmental responsibility, informing consumers about it; support for the «green» initiative of the population, encouraging consumers involved in the process of waste minimization

and forming the appropriate open report; popularization of the participation of the population in projects for the «green» reconstruction of the urban landscape in the format of event events, public discussions, their direct implementation; formation of conditions for the support of environmental educational projects and «green» entrepreneurship in the region, including small and individual.

The prospects of the study are to determine the perspective of future scientific research, which consists in monitoring the dynamics of consumer sentiment in terms of environmental transformations, since the success of environmental transformations in the region depends on them.

Keywords: consumer engagement, environmental transformations, empirical research, socially responsible behavior

For citation: Bondarenko V.A., Dadayan N.A., Guzenko N.V. Consumer engagement in environmental change: dynamics and results of empirical research // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 45–59. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-45-59>.

Введение. Вопросы вовлеченности потребителей в осуществление «зеленых» инициатив в регионах, ведение экологических проектов напрямую связаны с социально ориентированным поведением компаний и соответствующим настроением в обществе. В настоящее время многие компании нацелены на демонстрацию социальной ответственности в рамках осуществления своей деловой активности. Специалисты, исследующие данное направление, подчеркивают, что экологичность бизнеса стала осознаваться в качестве критерия привлечения потребителей, расширения целевой аудитории, круга партнеров и инвесторов [8].

Поясним, что для эффективной реализации «зеленых» проектов в регионе, экологических преобразований важным фактором выступает вовлеченность населения в экологические инициативы, поскольку именно в случае соответствующего запроса от потребителей бизнес будет следовать по траектории развития экологически ориентированного производства.

Данные обстоятельства актуализируют исследование вовлеченности потребителей в России в экологические преобразования, что сопряжено как с пониманием социально ответственного поведения индивидов, определяющего их покупательскую активность, так и с уточнением осознания потребителями серьезности экологических проблем, готовности принимать участие в их решении и наличествующей динамики в части прироста экологически ориентированных членов социума.

Материалы и методы. Вопрос исследования динамики и результатов эмпирических исследований вовлеченности потребителей в экологические преобразования опирается на аналитическое рассмотрение эволюции подходов к потреблению: от избыточного до социально ответственного, идентификации «зеленого» потребления в качестве социально ответственного и сопоставления вовлеченности потребителей в мире и в России в осознание экологических проблем. Применительно к России проблематика осознания потребителями экологических проблем, реальной вовлеченности в их решение исследуется в динамике с выявлением существующих сложностей и детерминированием шагов по активизации экологически ответственного поведения индивидов в регионах. В качестве привлекаемых методов идентифицируются такие, как применение работы с литературными источниками, материалами СМИ, отчета специализированных исследовательских агентств и эмпирических маркетинговых исследований, реализованных представителями академической среды, анализа данных по потребительской вовлеченности в осознание экологических проблем и необходимости соответствующих преобразований, а также синтеза текущей ситуации в части реальной вовлеченности потребителей в России в осуществление экологических преобразований.

Обсуждение. Говоря о вовлеченности потребителей в экологическую повестку, следует подчеркнуть, что длительное время интенсификация потребления в развитых обще-

ствах рассматривалась как доминанта успеха и экономического развития. Соответственно, в тот период времени в качестве социально успешной модели поведения потребителей выдвигалась связанная с постоянным осуществлением покупок как способа получения удовольствия и привычного образа жизни. По сути, доминировала в чистом виде гедонистическая культура, в которой индивиды заботились только о своем благополучии, комфортной жизни, состоящей из череды покупок [6]. Гедонизация в таком контексте становится обычным модусом поведения потребителя [7]. Эта точка зрения перекликается с мнением Ж. Бодрийяра, который связывает изобилие в развитых странах, богатых социумах с интенсивным потреблением, представляющим собой расточительство [1].

В ряде отечественных работ авторы также подчеркивают специфику потребительского выбора, частоту совершения покупок, маркетинговых активностей компаний на этапе проявления обществе потребления [5; 11].

Однако далее, активно, начиная с 2012–2013 гг. в отечественный научный дискурс входит такое направление, как социально ответственное поведение. Связано данное обстоятельство с принятием целей устойчивого развития, изменением приоритетов хозяйствования в условиях осознания конечности ресурсов и усугубления экологических проблем, что отражается, как на научном поиске, так и на особенностях моделирования поведения потребителей.

В данной связи, например, О. Стрябова отмечает, что социально ответственное поведение товаропроизводителя становится его конкурентным преимуществом, выборобразующим фактором для потребителя согласно формируемой в обществе системе ценностных ориентиров [3; 16; 17].

О «зеленом» потреблении в чистом виде в сфере товарного производства говорят такие исследователи, как Н. Хмелькова, Г. Перевозчиков и др. [18], в сфере потребления услуг, например, гостиничных, — В. Бондаренко, Н. Гузенко, В. Ларионов [3].

Однако, большинство авторов не выделяет отдельно «зеленого» потребления, речь, как правило, идет именно о социально ответственном варианте его осуществления. Так, например, Ф. Вебстер к социально-от-

ветственному поведению относит вариант, при котором потребитель оценивает социальные последствия от своего выбора товаров и услуг, что подразумевает его осведомленность о спектре существующих проблем и вовлеченность в возможные направления их разрешения [20].

Исследователь И. Скалабан подчеркивает значение коллективной деятельности индивидов в социуме, связанной с активностями для решения общественных проблем [13]. По его мнению, при осведомленности и вовлечении в проблематику общественных проблем граждане коллегиально втягиваются в их решение.

Л. Мор, Д. Уэбб, К. Харрис характеризуют социально ответственное поведение индивидов в качестве потребления, при котором максимально снижается негативное влияние на общество и максимально растут возможные позитивные эффекты [18], что может быть отнесено и к снижению экологической нагрузки на окружающую среду.

Дж. Робертс напрямую связывает социально ответственное потребление с приобретением товаров и сервисов, которые в минимально возможной степени влияют на окружающую среду, что предполагает выбор продукции социально ответственных компаний [19]. Соответственно, наш взгляд, социально ответственное поведение можно соотносить с экологически ответственным поведением потребителей. Целесообразно в динамике рассмотреть изменения в вовлечении в экологическую повестку индивидов в России, в том числе в сравнении с зарубежной ситуацией.

Результат. С нашей точки зрения важным представляется то, что в период пандемии, несмотря на в целом общее падение качества жизни (из-за введенных ограничений и нарушения устоявшихся цепей поставок) потребители продолжили предъявлять запрос на ответственные действия компаний. Такой вывод прослеживается с опорой на данные эмпирических исследований, проведенных Edelman Trust Barometer Brands and the Coronavirus Pandemic в 2020 г. (рисунок 1).

В среднем по отмеченным на приведенном рисунке данным порядка 70% потребителей высказали готовность отказаться от неответственного бизнеса. Это свиде-

тelleствует об определенной динамике в потребительских мнениях, так как, например, согласно исследованиям 2002–2003 гг. доля потребителей в странах Европы, обращающих внимание на экологичность товаров и сервисов, варьировалась от 8 % (в Греции) до 58 % (в Швеции). Прямо бойкотировали товары с неэтичной составляющей порядка 35 % опрошенных потребителей в Швеции и Швейцарии, тогда как, например, в Португалии таких потребителей было порядка 3 % [10]. Долевое отношение потребителей, готовых отказаться от неэкологичной продукции, от неответственного товаропроизводителя выросло с 35 до 70 %.

Масштабные данные, характеризующие поведение отечественных потребителей по данному вопросу, представлены в открытой печати, начиная с 2013–2014 гг. Так, в 2013 г. согласно данным исследования Nielsen о своей готовности платить ценовую премию за экологичность сообщили порядка 29 % респондентов в России, о приобрете-

нии товаров в рамках социально значимых программ сообщали 26 %. Тогда как в 2014 г. согласно онлайн-исследованию Nielsen уже 38 % респондентов сообщили о готовности на регулярной основе оплачивать ценовую премию за экологичность, а порядка 43 % указали, что имеют опыт совершения покупок у тех организаций, которые реализуют социально и экологически ориентированные проекты¹.

Можно констатировать: в России проявляются характерные для остального развитого мира тренды, что справедливо и для социально ответственного потребления, учитывающего внимание потребителей к экологической ориентации компаний и их продукции. Подтверждением этого являются также данные исследовательской компании GfK, которая отмечала, что в рамках отражения потребительских ценностей одну из ключевых позиций начинают занимать социальная ответственность и «зеленый» образ жизни².

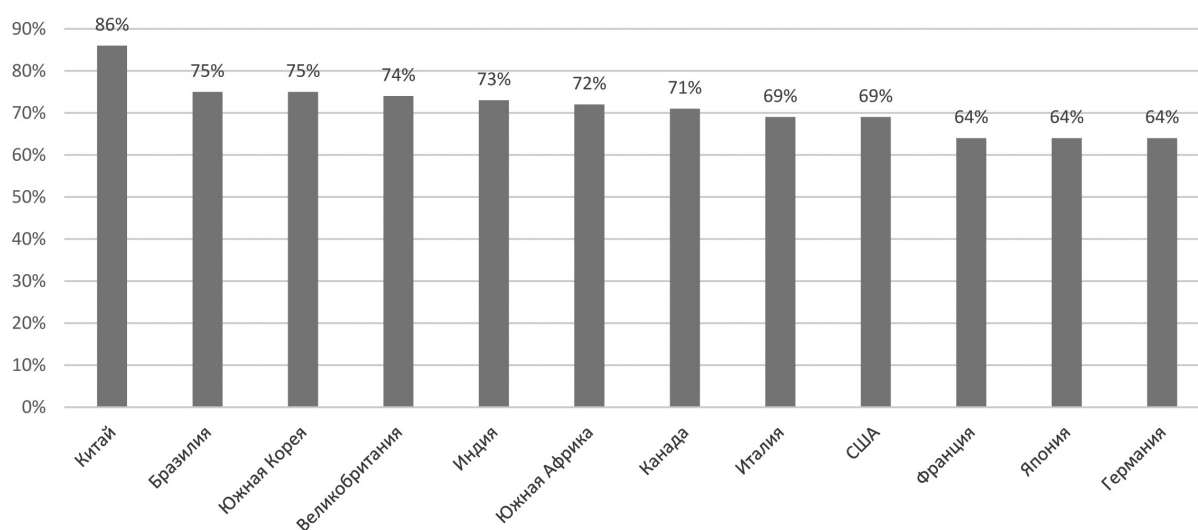

Рис. 1. Ответы респондентов в отношении их готовности полностью отказаться от определенного бренда в случае его недостаточного ответственного поведения³

Fig. 1. Respondents' responses regarding their willingness to completely abandon a certain brand in case of its insufficient responsible behavior

1 Сайт компании Nielsen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/press&room/2014/nielsen&social&programs&open&a&new&opportunity&for&brands&to&conquer&consumers&hearts.html> (дата обращения: 12.10.2022).

2 Сайт компании GfK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gfk.com/ru/news&and&events/press&room/press&releases/pages/gfk&rus&press&release&7&consumer&trends&that&will&change&marketing&experts&and&content&creators&lifes.aspx> (дата обращения: 12.10.2022).

3 Edelman Trust Barometer Brands and the Coronavirus Pandemic. 2020 [Electronic resource] // Edelman. URL: <https://www.edelman.com/research/covid-19-brand-trust-report> (date accessed: 10.12.2022).

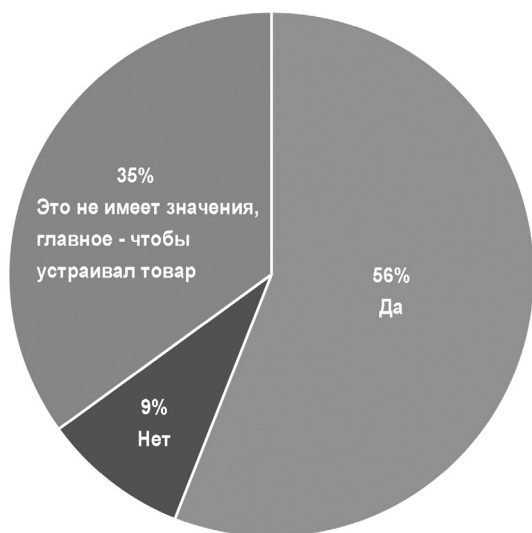

Рис. 2. Распределение ответов респондентов относительно значимости информирования потребителей о неэтичном поведении производителя, % [15]

Fig. 2. Distribution of respondents' responses regarding the importance of informing consumers about the unethical behavior of the manufacturer, %

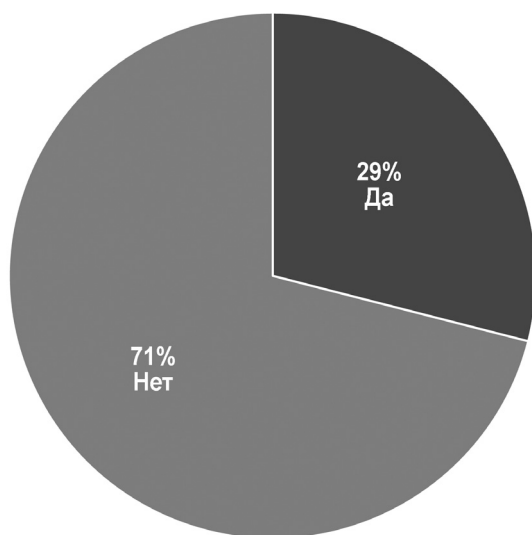

Рис. 3. Распределение ответов респондентов относительно готовности приобретать товары, в рекламе или на упаковке которых есть информация, позволяющая сделать вывод о неэтичности производителя, % [15]

Fig. 3. Distribution of respondents' responses regarding their willingness to purchase goods, in advertising or on the packaging of which there is information that allows us to conclude that the manufacturer is unethical, %

Целесообразно также привести аналитические данные эмпирического исследования, реализованного коллегами из академической среды, позволяющие увидеть динамику в отношении ответственного выбора респондентов. Исследование было проведено в 2015 г., в нем участвовали 350 респондентов в возрасте от 18 до 56 лет, 46% составляли мужчины и 54% — женщины. Онлайн-формат опроса позволил привлечь к участию жителей Центрального, Уральского, Приволжского, Северо-Западного, Южного и Дальневосточного федеральных округов [15].

В рамках данного исследования один из вопросов был на направлен на уточнение того, необходимо ли сообщать потребителям о неэтичном поведении компании-производителя. Результаты ответов респондентов визуализированы на рисунке 2.

Как видим, 56% опрошенных считают, что потребители имеют право знать о фактах неэтичного поведения производителей для принятия решения покупке продукции или отказе от нее по этическим мотивам. Однако, есть пассивная прослойка в долевого выражении 35%, которая полагает, что эта информация является лишней и главное — чтобы потребители были удовлетворены качеством продукции, а такая «лишняя» информация им не нужна. 9% вообще полагают, что такие данные не несут необходимой информативной нагрузки.

При этом подобная информация является значимой в плане совершения выбора, так как более 70% опрошенных сообщили, что не будут приобретать товары, если, по их мнению, на упаковке или в рекламных сообщениях есть информация, которая ими идентифицируется как свидетельствующая о неэтичном поведении производителя данной продукции (рисунок 3).

Интересным представляется тот факт, что полученные в 2015 г. данные о готовности отказа от продукции по этическим соображениям потребителями в России корреспондируют с такими в других странах мира в 2020 г.

Опрошенные сообщили, что готовы отказаться от покупки товара, если в рекламе и/или на упаковке есть сведения, которые могут быть отнесены к гендерной дискриминации и насилию, выпуску генномодифицированной продукции, тестировании продукции

на животных, ассоциируются с партиями, движениями, ранее поддерживающими нацизм, нанесением вреда экологии в процессе производственного цикла и т.д. Аналитические данные приведены на рисунке 4.

Если говорить о критерии минимизации антропогенной нагрузки на окружающую

среду, то можно указать, что суммарно к таким критериям можно отнести ответы «тестирование продукции на животных» и «процесс производства наносит вред экологии», то есть 23,5%. Все остальные ответы сопряжены с социально значимыми вопросами, которые напрямую не связаны с экологически-

Рис. 4. Распределение ответов респондентов относительно причины отказа приобретать продукцию по этическим мотивам, % [15]

Fig. 4. Distribution of respondents' responses regarding the reasons for refusing to purchase products for ethical reasons, %

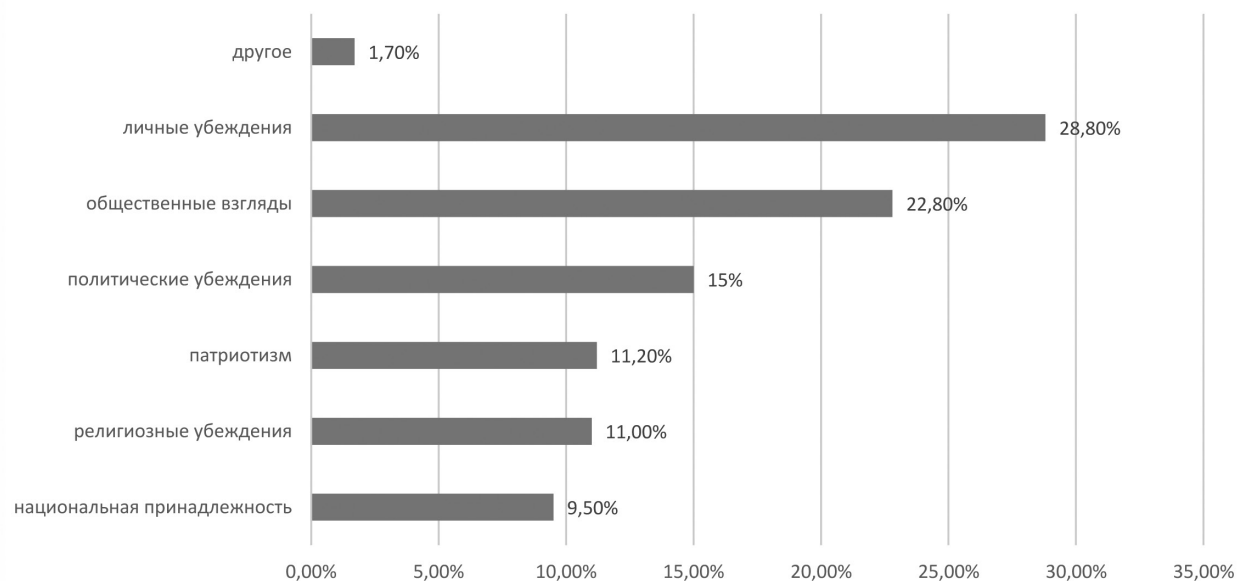

Рис. 5. Распределение ответов респондентов относительно наиболее веских причин отказа приобретать продукцию производителей, относимых ими к неэтичным, % [15]

Fig. 5. Distribution of respondents' responses regarding the most compelling reasons for refusing to purchase products from manufacturers that they consider unethical, %

ми последствиями. Однако, можно предположить, что социально ответственные граждане легче вовлекаются в проблематику экологической повестки.

Интересным представляется то, что при формулировании наиболее значимых причин собственного отказа от покупки продукции неэтичных товаропроизводителей, потребители сформулировали следующее (рисунок 5).

Согласно приведенным аналитическим данным к экологической вовлеченности в данном контексте можно отнести порядка 50% ответов (личные убеждения и общественные взгляды), которые могут укореняться за счет упрочнения «зеленой» повестки и экологического воспитания в обществе.

Значимым также представляется распределение ответов респондентов относительно причин приобретения ими продукции компании — производителя, который отнесен к неэтичному. Полученные аналитические результаты приведены на рисунке 6.

Как видим, ряд опрошенных (41%) ответили, что в случае контакта с продукцией проведенного производителя, с которым они давно знакомы, они могут совершать покупки, несмотря на элементы неэтичного поведения. Более 33% указали, что будут вынуждены приобретать такую продукцию

ввиду отсутствия выбора. Остальные ответы, по нашему мнению, можно отнести к свидетельствующим об отсутствии приверженности к ответственному потреблению.

Для понимания того, каким образом менялась вовлеченность потребителей в России и что она представляет собой в настоящий момент, целесообразным представляется проанализировать экспертные мнения на этот счет и результаты эмпирических исследований, реализованных аналитическими службами и учеными, исследующими указанное научное поле. Так, в научной литературе есть точка зрения, согласно которой сегодня в России отмечается особый ажиотаж на экологически ориентированное, ответственное потребление, однако зачастую это декларация о намерениях [11], поскольку уровень жизни населения, общая осведомленность об экологических проблемах и понимание их остроты сильно отличаются в различных регионах страны.

Во многом, как нам представляется, актуализация экологической повестки для населения — это вопрос регулярных воспитательных, образовательных, просветительских мероприятий, реализуемых на систематической основе [2], чтобы культура ответственного в части экологической повестки потребления стала практической нормой.

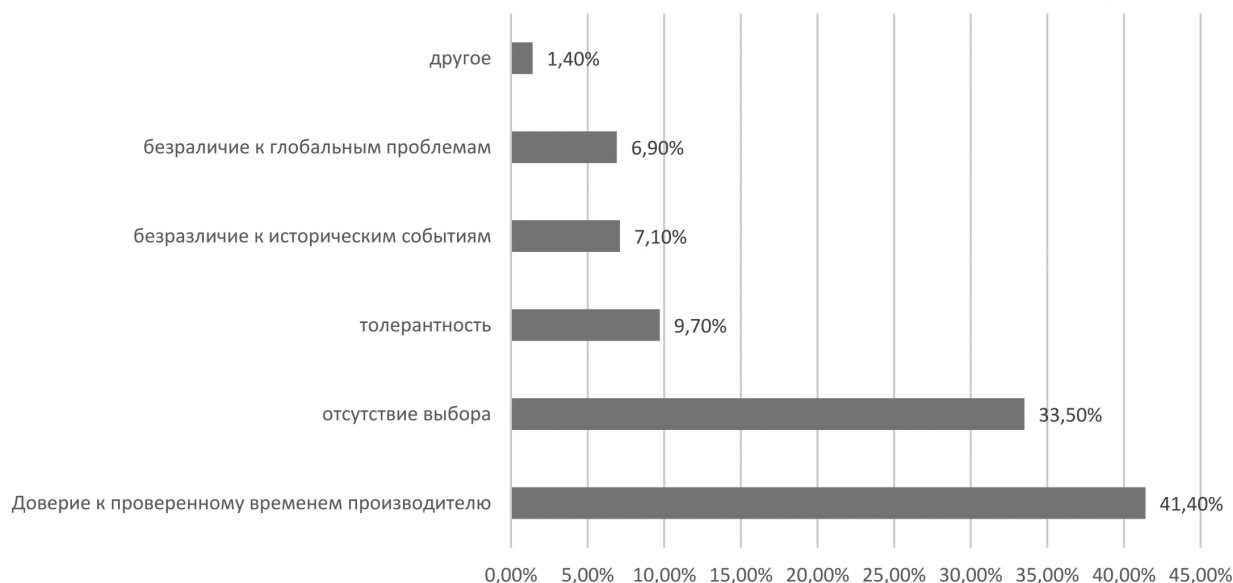

Рис. 6. Распределение ответов респондентов относительно причин приобретения ими продукции компании-производителя, который отнесен к неэтичному, % [15]

Fig. 6. Distribution of respondents' responses regarding the reasons for their purchase of the manufacturer's products, which is classified as unethical, %

Согласно данным исследовательского центра «Рекардо», например, общая вовлеченность граждан в России в проблематику экологических преобразований и наличие экологических проблем выросла (рисунок 7) [9].

Получается, что 83% считают мировые экологические проблемы реальными, 33% из них настроены пессимистично, полагая, что эти проблемы слишком серьезные. Однако, 17% респондентов убеждены, что проблема сильно преувеличена или вообще искус-

ственно популяризируется в СМИ. Следует понимать, что даже те, кто отметил наличие экологических проблем в мировом масштабе, могут не соотносить их в полном объеме с тем, что является характерным для России, полагая, что ее природа обширна, ландшафт благополучен и богат ресурсами.

Целесообразным также является указать, какие проблемы из относимых респондентами к мировым экологическим были маркированы в качестве наиболее серьезных, поскольку

Рис. 7. Распределение мнений респондентов относительно значения проблем в мировой экологии, % [9]

Fig. 7. Distribution of respondents' opinions on the importance of problems in the world ecology, %

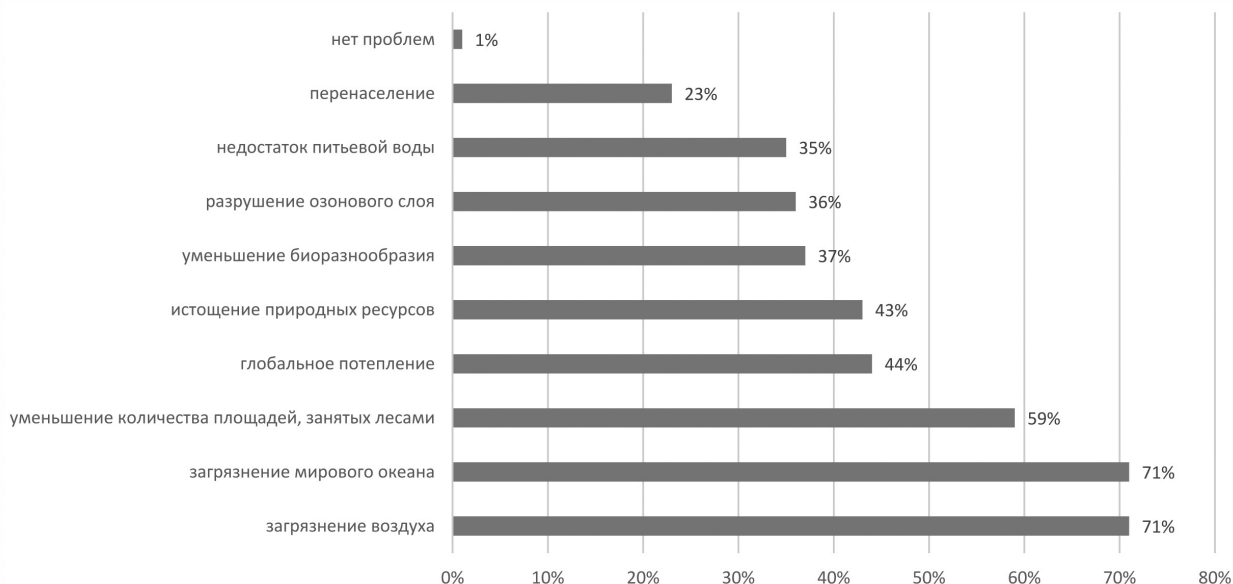

Рис. 8. Распределение ответов респондентов относительно детерминации наиболее серьезных глобальных экологических проблем, % (каждый ответ в доле от 100%) [9]

Fig. 8. Distribution of respondents' responses regarding the determination of the most serious global environmental problems, % (each response in a shared distribution of 100%)

это свидетельствует о погружении в вопрос, то есть о вовлеченности (рисунок 8).

Как видим, к наиболее значимым проблемам были отнесены загрязнение Мирового океана, воздуха, уменьшение площади лесов, истощение природных ресурсов и уменьшение биоразнообразия. Показательным является то, что проблему накопления большого количества отходов, помимо вопроса загрязнения Мирового океана, напрямую не назвали, хотя является достаточно актуальной для регионов России, что указывалось в ряде исследований [4].

Интересным для понимания вовлеченности в экологическую повестку представляется также аналитическое рассмотрение ответов респондентов на вопрос относительно поиска ими информации о методах и способах защиты окружающей среды (рисунок 9).

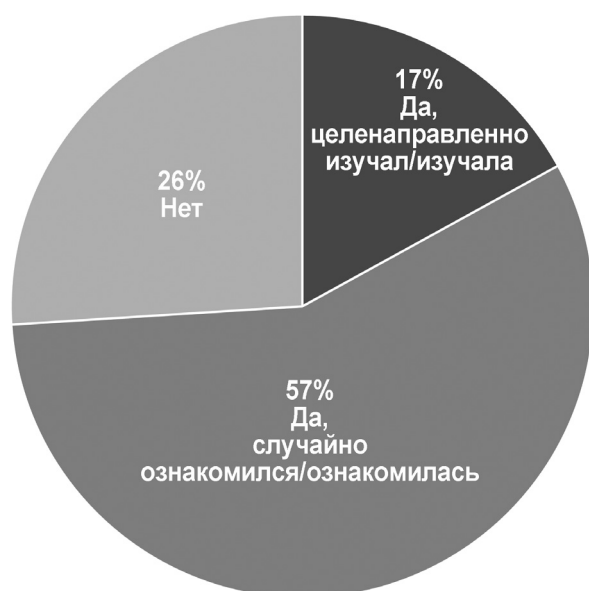

Рис. 9. Распределение ответов респондентов относительно их погружения в вопросы методов и способов защиты окружающей среды, % [9]

Fig. 9. Distribution of respondents' answers regarding their immersion in questions of methods and methods of environmental protection, %

Согласно приведенным данным 57% респондентов случайно обращали внимание на информацию о методах и способах защиты окружающей среды. Это позволяет сделать предположение об их латентной вовлеченности и просмотре тематических рубрик, посвященных экологии, экологическим проблемам. 17% можно считать в достаточной степени вовлеченными и потенциально готовыми к участию в экологических проектах в регионах, а также к предъявлению соответствующих требований товаропроизводителям.

Однако, если отойти от общего восприятия экологических проблем, возвращаясь напрямую к проблематике сбора, минимизации, утилизации отходов, целесообразно привести результаты исследования компании GfK, которая отмечает положительную динамику в указанном направлении⁴. Это можно считать прямым участием потребителей в экологических преобразованиях в регионе. Согласно данным компании, более 50% россиян маркировали накопления отходов как значимую проблему, но не в спектре мировых экологических проблем, а как непосредственный вызов для России⁵.

Несмотря на такие исследовательские данные, потребители в России склонны выбрасывать приобретенные (неиспользованные продукты). Так, 26% респондентов указали, что выбрасывают продукты раз в неделю и чаще, что свидетельствует о формальной вовлеченности в минимизацию мусора, но нерациональном потребительском поведении в реальности. 12% респондентов сообщили о том, что они выбрасывают более 60% приобретенных продуктов⁶. Очевидно, что такое поведение требует коррекции и систематической работы с восприятием потребителями экологических последствий от такого рода действий для их реального, а не формального вовлечения в экологические инициативы.

Также согласно исследовательским данным потребители вовлечены в предприятие ряда действий, направленных на снижение

4 Обзор GfK: Экология — от осознания к действию [Электронный ресурс] URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cmspdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_press_release_ecology_review.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

5 Там же.

6 Там же.

Рис. 10. Распределение ответов респондентов относительно предпринимаемых ими действий по снижению отходов, % (в доле от 100 %) ⁷

Fig. 10. Distribution of respondents' responses regarding their actions to reduce waste, % (in proportion to 100 %) ⁷

отходов, которые можно визуализировать следующим образом (рисунок 10).

Потребители готовы к переориентации на использование многоразового инструментария в быту и отказу от пластика, что свидетельствует о росте личной вовлеченности у ряда потребителей в решение экологических проблем. Эта же исследовательская компания фиксирует данные, согласно которым 90 % респондентов готовы платить ценовую премию за продукцию в упаковке не из пластика. Также 50 % респондентов сообщили о походах в магазин с шоппером из натуральных материалов и отказом от частого использования пластиковых пакетов. 55 % респондентов указали на желание минимизировать приобретение ненужных продуктов и совершение покупок по списку. Также более 50 % отметили интерес к экологическим моющим средствам ⁸. Однако, следует понимать, что потребители (те, кто выразил такую потенциальную возможность) готовы к уплате ценовой премии и следованию ответственному потреблению при наличии у них достаточного уровня доходов. В случае их утраты они могут вернуться

к приобретению продукции и ведению образа жизни, не отвечающего экологическим приоритетам. Соответственно, необходима комплексная работа по трансформации вовлеченности в экологически ориентированный образ жизни и экологические проекты как превалирующую доминанту жизнедеятельности члена современного социума.

В настоящее время эксперты отмечают, что для повышения вовлеченности потребителей в экологическую повестку и готовности участвовать в «зеленых» проектах, а также предъявлять товаропроизводителям запросы на «зеленую» переориентацию необходимо осуществление ряда шагов, таких как:

- совершенствование законодательства (сейчас у домохозяйств нет дополнительной ответственности за образование отходов, только личные ценностные ориентиры и убеждения);

- поддержка производства в регионе «зеленой» продукции и сервисов;

- развитие экологического воспитания и образования;

- наращивание присутствия в региональных СМИ «зеленой» повестки [11].

⁷ Обзор GfK: Экология — от осознания к действию [Электронный ресурс] URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2405078/cmspdfs/fileadmin/user_upload/dyna_content/ru/documents/press_releases/2019/gfk_rus_press_release_ecology_review.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

⁸ Там же.

Со своей стороны подчеркнем, что согласны с приведенными аргументами, однако считаем целесообразным усиление предложенных мероприятий за счет:

— введения для производителей внутренних, муниципальных и региональных рейтингов производителей с наиболее высокой социальной, экологической ответственностью, информирования об этом потребителей;

— поддержки «зеленой» инициативы населения, поощрения потребителей, вовлеченных в процесс минимизации отходов и формирующих соответствующий открытый отчет («зеленая» бонусная карта местных производителей, позволяющая получать скидки на товары и товары компаний-партнеров реализуемых в регионе программ по экологическому переустройству и/или льготному посещению развлекательных мероприятий);

— популяризации участия населения в проектах по «зеленому» переустройству городского ландшафта в формате событийных мероприятий, общественных обсуждений, непосредственного их проведения;

— формирования условий по поддержке «зеленого» предпринимательства в регионе, в том числе малого и индивидуального, что будет способствовать реальному вовлечению в экологические проекты в регионе.

Заключение. В настоящее время в мире в целом и в России в частности присутствует прогресс в части изменения общего модуса потребительского поведения от избыточного потребительства для удовольствия к осознанному, социально ответственному. Такая доминанта прослеживается в научной литературе и на практике, что позволяет заключить результаты эмпирических исследований, характеризующих потребительское поведение. Экологически ориентированное поведение может быть отождествлено с социально ответственными потребительскими решениями.

Вместе с тем можно заключить, что для большинства россиян социально ориентированное поведение во многом носит декларативный характер и, скорее, отражает дань современным тенденциям. Оно приемлемо, если они могут себе это позволить, имеют достаточный выбор и не сталкиваются с необходимостью самоограничений, хотя ряд

потребителей высказали готовность к изменению привычного образа жизни, например, в части минимизации личных отходов и рационализации покупок, их планирования.

Представляется, что для повышения вовлеченности потребителей в регионах России в экологическую повестку и осуществление «зеленых» проектов необходим к принятию ряд мер, связанных с поддержкой «зеленых» инициатив, «зеленого» предпринимательства, включая молодежное, экологическое образование, популяризацию «зеленых» кейсов и поощрение экологически осознанного поведения индивидов в регионах.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Бондаренко В.А., Боталова М.Е., Ефременко И.Н., Афанасьева М.Ф. Управление экологическим воспитанием молодежи и формирование ассортимента профориентационным услуг вуза на основе бенчмаркинга социально-этичных стандартов маркетинга // Экономика устойчивого развития. 2022. №2(50). С. 21–28.
3. Бондаренко В.А., Гузенко Н.В., Ларионов В.А. Вопросы применения гостиницами зеленых инноваций в рамках проявившихся потребительских предпочтений // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. №1(69). С. 17–23.
4. Бондаренко В.А., Миргородская О.Н., Валюженко А.В. Инструментарий социально ориентированного маркетинга для снижения объемов и рационализации сбора твердых бытовых отходов в мегаполисе // Практический маркетинг. 2014. №6(208). С. 12–19.
5. Бондаренко В.А. Изменение модели поведения и осознания клиентских потребностей // Европейский журнал социальных наук. 2014. №3-1(42). С. 332–335.
6. Гусакова Т.Ф. Гедонистическая мораль в современном обществе: социально-психологический аспект [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2015/Psihologia/12_186854.doc.htm (дата обращения: 20.01.2023).
7. Емельянов А.В. Дискурс удовольствия как язык общества потребления // ХОРА. 2008. №4. С. 169–173.

8. Зинцова М.В. Реализация концепции экологического маркетинга / М.В. Зинцова, М.А. Воронцова, К.С. Зинцов // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. №8. С.94–104.

9. Исследование «Экологическая ответственность россиян 2020» (исследовательский центр «Рекадро») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekologicheskaja-otvetstvennost-rossii.ru/pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

10. Коос С. Объясняя этическое потребительское поведение в Европе (эмпирические данные по 19 странам) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №2. С. 76–97.

11. Панасейкина В.С., Беляева Е.А. Тенденции спроса на экологические товары и ответственное потребление в России // Московский экономический журнал. 2021. №8. С.346–355.

12. Писарева Е.В. Развитие теории маркетинга в условиях современной «избыточной экономики» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. №S24. С.56–60.

13. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие // Вестник Томского государственного университета. 2011. №1. С. 130–139.

14. Стребкова О.А. Этические проблемы корпоративной социальной ответственности (КСО) в условиях конкурентной экономики // Дискурсы этики. 2013. Т. 4. С. 63–72.

15. Хмелькова Н.В., Кушнарера А.А., Перевозчиков К.И. Теоретические аспекты и эмпирические исследования социально ответственного потребления // Практический маркетинг. 2015. №10(224). С. 3–12.

16. Хмелькова Н.В., Перевозчиков К.И. Предпосылки и перспективы «зеленого» брендинга: мировой опыт и российские исследования // Бренд-менеджмент. 2014. №4. С. 218–231.

17. Хмелькова Н.В., Перевозчиков К.И., Кушнарера А.А. О сегментации потребителей «зеленых» брендов // Вестник ГУ. 2014. №4. С. 18–25.

18. Mohr L.A., Webb D.J., Harris K.E. Do consumers expect companies to be socially responsible? The impact of corporate social responsibility on buying behavior // Journal of Consumer Affairs. 2011. №35. P. 45–72.

19. Roberts J.A. Will the real socially responsible consumer please step forward? // Business Horizons. 1996. (Jan&Feb). P. 217–231.

20. Webster Jr. F.E. Determining the characteristics of the socially conscious consumer // Journal of Consumer Research. 1975. №2. P. 188–196.

References

1. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija [Consumer Society]. Moscow: Respublika; Kul'turnaja revoliucija, 2006. 269 p. (In Russ.).

2. Bondarenko V.A., Botalova M.E., Efremenko I.N., Afanas'eva M.F. Upravlenie je-kologicheskim vospitaniem molodezhi i formirovanie assortimenta proforiacionnykh uslug vuza na osnove benchmarkinga social'no-jetichnykh standartov marketinga [Management of environmental education of youth and formation of the range of vocational guidance services of the university based on benchmarking of socio-ethical marketing standards]. *Jekonomika ustojchivogo razvitija* [Economics of sustainable development]. 2022; 2(50): 21–28. (In Russ.).

3. Bondarenko V.A., Guzenko N.V., Larionov V.A. Voprosy primeneniya gostinitsami zelenykh innovacij v ramkah projavivshisja potrebitel'skikh predpochtenij [Questions of the use of green innovations by hotels within the framework of manifested consumer preferences]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. 2020; 1(69): 17–23. (In Russ.).

4. Bondarenko V.A., Mirgorodskaja O.N., Valjuzhenko A.V. Instrumentarij social'no orientirovannogo marketinga dlja snizhenija ob'edov i racionalizacii sbora tverdyh bytovykh othodov v megapolise [Tools of socially oriented marketing for reducing the volume and rationalization of solid household waste collection in the metropolis]. *Prakticheskij marketing* [Practical Marketing]. 2014; 6(208): 12–19. (In Russ.).

5. Bondarenko V.A. Izmenenie modeli povedenija i osoznanija klientskikh potrebnostej [Changing the behavior model and awareness of customer needs]. *Evropejskij zhurnal social'nykh nauk* [European Journal of Social Sciences]. 2014; 3-1(42): 332–335. (In Russ.).

6. Gusakova T.F. Gedonisticheskaja moral' v sovremennom obshhestve: social'no-psiho-

logicheskij aspekt [Hedonistic morality in modern society: socio-psychological aspect] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2015/Psihologia/12_186854.doc.htm (data obrashhenija: 20.01.2023). (In Russ.).

7. Emel'janov A.V. Diskurs udovol'stviya kak jazyk obshhestva potreblenija [Discourse of pleasure as the language of consumer society]. *HORA*. 2008; (4): 169–173. (In Russ.).

8. Zincova M.V. Realizacija koncepcii jekologicheskogo marketinga I [Implementation of the concept of environmental marketing]. M.V. Zincova, M.A. Voroncova, K.S. Zincov. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]*. 2019; (8): 94–104. (In Russ.).

9. Issledovanie «Jekologicheskaja otvetstvennost' rossijan 2020» (issledovatel'skij centr «Rekadro») [Research «Environmental responsibility of Russians 2020» (research center «Rekadro»)] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ekologicheskaja-otvetstvennost-rossijan.pdf> (data obrashhenija: 20.01.2023). (In Russ.).

10. Koos S. Ob'jasnjaja jeticheskoe potrebitel'skoe povedenie v Evrope (jempiricheskie dannye po 19 stranam) [Explaining ethical consumer behavior in Europe (empirical data for 19 countries)]. *Jekonomicheskaja sociologija [Economic Sociology]*. 2009; 10(2): 76–97. (In Russ.).

11. Panasejkina V.S., Beljaeva E.A. Tendencii sprosna na jekologicheskie tovary i otvetstvennoe potreblenie v Rossii [Trends in demand for environmental goods and responsible consumption in Russia]. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal [Moscow Economic Journal]*. 2021; (8): 346–355. (In Russ.).

12. Pisareva E.V. Razvitie teorii marketinga v uslovijah sovremennoj «izbytochnoj jekonomiki» [Development of marketing theory in the conditions of modern «surplus economy»]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodological electronic journal «Concept»]*. 2015; (S24): 56–60. (In Russ.).

13. Skalaban I.A. Social'noe, obshhestvennoe i grazhdanskoe uchastie [Social, public and civic participation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2011; (1): 130–139. (In Russ.).

14. Strebkova O.A. Jeticheskie problemy korporativnoj social'noj otvetstvennosti (KSO) v uslovijah konkurentnoj jekonomiki [Ethical problems of corporate social responsibility (CSR) in a competitive economy]. *Diskursy jetiki [Discourses of ethics]*. 2013; (4): 63–72. (In Russ.).

15. Hmel'kova N. V., Kushnareva A.A., Perevozchikov K.I. Teoreticheskie aspekty i jempiricheskie issledovanija social'no otvetstvennogo potreblenija [Theoretical aspects and empirical studies of socially responsible consumption]. *Prakticheskij marketing [Practical marketing]*. 2015; 10(224): 3–12. (In Russ.).

16. Hmel'kova N. V., Perevozchikov K.I. Predposylki i perspektivy «zelenogo» brendinga: mirovoj opyt i rossijskie issledovanija [Prerequisites and prospects of «green» branding: world experience and Russian research]. *Brend-menedzhment [Brand management]*. 2014; (4): 218–231. (In Russ.).

17. Hmel'kova N. V., Perevozchikov K.I., Kushnareva A.A. O segmentacii potrebitelej «zelenyh» brendov [On segmentation of consumers of «green» brands]. *Vestnik GU [Vestnik GU]*. 2014; (4): 18–25. (In Russ.).

18. Mohr L.A., Webb D.J., Harris K.E. Do consumers expect companies to be socially responsible? The impact of corporate social responsibility on buying behavior // *Journal of Consumer Affairs*. 2011. №35. P. 45–72.

19. Roberts J.A. Will the real socially responsible consumer please step forward? // *Business Horizons*. 1996. (Jan&Feb). P. 217–231.

20. Webster Jr. F.E. Determining the characteristics of the socially conscious consumer // *Journal of Consumer Research*. 1975. №2. P. 188–196.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 25.03.2023.

The article was submitted on 13.02.2023; approved after reviewing on 03.03.2023; accepted for publication on 25.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Виктория Андреевна — доктор экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Victoria A. Bondarenko — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Дадаян Наринэ Аркадьевна — доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Narine A. Dadayan — Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Natalia V. Guzenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Бондаренко В. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Дадаян Н. А. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Гузенко Н. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Bondarenko V. A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Dadayan N. A. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Guzenko N. V. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК: 342 (075.8)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-60-69

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

Игорь Николаевич Макаров

*Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса,
Москва, Россия*

makarov_i_n@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1111155, SPIN-код: 1434-5425

Аннотация. *Цель исследования:* выявление и систематизация мнений экспертов о состоянии современного отечественного государственного администрирования и его ключевых проблемах.

Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии управления в государственно-политической сфере, а также один из ключевых качественных эмпирических методов социологии — метод экспертного опроса.

Результаты исследования. Статья содержит обобщённый анализ опросов трёх групп экспертов, проведённых в период с ноября 2022 по апрель 2023 гг. в рамках мероприятий, предусмотренных планом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Применение метода экспертного опроса специалистов по государственному и муниципальному управлению позволило выявить проблемы и сформулировать меры по усовершенствованию механизма административной реформы.

Перспективы исследования. Дальнейшая теоретическая концептуализация современного государственного администрирования требует углубления эмпирических исследований. Кроме того, возникает необходимость включения в социолого-управленческий тезаурус соответствующего понятия, претерпевающего в настоящее время существенную трансформацию.

Ключевые слова: государственное управление, государственное администрирование, административно-командная система, административная реформа, эксперты в сфере управления

Для цитирования: Макаров И. Н. Государственное администрирование на современном этапе: экспертный опрос // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №2. С. 60–69. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-60-69>.

Original article

STATE ADMINISTRATION AT THE PRESENT STAGE: EXPERT SURVEY

Igor N. Makarov

*Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex, Moscow, Russia
makarov_i_n@mail.ru, AuthorID RSCI: 1111155, SPIN-code: 1434-5425*

Abstract. *The purpose of the study:* identification and systematization of expert opinions on the state of modern domestic public administration and its key problems.

The methodological basis of the study was the conceptual approaches of the sociology of management in the state-political sphere, as well as one of the key qualitative empirical methods of sociology — the method of expert survey.

The results of the study. The article contains a generalized analysis of the surveys of three groups of experts conducted in the period from November 2022 to April 2023 within the framework of the activities provided for by the plan of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The use of the method of expert survey of specialists in state and municipal management allowed to identify problems and formulate measures to improve the mechanism of administrative reform.

Research prospects. Further theoretical conceptualization of modern public administration requires the deepening of empirical research. In addition, there is a need to include in the socio-managerial thesaurus the corresponding concept, which is currently undergoing a significant transformation.

Keywords: public management, public administration, administrative command system, administrative reform, management experts

For citation: Makarov I. N. State administration at the present stage: expert survey // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 60–69. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-60-69>.

Введение. В течение двух последних десятилетий одним из приоритетов дальнейшего развития российского государства стала административная реформа. Ключевыми её задачами по-прежнему являются обеспечение доступности, транспарентности и инновационности государственного управления, формирование современного привлекательного облика государственной и муниципальной службы.

Для правового и организационного обеспечения достижения поставленных целей был подписан Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. №824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах», создана комиссия по её проведению¹. На пер-

вом этапе реформы решались задачи по оптимизации структуры аппарата законодательной и исполнительной власти, совершенствованию государственной службы, разделению и уточнению полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов. Второй этап, согласно Концепции административной реформы в стране на период 2006–2008 гг., утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. №1789-р, включал в себя меры по созданию многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг, ликвидации разного рода административных барьеров и повышению степени участия институтов гражданского общества в государственном управлении².

1 Указ Президента РФ от 23.07.2003 г. №824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19750>.

2 Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 г. №1789-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/54096/>.

В настоящее время реализуется третий этап реформы, связанный с выполнением одной из задач, определённых Указом Президента РФ от 21 июля 2021 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2023 года», — доведение доли массовых социально значимых услуг в электронном виде до 95 %. Осуществляется Федеральный проект «Цифровое государственное управление»³.

Вместе с тем некоторые авторы социологических исследований на данную тему полагают, что ход и промежуточные результаты административной реформы в целом нельзя назвать удовлетворительными. Так, с точки зрения Е. А. Васильевой, «из трёх этапов административной реформы в Российской Федерации успешным был только первый, в ходе которого был сформирован трудовой потенциал государственной службы, последующие этапы столкнулись с рядом сложностей, как объективных, так и обусловленных противодействием со стороны чиновников» [3, с. 10].

Не лучшим образом обстоит дело и в теоретической области. Осмысление феномена администрирования как неотъемлемой и необходимой части государственного управления как бы застыло на доминирующей в период распада СССР концепции «административно-командной системы», абсолютизированной исключительно негативные стороны административной деятельности [6, с. 158].

Таким образом, весьма актуальными представляются результаты и выводы из авторского социологического качественного исследования, осуществлённого методом экспертного опроса специалистов сферы управления в рамках «круглых столов» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в период с ноября 2022 по апрель 2023 гг.: «Актуальные вопросы совершенствования избирательного законодательства», «Сельские семьи как хранители традиционных духовно-нравственных ценностей Российской цивилизации» и «Организация воспитательной и просветительской работы по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей».

Целью этих опросов стало выявление представлений о сущности государственного администрирования в Российской Федерации и его основных проблемах на современном этапе.

Результаты исследования. В настоящей статье обобщены и представлены результаты опроса экспертов из аппаратов органов законодательной (представительной) и исполнительной власти, местного самоуправления, иных административных структур, а также будущих управленцев, заканчивающих обучение в вузе.

Исследование было проведено с ноября 2022 по апрель 2023 г. методом опроса 36 специалистов, отбор которых осуществлялся по следующим критериям:

— возраст первой группы экспертов — 55–70 лет, наличие высшего профессионального образования, опыта работы в советской системе государственного управления (бывшие партийные, советские и комсомольские работники низшего звена, профсоюзные организаторы);

— возраст второй группы экспертов — 35–50 лет, наличие высшего профессионального образования и опыта работы в управленческих структурах Российской Федерации, пребывание в занимаемой должности не менее года (государственные служащие, руководители учреждений, административные работники вузов);

— возраст третьей группы экспертов — 22–23 года, получение высшего профессионального образования по специальности «Государственное и муниципальное управление» (студенты 5 курса вуза).

Разработанный автором инструментарий представляет собой гайд бланка полуструктуризованного интервью из десяти вопросов, которые условно можно разделить на четыре блока: 1) понятийный, нацеленный на уточнение понимания термина «администрирование» экспертами; 2) актуальность концепции «административно-командной системы»; 3) факторы, негативно влияющие на качество государственного администрирования; 4) выявление представлений о принципах и пу-

³ Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>.

тях углубления административной реформы в Российской Федерации.

В целях соблюдения точности и стилистической чистоты высказываний, а также корректной формулировки выводов исследования был выбран способ дословного воспроизведения ответов респондентов.

В ходе опроса установлено, что спектр подходов специалистов к определению сущности государственного администрирования достаточно широк. Необходимо констатировать значительные различия между трактовками данного понятия разными возрастными группами экспертов. Так, опрошенные из старшей возрастной группы отдали предпочтение следующей дефиниции: «1) Управление, заведование, умение практически организовать исполнительно-распорядительную и производственную деятельность. 2) Бюрократический стиль управления, характеризующийся односторонней ориентацией на методы принуждения, чрезмерным увлечением мерами наказания как якобы единственно эффективными стимулами должного поведения членов трудовых организаций; неоптимальное решение вопросов без вхождения в существо дела, но в пределах формальных требований»⁴. На втором месте по упоминаемости «преобладание в управлении формальных, чисто административных, приказных форм и методов» [9, с. 15].

Вместе с тем, наряду с предложенными автором, экспертами из данной группы были даны следующие самостоятельно сформулированные определения: «управление органами власти с сельсоветов до Государственной Думы, с глав сельских администраций до Президента страны, определенные рамки для физических и юридических лиц»; «монополия на принятие политических, в первую очередь, решений»; «осуществление прямого руководства»; «чёткая механика распределения задач для исполнения».

Отвечая на тот же вопрос, почти 2/3 респондентов «среднего» возраста выразили согласие с пониманием администрирования как «основной функции управления, включающей планирование, организацию, руководство, учёт, контроль, анализ» [4, с. 12]. Второй

по популярности ответ из данной группы — «особая социальная функция, направленная на упорядочение развития в интересах всего общества, где государственный служащий выступает специальным агентом власти» [1, с. 22]. Приведём и некоторые определения, данные опрошенными из этой группы самостоятельно: «форма управления, принципы, контроль, кадровая политика, цифровизация процесса управления»; «управленческая вертикаль»; «управление государственными органами отдельными направлениями»; «деятельность государства, направленная на достижение политических целей через административные институты»; «исполнительные функции государственных органов власти».

Большинство экспертов из «младшей» возрастной группы выбрали ответ, что администрирование — это «рациональная система или организованная структура, предназначенная для квалифицированного эффективного исполнения общественной политики» [2, с. 31]. Далее по количеству предпочтений следует такое определение: «управление нормативно заданной функциональной деятельностью, связанное с выполнением возложенных на государственные органы функциональных обязанностей по оказанию государственных услуг» [9]. В качестве собственных толкований исследуемого понятия респонденты дали лишь два ответа: «навязывание государственными органами своего мнения обществу»; «решение вопросов организационного характера и механические функции».

Анализ ответов на вопрос о соотношении понятий «управление» и «администрирование» позволяет заключить, что мнения респондентов также разделились. В старшей возрастной экспертной группе превалирует точка зрения, что «государственное управление — более широкое явление, включающее в себя определение стратегических направлений». Эксперты из «средней» возрастной группы отдали предпочтение ответу, что «администрирование преимущественно включает в себя частные, технические вопросы». Существенная доля их младших коллег не видит разницы между указанными понятиями.

⁴ Варианты определений давались без указания их авторства. Источник: Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 г. №1789-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/54096/>.

Более чётко понимание опрошенными администрирования как особой управленческой функции предстаёт в выборе ответов на вопрос «Что является наиболее важным в административной работе?». В соответствии с результатами экспертного интервью составлен следующий рейтинг приоритетности функций в государственном администрировании (см. табл. 1).

При ответе на вопросы, касающиеся актуальности господствовавшей на протяжении второй половины 1980–1990-х гг. социолого-управленческой концепции «административно-командной системы» мнения опрошенных из разных групп также существенно разнятся. Имеющие советский управленческий опыт считают, что упомянутая концепция не утратила своей значимости, хотя и требует некоторых уточнений, причём весомая часть из них в нынешних условиях связывает её с новым понятием «административный ресурс».

Из «средней» возрастной группы со своими старшими коллегами согласилась примерно треть. Большинство же полагает, что термин «административно-командная система» стал достоянием прошлого и современное администрирование вовсе не предполагает обязательное применение бюрократических практик. Кроме того, 8 опрошенных на вопрос «Можно ли решить все вопросы управления с помощью так называемого «административного ресурса»?» ответили отрицательно.

Респонденты, заканчивающие получение профильного образования, за единич-

ным исключением, затруднились с ответом на поставленный вопрос. Не смогли они дать и собственной трактовки понятию административного ресурса. В то же время из полученных ответов следует, что понимание молодыми экспертами термина «администрация» близко к приравниванию его к понятию «правительство».

Следует особо подчеркнуть, что представителями экспертного сообщества выделен ряд **проблем, препятствующих повышению эффективности государственного администрирования**. Располагая их по частоте упоминания, можно получить следующий рейтинг (см. табл. 2).

Как следует из представленной таблицы, более всего экспертов из старшей возрастной группы беспокоит «недостаточное внимание администраторов к запросам граждан». На это указали более половины респондентов. Второй по частоте упоминаемости проблемой является «бюрократизм, формальный подход к делу». Это хорошо коррелируется с предыдущим преимущественно утвердительным ответом на вопрос об актуальности концепции «административно-командной системы». На третьем месте среди актуальных проблем современного государственного администрирования опрошенные данной группы назвали «халатное отношение к своим обязанностям».

Для респондентов из «средней» возрастной группы наиболее значима проблема, по их мнению, «недостаточного материального обеспечения, отсутствия необходимых

Таблица 1
Table 1

Рейтинг приоритетности функций в государственном администрировании
Priority rating of functions in public administration

Вариант ответа	55–70 лет	35–50 лет	22–23 года
1) определение конкретных целей	3 место	1 место	1 место
2) подбор и расстановка кадров	1 место	2 место	5 место
3) планирование	2 место	6 место	4 место
4) определение методов и последовательности действий	4 место	3 место	2 место
5) корректировка методов в связи с изменившейся обстановкой	5 место	5 место	6 место
6) контроль результатов	6 место	4 место	3 место

социальных гарантий у госслужащих». Вторую позицию у них занимает «отсутствие конкурентности при поступлении на госслужбу», третью — «недостаточное внимание администраторов к проблемам граждан». Характерно, что вопросы, связанные с личным благополучием и статусом, у этой группы имеют приоритет по сравнению с удовлетворением потребностей и законных интересов граждан.

Что же касается третьей, «младшей», возрастной группы экспертов, то она отдала безусловное предпочтение проблеме *коррупции*. Не меньше волнует её «слабый общественный контроль за деятельностью чиновничества». Наконец, третьей по значимости проблемой современного госадминистрирования она считает «ограничение прав и свобод граждан, поступающих на государственную службу». Резюмируя сказанное, отметим от-

сутствие совпадений представлений представителей трёх выделенных нами экспертных групп о наиболее значимых проблемах, влияющих на качество администрирования.

Не менее показательны результаты опроса в части определения возможных форм и методов повышения эффективности российской административной реформы. В ответах на данный вопрос, поступивших от экспертов 55–70 лет, предсказуемо прослеживается спектр типичных для данной возрастной группы высказываний — от ностальгии по Советской власти до требований кардинального переустройства существующей системы управления:

— «возврат к Советской системе как форме управления соответствующей отечественным цивилизационным основам, сочетание следования нормам закона и традиционным морально-нравственным принципам»;

Таблица 2
Table 2

Проблемы, влияющие на качество современного государственного администрирования
Problems affecting the quality of modern public administration

Проблема	Возрастные категории экспертов		
	55–75 лет	35–50 лет	22–23 года
1. Недостаточное внимание администраторов к запросам граждан	1	3	8
2. Отсутствие у государственных служащих необходимого уровня профессиональных знаний	9	8	12
3. Халатное отношение к своим обязанностям	3	5	9
4. Коррупция	4	4	1
5. Бюрократизм, формальный подход к делу	2	9	11
6. Подбор кадров по принципу личной лояльности	7	8	7
7. Непотизм	8	7	6
8. Слабый общественный контроль за деятельностью чиновничества	5	12	2
9. Отсутствие системности и плановости в работе	6	11	10
10. Ограничение прав и свобод граждан, поступающих на государственную службу	4	10	3
11. Недостаточное материальное обеспечение, отсутствие необходимых социальных гарантий у госслужащих	12	1	4
12. Отсутствие конкурентности при поступлении на госслужбу	11	2	5

— «необходимо принятие единых методических подходов для применения на всех уровнях»;

— «необходим плотный союз власти с народом, возвращение СССР»;

— «устранить бюрократию, вести контроль над подбором кадров, постоянное обучение в условиях меняющейся обстановки»;

— «эту систему не усовершенствовать. Она как стиральная машина, из которой пытаются сделать космический аппарат, а она может только “отмывать” деньги»;

— «пора вернуться к системной работе по подготовке управленческих кадров. Использовать в работе современную научно-обоснованную теорию государственного управления (основоположник — Г. В. Атаманчук)»;

— «необходимо больше учитывать запросы людей, так как государственное администрирование должно, в первую очередь, думать о гражданах, а уже потом — о собственной лояльности действующей власти».

Относительно путей усовершенствования современного государственного администрирования эксперты в возрасте от 35 до 50 лет высказали следующие суждения:

— «принятие нового Избирательного Кодекса, сменяемость “администраторов”. Одно плавно вытекает из другого»;

— «принцип широкого отбора, принцип отзыва, ограниченный срок работы, внимание к изменяющейся ситуации, администрирование должно быть гибким»;

— «необходимо снизить бюрократическую нагрузку, уменьшить документооборот»;

— «информатизация и автоматизация всех процессов, работа над повышением эффективности делопроизводства и документооборота, повышение уровня клиентоориентированности государственных служащих, повышение заработной платы всех работников государственных органов власти»;

— «повышение профессионализма. Запрет государственным служащим быть членами политических партий. Запрет губернаторам участвовать в выборах по партийным спискам. Отмена муниципального фильтра»;

— «необходимо ввести систему чёткого контроля населения в отношении органов власти, усилить роль политических и общественных институтов, организации

в системе управления, подбирать кадры для управления исходя исключительно из уровня компетентности»;

— «прозрачность, публичность, выборность, реальная конкуренция при отборе кадров, реальный общественный контроль»;

— «1) Определение образа будущего. 2) Воспитание кадров через общественную деятельность, привлечение людей к управлению малыми группами и большими коллективами. 3) Проверки управленцев результативностью предыдущей деятельностью. 4) Отчётность во времени власти перед обществом».

Некоторыми респондентами в возрасте 22–23 лет сформулированы такие предложения, как:

— «совершенствование нормативных актов в области государственного администрирования и управления, усиление общественного контроля за деятельностью государственных институтов»;

— «приём на работу специалистов, а не по принципу лояльности и родственности»;

— «государственное администрирование должно дополняться культурной политикой по продвижению позитивного образа России»;

— «упрощение “формализма” для полного понимания текста людьми»;

— «все вопросы государственного управления невозможно решить через государственное администрирование. Это временный локальный метод решения проблем, вопросов государства».

Заключение. Проведённые экспертные опросы показали, что современное состояние общественной рефлексии понятия «государственное администрирование» можно охарактеризовать как хаотический плюрализм. Респонденты, имеющие советский управленческий опыт, по-прежнему связывают администрирование с «перестроечной» доктриной «административно-командной системы», ключевым элементом которой является положение о тотальной бюрократизации государственного аппарата. Поэтому и методы, предлагаемые ими в целях придания административной реформе в Российской Федерации большего динамизма и результативности, не выходят за рамки представлений

авторов упомянутой идейно-политической доктрины.

«Переломные» 1990-е годы оказали определяющее влияние на менталитет сформировавшегося в тот период поколения современных управленцев. «Личное» у них имеет явный приоритет над «общественным». Вместе с тем большинство из них в той или иной форме подвергает сомнению актуальность господствовавших 20–25 лет назад в общественных науках представлений, отождествляющих понятие «администратор» с понятием «бюрократ». Более того, успех административной реформы они видят в согласовании её направлений с трендами общемирового развития: активным внедрением цифровизации и сведением к минимуму «человеческого фактора» в административных процессах и процедурах.

Эксперты младшей возрастной группы, несмотря на наличие базового образования, практически не проводят различий между «управлением» и «администрированием», не имеют ясных представлений о специфике административной деятельности. Однако они чётко обозначают барьеры, стоящие на пути нынешней административной реформы. По-видимому, исходя из устоявшейся практики именования структур исполнительной власти, будущие управленцы склонны к уравниванию понятий «администрация» и «правительство».

Выводы. Обобщение результатов проведенных экспертных опросов позволяет сделать следующие выводы.

1) В настоящее время имеет место глубинная трансформация исследуемого феномена и отражающего его теоретического понятия в восприятии представителями разных поколений действующих и будущих управленцев. Таким образом, можно согласиться с выводом о том, что «возрастает потребность в совершенствовании соответствующего категориального аппарата. Однако, несмотря на непрерывное расширение административных структур, в историческом аспекте само это понятие не получило пока должной социологической рефлексии [7].

2) Современный этап административной реформы в Российской Федерации оценивается различными возрастными группами на-

селения по-разному. Несмотря на некоторые достижения, связанные с применением инновационных подходов, нереализованными остаются такие её направления, как обеспечение действительной доступности и процедурной прозрачности административно-государственной системы.

3) Проведённое исследование наглядно показало ценностно-интеллектуальный разрыв преемственности поколений. Вследствие этого одним из направлений нынешней административной реформы могла бы стать разработка и внедрение в сфере государственного управления механизма транслирования социально-профессионального опыта, морально-нравственных ориентиров и ценностей, традиционно присущих российскому социуму.

Список источников

1. Бойкова М. В. Совершенствование теории администрирования: монография. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2013. 95 с.
2. Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М.: Логос, 2001. 198 с.
3. Васильева Е. А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.08.08 — Социология управления. С.-Петербургский государственный университет. СПб., 2016. 39 с.
4. Волков А. М. Административное право России. М.: Проспект, 2019. 328 с.
5. Гоголев А. М. Государственное администрирование в области налогов и сборов: проблемы административно-правового регулирования: монография. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2015. 269 с.
6. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1991. 442 с.
7. Макаров И. Н. От бюрократии — к правительству: этапы и особенности интерпретаций государственного администрирования в социальных науках // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. №5. С. 135–151.

8. Российская социологическая энциклопедия // Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 664 с.

9. Синюгин В.Ю. Реформирование в энергетической сфере на глобальном уровне: источники и перспективы государственного управления // Юридический мир. 2009. №1. С. 18–22.

10. Современный социоэкономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 628 с.

References

1. Bojkova M.V. Sovershenstvovanie teorii administrirovanija: monografija [Improving the theory of administration: monograph]. Moscow: Izd-vo Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2013. 95 p. (In Russ.).

2. Vasilenko I.A. Administrativno-gosudarstvennoe upravlenie v stranah Zapada: SShA, Velikobritanija, Francija, Germanija [Administrative and public administration in Western countries: USA, Great Britain, France, Germany]. Moscow: Logos, 2001. 198 p. (In Russ.).

3. Vasil'eva E.A. Transformacija gosudarstvennoj sluzhby v uslovijah administrativnoj reformy: sociologicheskij analiz: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk: 22.08.08 — Sociologija upravljenija [Transformation of the civil service in the conditions of administrative reform: sociological analysis: Dr. Sci. (Sociology) Thesis: 22.08.08 — Sociology of Management]. S.-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Saint Petersburg, 2016. 39 p. (In Russ.).

4. Volkov A.M. Administrativnoe pravo Rossii [Administrative law of Russia]. Moscow: Prospekt, 2019. 328 p. (In Russ.).

5. Gogolev A.M. Gosudarstvennoe administrirovanie v oblasti nalogov i sborov: problemy administrativno-pravovogo regulirovanija: monografija [State administration in the field of taxes and fees: problems of administrative and legal regulation: monograph]. Moscow: Finansovyj universitet pri Pravitel'stve RF, 2015. 269 p. (In Russ.).

6. Zaslavskaja T.I., Ryvkina R.V. Sociologija jekonomicheskoy zhizni: Oчерки teorii [Sociology of economic life: Essays of theory]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1991. 442 p. (In Russ.).

7. Makarov I.N. Ot bjurokratii — k pravitel'stvu: jetapy i osobennosti interpretacij gosudarstvennogo administrirovanija v social'nyh naukah [From bureaucracy to government: stages and features of interpretations of public administration in the social sciences]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2022; 17(5): 135–151. (In Russ.).

8. Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija [Russian Sociological Encyclopedia]. Pod obshh. red. akad. RAN G.V. Osipova [In acad. RAS G.V. Osipov (eds.)]. Moscow: NORMA-INFRA, 1998. 664 p. (In Russ.).

9. Sinjugin V. Ju. Reformirovanie v jenergeticheskoy sfere na global'nom уровне: istochniki i perspektivy gosudarstvennogo upravljenija [Reforming in the energy sector at the global level: sources and prospects of public administration]. *Juridicheskij mir* [Legal World]. 2009; (1): 18–22. (In Russ.).

10. Sovremennyyj sociojekonomicheskij slovar' [Modern socio-economic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 2009. 628 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted on 01.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 10.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров Игорь Николаевич — доцент Российской академии кадрового обеспечения агропромышленного комплекса.
Россия, г. Москва, ул. Оренбургская, 15б

Igor N. Makarov — Associate Professor, Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex.
15b Orenburgskaya str., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 376

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-70-76

ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЛАБОВИДЯЩИХ И СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

Тамара Владимировна Слезко^{1✉}, Алла Владимировна Духавнева²,
Ксения Руслановна Хурина³

^{1,3}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

²Южный университет (Институт Управления, Бизнеса и Права),
Ростов-на-Дону, Россия

¹slezkotamara@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0002-1360-6066

²duhavneva@mail.ru, ORCID: 0009-0000-6216-6661

³hurinaksen@gmail.com, ORCID: 0009-0002-1817-3906

Аннотация. Целью исследования является анализ физиологического и психологического развития и особенности психолого-педагогического развития слепых и слабовидящих детей школьного возраста, рассмотрение вопроса формирования социального опыта у детей с нарушенным зрением.

Методологическую базу исследования составляют оценочные данные проведенного опроса.

Результаты исследования составляют особенности развития и воспитания слабовидящих и слепых детей и их взаимодействие с социумом, самооценка воспитанников и их адаптация к окружающей действительности.

Ключевые слова: слепота, ученики, воспитанники, дети, нарушение зрения, исследование, адаптация, социум, общение, социализация

Для цитирования: Слезко Т. В., Духавнева А. В., Хурина К. Р. Личностные и социально-психологические проблемы слабовидящих и слепых детей // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №2. С. 70–76. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-70-76>.

Original article

PERSONAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF VISUALLY IMPAIRED AND BLIND CHILDREN

Tamara V. Slezko^{1✉}, Alla V. Duhavneva², Ksenia R. Khurina³

^{1,3}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

²*Southern University (Institute of Management, Business and Law), Rostov-on-Don, Russia*

¹*slezkotamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1360-6066*

²*duhavneva@mail.ru, ORCID: 0009-0000-6216-6661*

³*hurinaksema@gmail.com, ORCID: 0009-0002-1817-3906*

Abstract. *The aim of the study is to analyze the physiological and psychological development and features of the psychological and pedagogical development of blind and visually impaired children of school age. Consideration of the issue of the formation of social experience in children with impaired vision.*

The methodological basis of the study is the evaluation data of the survey.

The results of the study make up the features of the development and education of visually impaired and blind children and their interaction with society, self-esteem of pupils and their adaptation to the surrounding reality.

Keywords: *blindness, pupils, pupils, children, visual impairment, research, adaptation, society, communication, socialization*

For citation: *Slezko T. V., Duhavneva A. V., Khurina K. R. Personal and socio-psychological problems of visually impaired and blind children // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16 (2): 70–76. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-70-76>.*

Введение. По данным международного агентства по профилактике слепоты, на сегодняшний день в России насчитывается 210 тысяч слепых людей, и с каждым годом количество незрячих людей увеличивается. Нарушения зрения у детей могут быть приобретёнными, врожденными или наследственными. Слабовидящий или слепой ребенок воспринимает мир иначе, использует другие способы познания окружающей действительности по сравнению с детьми в норме. В организме происходит изменение всех функций, с помощью которых можно осуществить познание действительности, следовательно, процесс психического развития слепого ребенка становится также иным.

Методы исследования. Данная работа основана на анализе и последующей интерпретации результатов опроса, проведенного

в апреле 2022 года в школе-интернат №33 г. Новочеркасска Ростовской области. Данное исследование было направлено на изучение личностных проблем в развитии слабовидящих и слепых детей школьного возраста. В исследовании приняли участие 50 человек.

Категорией анализа выступают: проблемы, связанные с неудовлетворенностью в общении, оценкой своей личности, оценкой своей деятельности, трудностями в общении с людьми, пониманием жизни и своего места в ней и проблемы одиночества.

Результаты. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что 28% учащихся чувствуют себя незащищенными. Оценка качеств личности у 46% оптимистична, но при этом в большинстве ответов прослеживается пессимистичный подтекст. Анализ ответов школьников позволил выделить опре-

делённую группу учащихся, которые достаточно пессимистично оценивают собственные возможности (50% опрошенных часто чувствуют себя неудачниками, 76% респондентов иногда сомневаются в своих способностях). Трудности в общении с другими людьми испытывают 66% учащихся 6 класса, это обусловлено недопониманием и недоброжелательностью этих людей, в то время как трудности в общении с окружающими людьми у учеников 9 класса возникают значительно реже (26%). При ответах из группы «проблемы, связанные с жизнью и пониманием своего места в ней» большинство детей показали сформированное положительное и оптимистичное отношение к жизни (64%), но при этом, отвечая на вопрос «Вам говорят, что вы не оправдываете надежд?», половина опрошенных ответили, что это происходит часто. Анализируя ответы на вопросы, связанные с одиночеством, 68% учащихся ответили, что чувствуют себя одинокими иногда.

На основе проведенного исследования методом социологического опроса сформировано мнение, что в целом личностные проблемы воспитанников школы-интерната №33 присутствуют в вопросах, связанных с одиночеством и определением своего места в жизни, оценкой своей деятельности и определением самооценки, но не имеют высоких показателей.

Обсуждение. Проведенное исследование и анализ полученных данных позволили определить основные особенности личностного и психологического развития детей с нарушением зрения.

При глубоких нарушениях зрения в организме происходит перестройка взаимоотношений между анализаторами. Большую часть информации ребенок получает через слух, обоняние, осязание. Различительная чувствительность у перечисленных анализаторов выше, чем у детей в норме, так как используют их более часто. Слепота снижает познавательную активность ученика, поэтому при обучении используют специально адаптированную программу и подходящие технологии [2].

В специализированном учебном заведении должны осуществляться такие принципы, как учет возрастных и индивидуальных особенностей ребенка, положительная эмо-

циональная оценка деятельности детей педагогом, учет темпа развития каждого ребенка. Для этого специализированное учебное заведение должно иметь в штате кадры с высоким уровнем психолого-педагогических компетенций, а также таких сотрудников, как тьютор, психолог, логопед, дефектолог [1].

Развитие речи у слабовидящих и слепых детей отличается от развития детей, находящихся в норме, рядом следующих показателей: плохо видящие дети обладают слабым словарным запасом, их речь невыразительная, они недостаточно понимают высказывания окружающих. Дети тяжелее усваивают новые слова и выражения, владеют малым количеством эмоций, тяжело воспринимают окружающих их людей, но при этом чутко улавливают их отношение к ним, часто становятся замкнутыми и малообщительными, нерешительными, возникают сложности с выражением простых жестов [3].

В условиях нарушенного зрения адаптация к жизненным условиям у детей происходит значительно медленнее, чем у детей с нормативно развивающейся психикой. Образовательное пространство должно помогать слабовидящему или слепому ребенку в социализации, но для этого в учебном заведении должны быть выполнены такие условия, как помощь в формировании личностной позиции у ученика, внедрение в процесс обучения адаптированных программ для изучения социальных ролей, диагностика уровня социального развития детей. Необходимо также акцентировать в процессе обучения внимание на развитии познавательного, любознательного отношения детей к окружающей действительности, формировании опыта поведения на примере различных ситуативных моделей, а также на взаимодействии с разными людьми, обучении социальным нормам [5].

Уровень социального интереса детей с нарушением зрения напрямую зависит от их познавательной активности, что развивается с увеличением опыта взаимодействия с окружающим миром и социумом. Следовательно, основным методом является знакомство с новыми людьми. Это стимулирует расширение кругозора, получение новой информации, повышение самооценки. Также особенностью социального поведения при слабой коор-

динации становится применение неудачных поз, не соответствующей ситуации мимики, что затрудняет коммуникативное развитие человека. Слабовидящим детям сложно понимать и принимать позицию собеседника, а также они с трудом воспринимают критику в свой адрес [7].

Заключение. Социализация слепых и слабовидящих детей является важной задачей общества. Она помогает детям с ограниченными возможностями интегрироваться в общество, развивать свои навыки и умения, а также получать необходимые знания и опыт для успешной жизни в будущем.

Одним из главных факторов, влияющих на социализацию слепых и слабовидящих детей, является образование. Школы и другие образовательные учреждения должны обеспечивать доступность и качество обучения для таких детей. Например, в классах для слепых и слабовидящих детей должны быть специальные учебники, аудио- и видеоматериалы, компьютерные программы и другие средства обучения, которые помогают детям получать знания и развивать свои навыки. Также становится необходимым пропагандировать тифлознания с помощью интернета и СМИ. Нужно расширить возможность получения дефектологического образования, финансировать реабилитационные программы сотрудников школы-интерната №33 г. Новочеркаска. Для учеников можно создать «живой» уголок для повышения интереса к природе, расширить возможность детей в выборе дальнейшей специальности. Учащиеся могут с помощью связи с центром занятости проходить курсы профориентации и участвовать в круглых столах для дальнейшей социализации уже в сфере выбранной специальности.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что слабовидящие и слепые дети обладают рядом специфических особенностей, таких как проблемы с пониманием окружающей действительности и социальных ролей, недоверие к новым людям, такие дети зачастую не могут себя поставить на место другого человека, но при этом настроены достаточно оптимистично к жизни, имеют нормальную самооценку и не чувствуют себя беззащитными.

Список источников

1. Абдуламинава А.А.К. Психические особенности развития слепых и слабовидящих детей [Электронный ресурс] // Scientific progress. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihicheskie-osobennosti-razvitiya-slepyh-i-slabovidyaschih-detey> (дата обращения: 22.03.2023).
2. Абдуллина Л.Б., Гайнуллина Ф.Б., Гребенникова Н.Л., Петрова И., Сулейманова Ф.М. Особенности развития коммуникативных навыков у слабовидящих детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // МНКО. 2020. №3(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kommunikativnyh-navykov-u-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 02.01.2023).
3. Алехина Д.М. Межличностные отношения слабовидящих детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // Auditorium. 2019. №2(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnye-otnosheniya-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Гостунская Я.И., Шипилова Е.В., Трущелёва А.В. Особенности формирования социального опыта у детей с нарушениями зрения [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №65-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-sotsialnogo-opyta-u-detey-s-narusheniyami-zreniya> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Луцук Т.С. Социокультурная адаптация детей и подростков с нарушениями зрения // Экономика и социум. 2019. №2(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-detey-i-podrostkov-s-narusheniyami-zreniya> (дата обращения: 22.11.2022).
6. Ольхина Е.А., Мурзина Д.А. Особенности социально-психологической адаптации младших школьников с нарушениями зрения в условиях школы-интернат [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-zreniya-v-usloviyah-shkoly-internat> (дата обращения: 12.03.2022).

7. Пазынина Л. М. Модель психолого-педагогического сопровождения процесса социализации детей с ОВЗ по зрению отягощенных ТМНР [Электронный ресурс] // Символ науки. 2020. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-protssesa-sotsializatsii-detey-s-ovz-po-zreniyu-otyagoshchennyh-tmnr> (дата обращения: 12.03.2023).

8. Петрова Г. Г., Беседина И. А., Носова Е. Ю. Опыт обучения и социализации слепых и слабовидящих детей (в том числе с комплексными нарушениями развития) [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2020. №VI. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-obucheniya-i-sotsializatsii-slepyh-i-slabovidschih-detey-v-tom-chisle-s-kompleksnymi-narusheniyami-razvitiya> (дата обращения: 24.03.2023).

9. Платонова З. Н. Об особенностях самооценки слабовидящих детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2020. №4(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-samootsenki-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 22.02.2023).

10. Прокопенко Н. П. Изучение личностных проблем слепых и слабовидящих детей на примере коррекционного образовательного учреждения [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №10-2(64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-lichnostnyh-problem-slepyh-i-slabovidyaschih-detey-na-primere-korreksionnogo-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya> (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Abdulaminova A. A. K. Psichicheskie osobennosti razvitiya slepyh i slabovidjashhih detej [Mental features of the development of blind and visually impaired children] [Elektronnyj resurs]. *Scientific progress*. 2021; (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psichicheskie-osobennosti-razvitiya-slepyh-i-slabovidyaschih-detey> (data obrashhenija: 22.03.2023). (In Russ.).

2. Abdullina L. B., Gajnullina F. B., Grebennikova N. L., Petrova I., Sulejmanova F. M. Osobennosti razvitiya kommunikativnyh navykov

u slabovidjashhih detej mladshego shkol'nogo vozrasta [Features of the development of communication skills in visually impaired children of primary school age] [Elektronnyj resurs]. *MNKO*. 2020; 3(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kommunikativnyh-navykov-u-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (data obrashhenija: 02.01.2023). (In Russ.).

3. Alehina D. M. Mezhlichnostnye otnosheniya slabovidjashhih detej mladshego shkol'nogo vozrasta [Interpersonal relations of visually impaired children of primary school age] [Elektronnyj resurs]. *Auditorium*. 2019; 2(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnye-otnosheniya-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (data obrashhenija: 22.02.2023). (In Russ.).

4. Gostunskaja Ja. I., Shipilova E. V., Trushheljova A. V. Osobennosti formirovaniya social'nogo opyta u detej s narusheniyami zrenija [Features of the formation of social experience in children with visual impairments] [Elektronnyj resurs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2019; (65-4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-sotsialnogo-opyta-u-detey-s-narusheniyami-zreniya> (data obrashhenija: 18.03.2022). (In Russ.).

5. Lucuk T. S. Sociokul'turnaja adaptacija detej i podrostkov s narusheniyami zrenija [Sociocultural adaptation of children and adolescents with visual impairments]. *Jekonomika i socium* [Economy and society]. 2019; 2(57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-detey-i-podrostkov-s-narusheniyami-zreniya> (data obrashhenija: 22.11.2022). (In Russ.).

6. Ol'hina E. A., Murzina D. A. Osobennosti social'no-psihologicheskoy adaptacii mladshih shkol'nikov s narusheniyami zrenija v usloviyah shkoly-internat [Features of socio-psychological adaptation of younger schoolchildren with visual impairments in a boarding school] [Elektronnyj resurs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2020; (67-3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-mladshih-shkolnikov-s-narusheniyami-zreniya-v-usloviyah-shkoly-internat> (data obrashhenija: 12.03.2022). (In Russ.).

7. Pazynina L.M. Model' psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya processa socializatsii detej s OVZ po zreniju otjagoshhennyh TMNR [Model of psychological and pedagogical support of the process of socialization of children with visual disabilities burdened with TMNR] [Elektronnyj resurs]. *Simvol nauki* [Symbol of Science]. 2020; (12-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-protsesta-sotsializatsii-detey-s-ovz-po-zreniyu-otyagoshchennyh-tmnr> (data obrashheniya: 12.03.2023). (In Russ.).

8. Petrova G.G., Besedina I.A., Nosonova E. Ju. Opyt obucheniya i socializatsii slepyh i slabovidjashhih detej (v tom chisle s kompleksnymi narushenijami razvitiya) [Experience of teaching and socialization of blind and visually impaired children (including those with complex developmental disorders)] [Elektronnyj resurs]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Nauka i socium» [Materials of the All-Russian Scientific and practical conference «Science and Society»]. 2020; (VI). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-obucheniya-i-sotsializatsii-slepyh-i-slabovidshih-detey-v-tom-chisle-s-kompleksnymi-narusheniyami-razvitiya>

(data obrashheniya: 24.03.2023). (In Russ.).

9. Platonova Z.N. Ob osobennostyah samoocenki slabovidjashhih detej mladshego shkol'nogo vozrasta [On the features of self-assessment of visually impaired children of primary school age] [Elektronnyj resurs]. *ANI: pedagogika i psihologiya* [ANI: pedagogy and psychology]. 2020; 4(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-samootsenki-slabovidyaschih-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta> (data obrashheniya: 22.02.2023). (In Russ.).

10. Prokopenko N.P. Izuchenie lichnostnyh problem slepyh i slabovidjashhih detej na primere korrekcionnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [The study of personal problems of blind and visually impaired children on the example of a correctional educational institution] [Elektronnyj resurs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2016; 10-2(64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-lichnostnyh-problem-slepyh-i-slabovidyaschih-detey-na-primere-korrekcionnogo-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya> (data obrashheniya: 15.09.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 04.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Слезко Тамара Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «История, философия социальных технологий», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им. А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Tamara V. Slezko — Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Social Technologies, Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Духавнева Алла Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры «Психология и управление персоналом», Южный университет (Институт Управления, Бизнеса и Права).

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Михаила Нагибина, 33а/47

Alla V. Dukhavneva — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Psychology and Human Resources Management, Southern University (Institute of Management, Business and Law).

33a/47 Mikhaila Nagibina ave., Rostov-on-Don, Russia

Хурина Ксения Руслановна — студент факультета «Бизнес и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортюнова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Ksenia R. Khurina — student of the Faculty of Business and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Духавнева А. В., Слезко Т. В. — научное руководство; построение концепции научного исследования; доработка текста.

Хурина К. Р. — написание исходного текста; выводы по проведенному исследованию.

Contribution of the authors:

Duhavneva A. V., Slezko T. V. — scientific guidance; building the concept of scientific research; text revision.

Khurina K. R. — writing the original text; conclusions from the study.

Научная статья

УДК: 66.0+325.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-77-85

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВНЕШНИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Бегимай Абдырайымовна Сыдыгалиева

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан*

bekadobrev@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3646-082, SPIN-код: 5908-0114

Аннотация. *Цель исследования:* рассматривается гендерное неравенство на рынке труда Кыргызской Республики. Внешняя трудовая миграция на сегодняшний день является важным направлением эмиграции кыргызских граждан за рубежом, она стала носить преимущественно женский характер, т.е. увеличивается количество женщин среди трудовых мигрантов, женщины вынуждены зарабатывать самостоятельно в силу различных объективно-субъективных причин. В статье рассматриваются причины и проблемы женской трудовой миграции, особенности гендерного распределения ролей в азиатской кыргызской семье. Государственный комитет Кыргызской Республики по миграции и занятости реализовывает мероприятия по устройству безработного населения, совершенствованию качества предоставляемых услуг по вопросам миграции, регулированию законодательной и международной базы трудовой миграции. Также рассматриваются основные мероприятия, направленные на защиту прав трудовых мигрантов, в частности мигрантов-женщин.

Методы и материалы исследования. В работе использованы общенаучные статистические методы исследования: экономико-статистический анализ, аналитический и сравнительный методы и др. для обеспечения достоверности полученных результатов исследования. Материалами исследования послужили статьи, монографии, материалы Национального статистического комитета Кыргызской Республики, Национального Банка Кыргызской Республики, электронные ресурсы и базы данных других организаций, вовлеченных в миграционный процесс.

Результаты исследования: на основе исследования гендерного аспекта внешних миграционных процессов сформулированы предложения и рекомендации, поскольку в странах приема женщины мигранты являются главным трудовым, человеческим и экономическим ресурсом, а в странах происхождения приносят большой приток денежных средств и инвестиций.

Перспективы исследования состоят в возможности их использования для разработки миграционной стратегии в Кыргызской Республике, а также оптимизации векторов внешней миграции.

Ключевые слова: гендер, гендерное неравенство, женщина, бедность, рынок труда, миграция, общество, государство

Для цитирования: Сыдыгалиева Б.А. Гендерный аспект внешних миграционных процессов (на примере Кыргызской Республики) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 77–85. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-77-85>.

Original article

GENDER ASPECT OF EXTERNAL MIGRATION PROCESSES (BY EXAMPLE KYRGYZ REPUBLIC)

Begimai A. Sydygalieva

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
bekadobrev@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3646-082, SPIN-code: 5908-0114*

Abstract. Purpose of the study: gender inequality in the labor market of the Kyrgyz Republic is considered. Today, external labor migration is an important direction of emigration of Kyrgyz citizens abroad, and it has become predominantly female in nature, i.e. the number of women among labor migrants is increasing, women are forced to earn money on their own, due to various objective and subjective reasons. The article discusses the causes and problems of female labor migration, the features of the gender distribution of roles in the Asian Kyrgyz family. The State Committee of the Kyrgyz Republic on Migration and Employment, implements measures to accommodate the unemployed population, improve the quality of services provided on migration issues, regulate the legislative and international base of labor migration. Also, the main measures aimed at protecting the rights of labor migrants, in particular female migrants, are considered.

Research methods and materials. The work uses general scientific statistical research methods: economic and statistical analysis, analytical and comparative methods, etc. to ensure the reliability of the research results. The research materials were articles, monographs, materials of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the National Bank of the Kyrgyz Republic, electronic resources and databases of other organizations involved in the migration process.

Results of the study: based on the study of the gender aspect of external migration processes, proposals and recommendations were formulated that in the receiving countries, women migrants are the main labor, human and economic resource, and in the countries of origin they bring a large influx of funds and investments.

The prospects of the study lie in the possibility of using them to develop a migration strategy in the Kyrgyz Republic, as well as to optimize the vectors of external migration.

Keywords: gender, gender inequality, woman, poverty, labor market, migration, society, state

For citation: Sydygalieva B.A. Gender aspect of external migration processes (by example Kyrgyz Republic) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 77–85. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-77-85>.

Введение. Вопрос гендерного равенства является главной составной частью современного демократического общества, поэтому его реализация является одной из приоритетных политических и социальных задач в Кыргызской Республике. «Основные задачи Кыргызской Республики по реализации ген-

дерного равенства отмечены в универсальных конвенциях по правам человека ООН, также закреплены в декларациях и международных документах»¹.

Целью данного исследования является изучение гендерного неравенства на рынке

¹ Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства [Электронный ресурс] // К постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 16 сентября 2022 г. №513. Бишкек, 2015. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159472>.

труда Кыргызской Республики и выявление причин и проблем женской трудовой миграции, особенности гендерного распределения ролей в азиатской кыргызской семье, поскольку внешняя трудовая миграция на сегодняшний день является важным направлением эмиграции кыргызских граждан за рубежом, она стала носить преимущественно женский характер, т.е. увеличивается количество женщин среди трудовых мигрантов, женщины вынуждены зарабатывать самостоятельно, в силу различных объективно-субъективных причин.

Кыргызская Республика в соответствии с международными актами реализует принятые концепции, где предусмотрено разрешение гендерного равенства во всех отраслях развития национальной экономики².

«В 1995 году принятая Пекинская платформа действий признала, что массовые передвижения людей приводят к глубоким последствиям для структуры и благосостояния семьи, причем эти последствия являются неодинаковыми для женщин и мужчин и во многих случаях приводят к сексуальной эксплуатации женщин»³, а также что «миграция и последующие изменения в структуре семьи возложили на женщин дополнительное бремя, особенно на тех из них, кто имеет несколько иждивенцев»⁴.

Пандемия COVID-19, вызвавшая инфекцию, а также увеличение безработицы, повышение уровня бедности населения, закрытие практически всех предприятий и организаций и др., вызвала и проблемы в системе социальной защиты в стране, как и во всем мире, что, естественно, больше всего отразилось на качестве жизни сельских женщин. В Кыргызской Республике в 2021 году в сельской местности проживало порядка 65% женщин. Данной когорте населения характерны специфические особенности в семейных, социальных и культурных ценностях. В результате усиления

отмеченных выше кризисных явлений в экономике Кыргызского общества именно сельские женщины оказались в наиболее невыгодном экономическом и социально-психологическом положении.

Методы и материалы исследования.

В работе использованы общенаучные статистические методы исследования: экономико-статистический анализ, аналитический и сравнительный методы и др. для обеспечения достоверности полученных результатов исследования. Материалами исследования послужили статьи, монографии, материалы Национального статистического комитета Кыргызской Республики, Национального Банка Кыргызской Республики, электронные ресурсы и базы данных других организаций, вовлеченных в миграционный процесс.

Результаты исследования.

Экономическая нестабильность оказала серьезное влияние на экономику нашего государства: в 2020 году ВВП упал на 8,1% в годовом исчислении, объем денежных переводов сократился на 25%, а уровень безработицы вырос до 21%, что усугубило существующее гендерное неравенство и привело к серьезным последствиям для женщин⁵.

В современном обществе в условиях глобализации социально-экономических систем женщины вносят большой вклад не только в воспитание и формирование будущего молодого поколения, укрепляя институт семьи, но и в увеличение ВВП экономики государства и общества в целом.

По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, на 2021 год общая численность населения составляла 7 млн человек, из них численность женщин — 3342,7 тыс. чел., а численность мужчин — 3294,1 тыс. чел., мигрировало за один год — 12,5 тыс. чел.⁶

2 Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства [Электронный ресурс] // К постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 16 сентября 2022 г. №513. Бишкек, 2015. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159472>.

3 Пекинская платформа действий [Электронный ресурс] // IV Всемирная конференция по положению женщин, 1995. С. 50. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/>.

4 Там же. С. 65.

5 Экономическое развитие [Электронный ресурс] // Статистический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2022. С. 34. URL: <http://www.stat.kg/ru/hublications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

6 Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства [Электронный ресурс] // Бишкек, 2015. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12728>.

Треть постоянного населения (34%) проживает в городах, две трети населения (66%) — в сельской местности. Распределение населения по половому признаку в целом по стране является неоднородным. В городах количественное соотношение женщин выше, чем мужчин, и составляет 52,5%, и наоборот, в сельской местности, где рождаемость выше, количественное соотношение мужчин составляет 50,6%⁷. Подавляющее преимущество численности женщин над численностью мужчин характерно для населения большинства стран мира, в том числе и для Кыргызстана, и такая тенденция увеличивается в периоды экономической нестабильности страны.

В статье 24 Конституции Кыргызской Республики указывается «В Кыргызской Республике мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [9], что подтверждает гендерное равноправие.

В современном обществе термин «гендер» понимается как аналитический инструмент для осознания социальных процессов. Доля женского населения выше мужского, женщины занимают лидирующее положение по занятости в экономике, составляя более

чем 50% всего занятого населения⁸. Так, например, доля женщин превалирует в социальной сфере, в частности в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении, культуре и др.

Сегодня современные кыргызские женщины занимают руководящие должности: среди них есть управляющие филиалами банков, заведующие магазинами, детскими садами, образовательными центрами и учреждениями здравоохранения или целыми сетями мобильных связей, но при этом у мужчин возможностей и прав больше, чем у женщин.

Процессы глобализации оказывают значительное влияние на современное общество, вызывая кардинальные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека.

193 государств ООН приняли на себя обязательство по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР от 25 сентября 2015 года) в документе «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1]. ЦУР включены в государственную политику страны и нашли отражение в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы [4].

Таблица 1
Table 1

**Численность мужчин и женщин Кыргызской Республики
 (оценка на начало года, тыс. человек)⁹
 The number of men and women of the Kyrgyz Republic
 (estimate at the beginning of the year, thousand people)**

Годы	Численность постоянного населения	в том числе		В общей численности населения, в %	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
2017	6 140,20	3 042,50	3 097,70	49,6	50,4
2018	6 256,70	3 101,80	3 154,90	49,6	50,4
2019	6 389,50	3 169,60	3 219,90	49,6	50,4
2020	6 523,50	3 237,60	3 285,90	49,6	50,4
2021	6 636,8	3 294,1	3 342,7	49,6	50,4

⁷ Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. (принятый референдумом) 11 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.kg>.

⁸ Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства [Электронный ресурс] // Бишкек, 2015. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12728>.

⁹ Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/>.

Трудовая миграция является для женщин одним из способов реализации их экономических возможностей и подвергает особому риску их права и жизнь, поэтому кыргызские женщины-мигранты уязвимы: во-первых, как слабые женщины, и во-вторых, как трудовая рабочая сила, вовлеченная в этот процесс.

Государственная деятельность по выполнению механизмов устойчивого развития экономики открывает больше возможностей для разрешения вопросов с гендерным неравенством. Данная политика предусматривает пересмотр политики таким образом, чтобы предоставить женщинам больше возможностей и стать равными партнерами с мужчинами с целью равноправного, стабильного развития и снижения уровня бедности в стране.

В целом в миграционном процессе все больше усиливается тенденция к увеличению женщин. Данная особенность может привести к серьезным последствиям, изменяя возрастную структуру рынка труда в Кыргызской Республике.

Около 76% наших соотечественников моложе 35 лет трудятся за границей, при этом 53% из них — женщины, что является большой особенностью в сравнении с другими странами, например, количество женщин, приехавших Таджикистана и Туркменистана, составляет всего около 10%¹⁰.

С 2014 года поток женщин в трудовой миграции увеличился в два раза. Сегодня он превосходит количество мужчин, уезжающих из страны на заработки, поэтому гендерный

вопрос в этой сфере всегда остается актуальным наряду с вопросами внешней миграции, вопросами беженцев, приграничной, неурегулированной «маятниковой» миграции. Алматинский процесс образовался для обеспечения региональной платформы и диалога для решения проблем в целях избегания гуманитарного кризиса¹¹.

Уровень участия женщин в составе рабочей силы Кыргызстана является самым низким среди стран — членов ЕАЭС. Гендерный разрыв уровня занятости является самым высоким среди возрастной группы 20–29 лет, когда большинство женщин выходят замуж и рожают.

По данным Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики, около 40% экономически активных женщин уволились с работы по семейным обстоятельствам. Уровень трудовой занятости женского населения существенно снизился в связи с сокращением рабочего времени и увеличением объема неоплачиваемого труда по дому и уходу за детьми, 52% бедных семей сообщили об ухудшении своего финансового положения. Ежедневно женщины тратят на оплачиваемую работу на 1,3 часа меньше, чем мужчины, а на неоплачиваемый труд по дому, в саду или огороде и на воспитание детей — на 2,75 часа больше, чем мужчины. Такой гендерный разрыв в продолжительности неоплачиваемого репродуктивного труда не зависит от статуса занятости женщин [7].

Таблица 2
Table 2

Уровень участия в рабочей силе, уровень занятости и уровень безработицы населения Кыргызской Республике в возрасте 15 лет и старше (в %)¹²
Labor force participation rate, employment rate and unemployment rate of the population of the Kyrgyz Republic aged 15 years and older (in %)

	2016	2017	2018	2019	2020
Уровень участия в рабочей силе	61,5	60,1	59,8	60,2	60,1
мужчины	75,4	75	75,4	75,7	74,8
женщины	48,3	45,9	45	45,5	46,1

¹⁰ Демография [Электронный ресурс] // Статистический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2022. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

¹¹ Там же.

¹² Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/>.

В Кыргызстане миграция затрагивает судьбы более 3 млн человек — сами трудовые мигранты, их дети и семьи. Каждая четвертая семья в Кыргызстане имеет как минимум одного трудового мигранта. Основной возраст мигрантов в целом от 18 до 45 лет, и этот возраст составляет около 70% [6].

В вопросах доходов и доступа к занятости в безопасных условиях на рынке труда в Кыргызской Республике женщины испытывают серьезное неравенство по сравнению с мужчинами. К категории экономически активного населения можно отнести всего лишь 50% женщин в возрасте от 15 до 64 лет. По данным Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики, разрыв по заработной плате между женщинами и мужчинами составляет около 30%¹³.

По данным ЮНИСЕФ, в Кыргызстане 11% детей в возрасте до 17 лет имеют одного родителя-мигранта [2]. Главными причинами внешней миграции трудовых мигрантов являются безработица, низкая оплата труда, тяжелые жизненные ситуации с жильем, другая малая часть мигрантов уезжает по собственному желанию или же на стажировку.

Трудовая внешняя миграция продолжает играть важную роль в экономике Кыргызстана, обеспечивая стабильные поступления финансовых средств в республику — ежегодно мигранты переводят в Кыргызстан свыше 2 млрд сомов, что составляет примерно треть ВВП страны. Свыше 90% переводов приходятся на Россию, где работают более 800 тысяч до 1 миллиона кыргызстанцев, примерно половина из них — женщины [2].

По потребительским расходам в Кыргызской Республике уровень бедности в 2020 году составил 25,3%, увеличившись по отношению к прошлому году на 5,2%. За чертой бедности в 2020 году проживали 1 млн 678 тысяч человек, из которых 73,7% — жители сельской местности. Расчеты показывают, что при исключении доходов трудовых мигрантов из стоимости потребления уровень бедности в среднем по республике поднимается с 25,3% до 34,6% [2].

По данным Национального банка Кыргызской Республики, с января по ноябрь про-

шлого 2021 года в Кыргызстан было переведено 2 млрд 516 млн 970 тысяч долларов [8].

Реальная картина такая: во-первых, миграционный отток при нынешней экономической ситуации невозможно снизить; во-вторых, внешняя миграция даже обеспечивает определенный экономический рост Кыргызстану за счет поступления большого количества денег.

Обсуждение. Проблема с оттоком трудовых мигрантов изменится в лучшую сторону, когда улучшится экономическая ситуация в Кыргызстане. Есть также положительные стороны миграции — не только денежные переводы, позволяющие сохранять экономическую стабильность и снижать социальную напряженность, это еще и увеличение инвестиций в экономику республики, а также приобретение и использование прогрессивного опыта в развитии тех или иных отраслей малого бизнеса — открываются модельные дома, кофейни, пиццерии и предприятия фастфуда по системе франшизы, активнее развивается направление по оказанию различных видов медицинских, косметологических, образовательных услуг.

Усиление женской активности в миграционном процессе влечет за собой рост случаев, когда женщины-мигранты сталкиваются с нарушением их прав, психологическим, физическим и сексуальным насилием, становятся жертвами плохих условий труда и жилья, поскольку часто не подписывают трудовые договоры и не могут полноценно пользоваться правами, предоставленными им в данной государстве.

С 2015 года Кыргызстан стал полноправным членом Евразийского экономического союза, и кыргызстанцы почувствовали эффект от членства страны в ЕАЭС в некоторых сферах. Первое — это отсутствие таможенных постов на границе с Казахстаном, второе — это общий рынок труда, за эти годы кыргызстанцы сэкономили около 1 млрд долларов. Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики отмечено, что по-прежнему доминирующими государствами в плане выбора места постоянного жительства

13 Единый доклад по миграции [Электронный ресурс] // Государственная служба по миграции при Правительстве КР. Бишкек, 2018. URL: <http://rce/kg/wp-content/uploads/2018/edinyi-doklad-final>.

тва для мигрантов являются Россия (67,4%) и Казахстан (26,6%)¹⁴.

Также проводится активная работа по вопросам признания ученых степеней и квалификаций, что позволит кыргызстанцам получить работу с высокой заработной платой в престижных сферах ближнего и дальнего зарубежья.

Таким образом, миграционная привлекательность Российской Федерации не убывает, а потребность во внешних трудовых ресурсах увеличивается. Власти Москвы выплачивают пособия не только рожающим россиянкам, но и мигранткам по 20 тысяч рублей за каждого ребенка, или 700 млн рублей в год, что также привлекательно¹⁵.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета было отмечено, что «со своей стороны Россия стремится и будет стремиться максимально улучшить условия для прибывающих на работу граждан других стран и, конечно, в первую очередь государств ЕАЭС»¹⁶. В соответствии с пунктом 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС «государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных настоящим договором» [5, с. 170].

Следует отметить, что женское предпринимательство сталкивается с социально-экономическими, политическими, правовыми и культурными проблемами. Все больше женщин активно привлекается в трудовую миграцию, и в результате они часто сталкиваются со специфическими проблемами как в странах приема, так и после возвращения на родину.

Таким образом, препятствия, с которыми сталкиваются женщины при создании и ведении бизнеса, очень большие и часто отличаются от тех, с которыми сталкиваются мужчины. Например, сельские женщины чаще имеют дело с неравным доступом к производственным активам, правами на владение

землей, ограниченным доступом к финансовому капиталу, ограниченностью сельскохозяйственных знаний и неграмотностью ведения в целом бизнеса. В 2020 году только 40% сельских женщин были заняты в сельском хозяйстве по сравнению с 72% занятых мужчин в сельской местности [3].

Также женщины имеют ограниченный доступ к информации и технологиям, у них нет доступа к деловым сетям, иностранным партнерам, им все время приходится совмещать домашние дела и бизнес. В результате предприятия, принадлежащие женщинам, по-прежнему остаются в меньшинстве — их всего 28% в республике. Женщины, занимающиеся предпринимательской деятельностью, не всегда получают необходимую поддержку со стороны членов своей семьи и в 1,7 раза чаще, чем мужчины, терпят убытки и закрывают свой бизнес из-за нехватки времени для организации предпринимательской деятельности. Доходы женщин оказывают большее влияние на качество питания и образования детей, чем заработки мужчин, поскольку женщины чаще отдают приоритет расходам на домашнее хозяйство, чем мужчины, они тратят больше денег из своих доходов на продукты питания, образование и медицинские нужды всей семьи.

Большая трудовая миграция особенно женщин создает значительный дефицит заботы за детьми, которые остались на родине — около 200 тысяч детей в Кыргызстане лишились родительской любви и ухода как «социальные сироты». Эти дети также были лишены социальной и психологической помощи во время отсутствия родителей. Чаще дети мигрантов оставались на воспитании старых родителей, у родственников в лучшем случае или у друзей, малознакомых, соседей и в сомнительных приемных семьях.

Заключение. Важно отметить, что в странах приема женщины-мигранты являются главным трудовым, человеческим и эко-

14 Единый доклад по миграции [Электронный ресурс] // Государственная служба по миграции при Правительстве КР. Бишкек, 2018. URL: <http://rce/kg/wp-content/uploads/2018/edinyi-doklad-final>.

15 Заседание Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65626>.

16 Единый доклад по миграции в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] // Министерство труда, миграции и молодежи Кыргызской Республики. URL: https://www.auca.kg/uploads/Tian%20Shan%20Policy%20Center/TSPC%20Publications/Unified%20Migr%20Report_2014.pdf.

номическим ресурсом, а в странах происхождения приносят большой приток денежных средств и инвестиции.

Ранее женщинам не уделяли особого внимания на международной миграционной арене как свободным рыночным агентам, женщины считались членами семей мигрантов-мужчин. В современном мире они рассматриваются и признаются как независимая активная группа трудовых мигрантов из стран Центральной Азии.

В перспективе необходимо глубже анализировать гендерные различия среди трудовых-мигрантов, в том числе различия по уровню владения иностранными языками, компьютерными навыками, привить гражданам правовую грамотность и аналитические навыки, знания использования интернета и социальной сети и т.д.

По демографическим прогнозам, население Кыргызстана к 2050 году вырастет до 9 миллионов человек, обеспечить всех рабочими местами страна не сможет, следовательно, внешняя миграция будет расти. В вопросе трудовой миграции большое значение имеет гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин на рынке труда, где заняты женщины-мигранты из Кыргызстана.

Список источников

1. Кочербаева А.А. Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения // Народонаселение. 2016. №1-1 (71-1). С. 16–24.
2. Национальный Банк Кыргызской Республики. Бишкек: Академия, 2021. 620 с.
3. Садыралиев Ж.С. Сопоставление понятий уровня и качества жизни: субъективное наполнение // Society and Security Insights. 2021. №1. С. 58–66.
4. Салморбекова Р.Б., Иманбаев С.К., Карабаева И. Оценка жизни в сельской местности в разрезе гендерного подхода // Society and Security Insights. 2021. №4(3). Р. 40.
5. Саякбаева А.А. и др. Региональный рынок труда и занятость населения // Проблемы и векторы регионального развития Кыргызской Республики: монография / Под ред. Т. Камчибекова и К. Атышева. Бишкек: Изд-во им. Рыскулбекова, 2018. 326 с.

6. Уход за детьми, занятость женщин, влияние COVID-19 и меры реагирования: на примере КР // ЕЭК ООН и «ООН-женщины». Бишкек: ЕЭК ООН, 2021. 48 с.

7. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Ч., Муратова Ч.К. Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 16. №2. С. 38–47.

8. Эргешбаев У.Ж., Кочербаева А.А. Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана после присоединения к ЕАЭС // Сборник: Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, серия 1. М.: ИНИОН РАН, 2018. Т. 1. С. 158–161.

9. Beksultanova Ch., Zhunushalieva G., Mazhitova Zh. Handicraft tourism in Kyrgyzstan: features and prospects // E3S Web of Conferences 284. 2021. 10001 TPACEE-2021.

References

1. Kocherbaeva A.A. Osobennosti demograficheskogo razvitija Kyrgyzstana: problemy, ih social'nye posledstviya i perspektivy reshenija [Features of demographic development of Kyrgyzstan: problems, their social consequences and prospects of solution]. *Narodonaselenie* [Population]. 2016; 1-1(71-1): 16–24. (In Russ.).
2. Nacional'nyj Bank Kyrgyzskoj Respubliki [National Bank of the Kyrgyz Republic]. Bishkek: Akademija, 2021. 620 p. (In Russ.).
3. Sadyraliev Zh. S. Sopostavlenie ponjatij urovnja i kachestva zhizni: sub'ektivnoe napolnenie [Comparison of the concepts of level and quality of life: subjective content]. *Society and Security Insights*. 2021; (1): 58–66. (In Russ.).
4. Salmorbekova R.B., Imanbaev S.K., Karabaeva I. Ocenka zhizni v sel'skoj mestnosti v razreze gendernogo podhoda [Assessment of life in rural areas in the context of gender approach]. *Society and Security Insights*. 2021; 4(3): 40. (In Russ.).
5. Sajakbaeva A.A. i dr. Regional'nyj rynek truda i zanjatost' naselenija [Regional labor market and employment of the population]. *Problemy i vektory regional'nogo razvitija Kyrgyzskoj Respubliki: monografija* [Problems and vectors

of regional development of the Kyrgyz Republic: monograph]. Pod red. T. Kamchibekova i K. Atysheva [In T. Kamchibekov and K. Atyshev (eds.)]. Bishkek: Izd-vo im. Ryskulbekova, 2018. 326 p. (In Russ.).

6. Uhod za det'mi, zanjatost' zhenshin, vliyanie COVID-19 i mery reagirovaniya: na primere KR Child care, women's employment, the impact of COVID-19 and response measures: on the example of the Kyrgyz Republic]. EJeK OON i «OON-zhenshhiny» [UNECE and UN Women] Bishkek: EJeK OON, 2021. 48 p. (In Russ.).

7. Jergeshbaev U. Zh., Eshenova S. Ch., Muratova Ch. K. Sovremennaja vneshnjaja trudovaja migracija naselenija Kyrgyzstana [Modern external labor migration of the population of Kyrgyzstan]. Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki.

Seriya: Obshhestvennye nauki [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series: Social Sciences]. 2016; 16(2): 38–47. (In Russ.).

8. Jergeshbaev U. Zh., Kocherbaeva A.A. Problemy vneshnej trudovoj migracii naselenija Kyrgyzstana posle prisoedinenija k EAJES [Problems of external labor migration of the population of Kyrgyzstan after joining the EAEU]. Sbornik: Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Collection: Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. Ezhegodnik, serija 1. Moscow: INION RAN, 2018. Vol. 1. P. 158–161. (In Russ.).

9. Beksultanova Ch., Zhunushalieva G., Mazhitova Zh. Handicraft tourism in Kyrgystan: features and prospects // E3S Web of Conferences 284. 2021. 10001 TPACEE-2021.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 04.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сыдыгалиева Бегимай Абдырайымовна — аспирант кафедры менеджмента, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина.

Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Begimai A. Sydygalieva — Postgraduate Student of the Department of Management, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin.

44 Kievskaya str., Bishkek, Kyrgyzstan

Научная статья

УДК: 316.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-86-93

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Данил Петрович Толмачев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
dan.tolmachev@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2401-5990, AuthorID РИНЦ: 1134383*

Аннотация. *Целью исследования* является выявление прямой зависимости развития гражданского общества России от возможностей, которые предоставляются людям старшего возраста для максимальной интеграции в социальную жизнь.

Методологическую базу исследования представляет в первую очередь аналитический метод, основанный на изучении нормативно-правовых документов, статистических данных различных ведомств, а также исследовании опыта передовых практик интеграции людей старшего возраста в общество путем участия их в таких проектах, как «Московское долголетие» и «Центр московского долголетия».

Результаты исследования. Проблема старения населения вызывает большую обеспокоенность во всем мире, в том числе в России. Увеличение продолжительности жизни и уменьшение рождаемости ставят перед государством и обществом новые задачи, которые необходимо решать комплексом мер. Люди старшего возраста, которые еще пятьдесят лет назад воспринимались как «социальная нагрузка», сегодня пытаются интегрироваться в современный социум, оставаясь при этом его активными членами как с экономической, так и с социальной стороны. Проведенный анализ позволяет понять, с какими пробелами уже сегодня сталкивается общество и что необходимо предпринять, чтобы данные процессы помогли его развитию.

Перспективы исследования заключаются в возможности внедрить на ранних этапах новые методы развития общества путем изменения отношения к старости и процессам старения, в первую очередь в социальном контексте.

Ключевые слова: социальная компетентность, развитие общества, люди старшего возраста

Для цитирования: Толмачев Д. П. Социальная компетентность населения старшего возраста как критерий развития общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 86–93. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-86-93>.

Original article

SOCIAL COMPETENCE OF THE OLDER POPULATION AS A CRITERION FOR THE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

Danil P. Tolmachev

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
dan.tolmachev@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2401-5990, AuthorID RSCI: 1134383

Abstract. *The purpose of the research is to identify the direct dependence of the development of civil society in Russia on the opportunities provided to older people for maximum integration into social life.*

The methodological basis of the research is primarily an analytical method based on studying regulatory documents, statistical data from various departments, as well as studying the experience of best practices for integrating older people into society through their participation in projects such as Moscow Longevity and Moscow Longevity Center.

Research result. *The problem of population aging is of great concern all over the world, including in Russia. An increase in life expectancy and a decrease in the birth rate pose new challenges to the state and society that need to be addressed by a set of measures. Older people, who fifty years ago were perceived as a «social burden», are now trying to integrate into modern society, while remaining its active members from both the economic and social sides. The analysis makes it possible to understand what gaps society is already facing today and what needs to be done so that these processes help its development.*

The prospects of the research *lie in the possibility of introducing new methods of social development at an early stage by changing attitudes towards old age and the aging process, primarily in the social context.*

Keywords: *social competence, development of society, older people*

For citation: *Tolmachev D. P. Social competence of the older population as a criterion for the development of the society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 86–93. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-86-93>.*

Введение. Эволюция общества с одной стороны — такой же естественный процесс, как сама жизнь, а с другой — очень долгий, особенно в рамках жизни одного человека, период, изменения в котором могут быть едва заметны. Вообще, стремление к идеальному обществу, где равноправие и ресурсы разделены между всеми, а каждым из важных дел занимается определенный человек — то самое идеальное общество, которое описывали мыслители со времен Платона. Однако, именно стремление к нему, к этому идеальному обществу, которое, скорее всего, так и не будет достигнуто, и есть эволюция.

Но если оставить вопросы философии и вернуться к «индикаторам» современного общества, окажется, что такие постулаты, как равноправие и толерантность, являются именно тем, благодаря чему мы и определяем степень развития общества. Очевидно, что ни эмпатии, ни гуманности с помощью законов научить невозможно. Без должной работы внутри общества, любые, на первый взгляд, благие инициативы по отношению к людям из незащищенных слоев населения могут быть восприняты негативно. Задача государства, таким образом, стоит в том, чтобы начинать работать с двух сторон: во-первых, через волонтерство и образовательные про-

граммы менять отношение людей к окружающим, которые в силу возраста или других особенностей не имеют возможности приносить «пользу обществу» в общепринятом смысле; а во-вторых, развивать у этих «категорий» желание становиться активной частью социально-экономического общества. И если в отношении людей с ограниченными возможностями работа идет полным ходом в части создания полностью инклюзивной среды, благодаря которой они могут интегрироваться во все сферы жизни, чувствуя себя абсолютно полноценными членами социума, то отношение к людям старшего возраста, часто, особенно вне столиц, остается консервативным.

При этом с каждым годом данная проблема становится более актуальной, ведь тенденция старения населения затрагивает все развитые страны, включая Россию. При этом, если сравнить тенденцию старения населения в Европе и в РФ, можно сделать вывод, что мы находимся в более выигрышном положении, хотя все равно опережаем общемировую тенденцию.

Государственные органы, занимающиеся социальной политикой, естественным образом ориентируются лишь на юридически закрепленные в законодательных актах возрастные границы. Недавно в Российской Федерации были внесены изменения, которые сдвинули рамки возрастов, таким образом юридическая старость наступает теперь позже. Несмотря на недовольство некоторых граждан данными процессами, специалисты разных отраслей, включая медицину и экономику, скорее поддерживают эти сдвиги, так как методы, разработанные в середине XX века для интерпретации коэффициента старения населения (как, например, распространенная шкала Ж. Боже-Гарнье–Э. Россета), требуют пересмотра. Если исследовать субъекты РФ по методике ООН, то более 93 % из них имеет старое население. Если же за основу брать, например, методы, разработанные В.А. Черешневым и Е.В. Чистовой, то к данной категории регионов относится лишь 60 % [7, с. 2206–2223].

Методика. При подготовке данной работы главным образом использовался анали-

тический метод, основанный на анализе статистических данных, нормативно-правовых актов, а также публикаций отечественных и зарубежных ученых по темам, смежным с исследованием.

Результаты. Сегодня «подстройка» общества под потребности людей старшего возраста и полноценной их интеграции в него и «адаптация» пенсионеров под современные реалии должны стать абсолютно естественными процессами. Статистические данные говорят о том, что с 2021 по 2036 год среди представителей нетрудоспособного населения доля пенсионеров увеличится с 58 до 63 %¹. Как мы упоминали ранее, процессы эти происходят сразу по нескольким причинам, среди которых — снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Именно это становится тем фактором, который неминуемо ведет к эволюции взглядов общества на восприятие людей старшего возраста и именно в этот момент и встает остро вопрос адаптации, причем, если до этого речь шла непосредственно о первых двух уровнях адаптации (уровень личности, на котором индивид приспосабливается к «внутренним изменениям» в процессе старения, и уровень группы (микросреда), на котором усваиваются новые статусно-ролевые позиции), то здесь внимание уделяется третьему уровню — обществу.

Нельзя не отметить, что в последние годы старость не только в научном, но и в бытовом понимании перестала быть периодом жизни, в котором человек сталкивается с лишениями, утратами, отчасти маргинализацией и прочими негативными процессами, включая дискриминацию по возрастному и физическому признакам. Сегодня это, скорее, новый этап социализации, на передний край в котором выходит субъективное восприятие себя и своего здоровья, которое, в свою очередь, отражается на всех аспектах жизни: труде, образовании, взаимодействии с другими людьми [6].

Не менее важно, чем восприятие человеком общества, еще и то, как общество воспринимает и самое главное — принимает индивида. С другой стороны, чем более толерант-

¹ Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 07.03.2023).

но общество, тем более оно высокоразвито. При этом под толерантностью мы понимаем не только терпимость по отношению к людям с иной этнической, религиозной или национальной идентичностью, но в данном конкретном случае — в первую очередь по возрастному признаку и социально-классовому. Нельзя не согласиться, что в современной России повсеместно распространена интолерантность по отношению к людям старшего возраста. Естественно, случаи открытой неприязни к человеку по возрастному признаку практически невозможно найти, но на бытовом уровне это встречается очень часто. Причем, когда мы говорим об интолерантности по отношению к людям 55+, мы имеем в виду целый набор факторов, которые приписываются данному субъекту помимо возраста: недостаток ума, недостаток здоровья, недостаток денег, т.е. раздражение, которое вызывают у некоторых членов общества на бытовом уровне пенсионеры, основано в первую очередь на чувстве мнимого превосходства. Среди примеров может быть нетерпимость к водителям старшего возраста среди участников дорожного движения, нетерпимость к пенсионерам в поликлинике, в транспорте и т.д. Фактически своими комментариями, ухмылками, а порой и открытым пренебрежением члены социума пытаются указать на второстепенность людей 55+ для общества, тем самым маргинализируя пенсионеров как класс. С другой стороны, многие пенсионеры и сами проявляют девиантное поведение, как бы бросая вызов обществу и противопоставляя себя ему, причем выражаться это может совершенно по-разному — от агрессии в адрес других людей до прямого членовредительства (например, выкапывание цветов из клумб в центре города). Таким образом, изменение ситуации, когда одна социальная группа противопоставляет себя другой, частью которой фактически являлась еще вчера, возможно лишь путем эволюции общества в целом и изменения восприятия старости и социальных компетенций в старшем возрасте еще на этапе взросления.

Когда мы говорим про эволюцию поведения и запросов индивида, то отмечаем, что один из самых заметных процессов связан с социализацией ребенка в обществе и смена его ролей. Но что есть то знание, навык или

умение, которое сознательно или бессознательно на уровне инстинкта позволяет нам сосуществовать в социуме? Собственно, той самой неотъемлемой частью жизни как общества в целом, так и его индивидов является социальная компетентность, которая основывается непосредственно на умении действовать согласно требованиям социальной ситуации, чтобы достигнуть наибольшей эффективности в деятельности [3, с. 356–357]. При этом сам феномен социальной компетентности, несмотря на почти вековую историю, до сих пор притягивает пристальное внимание исследователей к своему изучению как в России, так и за рубежом. Дополнительно важно отметить, что сам термин «социальная компетентность» относился в первую очередь к процессам социализации у детей по причине, которая упоминалась выше, в том числе в работах Дж. Майкала, А. Доджа, А. Пеллигрини и др. [8, с. 29–44]. Одним из первых же, кто вообще ввел термин «компетентность», был ученый-социолог из Америки Р. Уайт, который понимал под компетентностью эффективное взаимодействие личности с окружающей средой [9]. Российские исследователи начинают изучение социальной компетентности лишь в конце 80-х годов. Так, в книге «Компетентность в общении» Л. А. Петровской делается упор на возможности человека поддерживать контакты в социуме за счет знаний и умений, и эта совокупность называется «коммуникативная компетентность». И. В. Леднева считает, что социальная компетентность — это «состояние равновесия» между тем, какие требования человеку предъявляет общество, и его возможностями соответствовать этим требованиям [4, с. 11–33]. В свою очередь А. Е. Авдюкова определяет данный термин «интегральной характеристикой социальных качеств», благодаря которым человек в принципе может проявлять активность в социуме [1, с. 13–28]. Наконец, Д. А. Почебут считает, что социальная компетентность — «способность», которая позволяет использовать знания, умения и навыки для создания социальных связей [5, с. 94–101]. Еще одним важным содержанием является определение, данное И. А. Зимней, по мнению которой, компетентность — «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-

профессиональной жизнедеятельности человека» [2, с. 12–14]. В свою очередь Э. Ф. Зеер трактует компетентность как «совокупность знаний и действий». Иное определение дают социальной компетентности на уровне индивида В. Н. Келасьев и И. Л. Первова — «интегральная характеристика личности, обеспечивающая полноценное владение современной реальностью и дающая возможность выстраивать свое поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми нормами и ценностями» [3, с. 356–357].

Безусловно, работа по формированию позитивного старения, активного долголетия, а также формирования пула возможностей для пенсионеров ведется сегодня в России. На федеральном уровне действуют национальный проект «Демография», который ставит своей целью увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Одним из главных документов, определяющих вектор работы и взаимодействия с пожилыми людьми, является «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года».

Примечательно, что данный документ содержит тезисы, которые создают положительный образ пенсионера с самых первых слов. Так, в стратегии люди от шестидесяти лет именуются исключительно «граждане старшего поколения», без клише, которые могут служить основой для возрастной дискриминации. Кроме того, приведена четкая возрастная градация, основанная на продолжительности жизни, состоянии здоровья и пенсионной системы:

— 60–64 года — это достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность;

— 65–80 лет — это, как правило, люди менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги;

— старше 80 лет — это, как правило, люди, имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи².

Кроме того, в стратегии указывается на то, что эти возрастные рамки являются ус-

ловными с точки зрения социальных ролей, так как в любом возрасте человек может быть как активным и полноценным участником общественной жизни, так и наоборот — нуждаться в особенной заботе, помощи и внимании. Вместе с тем данный документ содержит очень важные пункты, которые фактически определяют маркеры качества жизни людей старшего возраста, которые включают в себя:

— доходы и занятость граждан старшего поколения;

— обеспечение здоровья граждан старшего поколения;

— обучение и информационную доступность для граждан старшего поколения;

— досуг граждан старшего поколения;

— социальное обслуживание граждан старшего поколения;

— потребительский рынок для граждан старшего поколения;

— люди старшего поколения в семье;

— люди старшего поколения в обществе.

Данная стратегия ставит своей целью повышение продолжительности, уровня и качества жизни людей старшего поколения. Кроме того, приведены конкретные числовые показатели, которые должны быть реализованы к 2025 году:

— 10% людей старшего возраста должны заниматься физической культурой и спортом;

— на 10000 человек старше 60 лет должно приходиться не менее 5 геронтологических коек;

— 100% граждан старшего поколения, нуждающихся в социальном обслуживании, должны получить его;

— 90% граждан старшего поколения, получающих социальные услуги, должно быть удовлетворено качеством предоставляемых данных услуг;

— 250–270 нестационарных и мобильных торговых объектов должно быть доступно для граждан старшего возраста;

— 2370 автобусов, предназначенных для перевозки лиц с ограниченными возможностями, в том числе для инвалидов-колясочников, должно быть выпущено на линии.

«Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации

² Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 г. №164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года».

до 2025 года» стала в определенном смысле основополагающим документом, после которого были приняты еще несколько нормативно-правовых актов. Так, 2018 году был издан Указ Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором сразу два из девяти пунктов касаются качества жизни старшего поколения: повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет) и обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции³. Кроме того, как следствие данного указа в Национальном проекте «Демография» также были выделены целевые показатели, которые касаются непосредственно граждан старшего возраста и характеризуют развитие потенциала активного долголетия: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) до 67 лет; снижение смертности населения старше трудоспособного возраста до 361 чел. на 10 тыс. чел. населения соответствующего возраста; повышение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55,0%⁴.

Реализация и удовлетворение потребностей, упомянутых выше, является на сегодняшний день приоритетной не только для государственного сектора, но и НКО, которые принимают активное участие в социальной политике России. Так, в столичном регионе, где с 2018 года успешно реализуется проект мэра Москвы «Московское долголетие», некоммерческие организации занимают лидирующие позиции в предоставлении услуг в образовательной, развивающей и спортивной сферах. Фактически по количеству в качестве поставщиков данного проекта они идут сразу после государственных организаций.

С другой стороны, очевидно, что жизнь в мегаполисах естественным образом несколько отличается от жизни в небольшом городе или в селе. Жители Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга или Новосибирска ежедневно сталкиваются с массой информации, которой необходимо правильно распоряжаться,

это же касается навыков, которые чуть ли не в ежедневном режиме приходится приобретать, чтобы не выпадать из привычного ритма жизни. Кроме того, население старшего возраста, проживающее в крупных городах, более экономически активное по сравнению с сельской местностью, что легко объясняется уровнем пенсий, зарплат и других возможностей получить дополнительный доход. В связи этим очевидно, что данная категория населения наиболее интересна для государственного стимулирования именно за счет ее общественной и экономической жизни. Таким образом, мы можем сказать, что к уже не раз упомянутым основным маркерам качества жизни — социальным гарантиям — необходимо добавить еще несколько:

— наличие доступа в интернет (цифровизация услуг благодаря пандемии COVID-2019 вышла на новый уровень, это касается не только государственных услуг, но и покупки продовольственных и непродовольственных товаров);

— наличие смартфона и ноутбука (данные гаджеты являются обыденными вещами для людей молодого и среднего возраста, при этом очевидно, что обладание данными устройствами является важным фактором качества жизни);

— возможность самореализации (волонтерские движения для людей старшего возраста, участие в общественной жизни улучшают восприятие своей социальной роли, что благополучно сказывается на ментальном здоровье);

— возможность учиться новому (данный фактор качества жизни включает в себя как просто получение знаний и освоение новых навыков, так и полноценное образование в разных направлениях);

— здоровый образ жизни (данный маркер один из самых широких, с точки зрения составляющих его частей);

— поддержка ментального здоровья.

Среди субъектов Российской Федерации лидирующее позиции в сохранении активной жизни после 55 лет является Москва. Крупнейший в стране проект для пенсионеров

3 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

4 Национальный проект «Демография». Паспорт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 15.03.2022).

«Московское долголетие» насчитывает более 230 тысяч⁵, а социальные учреждения нового формата «Центры московского долголетия» открылись уже почти в каждом районе столицы и работают в первую очередь на то, чтобы люди старшего возраста могли самореализоваться через передачу навыков и знаний.

Заключение. Очевидно, чтобы завтрашние пенсионеры стали полноправными, экономически активными членами гражданского общества, необходимо уже сегодня, пока они на пике, их сознание, их поведение и их восприятие формировать в данном направлении. Остается понять, каким способом это возможно сделать.

Во-первых, это привлечение молодежи к волонтерской деятельности вместе с людьми старшего возраста. С одной стороны, работая рука об руку с другим поколением, молодые люди смогут не только почерпнуть новые знания и получить навыки, но и увидеть, что, несмотря на возраст, пожилые люди остаются активны и полны сил. Это тот пример, который на подсознательном уровне поможет начать осознавать старость и прекратить ее бояться.

Во-вторых, нужно создавать повсеместно условия для возможности самореализации людей старшего возраста, в том числе через обучение их новым навыкам, а самое главное — с помощью демонстрации того, каким образом благодаря этим навыкам можно улучшить свое качество жизни (например, заработать) и помочь другим.

В-третьих, государство должно и своим примером показывать обществу, что тот человеческий ресурс, который мы имеем в виде людей старшего возраста, глубоко недооценен. Это может быть общественная деятельность, работа с домами малютки и детскими домами, оказание различной помощи со стороны пенсионеров, которая в свою очередь будет простимулирована со стороны государства, в том числе материально, ведь не секрет, что до тех пор, пока у человека не закрыты базовые потребности в еде, одежде и отдыхе, ни о какой приносящей обществу пользу работе речи идти не может. Сегодня большинство пенсионеров сами ждут помощи от обще-

ства, считая, что им обязаны, и демонстрируя иждивенческое поведение.

Список источников

1. Авдюкова А.Е. Формирование социальной компетентности учащихся в интерактивном взаимодействии на уроках обществознания: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Уральский государственный пед. Университет. Екатеринбург, 2006. 162 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. №5. С. 12–14.
3. Келасев В.Н., Перова И.Л. Социальная компетентность: уровни, структура, стратегии формирования. СПб.: Астерион, 2019. 121 с.
4. Леднева И.В. Формирование социальной компетентности курсантов вуза МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009. 236 с.
5. Почебут Д.А. Социальная компетентность современного менеджера: понятие и место в профессиональной деятельности // Человек. Спорт. Медицина. 2007. №26(98). С.94–101.
6. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. №4. С. 62–93.
7. Черешнев В.А., Чистова Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. №12. С. 2206–2223.
8. O'Malley J.M. Research Perspective on Social Competence // Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development. 1977. Vol. 23(1). P. 29–44.
9. White R.W. Motivation reconsidered: the concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. P. 297–333.

References

1. Avdjukova A.E. Formirovanie social'noj kompetentnosti uchashhihsja v interaktivnom

⁵ В «Московском долголетии» подвели итоги работы за год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы 07.01.2023 г. URL: <https://www.mos.ru/news/item/118275073/> (дата обращения: 15.03.2022).

vzaimodejstvii na urokah obshhestvoznaniya: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 [Formation of students' social competence in interactive interaction at social studies lessons. Ph. D. (Pedagogy) diss.: 13.00.02]. Ural'skij gosudarstvennyj ped. Universitet. Ekaterinburg, 2006. 162 p. (In Russ.).

2. Zimnjaja I.A. Kljuchevyje kompetencii — novaja paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competencies — a new paradigm of the result of education]. *Vysshee obrazovanie segodnja* [Higher education today]. 2003; (5): 12–14. (In Russ.).

3. Kelas'ev V. N., Pervova I. L. Social'naja kompetentnost': urovni, struktura, strategii formirovaniya [Social competence: levels, structure, strategies of formation]. Saint Petersburg: Asterion, 2019. 121 p. (In Russ.).

4. Ledneva I.V. Formirovanie social'noj kompetentnosti kursantov vuza MVD Rossii: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 [Formation of social competence of cadets of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ph. D. (Pedagogy) diss.: 13.00.02]. Kostromskoj gosudarstvennyj universitet im. N.A. Nekrasova. Kostroma, 2009. 236 p. (In Russ.).

5. Pochebut D.A. Social'naja kompetentnost' sovremennogo menedzhera: ponjatie i

mesto v professional'noj dejatel'nosti [Social competence of a modern manager: the concept and place in professional activity]. *Chelovek. Sport. Medicina* [Man. Sport. Medicine]. 2007; 26(98): 94–101. (In Russ.).

6. Rogozin D.M. Liberalizacija starenija, ili Trud, znanija i zdorov'e v staršem vozraste [Liberalization of aging, or Labor, knowledge and health in old age]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2012; (4): 62–93. (In Russ.).

7. Chereshev V.A., Chistova E.V. Vyjavlenie regional'nyh osobennostej starenija naselenija Rossii [Identification of regional features of the aging population of Russia]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2017; 16(12): 2206–2223. (In Russ.).

8. O'Malley J.M. Research Perspective on Social Competence // Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development. 1977. Vol. 23(1). P. 29–44.

9. White R. W. Motivation reconsidered: the concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. P. 297–333.

Статья поступила в редакцию 12.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted on 12.03.2023; approved after reviewing on 28.03.2023; accepted for publication on 14.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Толмачев Даниил Петрович — соискатель Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель директора по развитию и цифровизации Национального драматического театра России (Александринский театр).

Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Daniil P. Tolmachev — the applicant at St. Petersburg State University, Deputy Director for Development and Digitalization of the National Drama Theater of Russia (Alexandrinsky Theater).

7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia

Научная статья

УДК 37.0(082)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-94-104

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА РЕПУТАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Юлия Николаевна Эбзеева¹, Смирнова Юлия Борисовна²✉

^{1,2}Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹ebzeeva-yun@rudn.ru, ORCID: 0000-0002-0043-7590, AuthorID РИНЦ: 486267,

AuthorID Scopus: 57194398624, WoS Research ID: Q-7276-2016, SPIN-код: 3316-4356

²yuryeva-yub@rudn.ru✉, ORCID: 0000-0002-7366-6669, AuthorID РИНЦ: 1016678,

WoS Research ID: B-8536-2019

Аннотация. *Цель исследования.* Актуальность рассматриваемого вопроса связана с вопросом качества образования. Качество образования является основой конкурентоспособности университета, причем речь идет не только о РФ, но и обо всем мировом сообществе. В исследовании рассматривается вопрос качества образования, соотношения понятия «качество образования» с мировыми глобальными рейтингами и роль дополнительного профессионального образования в современной системе непрерывного образования.

Методы и методология. В качестве исходных материалов исследования послужили нормативные документы Министерства науки и высшего образования РФ. С целью рассмотрения современных тенденций развития образования авторы использовали описательный, статистический и сопоставительный методы исследования.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования в данной статье рассмотрено понятие «качество образования», представлен анализ системы непрерывного образования, а также проанализированы условия и механизмы развития репутации университета на основе понятия «качество образования». В ходе исследования определено, что развитая и успешно реализуемая система непрерывного образования свидетельствует о высоком уровне профессиональной компетентности, кадровой мобильности и об экономической эффективности страны в целом. Цель и задачи исследования можно считать выполненными.

Качество образования является важнейшей составляющей в стратегии и репутации университета и должно достигаться в долгосрочном планировании с учетом преимуществ, недостатков и возможных угроз, которые содержит внешняя среда. Мировые глобальные рейтинги являются неотъемлемой составляющей системы образования большинства стран. Безусловно, высокая позиция в глобальном рейтинге вносит вклад в формирование положительного имиджа сферы образования отдельно взятой страны. Развитая и успешно реализуемая система непрерывного образования свидетельствует о профессиональной компетентности на значительно высоком уровне, кадровой мобильности и в значительной мере о высокой экономической составляющей страны.

Перспективы исследования. Результаты работы вносят определённый вклад в теорию управления и могут широко применяться в практическом аспекте для успешного представления академических успехов России на мировой арене и продвижения российских университетов в мировом сообществе.

Ключевые слова: образование, глобальные рейтинги, репутация университета, качество образования, дополнительное профессиональное образование

Для цитирования: Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б. Качество образования как основа репутации университета: современные тенденции развития дополнительного профессионального образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 94–104. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-94-104>.

Original article

QUALITY OF EDUCATION AS THE KEY ELEMENT OF UNIVERSITY'S REPUTATION: CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

Yulia N. Ebzeeva¹, Yulia B. Smirnova^{2✉}

^{1,2}*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia*

¹*ebzeeva-yun@rudn.ru, ORCID: 0000-0002-0043-7590, AuthorID RSCI: 486267, AuthorID Scopus: 57194398624, WoS Research ID: Q-7276-2016, SPIN-code: 3316-4356*

²*yuryeva-yub@rudn.ru✉, ORCID: 0000-0002-7366-6669, AuthorID RSCI: 1016678, WoS Research ID: B-8536-2019*

Abstract. The purpose of the study. The relevance of the issue under consideration is related to the issue of the quality of education. The quality of education is the basis of the competitiveness of the university, and we are talking not only about the Russian Federation, but also about the entire world community. The study examines the issue of the quality of education, the correlation of the concept of «quality of education» with world global rankings and the role of additional professional education in the modern system of continuing education.

Methods and methodology. Normative documents of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation served as the initial materials of the study. In order to consider the current trends in the development of education, the authors used descriptive, statistical and comparative research methods.

The results of the study. As a result of the conducted research, this article examines the concept of «quality of education», presents an analysis of the system of continuing education, as well as analyzes the conditions and mechanisms for developing the reputation of the university based on the concept of «quality of education». The study determined that the developed and successfully implemented system of continuing education indicates a high level of professional competence, staff mobility and economic efficiency of the country as a whole. The purpose and objectives of the study can be considered fulfilled.

The quality of education is the most important component in the strategy and reputation of the university and should be achieved in long-term planning, taking into account the advantages, disadvantages and possible threats that the external environment contains. World global rankings are an integral part of the education system of most countries. Of course, a high position in the global ranking contributes to the formation of a positive image of the education sector of a particular country. The developed and successfully implemented system of continuing education testifies to professional competence at a significantly high level, personnel mobility and, to a large extent, the high economic component of the country.

Research prospects. *The results of the work make a certain contribution to the theory of management and can be widely applied in practical terms for the successful presentation of Russia's academic success on the world stage and the promotion of Russian universities in the world community.*

Keywords: *education, global rankings, university reputation, quality of education, additional professional education*

For citation: *Ebzeeva Yu. N., Smirnova Yu. B. Quality of education as the key element of university's reputation: current trends in the development of additional professional education // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 94–104. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-94-104>.*

Введение. После перехода от обучения «teaching» к обучению «learning» основная цель и задача высшего образования заключается для студентов в самостоятельном овладении знаниями с помощью существующих методов и приемов. Безусловно, это подтверждает тот факт, что при такой смене парадигмы студент нуждается в определенном наборе средств, методов и технологий.

Актуальность данного вопроса соотносится с вопросом качества образования, причем речь идет не только о Российской Федерации, но и о мире в целом. По мнению авторов, «произошла переориентация оценки результата образования от понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» к понятиям «компетенция», «компетентность» обучающихся» [9, с. 26]. Исходя из современных требований, выпускники должны обладать навыками soft skills, тесно связанными с личностными качествами, которые являются необходимыми для каждой профессии. Выпускники должны сами осознавать острую необходимость улучшения своей профессиональной деятельности и находить путь совершенствования. Конечно, решение данных задач выдвигает новые требования к качеству и уровню образования, а также к модернизации содержания образования.

Качество образования. На сегодняшний день основополагающими критериями конкурентного преимущества государства являются качество и доступность образования. Как справедливо отмечают многие авторы, уровень образования и объем накопленных знаний составляют основу конкурентного преимущества страны. Более того, в сегод-

нящих условиях знания быстро устаревают, их дополняют или им на смену приходят новые знания. Исходя из этого, существует потребность в обучении на протяжении всей жизни с целью соответствовать актуальным запросам.

В современном обществе, безусловно, трудовые ресурсы, инвестиции в человеческий капитал составляют основу конкурентоспособного преимущества. Разумеется, это поднимает вопрос о качестве образования и определении его критериев.

Как следствие, необходимо постоянно проверять и совершенствовать систему образования, пересматривать и внедрять инновационные методы обучения и современные технологии. Актуальные требования, которые предъявляет мировое сообщество к качеству образования, возлагают ответственность на сферу образования и науки в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Для начала нам стоит рассмотреть само понятие «качество образования» и определения, которые ему дают специалисты.

Согласно определению Фреда А. Козловского, можно выделить следующие аспекты, а именно: «качество» как следствие репутации и опыта преподавателей; «качество для производства», то есть услуга была разработана согласно имеющемуся запросу; «качество, которое основано на продукте», повышение уровня обучения в рамках учебной программы; «ценностно-ориентированное качество»; «на основе удовлетворенности пользователей», с учетом потребностей, желаний и предпочтений обучающихся [19, р. 277–288].

Стоит отметить, что качество образования коррелирует с компетентностью преподавателя, так как определяет качество содер-

жания учебных планов. Безусловно, существует потребность в регулярном мониторинге существующих учебных программ, в основе которых лежит формирование определенных навыков и компетенций.

В Российской Федерации понятие «качество образования» датируется 1992 годом, когда в законе «Об образовании» была опубликована статья, содержащая информацию о контроле за образованием, а именно — за качеством. Непосредственно этот факт можно ознаменовать началом создания разнообразных подходов контроля, а также последующей разработки ряда положений и концепций. Можно сказать, что до выхода закона «Об образовании в Российской Федерации» в 2012 году в целом отсутствовал единый подход к пониманию понятия «качество образования».

Исходя из определения И. А. Субетто, понятие «качество образования» должно обладать следующими характеристиками: целостность, структурность, иерархичность, системность и т. д. [13].

На наш взгляд, интересным является определение А. А. Реана, по мнению которого, качество образования — это механизм регулирования образовательной системы, который представляет собой сочетание интересов всех вовлеченных в этот процесс сторон [11].

При условии существования такого большого и разнообразного количества подходов и определений понятия «качество образования» встает необходимость о едином определении, которое полноценно отражало бы и характеризовало рассматриваемое определение.

Исходя из Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29.12.2012 года, «качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения

планируемых результатов образовательной программы»¹.

По мнению авторов, в законе содержатся следующие существенные составляющие, а именно — образование, которое соответствует требованиям стандартов, и участники образовательного процесса как вторая сторона процесса [1].

Безусловно, в современном мире все актуальнее становится вопрос подготовки высококвалифицированных кадров, в связи с чем качеству образования уделяется должное внимание. Как справедливо отмечают авторы, качество образования коррелирует с эффективностью учебного заведения и последующей конкурентоспособностью выпускников на рынке труда [18].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что основополагающей целью образования является не только передача необходимых знаний и умений, но и подготовка мягких навыков для последующего анализа и востребованности на рынке труда.

Не стоит забывать, что удельный вес времени, который отводится в университетах РФ на самостоятельную работу студентов, возрастает, следовательно, стоит отметить, что качество выпускника в конечном итоге зависит также от эффективности самостоятельной работы и от уровня мотивации студента к самостоятельному и эффективному освоению необходимого материала.

По мнению многих авторов, одним из вариантов технологий, связанной с повышением мотивации и поддержанием интереса, повышением качества самостоятельной работы студентов, являются индивидуальные образовательные траектории. Существенная актуальность создания индивидуальных образовательных программ связана с потребностями студентов и системы образования в целом. В рамках построения индивидуальной образовательной траектории студентам предоставляется выбор продуктов образовательной программы, наиболее отвечающих его интересам. Сам термин «индивидуальная образовательная траектория» до сих пор не имеет единого унифицированного определения. По определению П. В. Сысоева, «это персональный путь

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ (последняя редакция).

достижения поставленной образовательной цели (или учебной задачи) конкретным обучающимся, соответствующий его способностям, мотивам, интересам и потребностям. В процессе обучения в образовательном учреждении индивидуальная траектория достижения поставленной цели выстраивается обучающимся совместно с учителем/преподавателем как с помощью существующих и предлагаемых для общего обучения элементов, так и с помощью дополнительного набора методических элементов» [14, с. 7]. Стоит отметить, что, исходя из высокого уровня развития субъектности и самостоятельности обучающихся индивидуальным образовательным технологиям, именно в самостоятельной работе находят отражение мотивация, самостоятельность, самоконтроль, самоорганизованность и другие личные качества.

Современные тенденции развития дополнительного профессионального образования (ДПО). ДПО в системе непрерывного образования играет существенную роль. Целью дополнительного профессионального образования является получение навыков для успешной реализации определенных задач согласно рынку труда. Дополнительное образование совместно с высшим образованием дает возможность непрерывного образования, которое так необходимо в современных условиях. По мнению экспертов, «ДПО является ключевым элементом системы непрерывного профессионального образования, обеспечивающим эффективное и своевременное удовлетворение системой образования потребностей и запросов, возникающих на современном рынке труда, посредством сохранения и развития кадрового потенциала инновационной экономики, переобучение кадров в соответствии с изменяющимися образовательными и технологическими стандартами» [15, с. 30].

В рамках действующего законодательства указано, что определенные категории специалистов обязаны периодически проходить дополнительное профессиональное образование, к этим категориям граждан относятся врачи, государственные служащие, педагогические работники и т.д. В системе образования существует два вида дополнительного профессионального образования, а именно:

повышение квалификации и профессиональная переподготовка. Программа повышения квалификации должна быть не меньше 16 часов, а при профессиональной переподготовке — не менее 250 часов. Стоит отметить, что основополагающая цель программ ДПО — это усовершенствование и приобретение уже имеющихся компетенций, ведь успешно сформировать новые компетенции и навыки представляется возможным только на основе уже сформированных ранее компетенций.

Система ДПО имеет тесную взаимосвязь со всеми отраслями экономики, что отражается в падении или увеличении спроса на образовательные услуги.

На сегодняшний день, по мнению авторов, «если в странах Запада количество получивших дополнительное профессиональное образование составляет 50%, то в российской системе ДПО обучается не более 10% специалистов» [6, с. 6].

В начале 90-х произошел первый масштабный кризис в системе ДПО. Следствием этого был переход его финансирования от централизованного, через министерства, к самостоятельной оплате специалистами или отдельными предприятиями. Контроль над содержанием и качеством обучения перешел на образовательные организации, исключения составляли отрасли с повышенным риском для жизни и здоровья людей и окружающей среды. «Это стало началом кардинальной реструктуризации системы ДПО, в результате которой произошло расслоение образовательных услуг по типу задач, стоящих перед потребителем...» [2, с. 7].

Во второй половине 90-х годов получила широкую реализацию профессиональная переподготовка, основная цель которой заключалась в перепрофилировании специалистов, исходя из запросов меняющейся экономики.

В 2019 году президентом Союза ДПО Н. Н. Аниськиной были озвучены три задачи, а именно: 1) четкое понимание роли и места провайдеров ДПО исходя из изменений в экономике с одной стороны и государственной политики в сфере образования с другой; 2) перестройка всех процессов в организациях, реализующих ДПП; 3) разделение ответственности за качество ДПО между государством, образовательной организацией и профессиональным сообществом [2, с. 7–8].

Сегодня вследствие COVID-19 система ДПО также претерпевает изменения исходя из запросов экономики. Как справедливо отмечает В.В. Качалов, «особую актуальность приобрело использование при реализации дополнительных профессиональных программ дистанционных образовательных технологий и электронного обучения. Отдельные программы реализуются в гибридной (смешанной) форме» [7, с. 318–322].

Сегодня для успешной реализации программ ДПО необходимо учитывать различные категории работников, быстро меняющиеся реалии, а также необходимость и легкость формирования индивидуальной образовательной траектории, содействие в определении содержания самообразования.

По мнению президента Союза ДПО Н.Н. Аниськиной, для успешной организации ДПО необходимо иметь реальное представление «о происходящей трансформации экономики и сформировать стратегическое видение своей организации с учетом того, что каждый кризис приводит к изменению отношений между субъектами рынками и незамедлительно влечет за собой перестройку и самой системы ДПО» [2, с. 6]. Так как сегодня качество образования рассматривается как «рыночная категория, которой присущи все соответствующие характерные признаки... это высокий уровень конкуренции..., и непредсказуемые колебания спроса на образовательные услуги. Еще одним важным фактором является разнонаправленность интересов заинтересованных сторон в качестве образовательных услуг. Это бизнес, образовательные учреждения и государство» [3, с. 1018].

Так как ДПО играет существенную роль в системе непрерывного образования, то сегодня для того, чтобы занимать лидирующие позиции в рейтингах, быть эффективным университетом, необходимо повышение уровня конкурентоспособности и востребованности выпускников на рынке труда посредством развития системы ДПО университета.

В РФ разработан и начинает успешно внедряться комплекс мер по популяризации ДПО. Стоит упомянуть, к примеру, такой проект, как федеральная программа «Цифровые профессии», цель которой заключается в формировании у граждан профессиональных навыков, новых цифровых компетенций.

Проект представляет собой систему непрерывного обновления имеющихся профессиональных навыков и должен помочь решить проблему нехватки IT специалистов. По результату прохождения программы можно получить квалификацию программиста или овладеть смежной цифровой профессией.

Как уже было сказано ранее, успешная реализация программ ДПО коррелирует с быстро меняющимися реалиями, а именно — эффективно отвечает запросам экономики.

Таким образом, система ДПО в нашей стране эффективно реализует поставленные цели и задачи: быстрое и эффективное профессиональное развитие гражданина, обеспечение его квалификацией и навыкам, которые отвечают быстро изменяющемуся современному миру и запросам экономики. Безусловно, развитая и успешно реализуемая система непрерывного образования свидетельствует о высоком уровне профессиональной компетентности, кадровой мобильности и экономической эффективности страны в целом.

Рейтинги. История ключевых мировых рейтингов сравнительно небольшая, однако уже можно утверждать, что они в целом играют серьезную роль в образовательной политике. Существование глобальных ключевых рейтингов университетов, как и их влияние, вызывает до сих пор ряд споров и обсуждений, в основном ссылаясь на вопросы методологии рейтингов, дискуссии еще усложняются, когда речь идет о рейтинговании университетов разных государств.

Рейтинги действительно дают некоторое представление, хотя и не совсем идеальное, об университете. Университетам важно оставаться стабильными в списках в разные годы. Колебание на десять, двадцать и более позиций за пару лет свидетельствует о несоответствии одного или нескольких аспектов, учитываемых методологиями ранжирования. Однако вопрос о том, является ли это ошибкой университета или просто самой методологией ранжирования, иногда запутанной и неточной, остается открытым.

Это точно отражает основную проблему: вместо того, чтобы всегда фактически отражать качество образования, рейтинги, как правило, устанавливают противоречивые стандарты, на которые университеты могут

пытаться реагировать. В результате может возникнуть проблема, когда некоторые университеты все больше и больше вовлекаются в управление аспектами деятельности, которые могут позволить занять более высокое место в рейтинге, вместо того, чтобы концентрироваться на академических достижениях и на качестве образования.

По мнению экспертов, существует ряд вопросов, являющихся дискуссионными: отбор критериев, составляющих рейтинговую систему; вопросы, которые возникают при анализе показателей, лежащих в основе мировых рейтингов (библиометрические и реер review) и т.д. [8].

Стоит согласиться, что «рейтинги не всегда предлагают объективную оценку в силу разных подходов к методике измерения» [17, с. 911]. По мнению экспертов, большая часть рейтингов отличаются ограниченной информационной и методической открытостью. Стоит подчеркнуть, что знание методики может оказать существенное влияние на конечный результат. Учитывая тот факт, что результаты рейтингов доступны не по всем университетам, а часть информации скрыта от просмотра и дальнейшего анализа, можно полагать, что позиции в рейтингах не всегда объективно отражают состояние качества образования.

На наш взгляд, здесь стоит упомянуть о таком понятии, как репутация университета. «Репутация — это оценка, которую нужно заработать кропотливым трудом и в сравнительно длительные сроки» [16]. В сфере образования «репутация превратилась в устойчивый бренд» [12, с. 735], абитуриенты руководствуются им при выборе места для получения образования. Как справедливо отмечает Е.В. Савицкая, в общественном мнении репутация университета — это исторически сложившийся сигнал, а его место в университетских рейтингах — это новый, но значимый маркер. Репутация университета складывается десятилетиями, и чем сильнее становится репутация университета, тем сложнее ее изменить. При этом «попытка насильно внедрить позитивную репутацию автоматически поменяет знак репутации на минус» [10, с. 37]. Хорошая репутация является ценнейшим активом для университета, помогающим легче приобретать различные ре-

сурсы, и в результате может способствовать повышению качества образования.

Согласно мнениям многих экспертов, глобальные рейтинги университетов даже десять лет назад были «плотно вплетены в жизнь университетов и в национальную политику многих стран, став заметным фактором рынка образовательных услуг» [4, с. 68].

Показатели научной деятельности занимают значимую позицию в ключевых глобальных рейтингах. Как утверждают многие эксперты, именно повышение количества результатов научной деятельности является наиболее значимым при определении места в глобальных рейтингах. Стоит отметить, что количественные составляющие научной деятельности являются более значимыми, чем продвижение данных научных результатов [5].

По нашему мнению, стоит также обратить внимание на тот факт, что не все подразделения университета могут иметь одинаковые результаты, это свидетельствует о проблеме усредненности [20]. Как справедливо отмечает Van Raan, только результаты учебы могут являться объективным критерием качества образования в университете [21].

Однако, в целом вхождение университета в международные рейтинги вносит вклад в имидж сферы высшего образования страны и увеличивает долю образовательных услуг в структуре ее экспорта.

Вывод. Ключевые глобальные рейтинги являются неотъемлемой составляющей системы образования большинства стран. Безусловно, высокая позиция в глобальном рейтинге вносит вклад в формирование положительного имиджа сферы образования отдельно взятой страны. Качество образования является важнейшим критерием в стратегии и репутации университета и должно повышаться в долгосрочном планировании с учетом преимуществ, недостатков и возможных угроз, которые содержит внешняя среда.

В целом развитая и успешно реализуемая система непрерывного образования свидетельствует о высоком уровне профессиональной компетентности, кадровой мобильности и об экономической эффективности страны.

Так как ДПО играет существенную роль в системе непрерывного образования, то сегодня для того, чтобы занимать лидирующие

позиции в рейтингах, быть эффективным университетом, необходимо повышать уровень конкурентоспособности и востребованности выпускников на рынке труда посредством развития системы ДПО университета. Для успешной организации ДПО необходимо иметь реальное представление о происходящей трансформации экономики и сформировать стратегическое видение с учетом изменений между субъектами рынками.

Список источников

1. Авдашкин А. А., Пасс А. А. Подходы к определению понятия «качество образования» // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2018. №2(5). С. 21–26.
2. Аниськина Н. Н. Кризис-2020 и будущее дополнительного профессионального образования // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2019. №6. С. 1–28.
3. Ахметшин А. А., Ибатуллин У. Г. Повышение качества образовательных услуг в системе ДПО в рамках интегрированной системы менеджмента: проблемы и пути решения // Креативная экономика. 2018. Т. 12. №7. С. 1018–1026.
4. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Международные рейтинги университетов: практика составления и использования // Экономика образования. 2012. №2. С. 67–80.
5. Галынский В. М., Жук А. В. Рейтинг учреждений Scimago для оценки национальной системы образования и отдельного университета // Высшее образование в России. 2021. №6. С. 35–46.
6. Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации // Материалы VI Всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / Под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. 240 с.
7. Качалов В. В. Дополнительное профессиональное образование: понятие, особенности, виды // Вестник экономической безопасности. 2022. №1. С. 318–322.
8. Кинчаров А. В. Методология мировых рейтингов университетов: анализ и критика // Управление репутацией вуза. 2014. №2(90). С. 70–80.
9. Лекомцева Е. Н. Индивидуальный образовательный маршрут студента // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы VI Всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / Под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 26–30.
10. Олейник И., Лапшов А. «Плюс/минус» Репутация. Российский опыт репутационного менеджмента. М.: Новости, 2003. 192 с.
11. Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика. СПб.: Питер, 2000. 432 с.
12. Савицкая Е. В. Репутация университета, международные рейтинги и благоприятный отбор // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. С. 735–739.
13. Субетто И. А. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы и перспективы (опыт мониторинга). СПб.: Астерион, 2000. 498 с.
14. Сысоев П. В. Система обучения иностранному языку по индивидуальным траекториям на основе современных информационных и коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. 2014. №5. С. 2–11.
15. Шарипова Э. Р. Профессиональная переподготовка: цели и задачи // Инженерно-педагогический вестник: легкая промышленность. 2018. №4(7). С. 30–34.
16. Шарков Ф. И. Феликс Шарков: Репутация как средство возвышения Гудвилла [Электронный ресурс] // Международная академия коммуникологии. 2014. URL: https://www.communicology.us/2014/01/blog-post_6978.html.
17. Эбзеева Ю. Н., Смирнова Ю. Б. Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. №4 (22). С. 909–918.
18. Baitanayeva B., Aubakirova Zh., Aitbembetova A., Sansyzybayeva A. Problems of improving the quality of education // E3S Web of Conferences 159, 09002. 2020. BTSES-2020. P. 1–11.
19. Koslowski III F. A. Quality Assurance in Education. 2006. №14(3). P. 277–288.
20. Liu N. C., Cheng Y. Academic ranking of world universities // Higher Education in Europe. 2005. №30(2). P. 127–136.

21. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods// *Scientometrics*. 2005. №62(1). P. 133–143.

References

1. Avdashkin A.A., Pass A.A. Podhody k opredeleniju ponjatija «kachestvo obrazovaniya» [Approaches to the definition of the concept of «quality of education»] *Nauchno-metodicheskoe obespechenie ocenki kachestva obrazovaniya* [Scientific and methodological support for the assessment of the quality of education]. 2018; 2(5): 21–26. (In Russ.).
2. Anis'kina N.N. Krizis-2020 i budushhee dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Crisis-2020 and the future of additional professional education]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire* [Additional professional education in the country and in the world]. 2019; (6): 1–28. (In Russ.).
3. Ahmetshin A.A., Ibatullin U.G. Povyshenie kachestva obrazovatel'nykh uslug v sisteme DPO v ramkah integrirovannoy sistemy menedzhmenta: problemy i puti resheniya [Improving the quality of educational services in the DPO system within the integrated management system: problems and solutions]. *Kreativnaya jekonomika* [Creative Economy]. 2018; 12(7): 1018–1026. (In Russ.).
4. Balackij E.V., Ekimova N.A. Mezhdunarodnye rejtingi universitetov: praktika sostavleniya i ispol'zovaniya [International university rankings: practice of compilation and use]. *Jekonomika obrazovaniya* [Economics of education]. 2012; (2): 67–80. (In Russ.).
5. Galynskij V.M., Zhuk A.V. Rejting uchrezhdenij Scimago dlja ocenki nacional'noj sistemy obrazovaniya i otdel'nogo universiteta [Rating of Scimago institutions for evaluating the national education system and a separate university]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2021; (6): 35–46. (In Russ.).
6. Doplnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyah modernizatsii [Additional professional education in the conditions of modernization]. Materialy VI Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) [Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (with international participation)]. Pod nauch. red. M.V. Novikova [In M.V. Novikov (eds.)]. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2014. 240 p. (In Russ.).
7. Kachalov V.V. Doplnitel'noe professional'noe obrazovanie: ponjatie, osobennosti, vidy [Additional professional education: concept, features, types]. *Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security]. 2022; (1): 318–322. (In Russ.).
8. Kincharov A.V. Metodologija mirovykh rejtingov universitetov: analiz i kritika [Methodology of world university rankings: analysis and criticism]. *Upravlenie reputaciej vuza* [University reputation management]. 2014; 2 (90): 70–80. (In Russ.).
9. Lekomceva E.N. Individual'nyj obrazovatel'nyj marshrut studenta [Individual educational route of a student]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyah modernizatsii: materialy VI Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Additional professional education in the conditions of modernization: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (with international participation)]. Pod nauch. red. M.V. Novikova [In M.V. Novikov (eds.)]. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2014. P. 26–30. (In Russ.).
10. Olejnik I., Lapshov A. «Pljus/minus» Reputacija. Rossijskij opyt reputacionnogo menedzhmenta [«Plus/minus» Reputation. The Russian experience of reputation management]. Moscow: Novosti, 2003. 192 p. (In Russ.).
11. Rean A.A., Bordovskaja N.V., Rozum S.I. Psihologija i pedagogika [Psychology and pedagogy]. Saint Petersburg: Piter, 2000. 432 p. (In Russ.).
12. Savickaja E.V. Reputacija universiteta, mezhdunarodnye rejtingi i blagoprijatnyj otbor [Reputation of the University, international ratings and favorable selection]. Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]. 2020. P. 735–739. (In Russ.).
13. Subetto I.A. Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii: sostojanie, tendencii, problemy i perspektivy (opyt monitoringa) [Quality of continuing education in the Russian Federation: state, trends, problems and prospects (monitoring experience)]. Saint Petersburg: Asterion, 2000. 498 p. (In Russ.).

14. Sysoev P.V. Sistema obuchenija inostrannomu jazyku po individual'nym traektorijam na osnove sovremennyh informacionnyh i kommunikacionnyh tehnologij [The system of teaching a foreign language according to individual trajectories based on modern information and communication technologies]. *Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school]*. 2014; (5): 2–11. (In Russ.).

15. Sharipova Je. R. Professional'naja perepodgotovka: celi i zadachi [Professional retraining: goals and objectives]. *Inzhenerno-pedagogicheskij vestnik: legkaja promyshlennost' [Engineering and Pedagogical Bulletin: light industry]*. 2018; 4(7): 30–34. (In Russ.).

16. Sharkov F.I. Feliks Sharkov: Reputacija kak sredstvo vozvyshenija Gudvilla [Feliks Sharkov: Reputation as a means of raising Goodwill] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnaja akademija kommunikologii [International Academy of Communication]*. 2014. URL: https://www.communicology.us/2014/01/blog-post_6978.html. (In Russ.).

17. Jebzeeva Ju. N., Smirnova Ju. B. Pozicii rossijskikh vuzov v mirovyh rejtingah v 2022 godu [Positions of Russian universities in world rankings in 2022]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]*. 2022; 4(22): 909–918. (In Russ.).

18. Baitanayeva B., Aubakirova Zh., Aitbembetova A., Sansyzbayeva A. Problems of improving the quality of education // E3S Web of Conferences 159, 09002. 2020. BTSES-2020. P. 1–11.

19. Koslowski III F.A. Quality Assurance in Education. 2006. №14 (3). P. 277–288.

20. Liu N.C., Cheng Y. Academic ranking of world universities // Higher Education in Europe. 2005. №30(2). P. 127–136.

21. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods // Scientometrics. 2005. №62(1). P. 133–143.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 28.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эбзеева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, Первый проректор — Проректор по образовательной деятельности, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Yulia N. Ebzeeva — Candidate of Philological Sciences, First Vice Rector — Vice Rector for Education, Head of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia

Смирнова Юлия Борисовна — кандидат филологических наук, помощник Первого Проректора — Проректора по образовательной деятельности, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Yuliya B. Smirnova — Candidate of Philological Sciences, Assistant of First Vice Rector for Education, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Эбзеева Ю. Н. — *написание методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.*

Смирнова Ю. Б. — *доработка текста; итоговые выводы.*

Contribution of the authors:

Ebzeeva Yu. N. — *development of methodology; writing the source text; final conclusions.*

Smirnova Yu. B. — *follow-on version of the text; final conclusions.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 502.45

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-105-112

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Людмила Анатольевна Александровская

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
alika2007@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4490-5648, AuthorID РИНЦ: 669209*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в освещении проблем, возникающих при установлении границ особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Методологическую базу исследования представляют базисные положения в области земельного законодательства, территориальные единицы, составляющие категории особо охраняемых территорий и объектов, подлежащих полному или частичному изъятию из использования и хозяйственного оборота по официальному решению и на которые они распространяются. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Изучены земельные участки, относящиеся к этим зонам, их расположение, а также планируемые ООПТ регионального значения. На основе анализа федерального и регионального законодательства, правоприменительной практики исследуются вопросы установления, изменения и внесения изменений в существующие границы ООПТ. Анализ показал несовершенство законодательства и выявил наиболее проблемные области, решение которых лежит в четком определении понятий и принятии критериев, а также так называемой ревизии земельного законодательства.

Перспективы исследования заключаются в решении возникшей проблемы, а именно — в приоритете сохранения особых зон и комплексном подходе к развитию сетей таких территорий, который следует закрепить в концепции развития особо охраняемых природных территорий.

Ключевые слова: природные территории, охрана, ООПТ, особо охраняемые природные территории, законодательство, земельное право, кадастр

Для цитирования: Александровская Л. А. Проблемы установления границ особо охраняемых природных территорий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 105–112. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-105-112>.

Original article

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE BORDERS OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Lyudmila A. Aleksandrovskaya

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
alika2007@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-4490-5648, AuthorID RSCI: 669209*

Abstract. *The purpose of the study is the problems that arise when establishing the boundaries of specially protected natural resources.*

The methodological base of the study uses the basic provisions in the field of land legislation, territorial exceptions are the categories of specially protected objects and objects, legal proceedings in full or withdrawal from use and economic turnover according to the official decision that they apply. These include comparative, causal and statistical analysis.

Research results. *The land plots related to these zones, their location, as well as the planned specially protected natural areas of regional significance were studied. Based on the analysis of federal and regional legislation, law enforcement practice, the issues of establishing, changing and amending the existing boundaries of protected areas are being studied. The analysis showed the imperfection of the legislation and revealed the most problematic areas, the solution of which lies in a clear definition of concepts and the adoption of criteria, as well as the so-called revision of land legislation.*

The prospects of the study lie in solving the problem that has arisen, namely, in the priority of conservation of special zones and an integrated approach to the development of networks of such territories, which should be fixed in the concept of development of specially protected natural areas.

Keywords: *natural territories, protection, protected areas, specially protected natural territories, legislation, land law, cadastre*

For citation: *Aleksandrovskaya L. A. Problems of establishing the borders of specially protected natural areas // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 105–112. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-105-112>.*

Введение. Правовой статус особо охраняемых природных территорий играет важную роль и состоит не только в том, чтобы поддерживать ее равновесие, но также и предотвратить реализацию деструктивного прогресса, который может привести к необратимым изменениям. Человеческое потребление способно привести к истощению природных ресурсов, следствием чего станет экологическая катастрофа, и никакой технический прогресс не будет в состоянии спасти человечество.

В соответствии с Федеральным законом от 14 мая 1995 года №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» особо охраняемыми природными территориями называются:

- территории национальных парков и государственных заказников;
- территории государственных природных заповедников и природных парков;
- дендрологические парки;
- различные ботанические сады;
- относительно новый вид ООПТ — биосферные заповедники¹.

¹ Федеральный закон №33-ФЗ от 14.05.1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях».

Таким образом, в качестве особо охраняемой территории могут быть определены участки земли, водного или воздушного пространства, конфискованные полностью или частично по решениям государственных органов, на которых расположены природные объекты и комплексы экологического, культурного, научного, эстетического, санитарно-оздоровительного и рекреационного значения, природная территория, охраняемая от хозяйственного использования и режима особой охраны².

Эти территориальные единицы необходимо сохранить как уникальные и типичные природные ландшафты, разнообразие флоры и фауны, чтобы обеспечить защиту культурного и природного наследия. Полностью или частично изъятые из хозяйственного использования, они подлежат особому режиму охраны, а на прилегающих к ним акваториях и территориях создаются особо охраняемые природные территории с регулируемым хозяйственным режимом. Охраняемые территории отнесены к объектам национального наследия³. Порядок отнесения земель к землям особо охраняемых территорий федерального значения, порядок использования и охраны таких земель устанавливаются Правительством на основании федеральных законов⁴.

Территориальные формы охраны, формирующиеся в пределах нашей страны, характеризуются весьма высокой специфичностью. В основном это связано с наличием территории России, в большей степени подвергшейся антигуманному влиянию, исследованиям в области науки и низкой средней плотностью населения. В этом контексте организация особо охраняемых природных территорий имела большое значение как часть процессов, направленных на организации заповедников. Такие меры в первую очередь направлены на сохранение типичных и редких природных ландшафтов, разнообразия флоры и фауны, охраны объектов культурного и природного наследия.

Обсуждение. Впервые термин, характеризующий отнесение тех или иных территорий к особому режиму, а именно ООПТ, упоминается в 1917 году. С этой датой связано создание первого и на тот момент единственного заповедника державы под названием «Баргузинский». С тех пор, несмотря на застой и тяжелые времена в истории страны, система санитарно-защитных зон и особо охраняемых природных территорий в России развивалась и постоянно совершенствовалась.

Параллельно с формированием таких территорий развивалась и правовая база, регулирующая данную сферу законодательства. Примерно с начала 1990-х годов сеть санитарно-защитных зон начала набирать обороты в глобальном распространении и развитии, в этот период происходило формирование нормативно-правовой базы, а именно — работа и последующее принятие имевшего статус правового акта высшей юридической силы Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях». Этот нормативно-правовой акт внес понимание в порядок правоотношений в сфере охраны природопользования и гарантировал существенную правовую защиту территорий с особым статусом в России⁵.

Сегодня на территории нашей страны находится огромное количество промышленных предприятий разного уровня опасности, наделенных собственной территориальной принадлежностью. Наряду с подобными зонами присутствуют места отдыха, различные силовые области, районы размещения транспорта, коммуникаций, трасс разной сложности, медицинских учреждений и т.д. Наличие таких объектов, их территорий — все эти аспекты предполагают необходимость формирования санитарно-защитных зон с целью обеспечения комфортного проживания людей и соблюдения допустимого уровня вредных веществ в окружающей природной среде.

Градостроительный кодекс РФ устанавливает определение зон с особыми условиями использования территории (рис. 1) [2].

2 Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. О.Л. Дубовик. 2015.

3 Там же.

4 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. №136-ФЗ.

5 О государственной регистрации недвижимости (с измен. и доп., вступ. с 30.04.2021 г.). Федеральный закон от 13.07.2015 г. №218-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/.

Рис. 1. Зоны с особыми условиями использования
Fig. 1. Zones with special conditions of use

В отношении участков, входящих в зону, у собственников таких участков они не изымаются, к ним применяется процедура обременения в пользование в соответствии с перечнем нормативных документов. Сведения же о подобных территориальных зонах подлежат внесению в государственный реестр лесов и вод.

Формирование уникальной системы особо охраняемых природных территорий является одним из самых значительных экологических достижений России. Экологическая доктрина Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства от 31.08.2002 года №1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» (ст. 3510), считает создание и развитие особо охраняемых природных территорий различного уровня одним из основных направлений государственной политики в области экологии. Законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях призвано создать условия для формирования и развития сети особо охраняемых природных территорий, сохранения природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, генетического фонда.

Необходимо отметить, что законодательное регулирование, применение ФЗ №33, в отношении изменения статуса ООПТ, а именно установление/изменение границ таких территорий, не предусматривается, однако при этом закон напрямую запрещает ликвидацию

(упразднение) особо охраняемой зоны. Проблематика установления/изменения границ ООПТ существует длительное время и приобрела многоаспектный характер. Отсутствие таких правовых норм обосновывается, с одной стороны, стремлением законодателя исключить возможность сокращения или ликвидации особо охраняемых природных территорий. Такой подход обусловлен тем, что прогрессирующее ухудшение состояния окружающей среды, прерывание устойчивого функционирования природных экологических систем и сокращение биоразнообразия предполагают создание и развитие ООПТ в долгосрочной перспективе, т.е. без изъятия земель и водных ресурсов объектов за первоначально установленными границами особо охраняемых природных территорий, без изменения структуры особо охраняемых природных территорий в сторону ее ослабления, в том числе в форме сокращения границ (площади), реорганизации или ликвидации особо охраняемых природных территорий/зон.

С другой же стороны зоны особо охраняемых природных территорий не могут не быть подверженными изменениям со стороны природных, социальных, иных групп характеристик. Могут возникать такие обстоятельства, как отказ от обязательств по охране в силу отсутствия оснований или недоступности (ЧС, антропогенные, негативные воздействия) [3].

Совершенствование законодательства в области выявления и определения режима изменения границ, участков, категорий особо

охраняемых природных территорий и режима их изъятия имеет большое значение в рамках правовой защиты территорий с природными ресурсами от негативных воздействий внешней среды и научной деятельности человека. Огромное значение правильный подход к функционированию ООПТ оказывает на экологическую, научную, культурную стороны, а также имеет эстетическую, рекреационную и оздоровительную ценности [4].

Более 20 лет из-за несовершенства и отсутствия должной проработки предлагаемых проектов федеральных законов в отношении регулирования рассматриваемого вопроса нет возможности разграничить и определить порядок изменения границ и установления границ ООПТ. Переустройство, упразднение и изменение границ особо охраняемых природных территорий не могут осуществляться так же, как и их создание, так как в этом случае применяется иной режим изъятия земель, возмещения убытков и т.п. [7].

Среди других недостатков законопроектов можно отметить отсутствие конкретных норм, четко прописанных критериев, оснований, определенных порядков и условий изменения границ особо охраняемых природных территорий, что в контексте реализации норм Закона №33-ФЗ способно привести к катастрофическому разрушению сформировавшейся в России системы.

Одним из последних проектов, разработанных в 2020 году, предусматривалось внесение территориальных изменений, которые могут быть допущены в случае расширения территорий особо охраняемых природных территорий путем включения соответствующих земельных участков в состав особо охраняемых природных территорий или исключения их из состава земельных участков, использование которых в соответствии с разрешенным использованием нецелесообразно в связи с отсутствием в их границах природных комплексов и объектов, имеющих особую экологическую, научную и иную особую ценность при наличии материалов экологических и научных исследований, обосновывающих целесообразность изменения границ таких ООПТ⁶.

На сегодняшний день существует судебная практика, проекты законов, инициативные обращения субъектов с предложениями установки норм законодательства, однако территориальный вопрос в отношении ООПТ остается открытым. Неправомерное преобразование границ либо же аннулирование статуса ООПТ относительно участков с особыми условиями пользования приводит к снятию ограничений для ведения хозяйственной деятельности, нарушению установленной системы специальной охраны, нанесению вреда окружающей среде, ухудшению экологической обстановки и отрицательно сказывается на возможности осуществления гражданско-правовой деятельности [6].

Так, в ЕГРН, содержащем сведения о границах особо охраняемых природных территорий и их охранных зонах, обнаруживается отсутствие и наряду с ним недостоверное отображение соответствующих сведений в государственном кадастре недвижимости по ряду особо охраняемых природных территорий. При ведении кадастрового учета зон ООПТ выявляются такие недостатки, как несоответствие фактической площади территории данным, внесенным в официальные документы кадастра. Такое положение вещей неизбежно приводит к незаконным выделениям земельных наделов для нужд физических и юридических лиц, например, к незаконной застройке зон ООПТ. В то же время попытки устранения подобных ситуаций приводят к конфликту экологического законодательства и права на частную (коммерческую) собственность.

Одной из первопричин неисполнения ограничений землепользования, как на государственном, так и на региональном и муниципальном уровнях, как раз и является проблематика в области определения правового статуса особо охраняемых зон, территорий, районов, регионов, кадастровый учет их границ, осуществляемый в рамках правового поля [7].

На сегодняшний день можно отметить ряд субъектов РФ, в границах которых имеются национальные парки и площади заповедных зон полностью изъяты из хозяйс-

⁶ Комментарий к Федеральному закону от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. О.Л. Дубовик. 2015.

твенного оборота (пользования). Подобные территории обнаруживаются в таких регионах как Алтайский край, Республика Башкортостан, Свердловская область, Ленинградская область, Красноярский край, Камчатка, Приморский край.

Нерешенным остается вопрос относительно земель, включенных в границы ООПТ, но в то же время не изъятых из хозоборота. Такое положение порождает проблемы с региональными государственными органами, муниципалитетами или субъектами хозяйствования в области эффективного ведения хозяйственной деятельности в таких районах и на прилегающих территориях. Помимо этого, судебная практика полна примеров разбирательств по вопросам отсутствия необходимой землеустроительной документации при создании и отнесении земель к категориям ООПТ. Уровень выполнения землеустроительных работ свидетельствует о постоянной тенденции сокращения как отдельных типологий, так и изыскательских, и планировочных, и землеустроительных мероприятий [5]. В первую очередь такое положение вещей можно связать с недостаточным финансированием изысканий на федеральном и региональном уровнях, и, как следствие — с несоблюдением комплекса проводимых землеустроительных работ. Отдельно можно выделить случаи недобросовестного проведения проектно-изыскательских работ с нарушением процедуры либо же с недостоверными результатами.

Актуальная и достоверная информация относительно состояния земельного фонда, его развития является неотъемлемым условием эффективного управления природными ресурсами, она помогает принять адекватные решения относительно существующей проблемной ситуации [8]. Например, осуществление хозяйственной деятельности на территориях, непосредственно примыкающих к особо охраняемым зонам, значительно затрудняется в условиях отсутствия четкого определения границ либо неточного их установления, выявления их (ООПТ) буферных зон [2].

Заключение. Наличие актуальной информации о границах особо охраняемых природных территорий и их охранных зон является необходимым условием для раз-

работки долгосрочных стратегий, принятия грамотных управленческих решений, среднесрочных прогнозно-плановых документов и целевых программ в сфере земли и собственности. Решение проблемы развития сети особо охраняемых природных территорий должно начинаться с приоритета сохранения природных и историко-культурных комплексов и объектов на особо охраняемых природных территориях перед другими вопросами, а также научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных подходов управления, системного и комплексного решения проблем организации и функционирования ООПТ.

Все рассмотренные аспекты доказывают необходимость ее законодательного решения на федеральном уровне путем однозначного определения основного понятия (преобразование и ликвидация особо охраняемых природных территорий), критериев и основания для принятия решений о создании/изменении границ ООПТ на федеральном, региональном и местном уровне, их документирование, порядок и сроки принятия решения. Перед принятием решения на федеральном уровне необходим анализ региональной и муниципальной практики с учетом приоритета сохранения природных и историко-культурных объектов и объектов ООПТ перед другими задачами и сложившейся судебной практикой.

Список источников

1. Басова И. А. Совершенствование рационального использования земельных ресурсов // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2011. №2. С. 9–14.
2. Волков С. Н. О совершенствовании правового регулирования землеустроительной деятельности // Землеустройство кадастр и мониторинг земель. 2019. №5. С. 5–18.
3. Комов Н. В. Управление проектами пространственного развития / Под общ. ред. акад. РАН Комова Н. В., проф. Цыпкина Ю. А., проф. Носова С. И.; отв. за выпуск проф. Ликсфет А. Л. М.: ИП Осьмина Е. О., 2020. 540 с.
4. Петрова Л. Е., Фомкин И. В. Особо охраняемые природные территории Московской области: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2018. №1. С. 56–67.

5. Петряева В.О. Методологическое обеспечение процесса изменения вида разрешенного использования земельных участков / В.О. Петряева, Л.А. Александровская // Молодая наука аграрного Дона: традиции, опыт, инновации. 2018. №2-2. С. 48–53.

6. Правовое регулирование отношений, связанных с установлением зон с особыми условиями использования территорий и определением границ таких зон / К.В. Тихонова, А.О. Калинин, Е.О. Калинин, Е.В. Судилковский // Экономика и экология территориальных образований. 2020. Т. 4. №1. С. 77–84.

7. Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография. М.: Инфра-М, 2014. 172 с.

8. Хлыстун В.Н. Управление земельными и другими природными ресурсами: учебник / Под общ. ред. акад. В.Н. Хлыстуна, проф. Ю.А. Цыпкина, проф. А.А. Мурашевой. М.: Научный консультант, 2020. 716 с.

9. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

10. Sandwith T., Shine C., Hamilton L., Sheppard D. Transboundary Protected Areas for Peace and Cooperation. Gland, 2011. 111 p.

References

1. Basova I.A. Sovershenstvovanie racional'nogo ispol'zovaniya zemel'nyh resursov [Improvement of rational use of land resources]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle [Izvestiya Tula State University. Earth sciences]*. 2011; (2): 9–14. (In Russ.).

2. Volkov S.N. O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya zemleustroitel'noj dejatel'nosti [On improving the legal regulation of land management activities]. *Zemleustrojstvo kadastr i monitoring zemel' [Land management cadastre and land monitoring]*. 2019; (5): 5–18. (In Russ.).

3. Komov N.V. Upravlenie proektami prostranstvennogo razvitiya [Spatial development project management]. Pod obshh. red. akad. RAN Komova N.V., prof. Cypkina Ju. A., prof. Nosova S.I. [In acad. RAS Komov N.V., prof. Tsyppkin Yu. A., prof. Nosov S.I. (eds.)]. *Otv. za vypusk prof. Likefet A.L.* Moscow: IP Os'minina E. O., 2020. 540 p. (In Russ.).

4. Petrova L.E., Fomkin I.V. Osobo ohranjemye prirodnye territorii Moskovskoj oblasti: sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy razvitiya [Specially protected natural territories of the Moscow region: current state, problems and prospects of development]. *Zemleustrojstvo, kadastr i monitoring zemel' [Land management, cadastre and monitoring of lands]*. 2018; (1): 56–67. (In Russ.).

5. Petryaeva V.O. Metodologicheskoe obespechenie processa izmeneniya vida razreshennogo ispol'zovaniya zemel'nyh uchastkov [Methodological support of the process of changing the type of permitted use of land plots]. V.O. Petryaeva, L.A. Aleksandrovskaja. *Molodaja nauka agrarnogo Dona: tradicii, opyt, innovacii [Young science of the agrarian Don: traditions, experience, innovations]*. 2018; (2-2): 48–53. (In Russ.).

6. Pravovoe regulirovanie otnoshenij, svyazannyh s ustanovleniem zon s osobymi uslovijami ispol'zovaniya territorij i opredeleniem granic takih zon [Legal regulation of relations related to the establishment of zones with special conditions for the use of territories and the definition of the boundaries of such zones]. K.V. Tihonova, A.O. Kalinichenko, E.O. Kalinichenko, E.V. Sudilovskij. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij [Economics and ecology of territorial entities]*. 2020; 4(1): 77–84. (In Russ.).

7. Hludeneva N.I. Defekty pravovogo regulirovaniya ohrany okruzhajushhej sredy: monografija [Defects of legal regulation of environmental protection: monograph]. Moscow: Infra-M, 2014. 172 p. (In Russ.).

8. Hlystun V.N. Upravlenie zemel'nymi i drugimi prirodnymi resursami: uchebnik [Management of land and other natural resources: textbook]. Pod obshh. red. akad. V.N. Hlystuna, prof. Ju. A. Cypkina, prof. A.A. Murashevoj [In academician V.N. Khlystun, prof. Yu. A. Tsyppkin, prof. A.A. Murasheva (eds.)]. Moscow: Nauchnyj konsul'tant, 2020. 716 p. (In Russ.).

9. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

10. Sandwith T., Shine C., Hamilton L., Sheppard D. Transboundary Protected Areas for Peace and Cooperation. Gland, 2011. 111 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 12.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александровская Людмила Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортюнова (филиал), Донской государственной аграрный университет. Специалист в области исследования рационального природопользования и социо-эколого-экономических проблем землепользования в рыночных условиях.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila A. Aleksandrovskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University. A specialist in the study of the rational nature management and the socio-ecological-economic problems of land use in market conditions.

111 Pushkinskaya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 330.342.24
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-113-123

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

**Александр Витальевич Батищев^{1✉}, Ольга Николаевна Фетюхина²,
Вадим Игоревич Фетюхин³**

^{1,3}*Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия*

²*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

¹*bat-a-v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-4872-0608, AuthorID РИНЦ: 531377*

²*olgaf1977@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID РИНЦ: 461158*

³*vadik-fetyukhin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3372-3216, AuthorID РИНЦ: 854471*

Аннотация. *Целью исследования* является рассмотрение основных тенденций развития системы E-commerce, направлений их использования на основных площадках маркетплейсов субъектами предпринимательства в современных рыночных условиях, описание преимуществ цифровых технологий ведения бизнеса перед использованием традиционных расчетов.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты применения различных методов ведения бизнеса субъектами предпринимательства в системе E-commerce, а также многочисленные данные, полученные в результате практических исследований консалтинговых агентств и маркетплейсов.

Результаты исследования показывают, что доля онлайн-продаж от общего объема розничной торговли в России выросла за последние несколько лет. Пандемия коронавируса ускорила эту тенденцию. Драйверами роста электронной коммерции как в России, так и во всем мире, являются маркетплейсы, на площадках которых могут развивать свой бизнес предприятия малых форм собственности, работая с собственными торговыми марками, а также продавая уникальный продукт.

Перспективы исследования представляют сопоставление глобальных и федеральных трендов, касающихся реализации основных направлений развития системы E-commerce предприятиями малого и среднего бизнеса на основных площадках маркетплейсов.

Ключевые слова: электронная коммерция, маркетплейсы, субъекты предпринимательства, торговые марки, продукт, контент, упаковка, клиентский сервис

Для цитирования: Батищев А.В., Фетюхина О.Н., Фетюхин В.И. Перспективы развития электронной коммерции в современных рыночных условиях // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 113–123. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-113-123>.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF E-COMMERCE IN MODERN MARKET CONDITIONS

Alexander V. Batishchev^{1✉}, Olga N. Fetyukhina²,
Vadim I. Fetyukhin³

^{1,3}Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

²Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹bat-a-v@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-4872-0608, AuthorID RSCI: 531377

²olgaf1977@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID RSCI: 461158

³vadik-fetyukhin@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3372-3216, AuthorID RSCI: 854471

Annotation. *The purpose of the study is to consider the main trends in the development of the E-commerce system, the directions of their use on the main marketplaces by business entities in modern market conditions, to describe the advantages of digital business technologies over the use of traditional calculations.*

The methodological basis of the study is the theoretical aspects of the application of various methods of doing business by business entities in the E-commerce system, as well as numerous data obtained as a result of practical research by consulting agencies and marketplaces.

The results of the study show that the share of online sales from the total retail trade in Russia has grown over the past few years. The coronavirus pandemic has accelerated this trend. The drivers of the growth of e-commerce both in Russia and around the world are marketplaces, on the sites of which small-scale enterprises can develop their business, working with their own trademarks, as well as selling a unique product.

The prospects of the study are a comparison of global and federal trends concerning the implementation of the main directions of the development of the E-commerce system by small and medium-sized businesses on the main marketplaces.

Keywords: *E-commerce, marketplaces, business entities, trademarks, product, content, packaging, customer service*

For citation: Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Fetyukhin V. I. Prospects for the development of E-commerce in modern market conditions // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 113–123. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-113-123>.

Введение. В настоящее время в процессе развития цифровизации и внедрения цифровой экономики электронная торговля или электронная коммерция (E-commerce) приобретают все большее значение¹. Система электронной коммерции включает все площадки и сервисы, на которых можно увидеть систему расчетов онлайн. Значительную долю в системе E-commerce занимают интернет-магазины.

В настоящее время в эту систему входит электронная покупка или продажа товаров с использованием онлайн-сервисов, мобильная коммерция, электронные переводы денежных средств, управление логистическими цепочками, интернет-маркетинг, работа с транзакциями онлайн, электронный обмен данными (EDI), управление запасами и автоматизированные системы сбора данных.

¹ Цифровая экономика: 2021 [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ. Новости. URL: <https://issek.hse.ru/news/420475066.html> (дата обращения: 13.11.2022).

В системе онлайн-торговли потребительское поведение задает тренд ее развития. На его изменение в последнее время влияет ряд факторов: сокращение горизонта планирования, сжатие рынка строительства и недвижимости, сокращение образования, рост объема удаленной работы (следующая волна после ковида), уход с рынка привычных брендов. Среди каналов совершения покупок можно выделить онлайн-каналы и офлайн-каналы. В настоящее время происходит перераспределение потребителей из разнообразных офлайн-каналов в онлайн-каналы. Покупатель сам стремится увеличить количество используемых каналов.

Маркетплейсы в последние годы стали ведущими платформами системы E-commerce, онлайн-магазинами этой системы, где в короткий промежуток времени можно найти исчерпывающие данные о товаре и услуге третьей стороны, учет торговых операций которой ведется оператором маркетплейса. Если рассматривать маркетплейс с глобальных позиций, то он является оптимизационной моделью онлайн-торговли по обмену товаров и услуг. Идентичный товар часто можно купить у множества ритейлеров, но стоимость их может различаться.

На площадках маркетплейсов продаются товары целого ряда предпринимателей, покупатель стоит перед огромным выбором, товар для него становится намного более доступным в сравнении с рядом розничных онлайн-магазинов. В последние годы можно

заметить увеличение количества маркетплейсов на мировом рынке, растет также и их востребованность. Маркетплейсы занимают свыше половины всех B2C онлайн-покупок в системе мировой торговли, в связи с этим такие площадки становятся наиболее популярными в системе электронной коммерции. В России на ведущих торговых онлайн-площадках последние годы представлено все большее количество брендов.

Развитие онлайн-продаж на основных площадках маркетплейсов. Как показали исследования, квантовый скачок рынок электронной коммерции получил в период пандемии коронавируса в 2020 году. Доля онлайн-продаж от общего объема розничной торговли в России выросла с 3,65%-4,3% в 2018–2019 годы до 8,21% в 2020 году (рисунок 1). До 2018 года она стабильно держалась на уровне 2%. Пандемия коронавируса не задавала тенденцию в сторону увеличения доли онлайн-продаж, а только значительно ускорила ее. Как видно из графика, рост доли онлайн-продаж начался в 2018 году. Именно в этом году интернет-магазины Ozon и Wildberries начали работать как маркетплейсы. Таким образом, драйверами роста электронной коммерции в России, так же, как и во всем мире, стали маркетплейсы.

Среди каналов совершения покупок можно выделить онлайн-каналы и офлайн-каналы. В настоящее время происходит перераспределение потребителей из разнообразных

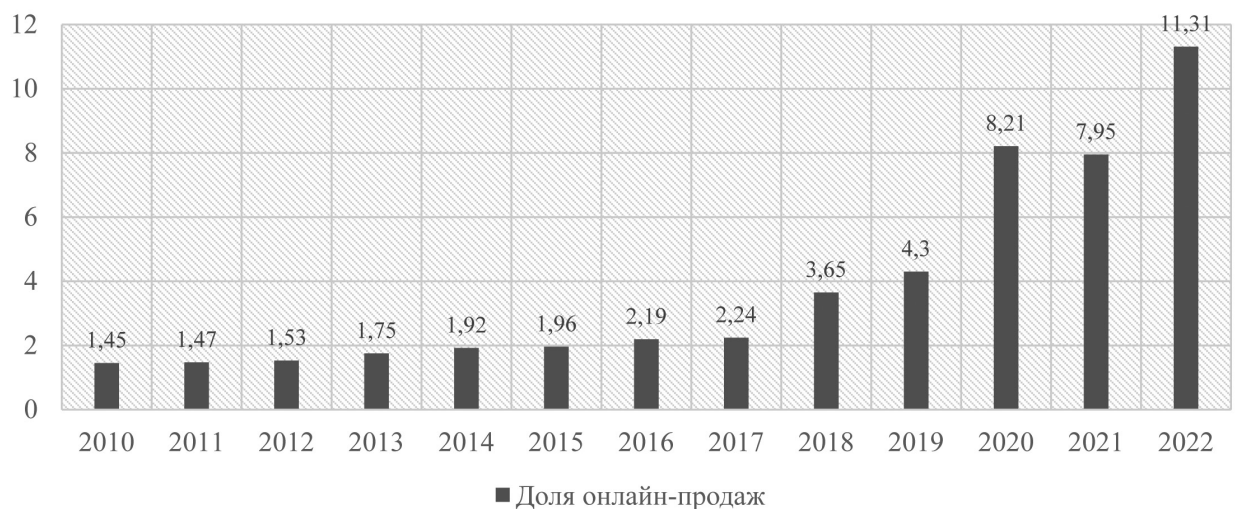

Рис. 1. Доля онлайн-продаж от всех розничных продаж в России в 2010–2022 гг., %
Fig. 1. The share of online sales from all retail sales in Russia in 2010–2022, %

офлайн-каналов в онлайн-каналы. Покупатель сам стремится увеличить количество используемых каналов. В 2021–2022 годах основными каналами являлись маркетплейсы и сайты. В 2023 году маркетплейсы продолжают свое развитие, однако дополнительными каналами станут социальные сети, мессенджеры и сайты объявлений. Доля заказов на маркетплейсах за январь–сентябрь 2022 года составила 74% в общем объеме заказов. Максимальная доля заказов пришлась на ноябрь 2022 года².

Если рассматривать наиболее распространенные онлайн-площадки для совершения покупок Wildberries и Ozon, то в июне 2022 года совокупная доля этих двух крупнейших маркетплейсов впервые превысила 2/3 от всех онлайн-заказов и составила 69%. В ноябре совокупная доля достигла 74%. В сумме продажи на Wildberries и Ozon в ноябре 2022 года выросли относительно ноября 2021 года на 106%. Темпы роста остального

рынка падают. Рост продаж на площадках крупнейших маркетплейсов наблюдается гораздо более быстрыми темпами, чем в пределах остального онлайн-рынка, хотя темпы роста снижаются везде.

Как показал анализ, появление маркетплейсов за последние несколько лет смогло кардинально изменить потребительское поведение и заставить многих людей отказаться от офлайн-покупок в пользу онлайн. Существует ряд причин, по которым в более ранний период времени покупатели отказывались от онлайн-покупок. Согласно нашим исследованиям, среди этих причин можно выделить следующие: дорогая доставка, длительное ожидание заказа, ограниченный ассортимент (каждую категорию товаров нужно заказывать в разных интернет-магазинах, при этом платить за каждую доставку отдельно), сложная процедура возврата, отсутствие возможности обратиться к консультанту, иногда достаточно сложная сама процедура оформ-

Таблица 1
 Table 1

Пути решения проблемы отказа ряда потребителей от онлайн-покупок
Ways to solve the problem of refusal of a number of consumers from online purchases

Основные причины отказа покупателей от онлайн-покупок	Решение, предложенное со стороны маркетплейса
Дорогая доставка	Бесплатная доставка при любой сумме заказа за счет оптимизации логистики
Длительное ожидание заказа	Доставка за один день (а иногда и за 1 час) за счет инвестиций в распределительные центры и дарксторы в каждом регионе
Ограниченный ассортимент	Начали работать по договору комиссии, привлекая тысячи продавцов разных категорий товаров. Теперь на маркетплейсе можно купить почти любой товар: от коробки спичек до квартиры в Москве
Сложная процедура возврата	Заказ можно вернуть в любом удобном ПВЗ или отказаться при получении
Отсутствие возможности обратиться к консультанту	Ozon создал чат покупателя и продавца. Теперь покупатель может задать вопрос по товару напрямую производителю или продавцу
Сложная процедура оформления заказа	Для первого заказа достаточно ввести номер телефона и имя, выбрать удобный ПВЗ. Сделать это можно на сайте или в удобном приложении

² Data Insight [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Москва, 2022. URL: <http://www.datainsight.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

ления заказа. В таблице 1 представлен механизм решения маркетплейсами этих проблем.

Как видно из таблицы, маркетплейсы по большей части смогли помочь преодолеть основные проблемы покупателей, связанные с их выходом на онлайн-рынок. Благодаря этому маркетплейсы получили свою миллионную лояльную аудиторию, которая из года в год продолжает расти.

Доля онлайн-продаж в Китае превышает 45 %, в Великобритании — 35 %, в США — 15 %. Таким образом, у российского рынка электронной коммерции есть огромный потенциал роста. По нашему прогнозу, российский онлайн-рынок может вырасти в 2 раза до конца 2024 года. Даже при отсутствии роста основных показателей экономики и розничных продаж в стране рост электронной коммерции сохранится за счет тенденции перехода покупателей из офлайна в онлайн.

Трансформация российской системы E-commerce. Как показали исследования, российская система E-commerce переживает трансформацию в модель «Маркетплейсы + Брендовые магазины». Анализ выявил следующие тенденции в этой модели:

— маркетплейсы не вытесняют остальной рынок, он уходит сам, маленькие и средние неспециализированные игроки переходят на маркетплейсы;

— брендовые магазины сохраняют свои позиции в силу уникальности товара;

— неспециализированные интернет-магазины массово падают в объеме продаж, это ведет к росту селлеров на маркетплейсах.

Маркетплейсы постепенно эволюционируют в экосистему. Рассмотрим это на примере Ozon. Теперь на маркетплейсе можно не только купить товары, но и заказать услуги [3; 4]. Ozon покупает банк, чтобы предложить покупателям оформить выгодную рассрочку или дебетовую карту с кэшбеком. Банковские услуги будут только расширяться. Также появилась возможность для клиентов маркетплейса продавать свои б/у вещи, как они это делают на Avito, доступна покупка авиабилетов. Ozon даже запустил «Моменты» — сервис коротких видео по аналогии с Tik-tok и Instagram. Все это делается для достижения двух основных целей:

1) изменить потребительское поведение, а именно — воронку продаж «поиск Яндекс или Google — маркетплейс — корзина — заказ» на «маркетплейс — корзина — заказ». Это позволит значительно меньше терять клиентов при поиске товара;

2) заставить покупателя как можно дольше находиться на сайте маркетплейса или в мобильном приложении. Таким образом увеличится вероятность совершения целевого действия от потребителя.

В случае успешной реализации этих целей маркетплейс сможет расширить свои возможности монетизации. Теперь можно зарабатывать не только на комиссии от продаж, но и на рекламе: медийной и контекстной.

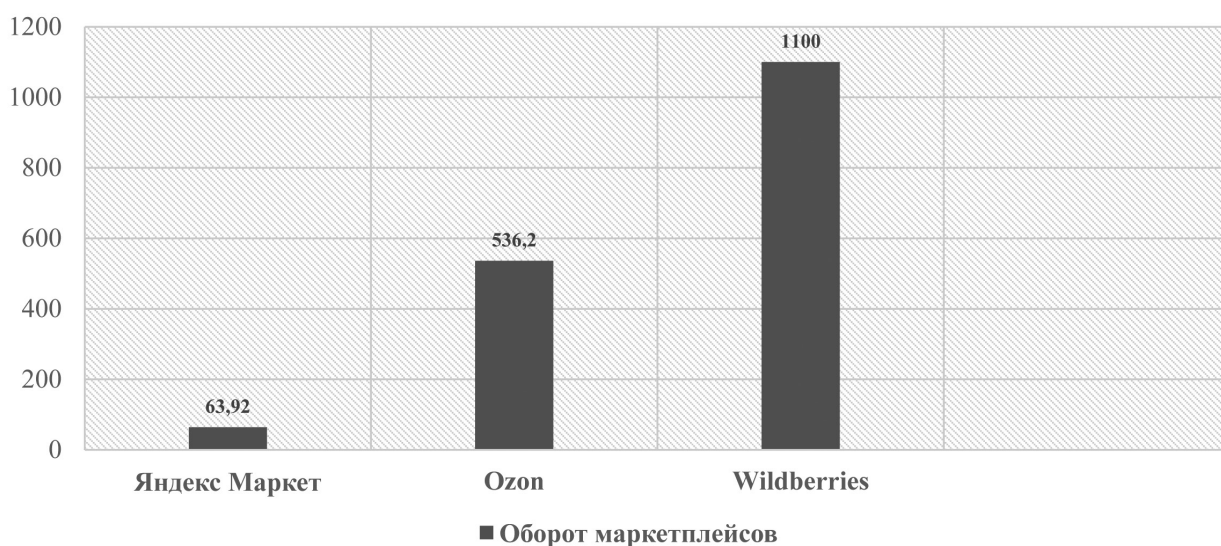

Рис. 2. Оборот маркетплейсов за 9 месяцев 2022 года (в млрд руб.)
Fig. 2. Turnover of marketplaces for 9 months of 2022 (in billion rubles)

Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет как основные «игроки» российского онлайн-рынка. Основной оборот рынка электронной коммерции в России делают 3 крупных «игрока»: Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет [1]. Лидером по выручке среди них является Wildberries — за 9 месяцев 2022 года он заработал 1,1 трлн рублей (рисунок 2). На втором месте маркетплейс Ozon с выручкой 536,2 млрд рублей. И замыкает тройку Яндекс.Маркет с оборотом 63,918 млрд рублей. Здесь стоит отметить, что компания «Яндекс» открыла свой маркетплейс только лишь в 2021 году. Упущенное время не позволяет быстро догнать своих основных конкурентов, но при этом у Яндекса уже есть своя развитая экосистема и самый популярный поиск в России. Это позволяет ему расти двухзначными темпами за счет глубокой интеграции маркетплейса в общую экосистему Яндекса.

Лидером среди маркетплейсов в России является Wildberries. Это связано с тем, что основная категория этого магазина исторически — одежда и обувь. Данная категория дает большой средний чек, что в конечном итоге сказывается на итоговом результате по обороту. Также можно увидеть повышенный спрос на товары для дома и аксессуаров. Для представителей малого и среднего бизнеса площадка привлекательна незначительной комиссией — 1%, в среднем она может составлять 10%, на этот показатель оказывает влияние активность предпринимателя, а также его участие в различных акциях. Данная площадка предоставляет продавцу перечень различных услуг: хранение и доставка товаров, реклама, аналитика, фотостудия для профессиональной съемки реализуемых товаров. Взаимодействие с предпринимателями, как правило, еженедельное. Маркетплейс предлагает электронный документооборот. Предпринимателю дается возможность продавать как со своего склада, так и со складов Wildberries. Площадку ежедневно посещают свыше 11 миллионов покупателей. Число покупок в среднем ежедневно составляет около 2 миллионов. С каждой сделки взывается комиссия, зависящая от категории товара, ее размер в среднем зафиксирован в диапазоне от 5 до 15%. Товар привозится со склада предпринимателя или со складов самого маркетплейса, по срокам это составляет около 2–3 дней, есть наряду

с этим и срочная доставка, которая составляет несколько часов. На территории России Wildberries имеет более чем 18000 пунктов выдачи. Площадка взаимодействует с ООО, ИП и самозанятыми. Для данного взаимодействия нужны сертификаты качества и декларации на товар, документы на товарный знак или разрешение на его использование.

Ozon является самым старшим с 1998 года маркетплейсом в России, в настоящее время он занимает второе место, уступив только Wildberries. Изначально площадка была магазином книг, видео и аудио, с течением времени ассортимент возрастал, маркетплейсом он стал с 2019 года. Продавцам легко взаимодействовать с ним в силу ряда факторов: относительно простая процедура регистрации, удобное мобильное приложение, в 2021 году комиссия на нем снизилась с 25% до 10%, площадка известна большому кругу географически рассредоточенных потребителей, маркетплейс насчитывает более чем 12000 пунктов выдачи, имеет обширный перечень складских помещений. Продавцы торгуют товарами как со своего склада, так и со складов Ozon. Выплаты регулярные дважды в месяц. Маркетплейс предлагает помощь в организации рекламы, стартовать со своими продажами можно даже при незначительном бюджете. Есть возможность использования экспресс-доставки товаров от 2 часов, площадка насчитывает более чем 33000 пункта самовывоза по стране. Прогнозируется, что уже через 4 года маркетплейс увеличит свой оборот до 2,5 триллионов рублей. За последний год можно наблюдать значительный рост основных финансовых и операционных результатов маркетплейса (рисунок 3).

Яндекс.Маркет изначально специализировался на торговле бытовой техникой, которая продается достаточно нерегулярно и не очень часто, из-за этого площадка была не настолько известна, как Wildberries и Ozon. Сейчас Яндекс.Маркет остановился на стратегии расширения и продвижения в других не менее важных товарных категориях, в которых покупки более частые — еда, одежда, хозтовары. В умах покупателей он устойчиво закрепился как площадка для покупки бытовой техники и электроники. У Яндекс.Маркет довольно незначительная комиссия — только 2% от суммы продажи — и очень

выгодные условия работы: есть возможность быть активным партнером или размещаться по рекламной модели. Маркетплейс для привлечения партнеров создал уникальную модель взаимодействия: если продавец размещает рекламу своей странички на данной онлайн-площадке и посредством этого привлекаются потенциальные покупатели, то комиссия небольшая — 1 рубль за заказ.

Институциональные аспекты трудовых отношений в системе E-commerce. В основе парадигмы модернизации трудовых взаимоотношений в рамках социально-экономических формаций лежит их трансформация от доиндустриальной стадии развития общества к Индустрии 4.0. В частности, в доиндустриальном обществе индивид с его запросами стоял в основе социально-экономической системы, главной отраслью экономики был аграрный сектор, а основным фактором производства выступали природные ресурсы. В индустриальной фазе главными факторами становятся производственный и финансовый. В постиндустриальном обществе основной фактор — знание, различного

рода информация, в основе социально-экономической системы находится индивид с его уникальными потребностями. В постинформационном обществе (Индустрии 4.0) наблюдается все большее отдаление друг от друга индивида и информации, в основе социально-экономической системы — искусственный интеллект. Новые знания приобретаются посредством обработки массива данных, машинного обучения. Целесообразно научиться быстро подстраиваться к колеблющимся во времени факторам, что повысит конкурентоспособность на большой период времени.

В Индустрии 4.0 так называемый «информационный сотрудник» должен уметь, по нашему мнению, вычленять нужную информацию и производить совершенно другую, имея много различных вариантов. Это будет способствовать слиянию работника с системой корпоративных ценностей фирмы. Работнику следует владеть когнитивными и общесистемными навыками, умением нахождения ответов на нелегкие задачи, производства и обработки контента. Для менеджеров фирмы на первое место становится уже не определенная профессия работника, а его

Рис. 3. Финансовые и операционные результаты Ozon за II квартал 2022 г. по сравнению со II кварталом 2021 г.

Fig. 3. Ozon's financial and operational results for the second quarter of 2022 compared to the second quarter of 2021

способность приспосабливаться к изменениям, обучаться [1; 5; 6]. В условиях цифровизации социально-экономических систем пристальное внимание уделяют уже не столько квалификации работника, сколько его компетентности, умению решать задачи в условиях неопределенности системы, а также способности трудиться в команде. Потенциал такого индивида измеряют посредством оценки его реакции на изменчивость информационной среды. Современного работодателя привлекают не только специальность будущего работника, но и его профессионально-образовательные навыки в совокупности с умением социализироваться в коллективе, его умение решать конкретные практические кейсы.

Вследствие изменения устоявшихся социально-экономических систем и рынка труда заметна кардинальная трансформация финансовой и логистической составляющей, также наблюдается упразднение ряда профессий и функций менеджмента. Так, порядка 10–50% специальностей могут остаться в прошлом вследствие автоматизации. Среди таких специальностей можно выделить страховых агентов, судий и арбитров, агентов по недвижимости, секретарей и курьеров. Причины такой тенденции: непосредственное взаимодействие производителя и потребителя, замена посреднических структур на распределительные сети и др. Автоматизация и почти полное отсутствие физического труда, уход от рутины, тренд к росту пассивного бизнеса, уход от централизации производственных процессов — это тенденции, характерные для информационного общества.

Как показали наши исследования, для эффективного управления персоналом в Индустрии 4.0 целесообразно разработать систему диагностики компетенций, психологических аспектов работника, ценностных ориентиров индивида, его адаптации к корпоративной культуре, которая в современном мире динамична и адаптивна, поэтому следует регулярно мониторить параметры конкурентоспособности работников, сравнивать их с имеющимися параметрами и на базе этого сравнения предлагать курсы повышения квалификации, карьерного роста и развития и т.д. Эти меры влекут за собой обязательное вовлечение машинного обучения в сфере управления персоналом и конкурентоспособ-

ностью работников в условиях Индустрии 4.0 в социально-экономических системах.

По нашему мнению, машинное обучение сотрудников будет способствовать оптимизации сферы управления персоналом и снижению издержек от привлечения к работе неподходящих кандидатов, что часто связано с человеческим фактором. Основным типом машинного обучения, который целесообразно применять при найме сотрудников, стало обучение по прецедентам. В качестве вводных данных применяется резюме, машинное обучение вступает в действие на этапе сужения поиска кандидатов, выявления соответствия данных потенциального работника и трудового коллектива, для внедрения индивидуальных программ обучения и т.д.

Таким образом, необходима разработка и внедрение определенного алгоритма управления персоналом в условиях цифровизации экономики, который будет учитывать трансформацию трудовых взаимоотношений от доиндустриальной стадии развития общества к индустрии 4.0 и машинному обучению и позволит избежать ошибок, связанных с человеческим фактором при найме кандидатов.

Перспективы развития малого бизнеса на ведущих отечественных площадках маркетплейсов. Как показали исследования, для малого бизнеса, который работает на маркетплейсах, ситуация не такая однозначная [2].

В целом условия предпринимательской деятельности на каждом маркетплейсе схожие, поэтому нами представлен анализ на примере Ozon. Во втором квартале 2022 года по сравнению со вторым кварталом 2021 года оборот маркетплейса вырос на 92%, количество заказов и активных покупателей увеличились на 121% и 67% соответственно. При этом на маркетплейсе стало в 3 раза больше продавцов, то есть уровень конкуренции растет значительно быстрее, чем количество покупателей и заказов [7]. Это создает дополнительные риски для малого бизнеса:

- демпинг и как следствие — снижение маржинальности;
- копирование незапатентованных товаров;
- увеличение маркетинговых расходов;
- загруженность складов маркетплейса (повышение тарифов на хранение и приемку);

— потеря эксклюзивных контрактов для дистрибуторов.

Для преодоления этих рисков мы предлагаем ряд рекомендаций, которые в значительной мере позволят снизить их влияние на коммерческую деятельность субъектов малого предпринимательства. Во-первых, необходимо уходить от дистрибуции чужих брендов в пользу собственной торговой марки. Во-вторых, стоит избегать производства или закупки самого дешевого продукта: не нужно пытаться сделать шампунь дешевле, чем, например, у Synergetic, лучше производить шампунь, в частности только для кудрявых волос со специальными экстрактами, которых нет ни у одного бренда, идеальным вариантом станет то, что основательница бренда будет обладательницей кудрявых волос. За такой продукт потребитель будет готов переплачивать. В-третьих, по возможности нужно регистрировать права на бренд, патенты на продукцию, защищать фото- и видео-контент. В-четвертых, следует инвестировать в фото-, видео-, rich-контент. В-пятых, максимально необходимо быстро отвечать на отзывы и вопросы со стороны покупателей.

Заключение. В процессе внедрения цифровой экономики электронная коммерция (E-commerce) приобретают все большее значение. Маркетплейсы в последние годы стали ведущими платформами системы E-commerce. На площадках маркетплейсов продаются товары целого ряда предпринимателей, покупатель стоит перед огромным выбором, товар для него становится намного более доступным в сравнении с рядом розничных онлайн-магазинов. В последние годы можно заметить увеличение количества маркетплейсов на мировом рынке, растет также и их востребованность. Маркетплейсы занимают свыше половины всех B2C онлайн-покупок в системе мировой торговли, в связи с этим такие площадки становятся наиболее популярными в системе электронной коммерции. В России на ведущих торговых онлайн-площадках последние годы представлено все большее количество брендов. Квантовый скачок рынок электронной коммерции получил в период пандемии коронавируса

в 2020 году. Драйверами роста электронной коммерции в России, так же, как и во всем мире, стали маркетплейсы³. Российская система E-commerce переживает трансформацию в модель «Маркетплейсы + Брендовые магазины». Маркетплейсы постепенно эволюционируют в экосистему. Основной оборот рынка электронной коммерции в России делают 3 крупных «игрока»: Ozon, Wildberries, Яндекс. Маркет. Для преодоления рисков малого бизнеса при выходе на маркетплейсы целесообразно уходить от дистрибуции чужих брендов в пользу собственной торговой марки, избегать производства или закупки самого дешевого продукта, по возможности регистрировать права на бренд, патенты на продукцию, защищать фото- и видео-контент, максимально быстро отвечать на отзывы и вопросы со стороны покупателей.

Список источников

1. Бармута К. А. Стратегический менеджмент в контексте построения цифровой экономики: вызовы и проблемы адаптации // Экономика устойчивого развития. 2020. №4(44). С. 32–36.
2. Волкова Е. В. Малый и средний бизнес: тренды предпринимательской деятельности в пандемию коронавируса // Экономические науки. 2021. №197. С. 75–79.
3. Иванова Е. К. Маркетплейсы как инструмент развития малого бизнеса // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2021. №2(33). С. 35–37.
4. Марченков А. А. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции // Научные стремления. 2019. №26. С. 65–67.
5. Шевчук И. Б. Расширенная классификация информационных технологий: научно-теоретические и региональный подходы // Перспективы науки и образования. 2014. №6(12). С. 41–47.
6. Электронная коммерция: учебник / Л. А. Брагин и др. М.: ИД Форум, НИЦ Инфра-М, 2012. 192 с.
7. Anopchenko T.Y. A Set of Systemic Measures for the Development of International Cooperation and Integration of Small and Me-

³ Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19. Crisis [Electronic resource] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021/ (date accessed: 24.02.2023).

dium-Sized Businesses in Russia / T.Y. Anopchenko, V.I. Ostrovskiy // New Institutions for SocioEconomic Development; Eds.: E. G. Popkova and E. Zavyalova. Deutschland Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2021. P. 163–171.

References

1. Barmuta K.A. Strategicheskij menedzhment v kontekste postroeniya cifrovoj ekonomiki: vyzovy i problemy adaptatsii [Strategic management in the context of building a digital economy: challenges and problems of adaptation]. *Jekonomika ustojchivogo razvitiya* [Economics of sustainable development]. 2020; 4(44): 32–36. (In Russ.).

2. Volkodavova E. V. Malyj i srednij biznes: trendy predprinimatel'skoj dejatel'nosti v pandemiju koronavirusa [Small and medium-sized businesses: business trends in the coronavirus pandemic]. *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2021; (197): 75–79. (In Russ.).

3. Ivanova E. K. Marketplejsy kak instrument razvitiya malogo biznesa [Marketplaces as a tool for small business development]. *Innovacionnaja jekonomika i sovremennyy menedzh-*

ment [Innovative economy and modern management]. 2021; 2(33): 35–37. (In Russ.).

4. Marchenkov A.A. Marketplejsy kak glavnyj trend jelektronnoj kommercii [Marketplaces as the main trend of E-commerce]. *Nauchnye stremlenija* [Scientific aspirations]. 2019; (26): 65–67. (In Russ.).

5. Shevchuk I. B. Rasshirennaja klassifikacija informacionnyh tehnologij: nauchno teoreticheskie i regional'nyj podhody [Extended classification of information technologies: scientific theoretical and regional approaches]. *Perspektivy nauki i obrazovanija* [Prospects of science and education]. 2014; 6(12): 41–47. (In Russ.).

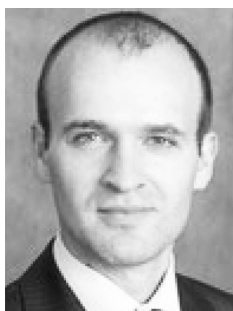
6. Jelektronnaja kommercija: uchebnik [Electronic commerce: textbook]. L.A. Bragin et al. Moscow: ID Forum, NIC Infra-M, 2012. 192 p. (In Russ.).

7. Anopchenko T.Y. A Set of Systemic Measures for the Development of International Cooperation and Integration of Small and Medium-Sized Businesses in Russia / T.Y. Anopchenko, V.I. Ostrovskiy // New Institutions for SocioEconomic Development; Eds.: E. G. Popkova and E. Zavyalova. Deutschland Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2021. P. 163–171.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 10.03.2023; approved after reviewing on 25.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Батищев Александр Витальевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Искусственный интеллект и анализ данных», Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Сфера научных интересов — аналитика, большие данные в информационных технологиях, электронная коммерция, информационная безопасность, облачные технологии, стартапы.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 80, корп. Г

Alexander V. Batishchev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Artificial Intelligence and Data Analysis», Moscow Financial and Industrial University «Synergy». Research interests — analytics, big data in information technology, E-commerce, information security, cloud technologies, startups.

80 Leningradsky ave., bldg. G, Moscow, Russia

Фетюхина Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова. Сфера научных интересов — электронная коммерция, менеджмент маркетплейсов, трудовые отношения в системе электронной торговли, маркетинг.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga N. Fetyukhina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — E-commerce, marketplace management, labor relations in the E-commerce system, marketing.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Фетюхин Вадим Игоревич — аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 80, корп. Г

Vadim I. Fetyukhin — a Postgraduate Student of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy».

80 Leningradsky ave., bldg. G, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Батищев А. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Фетюхина О. Н. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Фетюхин В. И. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Batishchev A. V. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Fetyukhina O. N. — writing the source text; final conclusions.

Fetyukhin V. I. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Научная статья

УДК 658.27

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-124-134

**РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА
В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА Г.И. КОНОВАЛОВОЙ**

Елена Александровна Дергачева

Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия

Eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914, AuthorID РИНЦ: 310421

Аннотация. Цель исследования. Глубокие кризисные явления и динамические сдвиги в мировой экономике требуют сегодня начать в России процесс возрождения и активизации производственной сферы. Одним из факторов организации данного процесса является развитие теории и методологии производственного менеджмента. В статье дано научное обозрение развития теории и методологии производственного менеджмента в России за прошедшее двадцатилетие. Представлены результаты исследований, отражающие научные положения формирования стратегического управления устойчивым развитием промышленных предприятий, обусловленные становлением нового экономического миропорядка, глобализацией и санкциями. Показано изменение процессов конкурентоспособности и особенности управления промышленными предприятиями в условиях цифровой трансформации.

Методологическую базу исследования представляют системный подход, анализ, синтез, интеграция, дифференциация, аналогия, обобщение, принятие решений.

Результаты исследования. Одним из значимых результатов является комплексное исследование развития базовых подходов, методов, способов, инструментов, механизмов в теории и методологии производственного менеджмента, происшедшее за последние двадцать лет и актуальное сегодня для хозяйствующих субъектов в области оперативного и стратегического управления в новых реалиях.

Перспективу исследования составляет разработка подходов к соединению стратегического и производственного менеджмента в единой модели управления промышленными предприятиями на цифровой платформе.

Ключевые слова: теория, методология, производственный менеджмент, система управления, элемент

Для цитирования: Дергачева Е. А. Развитие теории и методологии производственного менеджмента в трудах профессора Г.И. Коноваловой // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 124–134. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-124-134>.

Original article

DEVELOPMENT OF THE THEORY
AND METHODOLOGY PRODUCTION MANAGEMENT
IN THE WORKS OF PROFESSOR G. I. KONOVALOVA

Elena A. Dergacheva

Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia

Eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914, AuthorID RSCI: 310421

Abstract. Purpose of the study. Deep crisis phenomena and dynamic shifts in the world economy require today to start the process of revival and activation of the production sector in Russia. One of the factors in the organization of this process is the development of the theory and methodology of production management. The article provides a scientific review of the development of the theory and methodology of production management in Russia over the past twenty years. The results of studies reflecting the scientific principles of the formation of strategic management of the sustainable development of industrial enterprises, due to the formation of a new economic world order, globalization and sanctions, are presented. The change in the processes of competitiveness and the features of managing industrial enterprises in the context of digital transformation are shown.

The methodological basis of the study is represented by system analysis, system synthesis, differentiation and integration, generalization and analogy, decision-making.

Research results. One of the significant results is a comprehensive study of the development of basic approaches, methods, methods, tools, mechanisms in the theory and methodology of production management, which has taken place over the past twenty years and is relevant today for business entities in the field of operational and strategic management in the new realities.

The prospect of the study is the further development of the theory and methodology of production management in the digital economy and the management of industrial enterprises on a digital platform.

Keywords: theory, methodology, production management, control system, element

For citation: Dergacheva E. A. Development of the theory and methodology production management in the works of Professor G. I. Konovalova // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 124–134. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-124-134>.

Введение. Политические, экономические и социальные изменения, происшедшие в 90-х годах XX столетия, потребовали, чтобы российские промышленные предприятия функционировали в рыночных условиях. Прежние методы управления ресурсами и производством перестали работать. Объективной необходимостью для промышленных предприятий стало освоение новых методов хозяйствования, применение прогрессивных форм организации производства и создание новой системы управления, принципиально отличающейся от систем, разработанных ранее.

В научном обзоре представлены результаты исследований, отражающие научные положения формирования стратегического управления устойчивым развитием промышленных предприятий, обусловленные становлением нового экономического порядка, процессами глобализации и санкционными ограничениями [3]. Нашли отражение вопросы изменения процессов конкурентоспособности, особенности цифровой трансформации, теории и практики управления промышленным предприятием. Сделано обобщение результатов исследований и прак-

тической деятельности по управлению современными промышленными предприятиями.

В 1995 году в производственном объединении «Брянский машиностроительный завод» была создана научно-исследовательская лаборатория, в задачи которой входили разработка и внедрение принципиально новой системы управления, отвечающей изменившимся условиям хозяйствования промышленных предприятий в условиях рыночной экономики.

Разработка, проектирование и внедрение новой системы управления на Брянском машиностроительном заводе осуществлялись под руководством д.э.н., профессора Г.И. Коноваловой.

Характеристика объекта исследования. В 90-х годах прошлого столетия Брянский машиностроительный завод являлся одним из самых крупных многономенклатурных предприятий в России, на котором изготавливались большими партиями рефрижераторные секции, маневровые тепловозы, товары широкого потребления, запасные части; средними партиями платформы различных модификаций, передвижные дизельные электростанции; мелкими партиями судовые дизели, изделия по новой технике, запасные части и др.

На Брянском машиностроительном заводе существовало смешанное производство, в котором присутствовали единичное, мелкосерийное, среднесерийное, крупносерийное и массовое производство разнообразной продукции. Производственный цикл по различным изделиям находился в пределах от 10 до 270 дней и более. Количество деталей и сборочных единиц, находящихся на разных стадиях производства, составляло более 100 тыс. позиций, количество технологических операций приближалось к 700 тыс. позиций.

В отраслевых производствах и на заводе тепловозных дизелей действовали различные системы, методы и инструменты управления, отражающие специфические особенности производства продукции в каждом из них. Методологии этих систем невозможно было согласовать, поэтому при наличии большого числа межцеховых передач между отраслевыми производствами управление на предприятии в целом было не сбалансированным

[5; 28]. Несогласованность методов управления приводила к несогласованности работы структурных подразделений предприятия, которая только частично ликвидировалась путем ручного регулирования благодаря большому опыту оперативных плановых работников и руководителей низшего и среднего звена управления. В целом несовершенство системы управления приводило к большим потерям производства и было одним из факторов неэффективности работы Брянского машзавода.

Новая единая система управления промышленным предприятием была разработана и успешно внедрена во всех отраслевых производствах и на заводе тепловозных дизелей в течение 2000–2004 годов с экономическим эффектом 17,6 млн рублей (в ценах 2004 года).

Развитие базовых подходов в теории производственного менеджмента. Процесс разработки, проектирования и внедрения принципиально новой концепции управления крупным машиностроительным заводом с динамичным разнотипным производством Г.И. Коновалова описала в монографиях [7; 27; 32; 36]. Результаты проведенных исследований и практического опыта были освещены ею в докладах на международных научно-практических конференциях [12; 21; 31; 37]. В последующие годы Г.И. Коновалова, опираясь на свой многолетний практический опыт на промышленном предприятии, продолжила научные исследования и развитие теории и методологии производственного менеджмента в стенах Брянского государственного технического университета на кафедре отраслевой экономики и управления.

Г.И. Коновалова развила базовые подходы производственного менеджмента (стратегический, функциональный, ситуационный, процессный, интеграционный), разработанные зарубежными учеными И. Ансоффом, И. Карлофом, Б. Месконом, М.Х. Томпсоном, А. Дж. Стриклендом [1; 4; 38; 40] и отечественными учеными С.А. Соколициным, В.А. Дуболазовым, А.В. Бабкиным [2; 39], исследовав происшедшие глубокие качественные изменения в развитии производственной и экономической деятельности отечественных промышленных предприятий в рыночных условиях хозяйствования.

Наиболее значимым вкладом Г.И. Коноваловой в развитие науки управления промышленными предприятиями является то, что она первой ввела в теорию и методологию производственного менеджмента новый базовый подход — динамический подход к управлению.

Во главу исследований Г.И. Коновалова поставила не учет специфики типа производства, а поиск элементов производственной системы, с помощью которых характерные черты различных типов производства можно привести к общему знаменателю и на основе данных элементов разработать единую систему управления промышленным предприятием в условиях различных типов производства [8]. Для изменения свойств производственной системы Г.И. Коновалова предложила новые элементы, которые изменили свойства системы управления промышленным предприятием в целом [15; 33].

В научных трудах [13; 14; 16; 26] ученый развивает стратегический подход к управлению, концепция которого направлена на долгосрочное планирование производства и ресурсов; формулирование и согласование целей, программ и показателей развития; формирование производственного потенциала предприятия. Г.И. Коновалова разрабатывает единый подход для ведения как стратегического, так и оперативного планирования разнотипного динамичного производства. Она показывает, что в условиях высокой степени неопределенности только данный подход позволяет сбалансировать цели, согласовать показатели разных звеньев предприятия сегодня и в будущем. Внедрение в реальном производстве показало, что предложенный подход к управлению позволяет предприятию успешно преодолевать проблемы, связанные с неопределенностью и возможностями в долгосрочном периоде.

При развитии функционального подхода в менеджменте Г.И. Коновалова базируется на совокупности различных видов деятельности, дифференциации их на функции управления, установлении информационных взаимодействий между ними. В своих исследованиях она показала, что существующие системы управления не обеспечивают полного и точного взаимодействия различных функций [29].

Впервые в теории производственного менеджмента Г.И. Коновалова предложила использовать оперативное управление производством как инструмент управления в общей системе управления предприятием [11]. Она показала, что управляемые параметры, используемые в оперативном управлении производством, имеют связь с параметрами в других функциональных подсистемах. Для взаимосвязи и взаимодействия всех функций управления Г.И. Коновалова разработала новые элементы в производственной системе — динамические план-графики на долгосрочный период [8].

Процессный подход в менеджменте направлен на выпуск продукции в заданной номенклатуре, количестве и в установленные сроки. Несмотря на ясность основных положений данного подхода, сегодня на промышленных предприятиях процессный подход не внедряется. Причиной тому является отсутствие инструментария и процедур исполнения его в производственной деятельности. Исследования, проведенные Г.И. Коноваловой, доказывают, что решение данной проблемы лежит в новом подходе к моделированию частичных процессов производства и объединении их в единый процесс. Данный подход позволяет сформировать единую бизнес-модель промышленного предприятия в условиях цифровой трансформации [34].

Г.И. Коновалова также исследовала ситуационный подход в производственном менеджменте, расширив его понимание применительно к современным промышленным предприятиям. По ее мнению, ситуационный подход состоит в учете внутренних и внешних факторов реальной действительности, обуславливающих возникновение различных по своей природе ситуаций, которые требуется учитывать в оперативном управлении производством [24]. Для реализации ситуационного подхода на практике Г.И. Коновалова разработала методологию определения управляемых параметров, позволяющих оценить качественное и количественное влияние ситуаций на движение производственного процесса [23].

Интеграционный подход в производственном менеджменте Г.И. Коновалова развивала в направлении обеспечения полной связанности различных функций управления

производством для объединения их в единое целое и обеспечения целостности системы управления промышленным предприятием. Г.И. Коновалова показала, что сегодня в системах управления промышленными предприятиями не обеспечивается необходимое взаимодействие функций, так как в производственной системе нет элементов, которые обеспечивали бы полную их интеграцию. Она доказала, что значимость полной интеграции функций состоит в возможности управления предприятием на единой методологической основе. Профессором впервые были предложены новые элементы производственной системы — динамические план-графики на долгосрочный период, на основе которых на единой методологической основе осуществляется планирование во всех функциях управления на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный период [10].

Исследователь доказала, что в настоящее время динамика изменения факторов, влияющих на деятельность промышленного предприятия, так сильно выросла, что только динамический подход к управлению позволяет формировать точные и полные планы действий для решения текущих, среднесрочных и долгосрочных проблем. Г.И. Коновалова первой ввела в теорию и методологию производственного менеджмента понятия «динамический подход в управлении предприятием», «разнотипное динамичное производство», «универсальная система оперативного управления разнотипным динамичным производством».

Развитие методологии производственного менеджмента. На основе развития концепций базовых подходов в теории производственного менеджмента Г.И. Коновалова разработала методологию. В нее вошли новые элементы, методы, подходы, способы, позволившие:

1) разработать универсальную систему оперативного управления разнотипным динамичным производством [17];

2) построить единый механизм взаимодействия стратегического и оперативного планирования, давший возможность согласовать цели и показатели деятельности структурных подразделений предприятия в различных плановых периодах;

3) разработать элементы, обеспечивающие полное и точное взаимодействие всех функциональных подсистем в системе управления промышленным предприятием [6];

4) разработать методы планирования производства и ресурсов на единой методологической основе;

5) построить модель планирования оборотных средств на предприятии с разнотипным динамичным производством [22];

6) разработать метод определения норматива оборотных средств [25];

7) создать систему управления затратами на основе детального метода [30; 35];

8) разработать методологию управления трудовыми ресурсами на промышленном предприятии [20];

9) построить методологию управления обновлением основных средств машиностроительного предприятия [18];

10) разработать методологию управления производительностью труда на промышленном предприятии [19];

11) построить методологию управления материальными ресурсами на промышленном предприятии [9].

Разработанные Г.И. Коноваловой новые элементы производственной системы в полной мере описывают объекты промышленного предприятия, их свойства и отношения.

В заключение отметим, что новые элементы:

1) адекватно описывают свойства современной производственной системы, так как содержат достаточную информацию о производстве и дают возможность получить новую информацию о закономерностях развития предприятия в долгосрочной перспективе;

2) позволяют разработать набор новых методов, способов, подходов, инструментов, механизмов, необходимых для эффективного функционирования и развития промышленного предприятия в условиях динамичной среды и ограничения ресурсов;

3) являются инструментом координации целей стратегического и оперативного планирования, формирования производственного потенциала предприятия;

4) позволяют организовать оптимальные бизнес-процессы на промышленном предприятии для достижения его стратегии;

5) обеспечивают необходимый уровень себестоимости продукта и выявление возможностей снижения затрат путем совершенствования производственных процессов и повышения их эффективности.

Выводы. Проведенное исследование и обзор трудов профессора Г.И. Коноваловой показало актуальность развития теории и методологии менеджмента в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий.

Предложенные новые элементы производственной системы в полной мере учитывают динамику производства и позволяют создать новые методы, способы, инструменты, механизмы стратегического и оперативного управления производством и ресурсами.

Список источников

1. Ансофф И. Стратегическое управление / Пер. с англ.; науч. ред. Л.И. Евенко. М.: Экономика, 1989. 519 с.
2. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. №3. С. 9–25.
3. Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение. 2021. №3(69). С. 14–19.
4. Карлоф Б. Деловая стратегия / Пер. с англ. М.: Экономика, 1991. 238 с.
5. Коновалова Г.И. Деятельность предприятий в рыночных условиях и подходы к созданию сбалансированной системы управления // Вестник Брянского государственного технического университета. 2009. №4. С. 113–117.
6. Коновалова Г.И. Интегрированная информационная среда промышленного предприятия: модель, структура, состав // Вестник Брянского государственного технического университета. 2013. №3. С. 109–116.
7. Коновалова Г.И. Комплексная методология и инструментарий для сбалансированного управления промышленным предприятием. Брянск: БГТУ, 2011. 259 с.
8. Коновалова Г.И. Концепция единой системы управления машиностроительным предприятием в условиях динамичного разнотипного производства // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. №3. С. 75–81.
9. Коновалова Г.И. Концепция и методология управления материальными ресурсами на машиностроительном предприятии в условиях цифровой трансформации // Организатор производства. 2023. №1. С. 41–49.
10. Коновалова Г.И. Концепция оперативного управления динамичным разнотипным машиностроительным производством // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. №2. С. 27–34.
11. Коновалова Г.И. Концепция формирования конкурентоспособности машиностроительного предприятия в условиях жесткой рыночной конкуренции // Организатор производства. 2019. №3. С. 92–101.
12. Коновалова Г.И. Место производственного менеджмента в системе управления предприятием // Экономика 21 века: угрозы, возможности и превентивное управление. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. Брянск: БГТУ, 2017. С. 176–179.
13. Коновалова Г.И. Методология внутрифирменного управления на основе системной интеграции // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. №2. С. 109. 118.
14. Коновалова Г.И. Методология планирования для опережающего развития промышленного предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. №6. С. 63–68.
15. Коновалова Г.И. Методология системной интеграции и оптимизации производства и управления машиностроительным предприятием. Брянск: БГТУ, 2016. 181 с.
16. Коновалова Г.И. Методология стратегического и оперативного управления производством // LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CD.KG Heinnch-Bocking. Saarbruken, Germany, 2012. 270 p.
17. Коновалова Г.И. Методология универсальной системы оперативного управления разнотипным динамичным производством // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. №5. С. 89–95.
18. Коновалова Г.И. Методология управления обновлением основных средств машиностроительного предприятия // Организатор производства. 2021. №3. С. 160–170.

19. Коновалова Г.И. Методология управления производительностью труда на промышленном предприятии // Организатор производства. 2021. №1. С. 21–29.
20. Коновалова Г.И. Методология управления трудовыми ресурсами на промышленном предприятии на основе развития базовых подходов менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. 2022. №5. С. 86–93.
21. Коновалова Г.И. Модель принятия решений в управлении производством на машиностроительном предприятии // Материалы II Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, магистров и студентов факультета экономики и управления. Брянск: БГТУ, 2015. С. 142–146.
22. Коновалова Г.И. Модель сбалансированного планирования оборотных средств на предприятии // Менеджмент в России и за рубежом. 2011. №3. С. 95–99.
23. Коновалова Г.И. Новый подход к управлению в экономической системе машиностроительного предприятия в условиях динамичного разнотипного производства // Вестник Брянского государственного технического университета. 2017. №7. С. 42–49.
24. Коновалова Г.И. Операционная модель оперативного управления цифровым производством на машиностроительном предприятии // Организатор производства. 2020. №1. С. 37–45.
25. Коновалова Г.И. Оптимизационный метод для расчета норматива оборотных средств на машиностроительном предприятии // Вестник Брянского государственного технического университета. 2015. №2. С. 72–80.
26. Коновалова Г.И. Подход к согласованию целей и показателей для различных периодов планирования на машиностроительном предприятии // Вестник Брянского государственного технического университета. 2016. №5. С. 215–221.
27. Коновалова Г.И. Построение системы управления промышленным предприятием. Брянск: БГТУ, 2010. 344 с.
28. Коновалова Г.И. Практический подход к сбалансированному управлению промышленным предприятием // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. №3. С. 91–96.
29. Коновалова Г.И. Проблемы машиностроительных предприятий и пути их решения: коллективная монография. М.: МГПУ, 2019. С. 190–196.
30. Коновалова Г.И. Проблемы управления затратами на промышленном предприятии и способы их решения // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. №1. С. 97–99.
31. Коновалова Г.И. Развитие базовых подходов производственного менеджмента в условиях цифровой экономики // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. Сборник трудов IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к Году науки и технологий в России. Брянск: БГТУ, 2021. С. 312–318.
32. Коновалова Г.И. Развитие методологии внутрифирменного управления. Брянск: БГТУ, 2014. 340 с.
33. Коновалова Г.И. Развитие теории и методологии производственного менеджмента в условиях цифровой экономики. Брянск: БГТУ, 2022. 180 с.
34. Коновалова Г.И. Разработка новой методологии оперативного управления производством — ключевая стадия цифровой трансформации промышленного предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. №6. С. 71–76.
35. Коновалова Г.И. Система интегрированного управления затратами на основе детального метода // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. №4. С. 141–143.
36. Коновалова Г.И. Теория, методология, практика оперативного управления динамичным разнотипным машиностроительным производством. Брянск: БГТУ, 2018. 187 с.
37. Коновалова Г.И. Характерные особенности современного машиностроительного производства // Материалы III Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, магистров и студентов факультета экономики и управления. Брянск: БГТУ, 2017. С. 108–112.
38. Мескон М.Х. Основы менеджмента / Пер. с англ. М.А. Майорова. Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. М.: Дело, 2000. 704 с.
39. Соколицын С.А. Многоуровневая система оперативного управления ГПС в машиностроении / С.А. Соколицын, В.А. Дуболазов, Ю.Н. Домченко. СПб.: Политехника, 1991. 208 с.
40. Томпсон А.А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа/

А. А. Томпсон, А. Дж. Стрикленд; пер. с англ. А. Р. Ганиевой и др. М.: Вильямс, 2007. 924 с.

References

1. Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie [Strategic management]. Per. s angl.; nauch. red. L.I. Evenko [In L.I. Evenko (eds.)]. Moscow: Jekonomika, 1989. 519 p. (In Russ.).
2. Babkin A.V. Formirovanie cifrovoj jekonomiki v Rossii: sushhnost', osobennosti, tehnikeskaja normalizacija, problemy razvitiya [Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki* [Scientific and technical achievements of SPbGPU. Economic sciences]. 2017; 10(3): 9–25. (In Russ.).
3. Glaz'ev S. Ju. Strategicheskoe planirovanie kak integrativnyj jelement v sisteme upravleniya razvitiem [Strategic planning as an integrative element in the development management system]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie* [Economic revival]. 2021; 3(69): 14–19. (In Russ.).
4. Karlof B. Delovaja strategija [Business strategy]. Per. s angl. Moscow: Jekonomika, 1991. 238 p. (In Russ.).
5. Konovalova G.I. Dejatel'nost' predpriyatij v rynochnyh uslovijah i podhody k sozdaniyu sbalansirovannoj sistemy upravleniya [Activity of enterprises in market conditions and approaches to the creation of a balanced management system]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University]. 2009; (4): 113–117. (In Russ.).
6. Konovalova G.I. Integrirovannaja informacionnaja sreda promyshlennogo predpriyatija: model', struktura, sostav [Integrated information environment of an industrial enterprise: model, structure, composition]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University]. 2013; (3): 109–116. (In Russ.).
7. Konovalova G.I. Kompleksnaja metodologija i instrumentarij dlja sbalansirovannogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem [Complex methodology and tools for balanced management of an industrial enterprise]. Brjansk: BGTU, 2011. 259 p. (In Russ.).
8. Konovalova G.I. Konceptcija edinoj sistemy upravleniya mashinostroitel'nym predpriyatiem v uslovijah dinamichnogo raznotipnogo proizvodstva [The concept of a unified management system of a machine-building enterprise in the conditions of dynamic multi-type production]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2017; (3): 75–81. (In Russ.).
9. Konovalova G.I. Konceptcija i metodologija upravleniya material'nymi resursami na mashinostroitel'nom predpriyatii v uslovijah cifrovoj transformacii [The concept and methodology of material resources management at a machine-building enterprise in the conditions of digital transformation]. *Organizator proizvodstva* [Organizer of production]. 2023; (1): 41–49. (In Russ.).
10. Konovalova G.I. Konceptcija operativnogo upravleniya dinamichnym raznotipnym mashinostroitel'nym proizvodstvom [The concept of operational management of dynamic multi-type machine-building production]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2018; (2): 27–34. (In Russ.).
11. Konovalova G.I. Konceptcija formirovanija konkurentosposobnosti mashinostroitel'nogo predpriyatija v uslovijah zhestkoj rynochnoj konkurencii [The concept of forming the competitiveness of a machine-building enterprise in conditions of fierce market competition]. *Organizator proizvodstva* [Organizer of production]. 2019; (3): 92–101. (In Russ.).
12. Konovalova G.I. Mesto proizvodstvennogo menedzhmenta v sisteme upravleniya predpriyatiem [The place of production management in the enterprise management system]. *Jekonomika 21 veka: ugrozy, vozmozhnosti i preventivnoe upravlenie. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava* [The economy of the 21st century: threats, opportunities and preventive management. Materials of the international scientific and practical conference of the faculty]. Brjansk: BGTU, 2017. P. 176–179. (In Russ.).
13. Konovalova G.I. Metodologija vnutrifirmennogo upravleniya na osnove sistemnoj integracii [Methodology of intra-company management based on system integration]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2015; (2): 109. 118. (In Russ.).
14. Konovalova G.I. Metodologija planirovanija dlja operezhajushhego razvitiya promyshlennogo predpriyatija [Planning methodology

for advanced development of an industrial enterprise]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2020; (6): 63–68. (In Russ.).

15. Konovalova G.I. Metodologija sistemnoj integracii i optimizacii proizvodstva i upravlenija mashinostroitel'nyh predpriyatijem [Methodology of system integration and optimization of production and management of a machine-building enterprise]. Brjansk: BGTU, 2016. 181 p. (In Russ.).

16. Konovalova G.I. Metodologija strategicheskogo i operativnogo upravlenija proizvodstvom [Methodology of strategic and operational production management]. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CD.KG Heinnch-Bocking. Saarbrücken, Germany, 2012. 270 p. (In Russ.).

17. Konovalova G.I. Metodologija universal'noj sistemy operativnogo upravlenija raznotipnym dinamichnym proizvodstvom [Methodology of the universal system of operational management of diverse dynamic production]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2016; (5): 89–95. (In Russ.).

18. Konovalova G.I. Metodologija upravlenija obnovleniem osnovnyh sredstv mashinostroitel'nogo predpriyatija [Methodology for managing the renewal of fixed assets of a machine-building enterprise]. *Organizator proizvodstva* [Organizer of production]. 2021; (3): 160–170. (In Russ.).

19. Konovalova G.I. Metodologija upravlenija proizvoditel'nost'ju truda na promyshlennom predpriyatii [Methodology of labor productivity management at an industrial enterprise]. *Organizator proizvodstva* [Organizer of production]. 2021; (1): 21–29. (In Russ.).

20. Konovalova G.I. Metodologija upravlenija trudovymi resursami na promyshlennom predpriyatii na osnove razvitiya bazovyh podhodov menedzhmenta [Methodology of human resources management at an industrial enterprise based on the development of basic management approaches]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2022; (5): 86–93. (In Russ.).

21. Konovalova G.I. Model' prinjatija reshenij v upravlenii proizvodstvom na mashinostroitel'nom predpriyatii [Model of decision-making in production management at a machine-building enterprise]. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-

prepodavatel'skogo sostava, magistrów i studentów fakul'teta jekonomiki i upravlenija [Materials of the II International scientific and practical conference of the teaching staff, masters and students of the Faculty of Economics and Management]. Brjansk: BGTU, 2015. P. 142–146. (In Russ.).

22. Konovalova G.I. Model' sbalansirovannogo planirovanija oborotnyh sredstv na predpriyatii [Model of balanced planning of working capital at the enterprise]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2011; (3): 95–99. (In Russ.).

23. Konovalova G.I. Novyj podhod k upravleniju v jekonomicheskoy sisteme mashinostroitel'nogo predpriyatija v uslovijah dinamichnogo raznotipnogo proizvodstva [A new approach to management in the economic system of a machine-building enterprise in the conditions of dynamic multi-type production]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University]. 2017; (7): 42–49. (In Russ.).

24. Konovalova G.I. Operacionnaja model' operativnogo upravlenija cifrovym proizvodstvom na mashinostroitel'nom predpriyatii [Operational model of operational management of digital production at a machine-building enterprise]. *Organizator proizvodstva* [Organizer of production]. 2020; (1): 37–45. (In Russ.).

25. Konovalova G.I. Optimizacionnyj metod dlja rascheta normativa oborotnyh sredstv na mashinostroitel'nom predpriyatii [Optimization method for calculating the standard of equipment at a machine-building enterprise]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University]. 2015; (2): 72–80. (In Russ.).

26. Konovalova G.I. Podhod k soglasovaniju celej i pokazatelej dlja razlichnyh periodov planirovanija na mashinostroitel'nom predpriyatii [Approach to the coordination of goals and indicators for different planning periods at a machine-building enterprise]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State Technical University]. 2016; (5): 215–221. (In Russ.).

27. Konovalova G.I. Postroenie sistemy upravlenija promyshlennym predpriyatijem [Building an industrial enterprise management system]. Brjansk: BGTU, 2010. 344 p. (In Russ.).

28. Konovalova G.I. Prakticheskij podhod k sbalansirovannomu upravleniju promyshlen-

nym predprijatiem [Practical approach to balanced management of an industrial enterprise]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2009; (3): 91–96. (In Russ.).

29. Konovalova G.I. Problemy mashinostroitel'nyh predpriyatij i puti ih reshenija: kollektivnaja monografija [Problems of machine-building enterprises and their solutions: collective monograph]. Moscow: MGPU, 2019. P. 190–196. (In Russ.).

30. Konovalova G.I. Problemy upravlenija zatratami na promyshlennom predpriyatii i sposoby ih reshenija [Problems of cost management at the industrial enterprise and their solutions]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2008; (1): 97–99. (In Russ.).

31. Konovalova G.I. Razvitie bazovyh podhodov proizvodstvennogo menedzhmenta v uslovijah cifrovoj jekonomiki [Development of basic approaches of production management in the digital economy]. Cifrovoj region: opyt, kompetencii, proekty. Sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k Godu nauki i tehnologij v Rossii [Digital region: experience, competencies, projects. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Science and Technology in Russia]. Brjansk: BG TU, 2021. P. 312–318. (In Russ.).

32. Konovalova G.I. Razvitie metodologii vnutfirmennogo upravlenija [Development of the methodology of intra-company management]. Brjansk: BG TU, 2014. 340 p. (In Russ.).

33. Konovalova G.I. Razvitie teorii i metodologii proizvodstvennogo menedzhmenta v uslovijah cifrovoj jekonomiki [Development of the theory and methodology of production management in the digital economy]. Brjansk: BG TU, 2022. 180 p. (In Russ.).

34. Konovalova G.I. Razrabotka novoj metodologii operativnogo upravlenija proizvodstvom — ključevaja stadija cifrovoj transformacii promyshlennogo predprijatija [Development of a new methodology for operational production

management — a key stage of digital transformation of an industrial enterprise]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2019; (6): 71–76. (In Russ.).

35. Konovalova G.I. Sistema integrirovannogo upravlenija zatratami na osnove detal'nogo metoda [Integrated cost management system based on a detailed method]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2008; (4): 141–143. (In Russ.).

36. Konovalova G.I. Teorija, metodologija, praktika operativnogo upravlenija dinamičnym raznotipnym mashinostroitel'nyh proizvodstvom [Theory, methodology, practice of operational management of dynamic multi-type machine-building production]. Brjansk: BG TU, 2018. 187 p. (In Russ.).

37. Konovalova G.I. Harakternye osobennosti sovremennogo mashinostroitel'nogo proizvodstva [Characteristic features of modern machine-building production]. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, magistrov i studentov fakul'teta jekonomiki i upravlenija [Materials of the III International scientific and practical conference of the teaching staff, masters and students of the Faculty of Economics and Management]. Brjansk: BG TU, 2017. P. 108–112. (In Russ.).

38. Meskon M.H. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of management]. Per. s angl. M.A. Majorova. Akademija narodnogo hozjajstva pri Pravitel'stve RF. Moscow: Delo, 2000. 704 p. (In Russ.).

39. Sokolicyn S.A. Mnogourovnevaja sistema operativnogo upravlenija GPS v mashinostroenii [Multilevel system of operational management of GPS in mechanical engineering]. S.A. Sokolicyn, V.A. Dubolazov, Ju. N. Domchenko. Saint Petersburg: Politehnika, 1991. 208 p. (In Russ.).

40. Tompson A.A. Strategičeskij menedzhment: koncepcii i situacii dlja analiza [Strategic management: concepts and situations for analysis]. A.A. Tompson, A. Dzh. Striklend; per. s angl. A.R. Ganievoj et al. Moscow: Vil'jams, 2007. 924 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 25.03.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 25.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дергачева Елена Александровна — доктор философских наук, профессор РАН, профессор кафедры «Отраслевая экономика, управление», Брянский государственный технический университет.

Россия, г. Брянск, Бульвар 50 лет Октября, 7

Elena A. Dergacheva — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Branch Economics, Management, Bryansk State Technical University.

7 50 let of Ochyabrya ave., Bryansk, Russia

Научная статья
УДК 334.723.2; 330.42
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-135-147

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ЗА СЧЕТ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ

*Александр Николаевич Кузьминов^{1✉}, Людмила Викторовна Сахарова²,
Сергей Александрович Некрасов³*

*^{1, 2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

³Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

¹mr.azs@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-9400-4285, AuthorID РИНЦ: 672964

*²l_sakharova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4897-4926,
AuthorID РИНЦ: 753248, SPIN-код: 5946-9341*

*³san693@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7649-0515,
AuthorID РИНЦ: 872928, SPIN-код: 9623-0772*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ источников с целью выдвижения гипотез о влиянии вещественного состава и объема инвестиций в энергоэффективность производства на производительность труда, а также формализации их в виде математических моделей.

Методологическую базу исследования представляет опыт исследований мировых и российских научно-исследовательских центров по взаимовлиянию инвестиций в производство, энергоэффективности показателей трудовой деятельности фирм.

Результаты исследования. Сформулированы предположения о взаимосвязи между инвестициями в энергоэффективность и производительностью труда в рамках методологии потенциальной эндогенности. Построены соответствующие математические модели, основанные на производственной функции Кобба-Дугласа, связывающие факторы инвестирования в энергоэффективность и объем производства фирмы.

Перспективы исследования заключаются в необходимости статистической проверки выдвинутых гипотез и развития построенных математических моделей на основе интеллектуального анализа данных и методов оптимизации.

Ключевые слова: энергоэффективность, инвестиции, неэнергетические эффекты, производительность труда

Для цитирования: Кузьминов А. Н., Сахарова Л. В., Некрасов С. А. Повышение производительности труда за счет инвестиций в энергоэффективность // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 135–147. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-135-147>.

Original article

INCREASING PRODUCTIVITY THROUGH INVESTMENT IN ENERGY EFFICIENCY

Alexander N. Kuzminov^{1✉}, Ludmila V. Sakharova²,
Sergey A. Nekrasov³

^{1,2}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

³Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

¹mr.azs@mail.ru✉, ORCID:0000-0002-9400-4285, AuthorID RSCI:672964

²l_sakharova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4897-4926,
AuthorID RSCI: 753248, SPIN-code: 5946-9341

³san693@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7649-0515,
AuthorID RSCI: 872928, SPIN-code: 9623-0772

Abstract. *The purpose of the research is to analyze the sources in order to put forward hypotheses about the impact of the material composition and volume of investments in the energy efficiency of production on labor productivity, as well as to formalize them in the form of mathematical models.*

The methodological basis of the study is the experience of research by world and Russian research centers on the mutual influence of investments in production, energy efficiency of the performance indicators of firms.

Research results. *Assumptions about the relationship between investment in energy efficiency and labor productivity are formulated in the framework of the methodology of potential endogeneity. Corresponding mathematical models based on the Cobb-Douglas production function are constructed, linking the factors of investment in energy efficiency and the firm's production volume.*

Prospects for the research *lie in the need for statistical verification of the hypotheses put forward and the development of the constructed mathematical models based on data mining and optimization methods.*

Keywords: *energy efficiency, investments, non-energy effects, labor productivity*

For citation: Kuzminov A. N., Sakharova L. V., Nekrasov S. A. Increasing productivity through investment in energy efficiency // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 135–147. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-135-147>.

Введение. Из-за глобальной обеспокоенности ростом потребления первичной энергии и увеличением выбросов парниковых газов повышение энергоэффективности стало приоритетом для многих стран. Данная стратегия часто описывается как беспроигрышная и считается одним из лучших способов достижения важных климатических целей.

Утверждается, что это универсальная мера по снижению затрат, которая уменьшает прямые выбросы от потребления ископаемого топлива, а также косвенные выбросы от производства электроэнергии.

На самом деле, по данным Международного энергетического агентства¹, более 40% сокращения глобальных выбросов CO₂ до 2040 г.

¹ Доклад о перспективах роста выбросов CO₂ до 2040 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/co2-emissions-in-2022>.

по сравнению с базовым уровнем можно было бы обеспечить за счет инвестиций в меры по повышению энергоэффективности.

К сожалению, несмотря на большое значение мер по повышению энергоэффективности, многочисленные отчеты и исследования подтверждают наличие разрыва между предприятиями по повышению энергоэффективности, которые могут быть реализованы, и теми, которые реально осуществляются².

Многие положительные последствия инвестиций в энергоэффективность упускаются, несмотря на то, что они требуют относительно небольших предварительных капиталовложений и являются финансово рентабельными. Это явление, известное как «разрыв в энергоэффективности», обусловлено финансовыми и нефинансовыми факторами.

Существуют многочисленные барьеры для инвестиций в энергоэффективность, которые многообразны и часто специфичны для отдельных технологий и секторов (обзор см. в [7].) Одним из наиболее важных барьеров является чрезмерная сосредоточенность фирм на оценке прямого влияния инвестиций на энергоэффективность с позиций потребления и энергосбережения. Существующая литература свидетельствует о том, что при оценке потенциальных инвестиций в энергоэффективность фирмы склонны пренебрегать другими существенными выгодами — так называемыми *неэнергетическими выгодами* (НЭВ) [26].

Неэнергетические выгоды могут включать повышение производительности труда, снижение затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание оборудования, улучшение условий труда внутри помещений, а также сокращение отходов и выбросов [26]. Эти преимущества также могут быть связаны с инвестициями в энергоэффективность производственных процессов: замена старого оборудования новым современным или совершенствование вспомогательных процессов, строительство более качественных зданий с более эффективными системами освещения, отопления, вентиляции и охлаждения [1].

Хотя неэнергетические выгоды как фактор повышения производительности труда в итоге оказывают положительное влияние на прибыль предприятия, многим фирмам трудно их количественно оценить. В результате неэнергетические выгоды часто упускаются из виду в процессе принятия инвестиционных решений. Эта проблема имеет серьезные последствия для энергетического перехода. Неэнергетические выгоды могут существенно изменить стоимостную оценку энергоэффективных технологий и обеспечить более благоприятную оценку проекта [8]. Количественная оценка неэнергетических выгод и выделение их важности могут увеличить инвестиции фирм в меры по повышению самой энергоэффективности.

Подводя итог, можно сказать, что понимание, измерение и включение дополнительных выгод в анализ затрат и выгод позволит более точно отразить ценность мер по повышению энергоэффективности.

Обзор научно-исследовательской литературы. На сегодняшний день исследования неэнергетических выгод от инвестиций в энергоэффективность были ограничены и основывались на тематических исследованиях. Мало что известно о величине неэнергетических выгод, в основном из-за отсутствия качественных данных.

Многие исследователи подчеркивали необходимость анализа и количественной оценки инвестиций в энергоэффективность, которые выходят за рамки экономии затрат на энергию [8].

Ряд специалистов уже предложили рамки классификации НЭВ.

Юрге-Форсац и др. [27] различают пять категорий НЭВ:

- экологические эффекты;
- экономические эффекты;
- последствия для здоровья;
- выгоды от предоставления услуг;
- социальные эффекты.

Коулман [13] фокусируется на трех типах НЭВ: сокращение затрат, снижение риска и повышение стоимости. Другие авторы под-

2 Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/5a79eed92247fc7cb91873a107625372/Energy_efficiency_2022.pdf.

черкуют такие эффекты, как повышение производительности, улучшение качества продукции, её безопасности и сокращение отходов [19].

Международное энергетическое агентство³ делит НЭВ на пять категорий:

- а) макроэкономические воздействия;
- б) воздействия на государственный бюджет;
- в) воздействия на здоровье и благополучие;
- г) воздействия на поставку энергии;
- д) воздействия на промышленный сектор.

Последняя категория, включающая повышение производительности, имеет наиболее ощутимые финансовые выгоды, наблюдаемые также в краткосрочной перспективе.

Другие ученые использовали указанную классификацию и эмпирически анализировали НЭВ по отдельным группам. Большинство существующих эмпирических исследований опираются на качественный подход, основанный на тематических исследованиях, базирующихся на интервью. При этом результаты таких опросов свидетельствуют, что положительные НЭВ действительно существуют и что они действительно приводят к более активному принятию мер по энергоэффективности.

Основываясь на пяти тематических исследованиях, Лилли и Пирсон [20] оценили НЭВ мер по повышению энергоэффективности и пришли к выводу, что они в среднем составляют 24% от общей экономии за счет повышения энергоэффективности. Согласно их выводам, большинство (81%) наблюдаемых НЭВ связаны со снижением затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание оборудования, имеют прямые финансовые последствия.

Наконец, включение НЭВ в оценку капитальных инвестиций снижает срок окупаемости от 2,6 до 1,3 лет и способствует увеличению рентабельности затрат в среднем на 27%. Так, Пай и Маккейн [24] оценивают денежную стоимость НЭВ и включают их в анализ инвестиционных денежных потоков. В частности, на основе трех тематических исследований они показывают потенциал монетизации выгод от увеличения произ-

водства, сокращения выбросов, сокращения использования материалов, повышения качества продукции и сокращения потребностей в очистке и обслуживании. Согласно их выводам, учет НЭВ, особенно повышение производительности, стимулирует инвестиции в энергоэффективность. В аналогичном исследовании Флейтер и др. [15] и Трианни и др. [12] учитывают НЭВ в рамках оценки инвестиций в энергоэффективность.

В первом исследовании используется одна финансовая категория НЭВ, а во втором учитываются три, связанные с нефинансовыми параметрами, в том числе: окружающая среда, производство и внедрение. Оба исследования пришли к выводу, что существуют большие положительные НЭВ, которые обуславливают увеличение мотивов внедрения мер по повышению энергоэффективности.

С другой стороны, Каньо и Трианни [12] показывают, что для производственных фирм факторы, связанные с производством и операциями, являются наиболее важным мотиватором в этом вопросе. С глобальной точки зрения, международное энергетическое агентство⁴ исходит из позиции, что повышение энергоэффективности повышает прибыльность и конкурентоспособность компаний.

Данную позицию поддерживают Финстер и Хернке [14], которые считают, что фирмы могут получить конкурентное преимущество за счет внедрения мер по повышению энергоэффективности.

Группа исследований изучает, как инвестиции в энергоэффективность влияют на производительность труда. На макроуровне она связывается с отраслевым перераспределением рабочей силы и пространственному эффекту распространения труда. На уровне предприятия исследования сосредоточены в первую очередь на инвестициях в лучшее оборудование и строительные материалы.

Во-первых, многочисленные статьи показывают, что лучшее качество оборудования положительно влияет на производительность труда рабочих (например, [11]). Эта положительная взаимосвязь в значительной степени является функцией меньшего объема обслу-

³ Материалы Международного энергетического агентства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics>.

⁴ Там же.

живания, лучшего контроля и повышенной надежности оборудования, которые позволяют производить больше продукции [21].

Во-вторых, производительность труда выше при наличии более качественных основных производственных фондов. Положительные эффекты могут проявляться по разным каналам, например, через лучшее освещение, более оптимальную температуру или снижение шума.

Тематическое исследование, проведенное исследователями из Центра здоровья и глобальной окружающей среды Гарвардской школы общественного здравоохранения им. Т.Х. Чана и SUNY Upstate Medical [11], показало, что работа в высокопроизводительных зданиях, сертифицированных по экологическим стандартам, может улучшить процесс принятия решений сотрудниками.

Лофтнесс и др. [21] обнаружили, что лучшее и более естественное освещение может повысить производительность и самочувствие работников. Они документируют прирост производительности за счет улучшения понимания прочитанного, скорости обработки писем и сокращения прогулов. Точно так же Сеппанен и др. [25] считают, что температура внутри офиса является одним из ключевых факторов, определяющих производительность. Хедж [17] обнаружил, что при низкой температуре сотрудники делают больше ошибок, чем при оптимальной комнатной температуре, и кажутся более рассеянными. Гуртекин-Челик [16] сосредоточился на шуме и обнаружил, что шум может привести к снижению производительности при определенных видах работы. Предполагаемый прирост производительности от работы в более тихой среде колеблется от 1,8% до 19,8%. Вайон [28] доказывает, что улучшенная вентиляция, фильтрация воздуха и чистота систем воздуховодов приводит к повышению производительности труда, которая колеблется от 6% до 9%. Наконец, исследование Монтальбано и Ненси [23] количественно исследует прирост производительности за счет инвестиций в энергоэффективность посредством выборки латиноамериканских фирм. Авторы используют обзор предприятий Всемирного банка и отмечают, что повышение энергоэффективности положительно влияет на производительность.

Эти выводы подчеркивают важную роль, которую играют инвестиции в меры по повышению энергоэффективности. Однако остаются два важных пробела в исследованиях. Во-первых, большинство исследований основано на тематических исследованиях: не существует оценки связей между энергоэффективными инвестициями и производительностью труда среди большей выборки российских фирм. Во-вторых, в современной литературе не учитывается потенциальная эндогенность между энергоэффективностью и производительностью труда.

С учетом этих улучшений в процессе производства и поддержки мы ожидаем, что инвестиции в повышение энергоэффективности приведут к повышению производительности труда. Кроме того, производительность труда выражает отношение между количеством товаров и услуг, производимых предприятием или экономикой, и количеством работников, необходимых для производства этих товаров и услуг.

Фирмы нуждаются в четких сигналах для инвестирования в энергоэффективность, и производительность труда может выступать в качестве такого сигнала, поскольку она создает прямые финансовые выгоды для фирм: производительность труда напрямую влияет на объем производства фирм и их конкурентоспособность. Кроме того, в отличие от многих других преимуществ, не связанных с энергией, производительность поддается наблюдению и количественной оценке.

В результате методологически обоснованная демонстрация того, что инвестиции в энергоэффективность повышают производительность труда, может способствовать устранению пробела в инвестициях в энергоэффективность, что необходимо для достижения климатических целей.

Согласно проанализированной литературе, получен вывод, что инвестиции в энергоэффективность повышают производительность труда за счет своего воздействия на производственные и вспомогательные процессы.

Во-первых, инвестиции в энергоэффективность требуют установки оборудования с новыми прогрессивными характеристиками. Это приводит к лучшему управлению оборудованием, повышению надежности (ре-

жимы использования, обслуживания и т.п.) и, как результат, — повышению производительности труда [18]. Во-вторых, такие инвестиции повышают энергоэффективность зданий, регулируя потоки воздуха, тепла, влаги и шума. Умеренные температуры, низкая влажность и повышенное качество воздуха повышают вовлеченность работников [4].

Таким образом, необходимы дальнейшие теоретические и прикладные исследования, которые позволят формализовать базовую модель оценки эффектов. Эта статья призвана внести свой вклад в доказательство положительной связи между инвестициями в энергоэффективность и производительностью.

Методология исследования. Основываясь на перечисленных допущениях, нами выдвигаются две гипотезы.

Гипотеза 1. Изменение вещественного содержания инвестиций в энергоэффективность приводит к изменению производительности труда.

Гипотеза 2. Увеличение размера инвестиций в энергоэффективность приводит к повышению производительности труда.

Производительность труда является основным направлением исследования из-за ее роли в повышении производительности фирмы. Хотя производительность труда является лишь одним из неэнергетических преимуществ, она является одним из наиболее важных показателей для фирм, учитывая ее прямое положительное влияние на конкурентоспособность. Кроме того, выгоды от производительности труда часто проявляются в краткосрочной перспективе и их легче наблюдать, чем, например, удовлетворенность работников. В результате надежный анализ, показывающий положительную связь между инвестициями в энергоэффективность и производительностью труда, может побудить фирмы к более активному участию в смягчении последствий изменения климата.

Гипотезы, связывающие инвестиции в энергоэффективность с повышением производительности, основаны на результатах качественных исследований инвестиций в производственные и вспомогательные процессы.

Во-первых, инвестиции в энергоэффективность приводят к улучшению качества оборудования, которое использует фирма.

Во многих статьях показана положительная связь между лучшим оборудованием и производительностью труда, которая обусловлена лучшим контролем оборудования, повышенной скоростью и надежностью [2]. Во-вторых, инвестиции в более энергоэффективные здания улучшают комфорт и безопасность на рабочем месте и побуждают работников быть более вовлеченными и продуктивными [5].

Важно отметить, что производительность труда оценивается с использованием двух альтернативных стратегий: а) производительность труда, выраженная как добавленная стоимость на одного работника, б) производительность труда, выраженная как объем валовой продукции на одного работника.

В рассматриваемой постановке задачи предлагается дополнительно использовать два показателя общей факторной производительности (ОФП) на основе методологии Олли и Пейкса, принимая во внимание добавленную стоимость и валовой выпуск. Таким образом, нужно выявить корреляцию между инвестициями в энергоэффективность и производительностью фирмы с использованием метода регрессии.

Результаты. Следуя существующей литературе и указанным ограничениям, предполагается, что выпуск фирмы определяется производственной функцией Кобба-Дугласа, которая при оценке продуктивности (A) должна быть расширена за счет других переменных, зависящих от страны, сектора, размера и времени.

Это можно представить следующим образом:

$$Y_{it} = A(X_{it}, EE_{it}) L_{it}^a K_{it}^b \quad (1)$$

где Y_{it} — выпуск фирмы i в период t ; L_{it}^a — количество штатных сотрудников в фирме i в момент времени t ; K_{it}^b — основной капитал фирмы i в период t ; X_{it} — это вектор различных средств контроля, которые охватывают экспортную деятельность фирмы, собственность, доступ к финансам, страну деятельности, отраслевую принадлежность и размер фирмы; EE_{it} указывает на одну из двух альтернативных мер: а) вещественный вклад в энергоэффективность и б) размер инвестиций в энергоэффективность.

Производительность труда — это отношение выпуска продукции фирмы к количеству штатных работников.

Предлагается два показателя выпуска фирмы: 1) добавленную стоимость фирмы и 2) валовой выпуск фирмы, которые соответствуют уравнению (2) и уравнению (3):

$$Pit = VA_{it} / L_{it} \quad (2)$$

$$Pit = GY_{it} / L_{it} \quad (3)$$

где VA_{it} представляет собой добавленную стоимость фирмы i в момент времени t ; GY_{it} представляет собой валовой выпуск фирмы i в момент времени t ; L_{it} представляет количество работников фирмы i в момент времени t .

Полученная простая модель может использоваться как основа для оценки эффективности мер по повышению энергоэффективности, а общий подход по учету НЭВ обеспечит повышение мотивированности предприятий.

Второй предлагаемый путь моделирования предполагает использование функции Кобба-Дугласа как зависимости объема производства Q от создающих его факторов производства — затрат труда L и затрат капитала K . Общий вид функции:

$$Q = A \cdot L^{\alpha} \cdot K^{\beta},$$

где A — технологический коэффициент; α — коэффициент эластичности объема производства (Q) по труду; β — коэффициент эластичности Q по капиталу. При этом предлагается использовать для представления и затрат труда, и затрат капитала факторные аддитивные и мультипликативные модели [3; 10].

Следуя источнику [30], энергосбережение — это: 1) минимизация потерь, связанная с неэффективностью производственного процесса; 2) эффективное использование энергетических ресурсов; 3) эффективное использование материальных и сырьевых ресурсов; 4) эффективное использование существующих мощностей (производственных, складских); 5) минимизация экологических воздействий на окружающую среду.

Поэтому предлагается в соответствии с [3] функцию затрат капитала представить

в виде аддитивной модели, формализующей вклад всех этих факторов:

$$K = K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5 + K_6,$$

где

$$K_1 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T p_j U_j^t -$$

затраты, связанные с закупкой материальных ресурсов за весь период планирования T с учетом M ресурсов; при этом: p_j — стоимость закупки j -го вида материального ресурса, U_j^t — объем запланированных заказов материальных ресурсов вида j в момент времени t ;

$$K_2 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T b_j (\omega_j^{t-1} + U_j^t + r_j^t - H_j^t) -$$

затраты, связанные с хранением запасов материальных ресурсов; при этом: b_j — стоимость хранения j -го вида материального ресурса в единицу времени; ω_j^{t-1} — объем запасов j -го вида материальных ресурсов к концу $(t-1)$ -го периода; U_j^t — объем запланированных заказов материальных ресурсов вида j в момент времени t ; r_j^t — объем переработанных материалов вида j в момент времени t , пригодных к повторному использованию; H_j^t — производственная потребность в материальном ресурсе вида j в момент времени t ;

$$K_3 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T m_j X_j^t -$$

затраты, связанные с производством готовой продукции; при этом: m_j — удельная стоимость производства i -го вида продукции (входят затраты на энергию, водные ресурсы, затраты на персонал и др.); X_j^t — объем производства готовой продукции вида i в момент времени t ;

$$K_4 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T A_j \delta_j R_j^t -$$

затраты, связанные с переработкой бракованных деталей и компонентов или твердых отходов; c_j — стоимость переработки твердого отхода и бракованных деталей из материала вида j ; δ_j — доля отходов и бракованных деталей вида j , которые могут быть переработаны; R_j^t — объем твердых отходов и бракован-

ных деталей, которые образуются за время t при переработке материала вида j ;

$$K_5 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T f_j (V_{wj}^t + V_{pj}^t + V_{rj}^t - V_{r pj}^t) -$$

платежи предприятия за негативные воздействия на окружающую среду; f_j — штрафы и платежи за негативные воздействия j -го вида материала предприятия на окружающую среду; V_{wj}^t — объем выбросов в окружающую среду за время t при хранении материала вида j в системе хранения; V_{pj}^t — объем выбросов в окружающую среду за время t при переработке материала вида j ; V_{rj}^t — объем выбросов в окружающую среду за время t при сборе и хранении отходов и бракованных деталей; $V_{r pj}^t$ — объем выбросов в окружающую среду за время t при переработке отходов и бракованных деталей;

$$K_6 = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T u_j \varepsilon_j R_j^t -$$

затраты, связанные с утилизацией твердых отходов, не подлежащих переработке; u_j — стоимость утилизации твердых отходов из материала вида j ; ε_j — доля отходов и бракованных деталей из материала вида j , которые отправляются на утилизацию; R_j^t — объем твердых отходов и бракованных деталей, которые образуются за время t при переработке материала вида j .

Затраты труда L можно представить в следующем виде:

$$L = \sum_{j=1}^M \sum_{t=1}^T Y_j^t X_j^t,$$

где X_j^t — объем производства готовой продукции вида i в момент времени t ; Y_j^t — производительность труда при изготовлении продукции вида i в момент времени t . При этом производительность труда в соответствии с [10] может быть представлена мультипликативной моделью:

$$Y_j^t = D_{j1}^t \cdot D_{j2}^t \cdot \dots \cdot D_{js}^t + C,$$

где $D_{j1}^t, D_{j2}^t, \dots, D_{js}^t$ — факторы, влияющие на производительность труда, C — константа. В частности, могут быть использованы: коэффициент влияния технической оснащенности, коэффициент профессиона-

лизма персонала, коэффициент энергоэффективности зданий, коэффициент влияния уровня роботизации производственного процесса, коэффициент влияния внедрения системы менеджмента качества на предприятии, коэффициент, определяющий влияние информационное обеспечение управления технологическими процессами на предприятии и др.

Заключение. Из функции затрат видно, что чем выше энергосбережение, тем меньше затраты на производство, тем выше выпуск. Учет вышеперечисленных факторов и их варьирование приводит к задаче оптимизации выпуска предприятия, которая может быть решена в условиях ограничений на объем материальных ресурсов, находящихся в системе хранения, нормативы максимально допустимого уровня воздействия на окружающую среду, ограничение на стоимость переработки материальных ресурсов (не должно превышать стоимость их закупки) и т.д. К сожалению, хотя инвестиции в энергоэффективность принесут пользу компаниям, в настоящее время большинство компаний не в полной мере осведомлены об этих положительных эффектах. Многие фирмы неверно оценивают преимущества инвестиций в энергоэффективность в процессе принятия решений и ожидают более короткого периода окупаемости [18].

Для достижения целей в области энергоэффективности эту ситуацию необходимо изменить — компаниям необходимо осознать, что инвестиции в энергоэффективность действительно являются беспроигрышной стратегией и что выгоды осязаемы и поддаются количественному измерению даже в краткосрочной перспективе. Изменения могут возникать внутри или могут быть инициированы внешними заинтересованными сторонами, особенно государством, что сейчас можно иллюстрировать, например, ФЦК «Программа повышения производительности труда в РФ». Инвестиции в энергоэффективность, по сути, являются беспроигрышной стратегией: они, вероятно, повысят производительность и конкурентоспособность российских компаний и будут способствовать достижению актуальной повестки в области климата.

В этом контексте повышение осведомленности о НЭВ имеет решающее значение для достижения этой цели, поскольку это делает инвестиции в энергоэффективность более привлекательными.

Список источников

1. Арутюнян А.А. Основы энергосбережения. М.: Энергосервис, 2007. 600 с.
2. Башмаков И.А. Разработка комплексных долгосрочных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности (методология и практика): автореф. дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 53 с.
3. Бром А.Е., Елисеева Е.В. Математическая модель организации производства на основе ресурсосбережения // Машиностроение и компьютерные технологии. 2013. №05. С. 1–14.
4. Бухаров С.В. КЛИМАТ: что ждет энергетику и экономику России к середине XXI века (о новой книге Т. Густафсона. Часть 2) // ЭКО. 2022. №4(574). С. 168–192.
5. Вагин С.Г. Управление инновациями в энергетическом хозяйстве предприятий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. №4 (49). С. 82–89.
6. Глыдов Д.В. Оценка эффективности зданий // Вестник МГСУ. 2011. №1-1. С. 312–315.
7. Горяинов М.В. Инструменты повышения энергоэффективности страны // Вестник МИЭП. 2015. №4(21). С. 48–53.
8. Котельников В.Г., Миленин М.Г., Лазурина Г.С. Оценка энергоэффективности инвестиционных проектов на основе байесовских интеллектуальных технологий // ТТПС. 2014. №4(30). С. 98–101.
9. Мартоян А.М. Экономическая эффективность инвестиций в энергосбережении // Решетневские чтения. 2012. №16. С. 1.
10. Харлампенков Е.И., Кудряшова И.А. Факторная модель производительности труда в угольной промышленности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. №4(18). С. 557–567.
11. Allen J.G., MacNaughton P., Satish U., Santanam S., Vallarino J., Spengler J.D. Associations of cognitive function scores with carbon dioxide, ventilation, and volatile organic compound exposures in office workers: a controlled exposure study of green and conventional office environments // Environ Health Perspect. 2016. №124. P. 805–812.
12. Cagno E., Trianni A., Spallina G., Marchesani F. Drivers for energy efficiency and their effect on barriers: empirical evidence from Italian manufacturing enterprises // Energy Effic. 2017. №10(4). P. 855–869.
13. Coleman P.J. Ordinances to enable energy efficiency in rental housing in the United States. Thesis (M.C.P.). Massachusetts Institute of Technology, Department of Urban Studies and Planning, 2011. 144 p.
14. Finster M.P., Hernke M.T. Benefits organizations pursue when seeking competitive advantage by improving environmental performance // J Ind Ecol. 2014. №18. P. 652–662.
15. Fleiter T., Hirzel S., Worrell E. The characteristics of energy-efficiency measures — a neglected dimension // Energy Pol. 2012. №51. P. 502–513.
16. Gurtekin-Celik B. Building investment decision support // Carnegie Mellon: Center for Building Performance and Diagnostics. 2004.
17. Hedge A. Linking environmental conditions to productivity // New York: Cornell University Department of Design and Environmental Analysis. Slideshow presented at the Eastern Ergonomics Conference and Exposition. 2004. 30 p.
18. International Energy Agency // Capturing the multiple benefits of energy efficiency. 2014. P. 18–25.
19. International Energy Agency // Capturing the multiple benefits of energy efficiency. Paris: OECD/IEA, 2022. 224 p.
20. Lilly P., Pearson D. Determining the full value of industrial efficiency programs // Proceedings ACEEE summer study on energy efficiency in industry. 1999. P. 349–362.
21. Loftness V., Hartkopf V., Gurtekin B., Hansen D. Linking energy to health and productivity in the built environment // Carnegie Mellon: Center for Building Performance and Diagnostics. 2003.
22. Melitz M. The impact of trade on intra-industry reallocations and aggregate productivity // Econometrica. 2003. №71. P. 1695–1725.
23. Montalbano P., Nenci S. Energy efficiency, productivity and exporting: firmlevel

evidence in Latin America // *Energy Econ.* 2018. P. 97–110.

24. Pye M., McKane A. Making a stronger case for industrial energy efficiency by quantifying non-energy benefits // *Resour Conserv Recycl.* 2000. №28. P. 171–183.

25. Seppanen O., Fisk W., Lei Q. Effect of temperature on task performance in an office environment // *Lawrence Berkley National Laboratory. Helsinki University of Technology.* 2006. 11 p.

26. Thollander P. et al. Investments, nonenergy benefits, and conservation // *Introduction to Industrial Energy Efficiency.* Academic Press, 2020. P. 147–158.

27. Ürge-Vorsatz D., Kelemen A., Tirado-Herrero S., Thomas S., Thema J., Mzavanadze N., Hauptstock D., Suerkemper F., Teubler J., Gupta M., Chatterjee S. Measuring multiple impacts of low-carbon energy options in a green economy context. *Appl Energy.* 2016. №179. P. 1409–1426.

28. Wyon D.P. The effects of indoor air quality on performance and productivity // *Indoor Air.* 2004. №14. P. 92–101.

References

1. Arutjunjan A.A. *Osnovy jenergosbezhenija* [Fundamentals of energy saving]. Moscow: Jenergoservis, 2007. 600 p. (In Russ.).

2. Bashmakov I.A. *Razrabotka kompleksnyh dolgosrochnykh programm jenergosbezhenija i povyshenija jenergojeffektivnosti (metodologija i praktika): avtoref. diss. ... d-ra jekon. nauk: 08.00.05* [Development of comprehensive long-term energy saving and energy efficiency improvement programs (methodology and practice). Dr. Sci. (Economy) Thesis: 08.00.05]. Moscow, 2013. 53 p. (In Russ.).

3. Brom A.E., Eliseeva E.V. *Matematicheskaja model' organizacii proizvodstva na osnove resursosbezhenija* [Mathematical model of production organization based on resource saving]. *Mashinostroenie i komp'yuternye tehnologii* [Mechanical engineering and computer technologies]. 2013; (05): 1–14. (In Russ.).

4. Buharov S.V. KLIMAT: chto zhdet jenergetiku i jekonomiku Rossii k seredine HHI veka (o novoj knige T. Gustafsona. Chast' 2) [KLIMAT: what awaits the energy and economy of Russia by the middle of the XXI century (about

the new book by T. Gustafson. Part 2)]. *JeKO [ECO]*. 2022; 4(574): 168–192. (In Russ.).

5. Vagin S.G. *Upravlenie innovacijami v jenergeticheskom hozjajstve predpriyatij* [Innovation management in the energy sector of enterprises]. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii* [Scientific Bulletin: finance, banks, investments]. 2019; 4(49): 82–89. (In Russ.).

6. Glydov D.V. *Ocenka jeffektivnosti zdanij* [Evaluation of the effectiveness of buildings]. *Vestnik MGSU* [Bulletin MGSU]. 2011; (1-1): 312–315. (In Russ.).

7. Gorjainov M.V. *Instrumenty povyshenija jenergojeffektivnosti strany* [Tools for improving the country's energy efficiency]. *Vestnik MI-JeP* [Bulletin of the MIEP]. 2015; 4(21): 48–53. (In Russ.).

8. Kotel'nikov V. G., Milenin M.G., Lazurina G.S. *Ocenka jenergojeffektivnosti investicionnyh proektov na osnove bajesovskih intellektual'nyh tehnologij* [Evaluation of energy efficiency of investment projects based on Bayesian intelligent technologies]. *TTPS.* 2014; 4(30): 98–101. (In Russ.).

9. Martojan A.M. *Jekonomicheskaja jeffektivnost' investicij v jenergosbezhenii* [Economic efficiency of investments in energy saving]. *Reshetnevskie chtenija* [Reshetnev readings]. 2012; (16): 1. (In Russ.).

10. Harlampenkov E.I., Kudrjashova I.A. *Faktornaja model' proizvoditel'nosti truda v ugol'noj promyshlennosti* [Factor model of labor productivity in the coal industry]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. 2020; 4(18): 557–567. (In Russ.).

11. Allen J.G., MacNaughton P., Satish U., Santanam S., Vallarino J., Spengler J.D. Associations of cognitive function scores with carbon dioxide, ventilation, and volatile organic compound exposures in office workers: a controlled exposure study of green and conventional office environments // *Environ Health Perspect.* 2016. №124. P. 805–812.

12. Cagno E., Trianni A., Spallina G., Marchesani F. Drivers for energy efficiency and their effect on barriers: empirical evidence from Italian manufacturing enterprises // *Energy Effic.* 2017. №10(4). P. 855–869.

13. Coleman P.J. Ordinances to enable energy efficiency in rental housing in the United States. Thesis (M.C.P.). Massachusetts Institute of Technology, Department of Urban Studies and Planning, 2011. 144 p.
14. Finster M.P., Hernke M.T. Benefits organizations pursue when seeking competitive advantage by improving environmental performance // *J Ind Ecol*. 2014. №18. P. 652–662.
15. Fleiter T., Hirzel S., Worrell E. The characteristics of energy-efficiency measures — a neglected dimension // *Energy Pol*. 2012. №51. P. 502–513.
16. Gurtekin-Celik B. Building investment decision support // Carnegie Mellon: Center for Building Performance and Diagnostics. 2004.
17. Hedge A. Linking environmental conditions to productivity // New York: Cornell University Department of Design and Environmental Analysis. Slideshow presented at the Eastern Ergonomics Conference and Exposition. 2004. 30 p.
18. International Energy Agency // Capturing the multiple benefits of energy efficiency. 2014. P. 18–25.
19. International Energy Agency // Capturing the multiple benefits of energy efficiency. Paris: OECD/IEA, 2022. 224 p.
20. Lilly P., Pearson D. Determining the full value of industrial efficiency programs // Proceedings ACEEE summer study on energy efficiency in industry. 1999. P. 349–362.
21. Loftness V., Hartkopf V., Gurtekin B., Hansen D. Linking energy to health and productivity in the built environment // Carnegie Mellon: Center for Building Performance and Diagnostics. 2003.
22. Melitz M. The impact of trade on intra-industry reallocations and aggregate productivity // *Econometrica*. 2003. №71. P. 1695–1725.
23. Montalbano P., Nenci S. Energy efficiency, productivity and exporting: firmlevel evidence in Latin America // *Energy Econ*. 2018. P. 97–110.
24. Pye M., McKane A. Making a stronger case for industrial energy efficiency by quantifying non-energy benefits // *Resour Conserv Recycl*. 2000. №28. P. 171–183.
25. Seppanen O., Fisk W., Lei Q. Effect of temperature on task performance in an office environment // Lawrence Berkley National Laboratory. Helsinki University of Technology. 2006. 11 p.
26. Thollander P. et al. Investments, nonenergy benefits, and conservation // *Introduction to Industrial Energy Efficiency*. Academic Press, 2020. P. 147–158.
27. Ürge-Vorsatz D., Kelemen A., Tirado-Herrero S., Thomas S., Thema J., Mzavanadze N., Hauptstock D., Suerkemper F., Teubler J., Gupta M., Chatterjee S. Measuring multiple impacts of low-carbon energy options in a green economy context. *Appl Energy*. 2016. №179. P. 1409–1426.
28. Wyon D.P. The effects of indoor air quality on performance and productivity // *Indoor Air*. 2004. №14. P. 92–101.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted on 05.03.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 12.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузьминов Александр Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры «Фундаментальная и прикладная математика» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), главный научный сотрудник Института развития технологий цифровой экономики РГЭУ (РИНХ). Область научных интересов: управление производственными системами, методология анализа и управления социально-экономическими системами; BigData scientist, активный участник ценологической научной школы.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, каб. 522

Alexander N. Kuzminov — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Fundamental and Applied Mathematics, Rostov State University of Economics (RSUE); Chief Researcher at the Institute for the Development of Digital Economy Technologies, Russian State Economic University (RSUE). Research interests: management of production systems, methodology of analysis and management of socio-economic systems; BigData scientist, an active participant in the cenological scientific school.

69 B. Sadovaya str., office 522, Rostov-on-Don, Russia

Сахарова Людмила Викторовна — доктор физико-математических наук, профессор кафедры «Фундаментальная и прикладная математика» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), старший научный сотрудник Института развития технологий цифровой экономики РГЭУ (РИНХ). Область научных интересов: механика сплошных сред, математическое моделирование сложных социально-экономических систем в условиях частичной и полной неопределенности.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, каб. 522

Lyudmila V. Sakharova — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Fundamental and Applied Mathematics of Rostov State University of Economics (RSUE), Senior Researcher at the Institute for the Development of Digital Economy Technologies of the Russian State University of Economics (RSUE). Research interests: continuum mechanics, mathematical modeling of complex socio-economic systems in conditions of partial and complete uncertainty.

69 B. Sadovaya str., office 522, Rostov-on-Don, Russia

Некрасов Сергей Александрович — доктор экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономического-математического института РАН. Область научных интересов: управление крупномасштабными системами, методология анализа и управления энергетическими системами; активный участник ценологической научной школы.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 47

Sergey A. Nekrasov — Doctor of Economic Sciences, Senior Researcher at the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences. Research interests: management of large-scale systems, methodology of analysis and management of energy systems; active participant of the cenological scientific school.

47 Nakhimovsky ave., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Кузьминов А. Н. — написание текста; доработка текста.

Сахарова Л. В. — написание текста раздела «Результаты»; доработка текста.

Некрасов — написание текста разделов «Введение», «Обзор научно-исследовательской литературы»; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kuzminov A. N. — writing the text; text revision.

Sakharova L. V. — writing the text of the section Results; text revision.

Nekrasov — writing text of the sections «Introduction», «Review of research literature»; final conclusions.

Научная статья

УДК 658.84

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-148-155

ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ

Михаил Михайлович Куликов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID РИНЦ: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679*

Аннотация. Цель исследования: выявить факторы, влияющие на развитие электронной коммерции в России.

Методология исследования. Факторы, лежащие в основе поведения онлайн-покупателей, изучены с использованием анализа структуры и динамики российской электронной коммерции.

Результаты исследования: выявлены препятствия и движущие силы рынка электронной коммерции.

Перспективы исследования: оценены тенденции и перспективы развития российского рынка электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная торговля, мировая экономика, интернет-торговля, информационные технологии

Для цитирования: Куликов М. М. Перспективы и тенденции развития электронной торговли в России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 148–155. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-148-155>.

Original article

PROSPECTS AND TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC COMMERCE IN RUSSIA

Mikhail M. Kulikov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID RSCI: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679*

Abstract. The purpose of the study: to identify the factors influencing the development of E-commerce in Russia.

Research methodology. The factors underlying the behavior of online shoppers have been studied using the analysis of the structure and dynamics of Russian E-commerce.

Research results: obstacles and driving forces of the e-commerce market have been identified.

Research prospects: the trends and prospects of development of the Russian E-commerce market have been assessed.

Keywords: E-commerce, online commerce, world economy, information technologies

For citation: Kulikov M. M. Prospects and trends of the development of electronic commerce in Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 148–155. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-148-155>.

Введение. E-commerce — электронная торговля или электронная коммерция — способ взаимодействия потребителя и поставщика товаров на площадках, где осуществление заказа и оплата происходят онлайн, включая интернет-магазины и маркетплейсы [1; 2; 3].

За время пандемии вследствие введенных ограничений значительно вырос объем электронной торговли. Несмотря на сложный для розничной торговли 2020-й год, мировые продажи электронной коммерции выросли на 27,6% за год и составили в общей сложности 4,280 трлн дол. Это представляет собой существенный рост по сравнению с ожидаемой оценкой роста на 16,5% в середине пандемии. Однако общий объем розничных продаж в мире снизился на 3,0%, до 23,839 трлн дол¹.

В отчете об электронной торговле в России за 2020 год объем продаж продукции на отечественном рынке достиг 2,7 трлн рублей (по среднегодовому курсу валют примерно 37 млрд дол США), на 58% больше, чем в 2019 году, что ставит Россию в число самых быстрорастущих рынков электронной коммерции в мире².

Взрывной рост был зафиксирован в нескольких сегментах, поскольку пандемия привела миллионы потребителей к онлайн-покупкам, ускорив ранее существовавшее расширение рынка. Иллюстрируя эту тенденцию, отметим: у одной из основных компаний на рынке розничной торговли X5 Retail Group валовая стоимость товара выросла на 347%, что привело компанию к лидерству в области розничной торговли пищевыми продуктами³.

Data Insight анализирует также российские компании электронной торговли по объему продаж, количеству заказов и средней стоимости заказа (рис. 1):

— Wildberries.ru удержал первенство в сегменте в 2020 году, с ростом объема выручки от продаж вдвое до 413 млрд руб (5,7 млрд дол), но чистая прибыль компании сократилась за год вдвое до 2,11 млрд руб (29,1 млн дол);

— Ozon.ru занял второе место с ростом выручки почти в 1,5 раза в 2020 году. Он был №7 в 2017 году, №4 в 2018 году и №3 в 2019 году. 2021 год также был чрезвычайно благоприятным для Ozon на финансовом фронте: после раунда финансирования до IPO в размере 150 млн дол в марте компания триумфально дебютировала на NASDAQ в ноябре, собрав более 1,2 млрд дол вместо ожидаемых 500 млн дол;

— Citilink.ru (продажа электронных устройств и многих других товаров) упал со второго места в 2019 году на третье в 2020 году с относительно скромным ростом на 47% в годовом подсчете. Группа Merlion, которой принадлежит сайт, ведет переговоры со Sber о потенциальном приобретении;

— лидер онлайн-моды La moda, принадлежащая Global Fashion Group, увеличила объем продаж на 32%, и заняла седьмое место в рейтинге компаний электронной коммерции.

Цель исследования. Целью исследования является изучение состояния и перспектив развития электронной торговли в России.

Величина российского рынка E-commerce в 2020 году составила 2,7 трлн рублей, что

1 Статистические данные [Электронный ресурс] // Исследовательское агентство «Digital Commerce 360». URL: <https://www.digitalcommerce360.com/> (дата обращения: 10.10.2021).

2 Там же.

3 Топ-10 рынков eCommerce / Инфографика от 28.12.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://payonline.ru/news/analyst/24832> (дата обращения: 15.10.2021).

на 34% больше, чем в 2019 году. Поддержка электронной коммерции в России на период до 2024 года регулируется национальным проектом «Цифровая экономика»⁴. Основными целями документа является увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом, а также создание стабильной, безопасной и общедоступной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных⁵.

По данным МВФ, ВВП России составляет в 2020 году 1,68 трлн дол. Принимая

во внимание большое и технически подкованное население (85% из 145,9 миллионов россиян имеют доступ в Интернет), можно сказать, что очевиден потенциал развития электронной коммерции в России. Учитывая эти цифры, может показаться неожиданным, что Россия не доминирует в области электронной коммерции и находится только на 9-м месте в топе стран. Объем российского рынка электронной коммерции составляет 20,3 млрд дол. Оплата чаще всего производится наложенным платежом. Примерно 13% граждан России используют покупки через интернет. Чаще всего онлайн покупают электронику, одежду и обувь. По прогнозам аналитиков, объем заказов в интернет-аптеках

			Online sales volume in million rubles		Number of orders In thousands		Average order value in rubles	
			2020	y-o-y	2020	y-o-y	2020	y-o-y
1	Wildberries.ru	General online store	413 200	96%	305 000	100%	1 350	-2%
2	Ozon.ru	General online store	197 000	144%	73 800	133%	2 670	5%
3	Citilink.ru	Electronics & household	132 730	47%	12 390	23%	10 710	19%
4	Dns-shop.ru	Electronics & household	116 760	117%	12 370	82%	9 440	20%
5	Mvideo.ru	Electronics & household	113 200	100%	8 900	71%	12 720	17%
6	Eldorado.ru	Electronics & household	53 760	95%	6 400	80%	8 400	8%
7	Lamoda.ru	Fashion & accessories	52 970	32%	14 550	28%	3 640	4%
8	Apteka.ru	Online pharmacy	50 070	46%	32 240	48%	1 550	-2%
9	Aliexpress.ru	General online store	49 000	171%	19 060	218%	2 570	-15%
10	Yandex Market	General online store	44 090	136%	15 490	159%	2 850	-9%
11	Petrovich.ru	DIY, items for the home	44 010	50%	3 820	119%	11 520	-32%
12	Vseinstrumenti.ru	DIY, items for the home	42 520	58%	7 830	106%	5 430	-23%
13	Ikea.	DIY, items for the home	40 800	175%	2 550	240%	16 000	-19%
14	Detmir.ru	Children's goods	38 700	142%	24 300	136%	1 590	3%
15	Leroymerlin	DIY, items for the home	37 780	217%	4 460	254%	8 470	-10%
16	Sima-land.ru	General online store	37 400	62%	4 280	63%	8 740	-1%
17	Svyaznoy.ru	Electronics & household	23 650	18%	1 840	4%	12 850	12%
18	Onlinetrade.ru	General online store	23 050	22%	3 560	0%	6 470	22%
19	Sportmaster.ru	Sports & leisure	20 110	55%	6 370	74%	3 160	-11%
20	Shop.mts.ru	Electronics & household	19 550	106%	1 070	81%	18 270	14%

Рис. 1. Топ-20 российских сайтов электронной коммерции в 2020 году⁶

Fig. 1. Top 20 Russian e-commerce sites in 2020

⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: 9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

⁵ Статистические данные [Электронный ресурс] // Исследовательское агентство «Digital Commerce 360». URL: <https://www.digitalcommerce360.com/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁶ Источник: Digital Commerce 360

значительно увеличится в ближайшие годы. В 2019 году в России было приобретено лекарств на 86,3 млрд руб, средний чек составил 1670 рублей. Количество онлайн-заказов увеличилось на 98 % в 2019 году.

Главные проблемы отечественных компаний E-commerce — это несовершенство и неразвитость дорожной инфраструктуры (для доставки заказов) и отсутствие либо низкая скорость доступа к интернету. Чаще, чем за рубежом, в России предпочитают оплачивать покупки наличными при доставке.

Какие меры предпринимаются для развития E-commerce в России. Во-первых, аналитика методов доставки четко отражает тенденцию наращивания инвестиций в развитие совершенствования складской и транспортной составляющей бизнеса электронной торговли. Отечественные топовые компании, являющиеся лидерами электронной коммерции, пытаются сократить зависимость от конкурентов, строят свои сети почтовых отделений и пунктов приема-выдачи заказов, развивать франчайзинг, доставляют заказы конкурентов и активно скупают землю для строительства логистических объектов [4].

Представители торговой площадки Ozon отмечают, что основным сдерживающим фактором для электронной коммерции в России является отсутствие инфраструктуры. Компания активно строит новые заводы и логистические центры [7].

Крупнейшие отечественные компании в сфере E-commerce повышают эффективность доставки товаров клиентам. Например, торговая площадка Беру (детище Сбера и Яндексмаркета) в 2019 году предложила забирать заказы в кассах магазинов розничной сети «Пятерочка».

Без сомнений, в ближайшие годы увеличится доля самовывоза покупок. На основе данных статистики определено, что почти 40 % потребителей отказываются от заказа, если стоимость доставки составляет 50 % и более от стоимости заказа.

Ещё один способ ускорить время доставки и уменьшить стоимость услуг, к которому пришёл рынок логистики, — это собирать заказы не на одном складе, а на нескольких складах, расположенных в одном городе или области.

Эффективность деятельности компаний электронной коммерции очень сильно зависит от категории товаров. Например, количество заказов из Wildberries за год выросло на 110 %, при этом средний чек снизился на 10 % до 1380 рублей, а выручка выросла с 152 млн до 210 млн руб (табл. 1).

Тенденции развития электронной коммерции в России

1. Стремительный рост E-commerce

Тенденции развития отечественного рынка E-commerce говорят о вероятном обороте в 7,2 трлн руб. в 2024 году (рис. 2).

Рис. 2. Оборот розничной торговли 2018–2024 гг.⁷

Fig. 2. Retail trade turnover 2018–2024

⁷ Источник: Data insight

2. Большие внимания уделяется оптимизации конверсий (CRO)

Во время пандемии Интернет стал единственным каналом торговли, по этой причине ритейлеры стали развивать торговлю с ис-

пользованием интернет. При этом конкуренция в этой сфере постоянно растет, важно привлекать максимальный объем трафика при постоянной оптимизации конверсии.

Вот примеры работающих алгоритмов CRO:

Таблица 1
Table 1

Топ-15 российских сайтов электронной коммерции в 2019 году⁸
 Top 15 Russian E-commerce sites in 2019

№	Магазины	Категория товаров	Онлайн-продажи, млн руб		Заказы, тыс. шт.		Средний чек, руб.	
			2019	Рост	2019	Рост	2019	Рост
1	Wildberries.ru	Одежда, обувь, аксессуары	210600	89	152510	110	1380	-10
2	Citilink.ru	Универсальные товары	90420	24	8220	7	11000	15
3	Ozon.ru	Электроника и техника	80690	93	32260	107	2500	-7
4	Mvideo.ru	Электроника и техника	57500	9	5220	14	11020	-4
5	Dns-shop.ru	Электроника и техника	53720	40	6810	30	7890	7
6	Lamoda.ru	Одежда, обувь, аксессуары	40000	25	11430	31	3500	-5
7	Aliexpress.ru	Универсальные товары	35940	162	5530	154	6500	3
8	Apteka.ru	Красота и здоровье	34230	171	21730	175	1580	-1
9	Eldorado.ru	Электроника и техника	27580	13	3500	8	7880	5
10	Vseinstrumenti.ru	Товары для дома	26900	51	3800	50	7080	0
11	Petrovich.ru	Товары для дома	24400	36	1740	29	14020	5
12	Beru.ru	Универсальные товары	23100	691	5620	808	4110	-13
13	Svyaznoy.ru	Электроника и техника	20120	2	1760	4	11430	-2
14	Onlinetrade.ru	Универсальные товары	18840	9	3550	2	5308	7
15	Sima-land.ru	Универсальные товары	17000	78	2620	78	6490	0

⁸ Источник: Digital Commerce 360

— настройка инструментов для сбора данных (Яндекс Метрика) и проверка корректности их работы;

— изучение отчетов веб-аналитики и изучение целевой аудитории, в т. ч. с использованием UX-исследований для выявления запросов потребителей товаров и услуг, их чувств, эмоций, схем и мотивов поведения;

— поиск идей-озарений, обоснование теорий и гипотез;

— разработка плана по совершенствованию деятельности в интернете и его апробирование;

— экспериментальное тестирование и оценка полученных результатов;

— внедрение предпочтительного варианта и контроль за его реализацией.

3. Производители становятся розничными торговцами (D2C)

D2C — продажа конечному потребителю, без посредников и дилеров. Это глобальная тенденция, темпы которой только ускоряются в России [5].

Компании, производящие продукцию и услуги, должны понимать, что перспективы рынка заключаются в поиске и привлечении конечного покупателя без участия посредников [6; 8], поэтому нужно четко определить профиль своего клиента, проработать все стадии взаимодей-

ствия, от информирования до оказания постгарантийных услуг, общаться без посредников, апеллировать к эмоциям. Это дает возможность оперативно собирать отзывы пользователей и постоянно совершенствовать продукт (рис. 3).

Сейчас производители перенимают опыт розничной торговли, которая уже давно выстраивает коммуникацию с потребителями напрямую — посредством онлайн-торговли, запускает свои интернет-магазины и размещает витрины на торговых площадках. Чтобы выдержать борьбу с производителями и торговыми площадками, будет полезно занять свою нишу, построив ассортимент по продуктовому или рыночному признаку. В то же время важно:

— создать сообщество вокруг бренда;

— регулярно создавать экспертный контент и пользовательский контент;

— собирать отзывы;

— передавать потребителю дополнительную ценность;

— реализовать персонализацию товаров и услуг от этапа проектирования до этапа постгарантийного взаимодействия.

4. Развитие мобильной коммерции

Развитие E-commerce отчасти является следствием расширения применения смарт-

Рис. 3. Этапы цепочки поставки товара покупателю
Fig. 3. Stages of the supply chain of goods to the buyer

фонов и планшетов. Потребители всё чаще осуществляют поиск, выбор, оплату товаров с мобильных устройств. В 2021 году более 73 % всех покупок общим объемом 3,79 трлн дол выполнены со смартфонов и планшетов.

Повышение надежности онлайн-покупок ведет к росту доверия покупок с использованием смартфонов и планшетов. E-commerce очень распространена в среде молодежи, причем смартфоны и планшеты применяются для поиска товаров, отзывов и обзоров потребителей, сравнения выбранных альтернатив, даже если не планируется совершение покупки онлайн.

Результаты и выводы. Отечественные компании электронной торговли функционируют в жестких условиях санкционной войны, «серого» импорта, экономики СВО, нарастающего мирового кризиса. Трансформация экономики в текущих условиях с изменением условий финансирования и кредитования, изменение логистических схем, высокая волатильность на рынках сырья, повышение требований потребителей к удобству процесса выбора, оплаты и доставки товаров обуславливает необходимость ускоренного развития инструментов электронной коммерции. Повышение темпов развития и зоны покрытия, а также скорости доступа интернета, уровня информационно-технологического развития потребителей и цифровизации многих сфер экономики возрастает роль E-commerce.

Список источников

1. Авдеева Е.А. Перспективы развития электронной коммерции в Российской Федерации // Молодой ученый. 2015. №21(101). С.331–333.
2. Гаврилов Л.П. Электронная коммерция. М.: Юрайт, 2017. 363 с.
3. Кондратьева К.В. Электронная коммерция в России // Молодой ученый. 2018. №50. С. 148–150.
4. Кукин М.Ю. Состояние и перспективы электронной коммерции с учетом пандемии коронавируса // Инновации и инвестиции. 2020. №11. С. 283–287.
5. Морозов М.А. Развитие экономики цифровых услуг и ее влияние на рынок тру-

да / М.А. Морозов, Н.С. Морозова // Сервис плюс. 2018. №1. С. 94–101.

6. Савченко Н.К. Электронная коммерция — инновационная форма ведения бизнеса / Н.К. Савченко, Ю.К. Шакирова // Молодой ученый. 2017. №5(139). С. 235–238.

7. Тимошкина Е.В. Риски электронной торговли и пути их минимизации / Е.В. Тимошкина, Е.С. Третьякова // Наука Удмуртии. 2018. №3(85). С. 111–113.

8. Шабанова Л.Б. Традиционная и электронная торговля потребительскими товарами и услугами: достоинства, недостатки и перспективы развития / Л.Б. Шабанова, С.В. Зюзина // Бизнес. Образование. Право. 2018. №1(34). С. 78–83.

References

1. Avdeeva E.A. Perspektivy razvitiya jelektronnoj komercii v Rossijskoj Federacii [Prospects for the development of E-commerce in the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. 2015; 21(101): 331–333. (In Russ.).
2. Gavrilov L.P. Jelektronnaja komercija [E-commerce]. Moscow: Jurajt, 2017. 363 p. (In Russ.).
3. Kondrat'eva K.V. Jelektronnaja komercija v Rossii [Electronic commerce in Russia]. *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. 2018; (50): 148–150. (In Russ.).
4. Kukin M. Ju. Sostojanie i perspektivy jelektronnoj komercii s uchetom pandemii koronavirusa [The state and prospects of E-commerce taking into account the coronavirus pandemic]. *Innovacii i investicii [Innovations and investments]*. 2020; (11): 283–287. (In Russ.).
5. Morozov M.A. Razvitie jekonomiki cifrovyh uslug i ee vlijanie na rynek truda [Development of the digital services economy and its impact on the labor market]. M.A. Morozov, N.S. Morozova. *Servis pljus [Service plus]*. 2018; (1): 94–101. (In Russ.).
6. Savchenko N.K. Jelektronnaja komercija — innovacionnaja forma vedenija biznesa [E-commerce — an innovative form of doing business]. N.K. Savchenko, Ju. K. Shakirova. *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. 2017; 5(139): 235–238. (In Russ.).
7. Timoshkina E.V. Riski jelektronnoj trgovli i puti ih minimizacii [Risks of electronic commerce and ways to minimize them].

E. V. Timoshkina, E. S. Tret'yakova. *Nauka Udmurtii* [Science of Udmurtia]. 2018; 3(85): 111–113. (In Russ.).

8. Shabanova L. B. Tradicionnaja i jelektronnaja trgovlja potrebitel'skimi tovarami i uslugami: dostoinstva, nedostatki i perspektivy razvit-

ija [Traditional and electronic trade in consumer goods and services: advantages, disadvantages and prospects of development]. L. B. Shabanova, S. V. Zjuzina. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. 2018; 1(34): 78–83. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.
132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Original article

UDC 332.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-156-169

STUDY ON MANAGEMENT SYSTEM OF LIAOCHENG DEVELOPMENT ZONE

Li Wenjun^{1✉}, Evgeniya V. Roshchina², Zhang Chong³

^{1, 2, 3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*li.wenjun@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-0623-9616*

²*evroshina@sfedu, ORCID: 0000-0001-5729-4191, AuthorID RSCI: 607880*

³*1043168992@qq.com, ORCID: 0000-0002-6065-2786*

Abstract. Research background. The development zone is the necessary foundation for giving full play to resource endowment, attracting investment and economic development, it has gradually become the driving force of the regional economy. Liaocheng Development Zone has been in operation for many years, which has promoted the vigorous development of local economy.

Research purpose. In order to solve problems and contradictions in the management system of development and give play to the role of the Liaocheng Development Zone in further under the new situation.

The methodological basis of the study is the provisions of the concepts of economic development and special economic zones. This paper uses literature review method, case study and centering analysis method to review the status of Liaocheng Development Zone and the evolution of management system in detail. And drawing on successful experience at home and abroad, and then puts forward the general idea and some suggestions.

Results and novelty. It is necessary to innovate the management system, clarify the target model of the development, strengthen flat and efficient organization and management, improve the management efficiency, and innovate financing methods of the Liaocheng Development Zone.

Keywords: Liaocheng, Development Zone, management system

For citation: Li Wenjun, Roshchina E. V., Zhang Chong. Study on management system of Liaocheng Development Zone // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 156–169. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-156-169>.

Научная статья

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗОНОЙ РАЗВИТИЯ ЛЯОЧЭН

Ли Вэньцзюнь^{1✉}, Евгения Валерьевна Рощина², Чжан Чонг³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹li.wenjun@mail.ru[✉], ORCID: 0000-0002-0623-9616

²evroshina@srfedu, ORCID: 0000-0001-5729-4191, AuthorID РИНЦ: 607880

³1043168992@qq.com, ORCID: 0000-0002-6065-2786

Аннотация. *Предпосылки исследования.* Зона развития является необходимой основой для полноценного использования ресурсов, привлечения инвестиций и экономического развития, она постепенно становится движущей силой региональной экономики. Зона развития Ляочэн действует уже много лет, что способствует энергичному развитию местной экономики.

Целью исследования является определение роли и повышение результативности зоны развития Ляочэн в новой экономической ситуации посредством решения проблем и противоречий в системе управления развитием.

Методологическую базу исследования представляют положения концепций экономического развития и особых экономических зон. В этой статье используется метод литературного обзора, тематический анализ и метод эволюционного анализа для подробного обзора состояния Зоны развития Ляочэн и эволюции системы управления. Опираясь на примеры успешного опыта реализации политики управления зонами в Китае и за рубежом, авторам удалось разработать общую концепцию эффективной системы управления Зонай развития и сформулировать некоторые предложения.

Результаты и новизна. Необходимо обновить систему управления, уточнить целевую модель развития, повысить стабильность и эффективность организации и управления, обновить методы финансирования зоны развития Ляочэн.

Ключевые слова: Ляочэн, зона развития, система управления

Для цитирования: Ли Вэньцзюнь, Рощина Е. В., Чжан Чонг. Исследование системы управления зоной развития Ляочэн // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 156–169. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-156-169>.

I Introduction

In 1992, there were roughly 2000 development zones in China. The enthusiasm for development zones was overwhelming [1]. Everywhere, they built roads, bridges and houses. It is in such a heat wave of development zone construction tide, On December 12, 1992, Shandong Provincial government approved the establishment of Liaocheng Economic and Technological Development Zone, and it started construction in 1995 [6]. Over the past 30 years, Liaocheng Economic Development Zone has gradually become an important engine for Liaocheng's economic

and social development, a booster for reform and opening up, and an important platform for local economic development. In recent years, the functions of development zones have evolved from land development, park construction and investment attraction to an important way to accelerate the realization of urbanization, an incubator for technological innovation and a service platform for industrial development [9]. With the in-depth advancement of China's reform and opening up, the development of development zones is also facing many new situations and problems, especially the weakening of the original flexible and

efficient management system of development zones, and how to further improve the management system of development zones and promote the healthy and sustainable development of development zones is an important research topic for accelerating the reform and development of development zones in Liaocheng and even all parts of the country at present [18].

II Research Methods

Firstly, this paper uses literature review method to sort out the management system of development zones at home and abroad.

Foreign scholars mostly study the development of development zones from the perspective of economics, and less study the management system. Most of the existing researches on the management system of development zones come from Chinese scholars. In addition, Chinese scholars mainly focus on the analysis and research of big data of management system, and there are few researches on the management system of development zones with specific characteristics.

Chinese scholars study management system of development zones nationwide from a macro perspective, or according to the concentration degree of administrative power in development zones, or according to the different modes of management operation or exercise. For example, administration-oriented management system classification, corporate and mixed management system, and the classification of government-oriented, government-service-oriented and government-enterprise mixed management system, etc. [14].

Most Chinese scholars classify the management system of development zones according to the scope, degree and emphasis of management subjects' participation in the management of development zones, and have obtained some valuable results, which provide ideas for empirical research on the status quo of management system of development zones across the country, but most of them concentrate on qualitative induction. However, there are few researches on the specific development zones. Due to the different conditions in different places, the demonstration results are difficult to use pertinently and lack of practical operation.

Secondly, this paper uses case analysis and investigation method to analyze the regional and economic development status of Liaocheng Development Zone in detail.

Liaocheng Development Zone has jurisdiction over seven township sub-district offices: Dongcheng, Jiangguantun, Beicheng, Xuying, Guguantun, Guangping, Hanji, with a total population of nearly 300,000 people and an area of 389.4 square kilometers.

(1) Unique strategic location

Liaocheng is located at the border of Hebei, Shandong and Henan provinces. The development zone is located on the east side of Shuicheng and Liaocheng. At present, it has been included in the Central Plains Economic Zone, the provincial capital city cluster Economic circle, the Beijing-Tianjin-Hebei coordinated development zone, comprehensive pilot zone for the transformation of old and new growth drivers in Shandong Province, ushering in an important period of strategic opportunities for reform and development.

(2) Constant infrastructure investment

Since 1995, the development zone has introduced a number of hospitals, schools, houses, hotels, restaurants and other supporting projects for production and living, so as to facilitate the enterprises entering the zone. In the following years, a cumulative investment of 1 billion yuan, improving supporting facilities for water, electricity, gas, heating and others, basically realized «nine access and one flat». Up to now, the urbanization level of the region has reached 52.8 percent. The total length of urban roads reached 107.6 kilometers, with 4.92 million square meters of green roads. By November 2022, the region's investment in fixed assets had reached 8.899 billion yuan, up 17.7 percent. See the table below.

(3) The main economic indicators are developing well

In recent years, the development zone has overcome the impact of the epidemic. In 2020, the GDP of economic and technological development zones will reach 14.59 billion yuan, an increase of 8.2%; revenue in general public budget was 1.89 billion yuan, an increase of 10.4%; the investment in fixed assets was 8.036 billion yuan; the total output value of designated industrial enterprises reached 26.783 billion yuan, with a year-on-year growth of 6.9%. In 2021, the GDP of high-tech development zones was 13.939 billion yuan, up 13.3 percent year on year. General public budget revenue reached 2.116 billion yuan, up 65.69% year on year;

Table 1
Таблица 1

Details of fixed asset investment in Liaocheng Development Zone in 2022¹

**Подробная информация об инвестициях в основной капитал
в зоне развития Ляочэн в 2022 году**

Investment situation	Absolute amount (billion)	Growth rate (%)
Completion of fixed investment	88.99	17,7
Constructional engineering	50,4	25,8
Installation works	11,35	117
Purchase of equipment and appliances	10,69	85,9
Others consumption	16,55	–9
Construction land fee	11,39	48,7
# Real Estate	33,55	18,4

among them, the tax revenue (county-level) accumulated to 1.93 billion yuan, an increase of 82.39%; tax revenue accounted for 91.21 percent of general public budget revenue. The output value of high-tech industries accounted for 93.73 % of the total output value of industries above designated size. R&d investment accounted for 7.3 % of GDP; the added value

of industrial enterprises above designated size increased by 19.7 % year on year.

III Analysis on management system of Liaocheng Development Zone

This part analyzes the status of the management system of Liaocheng Development Zone and its different stages by means of survey meth-

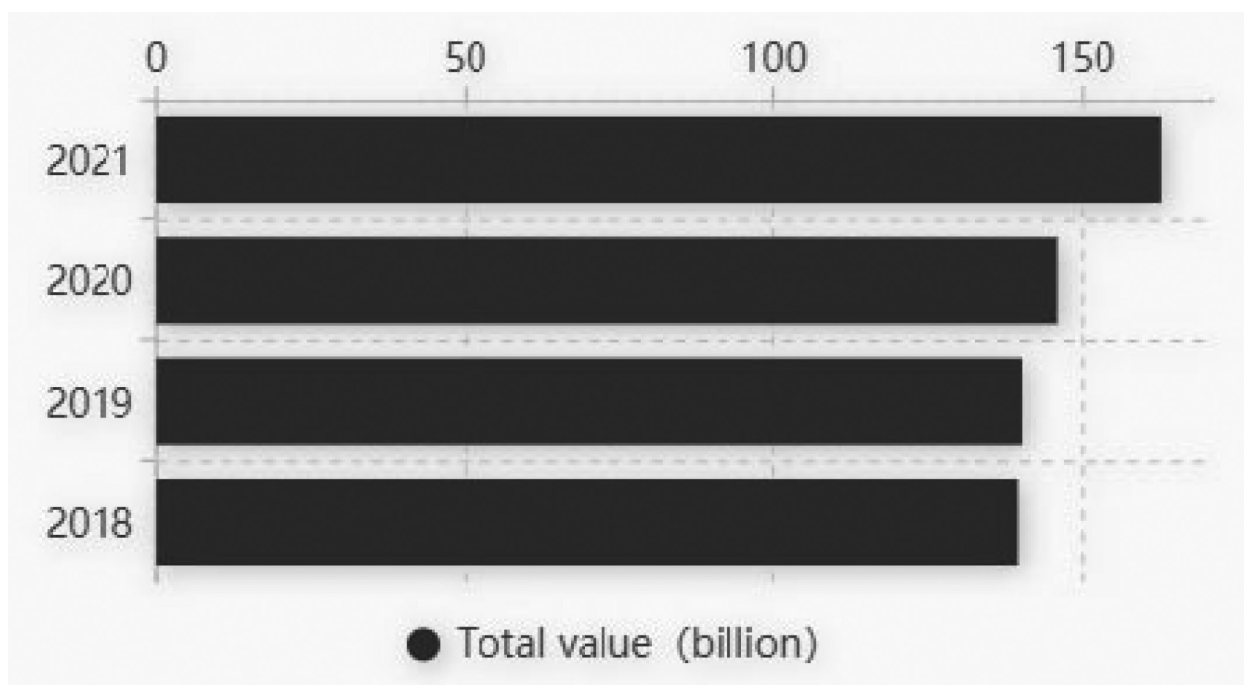

Fig. 1. Liaocheng Development Zone 2018–2019GDP²

Рис. 1. ВВП зоны развития Ляочэн в 2018–2019 годах

¹ Source: Compiled by the authors.

² Source: Compiled by the authors.

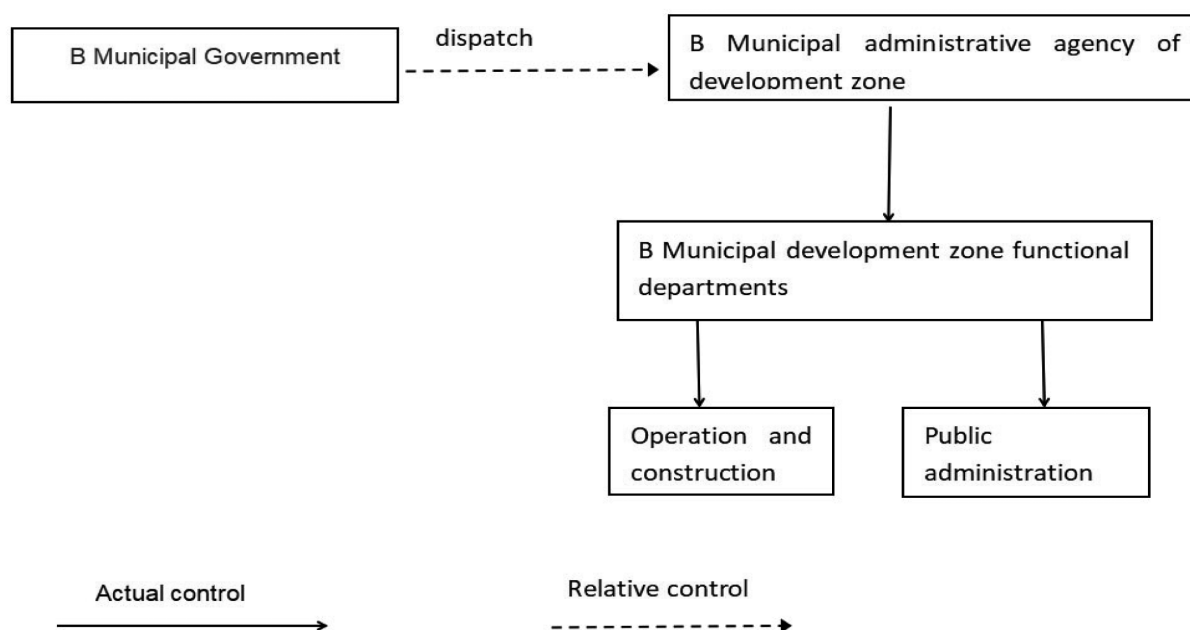

Fig. 2. Management system map of Liaocheng Development Zone [5]

Рис. 2. Карта системы управления зоной развития Ляочэн [5]

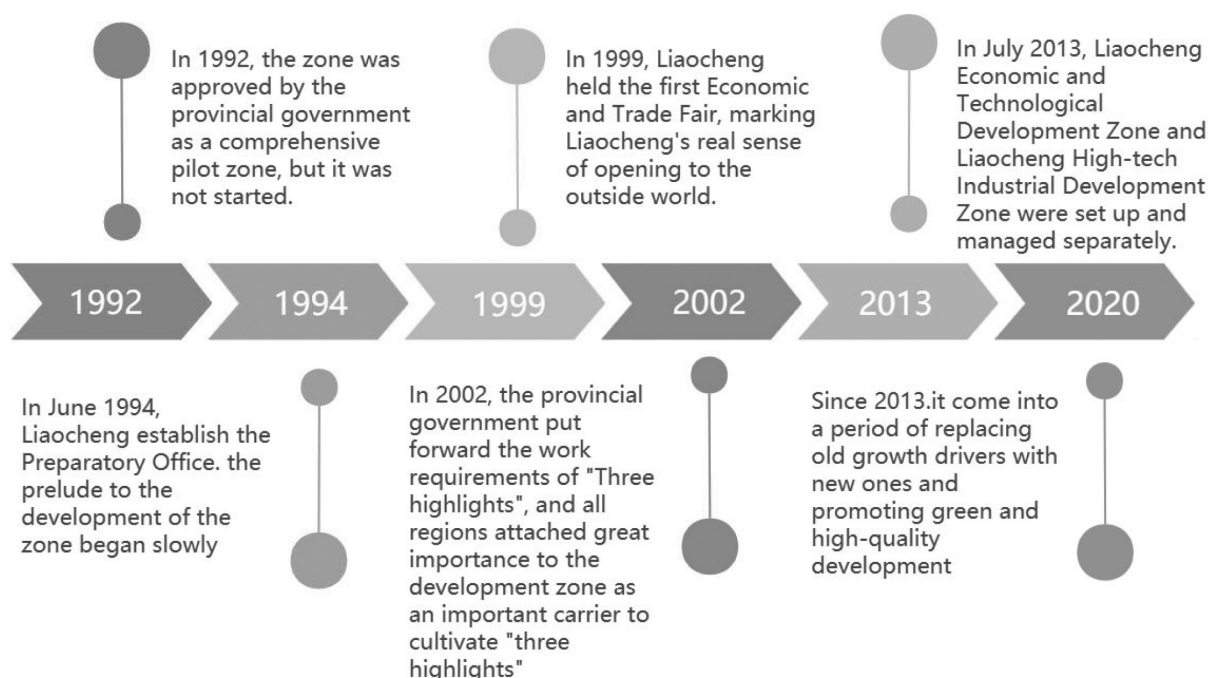

Fig. 3. History of Liaocheng Economic Development Zone³

Рис. 3. История зоны экономического развития Ляочэн

³ Source: Compiled by the authors.

ods and qualitative analysis, innovatively puts forward the evolution of the management system of the development zone, and finds the problems existing in the current management system of the development zone.

3.1 Management system status of Liaocheng Development Zone

Liaocheng Development Zone is a government-oriented management system. According to the power of the administrative committee of the development zone, it can be divided into «vertical coordination» and «centralized management». Liaocheng Development Zone belongs to the «centralized management» management system. The People's Government of Liaocheng has set up a special agency-the Management Committee of Liaocheng Development Zone. The administrative Committee sets up various administrative departments by itself and enjoys the authority of the municipal administrative departments in the city where it is located [5]. The management system chart of Liaocheng Development Zone is as follows:

3.2 Management evolution of Liaocheng Development Zone

Based on the development history of Liaocheng Development Zone, combined with the background and theme of policy documents, the development of management system is divided into four stages: longitudinal coordination in the preparation stage, semi-closed in the initial stage and closed in the development stage, and coordinated management system in the two districts in the reform stage.

3.2.1 Phase of vertically coordinated management system (1994–1995)

In 1994, Liaocheng decided to set up the Preparatory Office of Liaocheng Comprehensive Pilot Zone for Opening up and Development. The office is headed by the deputy district governor of Liaocheng, with a team of five former civil servants and eight new recruits. The main task is to build a team, determine the direction and plan the development. In nature, for Liaocheng directly under the administrative unit, its function is responsible for coordinating all parties, pooling resources. In terms of development mode, a pilot zone development company should be set up to prepare regional infrastructure.

The characteristic of the management system in the preparation stage is the direct management by the government. The authority of the de-

velopment zone company is limited and its main function is coordination. With the strengthening of the leading group, the idea of development is gradually clear, and increases the administrative authorization of the development zone in the management system.

3.2.2 Semi-closed Management System Stage (1995–2002)

In 1995, Liaocheng deployed department-level cadres from county and urban areas to the development zone, established party committees and management committees, determined the scope of the division, and set up relevant functional departments. That is, «Liaocheng Jiangguantun Town and Litaitun Village of Liuyuan office will be put under the jurisdiction of the development zone». The development zone exercises the same functions and powers as the eight counties and cities in Liaocheng. «There are 4 organs: First, the office is responsible for the office of the Party Committee and the management Committee, as well as the supervision of discipline, personnel, labor and mass organization. Second, the Planning and Construction Department, responsible for planning, construction, land management, transportation and environmental protection. Third, the Economic and Trade Development Division, responsible for planning, industry, commerce, statistics, industry and commerce, finance and taxation and investment. Fourth, the rural work office, responsible for agriculture, forestry and water resources, diversified management, rural enterprises, culture, education and health, family planning, civil affairs and social security».

3.2.3 Phase of closed Management (2002–2013)

In 2002, Liaocheng issued *the Decision on Accelerating the Development of Liaocheng Economic Development Zone*, clarifying the status and development goals of the zone. It is clear that «the Party Working Committee and the management Committee of the Development Zone shall be the dispatched organs of the Municipal Party Committee and the municipal government, and shall, on behalf of the Municipal Party Committee and the municipal government, exercise the functions of municipal administration, economic and social affairs management within the jurisdiction». The development zone has set up an office with «unified authority, simplification and efficiency, and

coordinated operation». Implement «small organizations, large services».

3.2.4 Two-zone operation stage (2013–now)

The 21st century development zone has entered a period of deepening reform. In July 2013, Liaocheng Economic and Technological Development Zone and Liaocheng High-tech Industrial Development Zone were set up and managed separately, and the statistical data of the two zones were uniformly reported. So far, Liaocheng Development Zone has responded to the requirements of the state and promoted the deepening reform of the development zone. Liaocheng Development Zone has begun to explore the process of adapting to the new era and zoning operation.

The two districts, with Yellow River Road and East Outer Ring Road as the dividing line, operate independently respectively; and it is independent internally and unified externally, collectively known as Liaocheng Economic and Technological Development Zone or High-tech Development Zone. Among them, Phoenix Industrial Park has been included in the high-tech zone statistical scope. Two districts and one garden shall be reported uniformly by the municipal Bureau.

3.3 Existing problems of management system in Liaocheng Development Zone

3.3.1 The legal body is lacking and the management system is not standardized enough

The Organic Law of the People's Republic of China on Local People's Congresses and Local People's Governments at various Levels stipulates: «Provinces, autonomous regions, municipalities directly under the central government, autonomous prefectures, counties, autonomous counties, cities, municipal districts, townships, nationality townships and towns shall establish people's congresses and people's governments». Development zones do not belong to the sequence of administrative organs, do not automatically possess subject status of law. The administrative structure of the development zone highlights the lack of subject status of law of the development zone, which greatly affects the standardization and stability of policies. At the same time, the play of public service functions is also limited, which severely hits investors' long-term investment in the development zone.

3.3.2 The trend of administrative function is obvious

With the continuous expansion of Liaocheng Development Zone, the work of the management committee is not only economic construction, but also to undertake a large number of administrative functions, such as supporting policies, culture and tourism, public cultural services, agriculture-related subsidies, stable employment, social security, public culture and sports and so on. The double responsibility of economic and social administration makes the management committee extremely heavy, which seriously affects the play of its main functions and restricts the scientific and harmonious.

3.3.3 The functional authority of the development zone is not in place

In recent years, China has strengthened the clean-up and reorganization of the development zone, and the administrative bodies of industry and commerce, taxation, technical supervision and planning have been successively placed under vertical leadership. Some of the administrative authority has been collected, and the authority that should be delegated (such as industrial planning and tax administration) is subject to the restriction of departmental policy provisions. At the same time, it has many levels of management and insufficient authorization.

3.3.4 The specialization and marketization of asset operation and management is not enough

According to international experience, the asset operation management of development zones should separate public infrastructure from commercial development and implement professional operation. It shall be managed in accordance with the operation mode of a market economy and allow private capital to participate. At present, Liaocheng Development Zone asset operation management institutions lack specialization. The degree of marketization is not high. Some projects do not operate in market-oriented ways such as competitive bidding, resulting in high operating costs, low investment efficiency, and poor management.

IV Argumentation on the solution of problems in Liaocheng Development Zone

This part is the argumentation section of the article. It reviews the experience of domestic and foreign development zones, analyzes the char-

acteristics of management system and development results of four domestic and foreign development zones in detail, and puts forward several policy suggestions for the problems encountered by Liaocheng Development Zone.

4.1 Domestic and foreign development zone management system experience

4.1.1 Characteristics of management system of domestic development zones

(1) Binhai new-region

Binhai New Area is located in the eastern coastal area of Tianjin and includes Tanggu District, Hangu District, Dagang District, Development Zone, bonded zone, Tianjin Port and parts of Dongli District and Jinnan District.

Binhai New Area adopts three-level leadership in its management system. The first level is the coordination body, the second is the management committee of the New Area, and the third is the constituent bodies. The leader of the leading group is the Party secretary, and the deputy leader is the municipal leader, who is responsible for the overall planning, research and solution of major problems. The administrative committee is an agency dispatched by the municipal government to exercise the relevant power of construction and management. The district governments and the administrative organs of the economic zones in Binhai New Area shall be responsible for the administrative work of their respective jurisdictions and accept the guidance of the administrative committee members of the New Area.

(2) Jinpu New District, Dalian

Jinpu New District belongs to Dalian City of Liaoning Province, covering all the administrative areas of Jinzhou District and part of Plandian District of Dalian City. As the 10th state-level New District, Jinpu New District is located in the south of Liaodong Peninsula and northeast of Dalian City, with a total area of about 2299 square kilometers [2]. The permanent population is 1,545,491.

In 2020, Jinpu New District will carry out pilot reform, established a new governance model of «new district leadership, three-district coordination», promoted comprehensive, integrated, systematic and reconstructive reform, The original 21 parks will be transformed into three new parks. Its management system has been reformed: First, we will establish a statutory body. We will no longer retain the administrative com-

mittee of the nature of a government agency, and define the administrative committee as a statutory body with the status of a legal person. We will abolish the establishment of administrative services, establish a market-based mechanism, practice enterprise-oriented management, and actively establish a system that respects value, encourages innovation, and rewards outstanding performance. To realize a modern enterprise management system in which cadres can move up and down, employees can move in and out, and salaries can rise and fall. Second, focus on the main responsibility and business. The park will no longer manage the streets, and social management and public service functions within the park will be undertaken by Jinpu New District and the streets. Third, the Administrative examination and Approval Bureau shall be set up to fully delegate power and empower the economic functions of the development zone in accordance with the principle of full release, compile a list of economic powers and responsibilities, and thoroughly stimulate the development vitality of the park [16]. After the reform, the sound business environment of the three parks in Jinpu New Area has formed a huge attraction for capital from home and abroad. Major projects have achieved remarkable results in attracting investment, the trend of characteristic industry agglomeration has gradually formed, the level of talent team construction and service efficiency have been greatly improved, and the functional advantages of the development zone as the main battlefield of economic construction have become more prominent.

4.1.2 Characteristics of management system of foreign development zones

(1) Tsukuba Science City

Tsukuba Science City, Japan, is a science and industrial park established by the Japanese government in the 1960s, which is divided into two parts: «Scientific Research Park» and «Surrounding Development Zone». Japan's «Science City of Tsukuba» created a new mode of industrial park management, enjoyed a reputation in the 1980s, and provided a booster for Japan's economic revitalization. In fact, «Tsukuba Science City» in Japan is the product of government planning at the beginning, with a deep imprint of the government [8]. In September 1963, the Capital Planning Commission proposed the basic planning for the Science City. In July 1965,

the Japan Housing Corporation drew up the first master plan for Science City [17]. After receiving opinions from provincial offices, universities and research institutes, the second Science City plan was revised in February 1966. In April 1967, a third planning was introduced. The fourth Master Plan was promulgated in April 1969 [4]. Eventually, it became the size it is now.

The Tsukuba Science City will be coordinated and managed by the «Science City Construction Promotion Headquarters» under the Prime Minister's office, led by the Land and Infrastructure Administration, and composed of vice ministers from the Science and Technology Administration, the Environment Administration, the Health and Welfare Ministry, the Education Ministry, the Agriculture, Forestry and Fisheries Ministry, as well as posts and telecommunications, labor, industry and construction ministries. Under the «Science City Construction Promotion Headquarters», the «Liaison Association of Research Institutions in Tsukuba» is set up to coordinate the work of various parties, and the five specialized committees under it are respectively responsible for the specific management of research services. Specifically, land development and utility construction projects is undertaken by Housing and Urban development groups; The Construction Ministry is responsible for the construction of scientific and educational institutions, while the Tsukuba Science City Development Corporation builds and manages roads, parks and commercial services.

(2) Research Triangle Park, North Carolina

In 1956, North Carolina state government, business and university leaders formed the Research Triangle Park Preparatory Committee to explore and prepare for the establishment of a research park between Duke University, North Carolina State University and the University of North Carolina [11]. In 1959, the Research Triangle Park in North Carolina was founded by the leaders of business, academia and industry. It covers an area of about 7,000 acres and is 9.6 kilometers long from north to the south and 3.2 kilometers wide from east to the west [12]. The park is named for its location in the middle of a triangle formed by the vertices of three universities in the city: Duke University in Durham, North Carolina State University in Raleigh, and the University of North Carolina at Chapel Hill [7]. Research Triangle Park in North Carolina

closely combines product development in new technologies with university research. Universities conduct scientific research according to the actual needs of the market, and the results of scientific research are quickly transferred to specialized research and development institutions for development, and the new technologies developed are quickly transplanted to enterprises and transformed into high-tech products. This combination not only produces fast results, short development cycle, and are high-tech products, economic benefits are very good.

The Research Triangle Park in North Carolina is managed by the Triangle Foundation, which has a president and four staff members. The foundation is managed by a board of directors consisting of 11 representatives from the government, schools and enterprises. The functions of the management organization under the jurisdiction of the foundation mainly include: formulating and implementing the development plans and related policies of the science and technology industrial parks; to undertake the construction of infrastructure and research facilities; raise funds; setting up business incubators; manage and operate real estate [10]. In daily activities, the Foundation is only responsible for managing and guiding the construction and planning of the Research Triangle Park, and has no right to interfere in the internal affairs of enterprises in the park. The Triangle Foundation sets up a subsidiary company, «Triangle Service Center Co., LTD», Which is responsible for many commercial activities in the park, such as banking, transportation and property rental [3].

4.2 Suggestions on management system of Liaocheng Development Zone

4.2.1 Define the target mode of development of the development zone

It is suggested that through the formulation and improvement of laws and regulations on development zones, the state should be called upon to promulgate a unified law on economic development zones as soon as possible, and the municipal government should formulate or revise relevant regulations or regulations on development zones as soon as possible, clarify the positioning and objectives of development zones, organizational structure, scope of management functions, authority and responsibility, etc., and maintain the relative stability of the manage-

ment mechanism and functions of development zones. It is necessary to establish development benchmarks and clarify directions, accelerate the transformation of development zones into connotative development, and pay attention to promoting industrial development planning, enterprise policy demand research and technological innovation platform construction.

4.2.2 Strengthen flat and efficient organizational management

It is recommended implementing the development-management-service integrated development model of the organizational structure of «leading group + management committee + development company», and the leading group should be highly equipped to ensure that the organization and coordination of development and construction promotion work is strong; the management committee should be fully authorized to give play to its role in park development, industrial planning, management services, etc., and appropriately give it the functions of overall planning, functional integration and industrial layout of surrounding streets and towns, and at the same time adapt to the development situation, strengthen the professional function of the management committee, and weaken the functions of administrative examination and approval and infrastructure construction. Development companies should make more use of market mechanisms in regional development and construction, investment attraction and supporting services [13].

4.2.3 Innovate the management system of Liaocheng Development Zone

Take institutional innovation as the key innovation, process reengineering as the fundamental measure to promote institutional innovation, and vigorously eliminate the pain, difficulty and blockage in decision-making, management and service with reform ideas and innovative methods. Build a process reengineering «1+N» system of continuous optimization, dynamic adjustment and iterative updating [15]. To promote the intensification, precision, platform and digitalization of the overall process. First, we will continue to streamline administration and delegate power. Accelerate the promotion of «equal rights between cities and counties»; do a good job of directional empowerment and undertaking work; we will standardize the exercise of administrative power. Second, we will push forward the reform of «handling cases at

one window and handling them well at one time». We will deepen the reform of «accepting cases at one window» without discrimination in all fields. Reengineering the process to achieve «once done well»; we will promote the hand-held handling of key and frequent issues related to people's livelihood. We will build a new model of differentiated regulation.

4.2.4 Improve management efficiency in the development zone

First, reengineering the internal process of the department. The internal process of the department was reconstructed flatly, and the decision execution of related affairs was reduced from 5 levels (mainly responsible comrades — responsible comrades — section chief — deputy section chief — general staff) to 2 levels (top leaders — all staff). Secondly, reengineering the process between departments. Carry out collaborative reengineering of the process between horizontal departments, break through the barriers of inter-departmental communication, coordination, cooperation, etc., and realize that the proportion of inter-departmental matters «done well at one time» is more than 70%; the duration of consultation between departments shall be reduced to 1 working day, and the duration of countersigning documents shall be reduced to less than 3 working days. Then, for matters involving multiple departments, we will implement who is in charge, who takes the lead and who is responsible. Finally, reengineering the open and transparent decision-making process of the department. Finally, it establishes an open mechanism for the implementation of decisions, implements a public defense and hearing system for decision-making matters, invites «two representatives and one committee member», entrepreneurs, experts and scholars and other people from all walks of life to participate in the defense and hearing of relevant policies and measures, and general matters can be conducted for their own departments.

4.2.5 Innovate financing models for development zone

One is to invest in the operation of the development zone construction. In accordance with the requirements of establishing a modern enterprise system, development zones are encouraged to speed up the establishment of a number of investment companies, which participates in land acquisition and storage and primary land

development, and develop and construct in a market-oriented way. Second, we encourage the development and construction of professional investment and entrust the third party with professional investment. Third, we will encourage development and construction through joint-stock cooperation. The development zone shall establish a joint venture company with a third party to delimit and build the park in the development zone. The joint venture company shall be responsible for the planning, investment development, investment attraction, operation and management of the park, and the income shall be divided according to the proportion of the share capital of both parties. Fourth, we will expand other financing channels. Encourage BT, PPP and other ways to introduce social capital investment in infrastructure, standard factories, professional markets, storage facilities and other projects. Fifth, introduce financing intermediary actively, expand the financing, inject more funds into the development zone.

V Conclusion

In conclusion, our country's development zone has made significant contribution to the regional economic development since the development of nearly 40 years. Through a detailed analysis of the past and management system of Liaocheng Development Zone, this paper uses case study method and qualitative analysis method to make an innovative analysis of the development and management system, and divides the stage of the management system into four periods: First, phase of vertically coordinated management system (1994–1995). Second, semi-closed management system stage (1995–2002). Third, phase of closed management (2002–2013). Fourth, two-zone operation stage (2013–now).

At the same time, the main body of the management system is not standardized, the function is administrative, the authority is not in place and other problems have been exposed in the reform and development of Liaocheng Economic Development Zone. Through the analysis of the existing literature on the management system of development zones at home and abroad, summarize the advantages and disadvantages of each development zone, and bring experience to the innovation and reform of the management system of Liaocheng Economic Development Zone.

Finally, the author gives several suggestions for the management system reform of Liaocheng Development Zone, such as clarifying the target mode, strengthening the flat and efficient organization management, innovating the financing mode, etc. When studying the management system of development zone, the author finds that various types of development zone have a distinct hierarchy, and there are great differences in its management system and effect. Scholars have studied and taught more about the management system of national development zones, but less about the management system of provincial and municipal levels.

References

1. Changfu M. Thinking caused by «Development zone Fever» // *Enterprise Vitality*. 1993. №02. P. 24.
2. Decision of the People's Government of Liaoning Province on Granting a batch of Provincial administrative powers to the Management Committee of Dalian Jinpu New Area and the Management Committee of Dalian High-Tech Industrial Park // *Bulletin of Liaoning Provincial People's Government*. 2018. №22. P. 2–7.
3. Fan D. Comparative Study on Management Mode of World High-tech Industrial Development Zones // *Science of Science and Management of Science and Technology*. 2003. Iss. 3. P. 39–42.
4. Fujiwara K., Deng Y. Japan: Tsukuba Science City // *Beijing Planning and Construction*. 2005. №1. P. 74–75.
5. Lei X. On Problems of Management System in Chinese Development Zone. Doctoral Thesis of Shandong University. Shandong: Shandong University, 2009.
6. Liaocheng District Administration Office of Liaocheng District of the Communist Party of China on Liaocheng Economic and Technological Development Zone. Reply to Urgent Problems to be solved in the Initial Stage [Electronic resource] // Chat and issue. 1995. №26. URL: <http://www.lckfq.gov.cn/kfqxxgk/> ClassInfoId=6614 (date accessed: 20.12.2022).
7. Link A.N. Generosity of Spirit: The Early History of the Research Triangle Park Research. Durham: Research Triangle Foundation, 1995. 149 p.

8. Liu H. Japanese Science and Industrial Parks and Their Characteristics // Technical Economics and Management Research. 2000. №6. P. 70.
9. Lu F. Notice of Coordination Group of Foreign Economic Work of Shandong Provincial People's Government on the Master Plan of «Zoning and Distributing» for the Development of Export-Oriented Economy of Shandong Province» // Foreign Cooperative Group. 2009. №92. P. 11.
10. Luger M.L. Does North Carolina's High-Tech Development Program Work? // Journal of the American Planning Association. 1984. Vol. 50. P. 280–289.
11. North Carolina Department of Commerce [Electronic resource]. URL: <https://www.nccommerce.com/> (date accessed: 15.01.2023).
12. Rogers E.M. The Role of the Research University in the Spin-Off of High-Technology Companies // Technovation. 1986. Vol. 4. Iss. 3. P. 169–181.
13. Wei Z. Reflection on the Management System of Development Zone // Science and Technology Information. 2007. №16. P. 36.
14. Yang Y. Practice and Exploration of Management System Innovation in Shanghai Development Zone // Science Development. 2009. №10. P. 25.
15. Zhang Z. Management System of Domestic Development Zone: Difficulties and Innovation // Economic Question Exploration. 2009. №4. P. 103–105.
16. Zheng H. A series report on Ten Parks in Jinzhou New District // Dalian Daily. 2011. October 11.
17. Zhong J. Analysis on the Development Mode of Tsukuba Science City // Economic Frontier. 2001. №9. P. 31–34.
18. Zhu Y., Liu B., et al. The Organization Management System and Reform of Local Administrative Institutions in China's Economic Development Zone. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2001.
19. Provincial administrative powers to the Management Committee of Dalian Jinpu New Area and the Management Committee of Dalian High-Tech Industrial Park // Bulletin of Liaoning Provincial People's Government. 2018. №22. P. 2–7.
20. Fan D. Comparative Study on Management Mode of World High-tech Industrial Development Zones // Science of Science and Management of Science and Technology. 2003. Iss. 3. P. 39–42.
21. Fujiwara K., Deng Y. Japan: Tsukuba Science City // Beijing Planning and Construction. 2005. №1. P. 74–75.
22. Lei X. On Problems of Management System in Chinese Development Zone. Doctoral Thesis of Shandong University. Shandong: Shandong University, 2009.
23. Liaocheng District Administration Office of Liaocheng District of the Communist Party of China on Liaocheng Economic and Technological Development Zone. Reply to Urgent Problems to be solved in the Initial Stage [Electronic resource] // Chat and issue. 1995. №26. URL: <http://www.lckfq.gov.cn/kfqxxgk/?ClassInfoId=6614> (date accessed: 20.12.2022).
24. Link A.N. Generosity of Spirit: The Early History of the Research Triangle Park Research. Durham: Research Triangle Foundation, 1995. 149 p.
25. Liu H. Japanese Science and Industrial Parks and Their Characteristics // Technical Economics and Management Research. 2000. №6. P. 70.
26. Lu F. Notice of Coordination Group of Foreign Economic Work of Shandong Provincial People's Government on the Master Plan of «Zoning and Distributing» for the Development of Export-Oriented Economy of Shandong Province» // Foreign Cooperative Group. 2009. №92. P. 11.
27. Luger M.L. Does North Carolina's High-Tech Development Program Work? // Journal of the American Planning Association. 1984. Vol. 50. P. 280–289.
28. North Carolina Department of Commerce [Electronic resource]. URL: <https://www.nccommerce.com/> (date accessed: 15.01.2023).
29. Rogers E.M. The Role of the Research University in the Spin-Off of High-Technology Companies // Technovation. 1986. Vol. 4. Iss. 3. P. 169–181.

Список источников

1. Changfu M. Thinking caused by «Development zone Fever» // Enterprise Vitality. 1993. №02. P. 24.
2. Decision of the People's Government of Liaoning Province on Granting a batch of Pro-

13. Wei Z. Reflection on the Management System of Development Zone // Science and Technology Information. 2007. №16. P. 36.

14. Yang Y. Practice and Exploration of Management System Innovation in Shanghai Development Zone // Science Development. 2009. №10. P. 25.

15. Zhang Z. Management System of Domestic Development Zone: Difficulties and Innovation // Economic Question Exploration. 2009. №4. P. 103–105.

16. Zheng H. A series report on Ten Parks in Jinzhou New District // Dalian Daily. 2011. October 11.

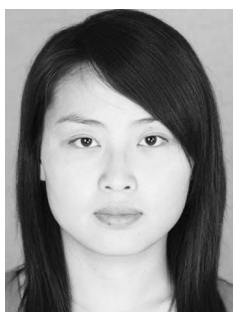
17. Zhong J. Analysis on the Development Mode of Tsukuba Science City // Economic Frontier. 2001. №9. P. 31–34.

18. Zhu Y., Liu B., et al. The Organization Management System and Reform of Local Administrative Institutions in China's Economic Development Zone. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2001.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ли Вэньцзюнь — аспирант Факультета управления, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Li Wenjun — doctoral candidate of the Faculty of Management, Southern Federal university.

150/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Рощина Евгения Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Инновационный и международный менеджмент», Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Evgeniya V. Roshchina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Innovation and international management» Chair, Southern Federal university.

150/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Чжан Чонг — аспирант Факультета управления, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Zhang Chong — doctoral candidate of the Faculty of Management, Southern Federal university.

150/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Contribution of the authors:

Li Wenjun — research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Evgeniya V. Roshchina — scientific management.

Zhang Chong — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Вклад авторов:

Ли Вэньцзюнь — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Рощина Евгения Валерьевна — научное руководство.

Чжан Чонг — доработка текста; итоговые выводы.

Научная статья

УДК 341.1/8

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-170-178

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Татьяна Николаевна Литвинова^{1✉}, Ольга Владимировна Кониная²,
Николай Иванович Литвинов³

¹Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

³Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹litvinova_tatyana@volgau.com✉, ORCID: 0000-0003-3101-2621

²koninaov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9058-936X

³koliialitvinov97@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4442-7183

Аннотация. *Цель исследования:* исследование международного опыта и перспектив совершенствования правового регулирования технологического лидерства и цифрового суверенитета в России.

Методология. В статье систематизирован международный опыт достижения технологического лидерства и цифрового суверенитета, а также осуществлено эконометрическое моделирование влияния факторов правового регулирования на эти результаты в 2022 г. методом регрессионного анализа.

Результаты исследования. Ключевой вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что правовое регулирование в значительной степени определяет успех национальных инициатив по достижению технологического лидерства и цифрового суверенитета. С опорой на закономерности, характерные для развивающихся цифровых экономик, составлен авторский прогноз перспектив укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета в России через совершенствование правового регулирования в Десятилетие науки и технологий.

Перспективы исследования. В России рекомендовано более активное государственное регулирование цифровой экономики, не ограничивающееся принятием программных документов и контролем их соблюдения, а также включающее в себя изменение статуса-кво на рынках цифровой экономики по мере ее развития в процессе Четвертой промышленной революции. В перспективе Десятилетия науки и технологий это позволит наиболее полно раскрыть потенциал укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета в России.

Ключевые слова: правовое регулирование, технологическое лидерство, цифровой суверенитет, Россия, Десятилетие науки и технологий

Для цитирования: Литвинова Т. Н., Кониная О. В., Литвинов Н. И. Правовое регулирование технологического лидерства и цифрового суверенитета // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 170–178. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-170-178>.

Original article

LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP AND DIGITAL SOVEREIGNTY

Tatiana N. Litvinova^{1✉}, Olga V. Konina², Nikolai I. Litvinov³

¹*Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia*

²*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

³*Volgograd State University, Volgograd, Russia*

¹*litvinova_tatyana@volgau.com[✉], ORCID: 0000-0003-3101-2621*

²*koninaov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9058-936X*

³*kolialitvinov97@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4442-7183*

Abstract. *The purpose of the study:* to study international experience and prospects for improving the legal regulation of technological leadership and digital sovereignty in of Russia.

Methodology. *The article systematizes the international experience of achieving technological leadership and digital sovereignty, as well as econometric modeling of the influence of legal regulation factors on these results in 2022 by regression analysis.*

The results of the study. *The key conclusion of the study is that legal regulation largely determines the success of national initiatives to achieve technological leadership and digital sovereignty. Based on the patterns characteristic of developing digital economies, the author's forecast of the prospects for strengthening technological leadership and digital sovereignty in the Russia through the improvement of legal regulation in the Decade of Science and Technology.*

Research prospects. *In Russia, more active state regulation of the digital economy is recommended, not limited to the adoption of policy documents and monitoring their compliance, but also including a change in the status quo in the digital economy markets as it develops during the Fourth Industrial Revolution. In the perspective of the Decade of Science and Technology, this will allow us to fully unleash the potential of strengthening technological leadership and digital sovereignty in of Russia.*

Keywords: *legal regulation, technological leadership, digital sovereignty, Russia, Decade of Science and Technology*

For citation: *Litvinova T.N., Konina O.V., Litvinov N.I. Legal regulation of technological leadership and digital sovereignty // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 170–178. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-170-178>.*

Введение. Инновационная экономика и информационное общество в России обеспечили успешный старт Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации в 2022 г.¹ На этом старте в России массово распространена знаниеемкая занятость и действует множество высокотехнологичных производств, как и в других наиболее прогрессивных странах. На финише должны

быть достигнуты гораздо более серьезные результаты — отечественной хозяйственной системе предстоит превзойти других участников цифровой конкуренции на глобальных рынках Индустрии 4.0.

Проблема заключается в несовершенстве правового регулирования цифровой экономики в России. С одной стороны, к 2022 г. сформировано стратегическое видение технологи-

¹ Указ Президента Российской Федерации об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 01.03.2023).

ческого лидерства и цифрового суверенитета и утверждены национальные программы его достижения, в частности программа «Цифровая экономика Российской Федерации»² и программа «Приоритет 2030»³. С другой стороны, сложившееся видение и принятые программы переносят всю основную ответственность за их реализацию на вузы, информационное общество и высокотехнологичные производства при недостаточном внимании к роли государства.

Опыт других стран показывает, что роль государства не пассивна, не ограничивается принятием программных документов и контролем их выполнения, а активна — предполагает активное и гибкое государственное вмешательство в рыночные процессы, позволяющее одновременно и поддерживать конкурентную среду, и стимулировать целевые инновационные процессы в цифровой экономике [10; 11; 12]. В связи с этим приобретает актуальность научная проработка вопросов вовлечения государства в качестве активного действующего субъекта в достижение стратегических приоритетов развития цифровой экономики России в Десятилетие науки и технологий. Эта статья стремится внести вклад в решение поставленной проблемы и нацелена на исследование международного опыта и перспектив совершенствования правового регулирования технологического лидерства и цифрового суверенитета в России.

Обзор литературы. Теоретическую основу этого исследования составляет концепция цифровой конкуренции, становление которой произошло под воздействием Четвертой промышленной революции. В соответствии с этой концепцией и с опорой на многочисленную опубликованную научную литературу таких ученых, как С.Г. Камолов, С.С. Глазьева, С.К. Тажиева [2], Л.А. Карпюк [3], Б.Д. Матризаев [4], А.И. Салицкий и Е.А. Салицкая [7], под технологическим лидерством в дан-

ной статье понимается опережающее развитие технологий по сравнению с глобальными цифровыми конкурентами.

С опорой на материалы опубликованных работ П.Н. Астапенко [1], Н.Д. Николенко, В.В. Климашенко [5], Е.Г. Попковой, А.А. Соловьёва, А.А. Сметанина [6], С.А. Тихоновской [8] и И.А. Фадеевой [9] цифровой суверенитет трактуется в этой статье как независимость цифровой экономики от внешних поставок технологий, оборудования и цифровых кадров благодаря систематическому импортозамещению и предотвращению образования зависимости от импорта.

Проведенный литературный обзор выявил прочную теоретическую базу исследования и высокую степень проработанности поставленной проблемы. При этом вопросы правового регулирования технологического лидерства и цифрового суверенитета в России являются малоизученными. Это вызывает пробел в литературе, который заполняется в данной статье через систематизацию международного опыта правового регулирования технологического лидерства и цифрового суверенитета и проработку перспектив его практического приложения в России.

Материалы и методы. С опорой на статистику IMD⁴ по всем 17 развивающимся странам (опыт которых наиболее полезен и применим для России), по которым доступны данные, с помощью метода регрессионного анализа в этой статье осуществляется моделирование регрессионной зависимости составляющих технологического лидерства и цифрового суверенитета (1 — активность использования больших данных и аналитики в бизнесе (показатель «use of big data and analytics»); 2 — степень цифровой трансформации бизнеса (показатель «digital transformation in companies»); 3 — уровень владения населения цифровыми/технологическими навыками (показатель «digital/

2 Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденный президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. №16) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

3 Постановление Правительства РФ от 13 мая 2021 г. №729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства 2приоритет-2030» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/400793960/> (дата обращения: 01.03.2023).

4 IMD World competitiveness online [Electronic resource]. URL: <https://worldcompetitiveness.imd.org/> (date accessed: 01.03.2023).

Technological skills»)) от факторов правового регулирования — степени правовой поддержки НИОКР (правовая защита и поощрение инноваций, показатель «scientific research legislation») и эффективности протекционизма (показатель «protectionism») в 2022 г. (табл. 1).

С опорой на результаты регрессионного анализа осуществляется прогнозирование перспектив укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета в России через совершенствование правового регулирования в Десятилетие науки и технологий.

Таблица 1

Table 1

**Технологическое лидерство, цифровой суверенитет и их правовое регулирование
 в развивающихся странах в 2022 г.⁵
 Technological leadership, digital sovereignty and their legal regulation
 in developing countries in 2022**

Страна	Факторы правового регулирования		Составляющие технологического лидерства и цифрового суверенитета		
	Степень правовой поддержки НИОКР	Эффективность протекционизма	Активность использования больших данных и аналитики в бизнесе	Степень цифровой трансформации бизнеса	Уровень владения населения цифровыми/ технологическими навыками
	Legal ₁	Legal ₂	DigiTech ₁	DigiTech ₂	DigiTech ₃
Аргентина	3,79	1,45	4,81	4,99	5,45
Бразилия	3,87	3,71	4,13	5,03	5,05
Чили	4,15	5,88	4,72	5,73	6,96
Китай	6,92	5,30	6,58	6,98	7,89
Колумбия	5,07	3,76	5,05	5,09	5,72
Индия	6,20	5,69	6,27	7,18	7,69
Индонезия	5,13	5,43	5,60	6,44	6,35
Казахстан	5,86	5,46	6,36	6,69	6,31
Малайзия	5,96	4,10	5,39	6,06	6,72
Мексика	3,07	2,94	4,39	4,85	6,06
Монголия	2,98	2,98	4,14	5,30	5,23
Катар	7,17	7,25	6,78	7,25	7,96
Россия	4,94	4,91	5,17	4,56	6,13
Саудовская Аравия	6,53	7,45	5,68	7,79	8,16
Таиланд	5,82	5,33	5,44	5,86	6,22
Турция	5,34	4,33	4,82	5,42	5,95
ОАЭ	7,00	6,57	5,93	6,50	7,71

⁵ Источник: составлено автором на основе материалов IMD World competitiveness online [Electronic resource]. URL: <https://worldcompetitiveness.imd.org/> (date accessed: 01.03.2023).

Результаты. С опорой на статистику из таблицы 1 получены следующие результаты регрессионного анализа:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{DigiTech}_1 = 2,9554 + 0,3255 \cdot \text{Legal}_1 + \\ \quad + 0,2694 \cdot \text{Legal}_2, \\ \text{DigiTech}_2 = 2,4405 + 0,5542 \cdot \text{Legal}_1 + \\ \quad + 0,0001 \cdot \text{Legal}_2, \\ \text{DigiTech}_3 = 3,3460 + 0,3274 \cdot \text{Legal}_1 + \\ \quad + 0,3061 \cdot \text{Legal}_2. \end{array} \right.$$

Эконометрическая модель (система уравнений) (1) свидетельствует о том, что при повышении степени правовой поддержки НИОКР на 1 балл активность использования больших данных и аналитики в бизнесе возрастает на 0,3255 балла, степень цифровой трансформации бизнеса — на 0,5542 балла, а уровень владения населением цифровыми/технологическими навыками — на 0,3274 балла. При повышении эффективности протекционизма на 1 балл активность использо-

Таблица 2
Table 2

Характеристики уравнений регрессии⁶
Characteristics of regression equations

Тип анализа	Показатели	Активность использования больших данных и аналитики в бизнесе	Степень цифровой трансформации бизнеса	Уровень владения населением цифровыми/технологическими навыками
Регрессионная статистика	Множественный R	0,837	0,897	0,869
	R-квадрат	0,700	0,804	0,755
	Нормированный R-квадрат	0,657	0,776	0,720
	Стандартная ошибка	0,570	0,391	0,530
	Наблюдения	17	17	17
Дисперсионный анализ и F-тест	Значимость F	0,000	$1,1139 \cdot 10^{-5}$	$5,2644 \cdot 10^{-5}$
	Уровень значимости	0,001	0,001	0,001
	Наблюдаемое F	16,324	28,702	21,598
	Табличное F ⁷	11,779	11,779	11,779
	F-тест Фишера	пройден	пройден	пройден
Коэффициенты регрессии	Постоянная	2,955	2,441	3,346
	Scientific research legislation	0,326	0,554	0,327
	Protectionism	0,269	0,000	0,306
Р-Значение	Постоянная	0,000	$2,5886 \cdot 10^{-5}$	$2,3179 \cdot 10^{-5}$
	Scientific research legislation	0,077	0,000	0,058
	Protectionism	0,081	0,999	0,038

⁶ Источник: рассчитано и составлено автором.

⁷ На уровне значимости 0,001 при $k_1 = n = 17$ (n — число наблюдений); $k_2 = n - m - 1 = 17 - 2 - 1 = 14$ (m — число факторных переменных).

вания больших данных и аналитики в бизнесе возрастает на 0,2694 балла, степень цифровой трансформации бизнеса — на 0,0001 балла, а уровень владения населением цифровыми/технологическими навыками — на 0,3061 балла. Характеристики уравнений регрессии собраны в таблице 2.

F-тест пройден для всех трех уравнений множественной линейной регрессии в модели (1), следовательно, все они надежны и достоверны на уровне значимости 0,001 (погрешность минимальна). При этом связь протекционизма со степенью цифровой трансформации бизнеса оказалась пренебрежительно мала и статистически незначима, хотя эта факторная переменная продемонстрировала устойчивую и значимую связь с остальными результирующими переменными.

С опорой на модель (1) определены перспективы укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета через совершенствование правового регулирования в Десятилетие науки и технологий в РФ (рис. 1). Для этого в уравнения регрессии подставлены максимально возможные значения факторных переменных (10 баллов).

Как показано на рисунке 1, в Десятилетие науки и технологий в РФ в бизнесе благодаря совершенствованию правового регулирования активность использования больших данных и аналитики может возрасти с 4,56 баллов в 2022 г. до 8,90 баллов (из 10 возможных), степень цифровой трансформации бизнеса — с 5,17 баллов до 7,98 баллов, а уровень владения населением цифровыми/технологическими навыками — с 6,13 баллов до 9,68 баллов.

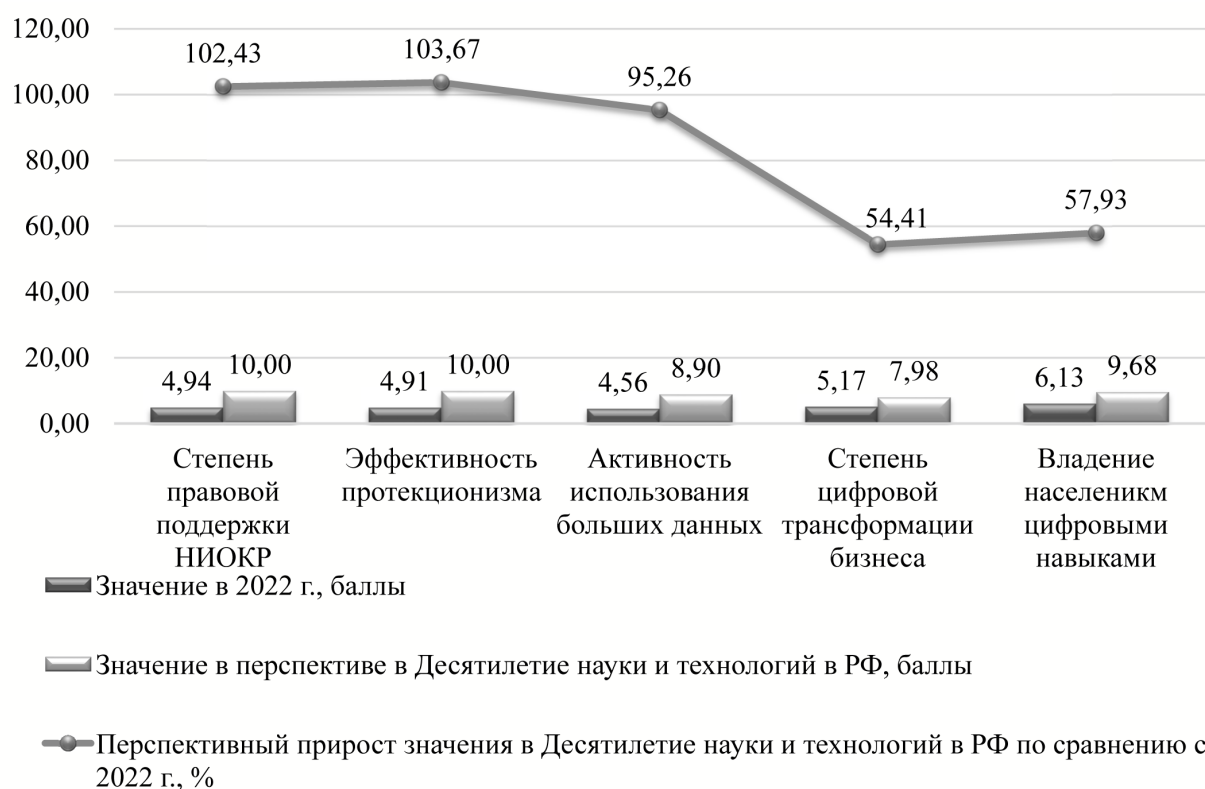

Рис. 1. Перспективы укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета через совершенствование правового регулирования в Десятилетие науки и технологий в РФ⁸

Fig. 1. Prospects for strengthening technological leadership and digital sovereignty through the improvement of legal regulation in the Decade of Science and Technology in the Russian Federation

8 Источник: рассчитано и построено автором.

Заключение. Ключевой вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что правовое регулирование в значительной степени определяет успех национальных инициатив по достижению технологического лидерства и цифрового суверенитета. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что они укрепили научную основу закрепления за государством новой — активной роли в регулировании цифровой экономики, заключающейся в правовой поддержке НИ-ОКР и высокоэффективном протекционизме.

С опорой на закономерности, характерные для развивающихся цифровых экономик, выявлены значительные перспективы укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета через совершенствование правового регулирования в Десятилетие науки и технологий в РФ. Благодаря совершенствованию правового регулирования активность использования больших данных и аналитики может возрасти на 95,26%, степень цифровой трансформации бизнеса — на 54,41%, а уровень владения населения цифровыми/технологическими навыками — на 57,93%.

На основании этого в России рекомендуется более активное государственное регулирование цифровой экономики, не ограничивающееся принятием программных документов и контролем их соблюдения, а также включающее в себя изменение статус-кво на рынках цифровой экономики по мере ее развития в процессе Четвертой промышленной революции. Практическая значимость авторских выводов и рекомендаций связана с тем, что они позволят наиболее полно раскрыть потенциал укрепления технологического лидерства и цифрового суверенитета в России.

Список источников

1. Астапенко П. Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // *Закон и право*. 2022. №9. С. 27–33.
2. Камолов С. Г., Глазьева С. С., Тажиева С. К. Умные города ЕАЭС как перспектива российского регионального технологического лидерства // *Российский экономический журнал*. 2022. №5. С. 64–82.
3. Карпюк Л. А. Масштабные программы развития призваны решать задачи технологического лидерства // *Аналитика*. 2021. Т. 11. №6. С. 422–427.
4. Матризаев Б. Д. Исследование теоретических макроструктурных особенностей обеспечения стратегического технологического суверенитета и долгосрочного лидерства // *Теоретическая экономика*. 2022. №8(92). С. 49–59.
5. Никоненко Н. Д., Климашенко В. В. Обеспечение цифрового суверенитета Российской Федерации как базис цифровой трансформации // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021. №11–12(79). С. 23–25.
6. Попкова Е. Г., Соловьёв А. А., Сметанин А. А. ESG-менеджмент качества в цифровом бизнесе России с опорой на ответственное инновации и институты информационного общества // *На страже экономики*. 2023. №1(24) (в печати).
7. Салицкий А. И., Салицкая Е. А. Китай на пути к мировому технологическому лидерству // *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. №5. С. 451–457.
8. Тихоновская С. А. Академическое лидерство на путях преодоления технологического и цифрового неравенства в условиях развития рынка новой экономики // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2022. Т. 15. №5. С. 75–88.
9. Фадеева И. А. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии // *Цифровая экономика и цифровой суверенитет: вызовы и угрозы*. 2022. №10. С. 75–78.
10. Finck M. Digital co-regulation: Designing a supranational legal framework for the platform economy // *European Law Review*. 2018. №43(1). P. 47–68.
11. Giraudo M. On legal bubbles: some thoughts on legal shockwaves at the core of the digital economy // *Journal of Institutional Economics*. 2022. №18(4). P. 587–604.
12. Willems A., Kamau M. Of binding provisions and trust marks; roadmap to a global legal framework for the digital economy // *Legal Issues of Economic Integration*. 2019. №46(3). P. 225–246.

References

1. Astapenko P.N. Cifrovoy suverenitet kak uslovie realizatsii gosudarstvennogo suveriniteta v internet-jepohu [Digital sovereignty as a condition for the realization of state sovereignty in the Internet age]. *Zakon i pravo [Justice and Law]*. 2022; (9): 27–33. (In Russ.).
2. Kamolov S.G., Glaz'eva S. S., Tazhieva S.K. Umnye goroda EAEU kak perspektiva rossijskogo regional'nogo tehnologicheskogo liderstva [Smart cities of the EAEU as a perspective of Russian regional technological leadership]. *Rossiiskij jekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. 2022; (5): 64–82. (In Russ.).
3. Karpjuk L.A. Masshtabnye programmy razvitiya prizvany reshat' zadachi tehnologicheskogo liderstva [Large-scale development programs are designed to solve the problems of technological leadership]. *Analitika [Analytics]*. 2021; 11(6): 422–427. (In Russ.).
4. Matrizayev B.D. Issledovanie teoreticheskikh makrostrukturnykh osobennostej obespecheniya strategicheskogo tehnologicheskogo suveriniteta i dolgosrochnogo liderstva [Research of theoretical macrostructural features of ensuring strategic technological sovereignty and long-term leadership]. *Teoreticheskaya jekonomika [Theoretical economics]*. 2022; 8(92): 49–59. (In Russ.).
5. Nikonenko N.D., Klimashenko V.V. Obespechenie cifrovogo suveriniteta Rossijskoj Federatsii kak bazis cifrovoy transformatsii [Ensuring the digital sovereignty of the Russian Federation as the basis of digital transformation]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world]*. 2021; 11–12(79): 23–25. (In Russ.).
6. Popkova E.G., Solov'jov A.A., Smetanin A.A. ESG-menedzhment kachestva v cifrovom biznese Rossii s oporoj na otvetstvennoe innovatsii i instituty informacionnogo obshhestva [ESG-quality management in digital business of Russia based on responsible innovation and information society institutions]. *Na strazhe jekonomiki [On guard of the economy]*. 2023; 1(24) (v pečati). (In Russ.).
7. Salickij A.I., Salickaja E.A. Kitaj na puti k mirovomu tehnologicheskomu liderstvu [China on the way to world technological leadership]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2022; 92(5): 451–457. (In Russ.).
8. Tihonovskova S.A. Akademicheskoe liderstvo na putjah preodoleniya tehnologicheskogo i cifrovogo neravenstva v uslovijah razvitiya rynka novoj jekonomiki [Academic leadership on ways to overcome technological and digital inequality in the conditions of the new economy market development]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*. 2022; 15(5): 75–88. (In Russ.).
9. Fadeeva I.A. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: jekonomika, nauka, tehnologii [Competitiveness in the global world: economics, science, technologies]. *Cifrovaya jekonomika i cifrovoy suverenitet: vyzovy i ugrozy [Digital economy and digital sovereignty: challenges and threats]*. 2022; (10): 75–78. (In Russ.).
10. Finck M. Digital co-regulation: Designing a supranational legal framework for the platform economy // *European Law Review*. 2018. №43(1). P. 47–68.
11. Giraud M. On legal bubbles: some thoughts on legal shockwaves at the core of the digital economy // *Journal of Institutional Economics*. 2022. №18(4). P. 587–604.
12. Willems A., Kamau M. Of binding provisions and trust marks; roadmap to a global legal framework for the digital economy // *Legal Issues of Economic Integration*. 2019. №46(3). P. 225–246.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted on 13.02.2023; approved after reviewing on 28.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинова Татьяна Николаевна — доктор экономических наук, доцент, Волгоградский государственный аграрный университет.

Россия, г. Волгоград, Университетский пр., 26

Tatiana N. Litvinova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Volgograd State Agrarian University.
26 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Кониная Ольга Владимировна — доктор экономических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет.

Россия, г. Москва, Малая Пироговская ул., 1

Olga V. Konina — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University.
1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, Russia

Литвинов Николай Иванович — студент Волгоградского государственного университета.

Россия, г. Волгоград, Университетский пр., 26

Nikolai I. Litvinov — a Student of Volgograd State University.
26 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.15

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-179-188

ПЕРСПЕКТИВЫ ОСВОЕНИЯ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Людмила Александровна Погорелова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pogorelova_la@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0002-2099-9419, AuthorID РИНЦ: 881163,
SPIN-код: 5448-0039*

Аннотация. В статье исследованы основные направления освоения гидроэнергетического потенциала республики Кабардино-Балкария. Гидроэнергетические ресурсы республики практически не были освоены до настоящего времени в связи с тем, что строительство гидроэлектростанций достаточно долговременно и затратно. Порядка 84% гидроэлектростанций были построены в советское время, в условиях рыночной экономики реализация проектов по строительству гидроэлектростанций практически не велась ввиду отсутствия заинтересованности со стороны потенциальных инвесторов. Обладая богатым гидроэнергетическим потенциалом, Кабардино-Балкария в настоящее время обеспечивает собственное потребление за счет перетоков энергии из Ставропольского края. Таким образом, развитие гидрогенерации в регионе на фоне растущего туристического потока, а соответственно и потребления, является перспективным направлением по повышению социально-экономической эффективности региона.

Целью исследования является анализ энергодефицитности регионов в составе Северо-Кавказского федерального округа и определение направлений по освоению гидроэнергетического потенциала.

Методологическую базу исследования составляют информационные данные, представленные МИА «Россия сегодня», отчеты и информационные обзоры АО «СО ЕЭС», распоряжения Правительства РФ в сфере электроэнергетики.

Результаты исследования. По итогам исследования сформулированы направления развития гидроэнергетики республики Кабардино-Балкария, обладающей мощным природным гидроэнергетическим потенциалом. Практическое внедрение проектов по освоению гидроэнергетического потенциала республики восполнит дефицит энергопотребления как самой республики, так и соседних регионов, а также обеспечит перспективу дальнейшего роста энергопотребления на Северном Кавказе.

Перспективы исследования заключаются в более детальной проработке технической реализации и анализа экономической эффективности проектов ПАО «Русгидро» по освоению гидроресурсов республики Кабардино-Балкария.

Ключевые слова: гидроэнергетика, гидропотенциал, профицит электроэнергии, энергодефицитность региона, социально-экономическая эффективность региона

Для цитирования: Погорелова Л. А. Перспективы освоения гидроэнергетического потенциала республики Кабардино-Балкария // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 179–188. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-179-188>.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE HYDROPOWER POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KABARDINO-BALKARIA

Lyudmila A. Pogorelova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pogorelova_la@npi-tu.ru, ORCID: 0000-0002-2099-9419, AuthorID РИНЦ: 881163,
SPIN-код: 5448-0039*

Abstract. *The article examines the main directions of the development of the hydropower potential of the Republic of Kabardino-Balkaria. The hydropower resources of the republic have not been practically developed to date, due to the fact that the construction of hydroelectric power plants is quite long-term and expensive. About 84% of hydroelectric power plants were built in Soviet times, in a market economy, the implementation of projects for the construction of hydroelectric power plants was practically not carried out due to the lack of interest from potential investors. Having a rich hydropower potential, Kabardino-Balkaria currently provides its own consumption due to energy flows from the Stavropol Territory. Thus, the development of hydrogenation in the region against the background of a growing tourist flow, and, accordingly, consumption, is a promising direction for improving the socio-economic efficiency of the region.*

The purpose of the study *is to analyze the energy deficiency of the regions within the North Caucasus Federal District and determine the directions for the development of hydropower potential.*

The methodological basis of the study *is represented by information data provided by MIA «Russia Today», reports and information reviews of JSC «SO UES», orders of the Government of the Russian Federation in the field of electric power.*

The results of the study. *Based on the results of the study, the directions of development of hydropower in the Republic of Kabardino-Balkaria, which has a powerful natural hydropower potential, are formulated. The practical implementation of projects to develop the hydropower potential of the republic will make up for the energy consumption deficit of both the republic itself and neighboring regions, as well as provide prospects for further growth of energy consumption in the North Caucasus.*

The prospects of the study *consist in a more detailed study of the technical implementation and analysis of the economic efficiency of the projects of PJSC Rushydro for the development of the hydro resources of the Republic of Kabardino-Balkaria.*

Keywords: *hydropower, hydropotential, electricity surplus, energy deficit of the region, socio-economic efficiency of the region*

For citation: *Pogorelova L. A. Prospects for the development of the hydropower potential of the Republic of Kabardino-Balkaria // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 179–188. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-179-188>.*

Введение. Одной из основных составляющих, которая оказывает непосредственное влияние на экономическую эффективность региона в целом, является сфера электроэнергетики. Обеспечение субъектов региона

дешевыми источниками энергии напрямую сказывается на финансовых результатах их деятельности и поступлениях в региональный бюджет в виде налоговых отчислений. Мероприятия по использованию возможных

резервов, направленные на модернизацию энергосистемы, позволят в перспективе минимизировать затратные составляющие конечных потребителей, занятых в производственной сфере и обеспечить их привлекательными по цене энергоресурсами. Отсюда и вытекает одна из основных задач топливно-энергетического комплекса, которая направлена на помощь прочим секторам народного хозяйства в реализации стратегических задач по развитию экономики страны, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹.

В настоящем исследовании рассмотрен энергокомплекс Северо-Кавказского федерального округа, состоящий из энергосистем следующих субъектов Российской Федерации: Ставропольский край и республики Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия [6].

Все представленные выше энергосистемы являются составной частью объединенной энергетической системы Юга, которая и координирует режим работы энергообъединения. Оперативно-диспетчерское управление энергосистемами реализуется посредством функционирования двух филиалов Объединенной энергетической системы Юга: Дагестанским и Северо-Кавказским региональными диспетчерскими управлениями [3].

Проанализируем энергетический баланс производства и внутреннего потребления в разрезе каждого субъекта Северо-Кавказского федерального округа. (таблица 1)².

В таблице 1 наглядно показано, что энергопрофицитным регионом Северо-Кавказского федерального округа является Ставропольский край.

Дефицитность электроэнергии остальных регионов в общей сумме составляет порядка 8763,5 млн кВт·ч и компенсируется в основном за счет перетока электрической энергии из профицитного Ставропольского

Таблица 1
Table 1

**Сопоставление данных по производству электроэнергии и потреблению
в субъектах Северного Кавказа**
**Comparison of data on electricity production and consumption
in the subjects of the North Caucasus**

№	Наименование субъекта Российской Федерации	Производство электроэнергии в регионе за вычетом внутреннего потребления, тыс. кВт·ч	Отношение производство / потребление, %
1	Чеченская Республика (ЧР)	–1986900	41
2	Ставропольский край	7136800	165
3	Республика Дагестан	–2860800	63
4	Республика Ингушетия	–878200	10
5	Республика Кабардино-Балкария	–1214900	31,4
6	Республика Северная Осетия — Алания (РСО-Алания)	–1025600	44,3
7	Карачаево-Черкесская Республика (КЧР)	–797400	44,4

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

² Составлено автором на основании: Рейтинг энергодостаточности регионов РФ [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня». URL: <https://riarating.ru/files/ratings/energodeficit012021.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).

края как наиболее близко территориально расположенного. Основным генерирующим объектом Ставропольского края является Ставропольская ГРЭС установленной мощностью 2423 МВт, среднегодовой выработкой 9800 млн кВт·ч, основное топливо для работы — газ (резервное — мазут).

В Северо-Кавказском федеральном округе для производства электроэнергии используются ГРЭС, работающие на углеродном сырье, и ГЭС, задействующие водные ресурсы местности. При этом для работы топлива на территории региона, за исключением Чеченской Республики, практически нет. Таким образом, функционирующие на сегодняшний день тепловые станции на территории округа снабжаются топливом из внешних источников [4].

Согласно энергетической стратегии страны³, планируется в перспективе снижать долю ТЭС в связи с неблагоприятным экологическим воздействием на окружающую среду путем выброса CO₂.

Природные условия Северного Кавказа обладают достаточно мощным неиспользованным гидроэнергетическим потенциалом, который позволяет реализовать технические решения по производству электроэнергии на основе перетоков больших объемов водных ресурсов.

На заседании госсовета по электроэнергетике была отмечена перспектива инвестиций в гидроэлектростанции, которые не только обладают преимуществом в эксплуатационных затратах, но и выступают регулятором энергобаланса в регионах с нестабильной нагрузкой⁴.

Если вести речь об электроэнергетике по стране в целом, то на долю гидроэнергетики в структуре генерирующих мощностей приходится порядка 20%. В перспективе данный показатель предполагается наращивать. Если оценивать гидроэнергетический потенциал нашей страны в структуре мирового масштаба, то на его долю приходится порядка 9%, что создает масштабные возможности по развитию гидроэнергетики [7]. Таким

образом, развитие гидроэнергетического потенциала Северного Кавказа приобретает особую актуальность.

На данном этапе следует проанализировать достоинства и недостатки строительства гидроэлектростанций [1].

В качестве преимуществ функционирования гидроэлектростанций можно отметить следующие факторы:

— гидроэлектростанции представляют собой возобновляемый источник энергии, образующийся на основе течения водных масс на перепадах высот;

— гидроэлектростанции по сравнению с другими источниками генерации энергии наиболее приспособлены к автоматизации и, соответственно, требуют меньшего количества обслуживающего персонала (удельные значения численности для выработки 1 млн кВт установленной мощности составляют: для ГЭС — 300, для ТЭС — 1400, для АЭС — 1800 человек);

— высокий коэффициент полезного действия (более 80%);

— гидроэлектростанции легко регулируются в зависимости от изменения энергопотребления. Так, увеличение мощности гидроагрегата при росте потребления возможно практически мгновенно, и регулировка мощности не отражается на коэффициенте полезного действия гидроэлектростанции;

— отсутствие пагубных выбросов в виде CO₂ в атмосферу (гидроэлектростанции экологичнее, чем тепловые электростанции), что предотвращает разрушение озонового слоя;

— ввиду того, что для функционирования гидроэлектростанции не требуется расходного топлива, то электроэнергия, произведенная посредством движения водных масс, имеет низкую себестоимость по сравнению с другими источниками генерации (около 0,15 руб./кВт·ч), а также в сравнении с атомными (0,56 руб./кВт·ч) и тепловыми (0,97 руб./кВт·ч) станциями.

В качестве недостатков функционирования гидроэлектростанций можно отметить следующие факторы:

3 Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 г. №1523-р «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGV DYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

4 Заседание комиссии Госсовета по направлению «Энергетика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/70806> (дата обращения: 01.03.2023).

— капитальные затраты на строительство гидроэлектростанции превосходят затраты на возведение альтернативных источников электрогенерации в разы. Тем не менее стоит отметить, что по мере возмещения затрат на строительство в период эксплуатации доходность функционирования гидроэлектростанции значительно возрастает ввиду отсутствия затрат на топливо, которые в структуре себестоимости электроэнергии, полученной от других типов станций, составляет порядка 30–50%.

— длительный срок строительства гидроэлектростанции: подготовка водохранилища занимает порядка 2 лет, этап основных работ — порядка 4–8 лет;

— гидроэлектростанции повержены сезонности. Во время зимнего периода количество водных масс, особенно если преобладают отрицательные температуры, в водохранилище, как правило, сокращается, в то время как энергопотребление находится на пике максимума;

— экологический ущерб, наносимый окружающей среде, при строительстве гидроэлектростанции обуславливается посредством затопления больших территорий, что несет в себе необратимые изменения в экосистеме и губительно воздействует на животный и растительный мир. Например, мощность Богучанской гидроэлектростанции составляет 3000 МВт при ежегодной выработке электроэнергии порядка 17,6 млрд кВт·ч. При рассмотрении альтернативы в виде источника генерации на основе тепловой станции пришлось бы ежегодно сжигать 10,7 млн тонн угля (в стоимостном выражении по ценам 2022 года составляет порядка 39,3 млрд руб.). Экологические последствия в натуральном выражении составили бы порядка 17 млн тонн в виде выбросов в атмосферу углекислого газа (CO_2), порядка 500 тысяч тонн золы, которую нужно было бы где-то складировать, а также порядка 40 тыс. тонн загрязняющих атмосферу веществ (угарного газа, окислов серы, сажи и т.д.).

Гидроэнергетика характеризуется наименьшим воздействием на окружающую среду, минимальной токсичностью как для самого человека, так и в части разрушения озонового слоя. Основным периодом строительства гидроэлектростанций приходился на расцвет советского периода (с 1950 по 1980 год), так

как реализация проектов выполнялась на основе государственного финансирования с колоссальными затратами трудовых ресурсов. В 1990-е годы ввиду финансовой незаинтересованности инвестора проекты по строительству объектов гидрогенерации в стране практически не реализовывались. С начала 2000-х годов было открыто финансирование по строительству гидроэлектростанций, до настоящего времени были введены в эксплуатацию 3 из 15-ти крупнейших гидроэлектростанций: Бурейская ГЭС, Богучанская ГЭС и Загорская ГЭС [5].

Исходя из представленного выше сравнения в таблице 1, можно отметить перспективность восполнения дефицита электроэнергии в некоторых субъектах Северо-Кавказского федерального округа за счет реализации проектов по развитию гидроэнергетического направления.

Гидроэнергетика Северного Кавказа обладает достаточно большими перспективами развития, так как на сегодняшний день не имеет конкурентной альтернативы. Ставропольский край в избыточном количестве производит электроэнергию, за счет которой происходит перекрытие дефицита остальных регионов федерального округа (в 2020 году 4,8 млрд кВт·ч, в прогнозе 2030 год — 3,9 млрд кВт·ч).

Согласно отчету АО «СО ЕЭС» в разрезе субъектов Северо-Кавказского федерального округа на текущий момент неосвоенный гидроэнергетический потенциал можно наблюдать в Республике Кабардино-Балкария (не освоено 97%: потенциал 6335 МВт, 18700 млн кВт·ч) и Республике Дагестан (не освоено 30%: потенциал 2362 МВт, 5508 млн кВт·ч).

По освоению гидроэнергетического потенциала Республики Кабардино-Балкария целесообразно рассмотреть проекты, уже включенные или перспективные для включения в Генеральную схему по размещению объектов электроэнергетики в период до 2035 года [8]. В настоящее время порядка 70% электропотребления Кабардино-Балкарии покрываются за счет внешних перетоков (в основном от Ставропольской ГРЭС). Извне республике приходится ежегодно закупать примерно по 1,2 млрд кВт·часов, которые возможно перекрыть за счет имеющегося гидроэнергетического потенциала

(18,7 млрд кВт·часов, в том числе технического в 7,5 млрд кВт·часов), сопоставимого с ее перспективными потребностями. Ввод в энергосистему новых гидроэлектростанций не только снизит дефицит в республике, а также отразится на качестве снабжения потребителей, минимизировав перебои.

На сегодняшний день на территории Республики Кабардино-Балкария водные ресурсы освоены всего лишь на 3 % и представлены следующими гидроэлектростанциями (см. табл. 2)⁵.

Согласно Генеральной схеме по размещению объектов электроэнергетики до 2035 года⁶ на территории республики планируется модернизация существующей инфраструктуры, в том числе в части сооружения объектов электрических сетей общей протяженностью порядка 1330 км и строительства подстанций общей мощностью 625 кВт.

В отчете ПАО «Русгидро» по развитию гидроэнергетики на Северном Кавказе были выявлены потенциальные ресурсы крупных рек в Кабардино-Балкарской Республике, а также отобраны перспективные проекты, рекомендуемые к включению в схему территориального планирования (СТП).

На основе отобранных проектов ПАО «Русгидро» по СКФО в исследовании в ценах 2021 года⁷ был проведен укрупненный расчет капитальных затрат на строительство, эффективности и срока окупаемости инвестиционных вложений. Данные представлены в таблице 3.

Для укрупненного расчета суммарных затрат на строительство ГЭС и общей эффективности в исследовании использованы нормативные показатели⁸, на основе которых были отобраны проекты, отвечающие критериям наибольшей эффективности.

Таблица 2
 Table 2

Действующие гидроэлектростанции республики Кабардино-Балкария
Operating hydroelectric power plants of the Republic of Kabardino-Balkaria

№	Наименование гидроэлектростанции	Установленная мощность, МВт
1	Кашхатау ГЭС расположена на р. Черек возле пос. Кашхатау	65,1 МВт
2	Аушигерская ГЭС расположена на р. Черек возле сел Аушигер и Зарагидж	60 МВт
3	Зарагиджская ГЭС расположена на р. Черек возле с. Зарагидж	30,6 МВт
4	Баксанская ГЭС расположена на р. Баксан с. Атажукино	27 МВт
5	МГЭС-3 канал Баксан-Малка	3,5 МВт
6	Акбашская МГЭС Акбашский канал	1,0 МВт
7	Мухольская МГЭС р. Черек Балкарский	0,9 МВт
	Всего	188,1

5 Составлено автором на основании: Перспективы развития гидроэнергетики на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // АО «Институт гидропроект» ПАО «Русгидро». URL: <http://www.rushydro.ru/upload/iblock/a94/Perspektivi-razvitiya-gidroenergetiki-na-Severnom-Kavkaze.pdf?ysclid=lg4xwj0gfd340390625> (дата обращения: 11.02.2023).

6 Распоряжение Правительства РФ №1209-р от 09.06.2017 г. «Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/zzvuuhfq2f3OJK8AzKV5XrGibW8ENGp.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).

7 Перспективы развития гидроэнергетики на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // АО «Институт гидропроект» ПАО «Русгидро». URL: <http://www.rushydro.ru/upload/iblock/a94/Perspektivi-razvitiya-gidroenergetiki-na-Severnom-Kavkaze.pdf?ysclid=lg4xwj0gfd340390625> (дата обращения: 11.02.2023).

8 Распоряжение Правительства РФ №594-р от 24.03.2022 г. «Изменения, которые вносятся в Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности на основе возобновляемых источников энергии на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/140004> (дата обращения: 28.02.2023).

Таблица 3
 Table 3

**Сводная информация об укрупненных капитальных затратах и прогнозных показателях эффективности
 по проектам на строительство гидроэлектростанций в Кабардино-Балкарской Республике**
**Summary of consolidated capital expenditures and projected performance indicators for projects for the construction
 of hydroelectric power plants in the Kabardino-Balkar Republic**

№	Наименование гидроэлектростанции	Установленная мощность, кВт	Год. выработка эл., млн кВт·ч	Кап. затраты, тыс. руб./кВт	Суммарные кап. затраты на строительство, млрд руб.	Показатель эффективности, тыс. руб./МВт·ч	Общая эффективность, млрд руб.	Срок окупаемости	Рентабельность, %
1	Черекская, р. Черек	81300	249,4	146	11,87	8,546	2,13	5,6	18
2	Верхнебалкарская, р. Черек	31800	132,1	146	4,64	8,546	1,13	4,1	24,3
3	Голубое Озеро, р. Черек	112400	291,4	146	16,41	8,546	2,49	6,6	15,2
4	Эльбрусская, р. Баксан	17900	63,3	146	2,61	8,546	0,54	4,8	20,7
5	Верхне-Баксанская, р. Баксан	56800	169	146	8,29	8,546	1,44	5,7	17,4
6	Тырныаузская, р. Баксан	88600	254,3	146	12,94	8,546	2,17	6	16,8
7	Жанхотекская, р. Баксан	112500	323,9	146	16,43	8,546	2,77	5,9	16,9
8	Лахран, р. Малка	112000	142,4	146	16,35	8,546	1,22	13,4	7,4
9	Хабаз, р. Малка	25400	72,7	146	3,71	8,546	0,62	6	16,8
10	Каменноостская, р. Малка	23000	82,4	146	3,36	8,546	0,7	4,8	21
11	Сармаковская, р. Малка	22700	81,4	146	3,31	8,546	0,7	4,8	21
12	Каскад Курпских ГЭС, р. Терек	184000	883,3	146	26,86	8,546	7,55	3,6	28,1

По результатам данной таблицы наиболее рентабельны проекты со сроком окупаемости до 5 лет и одновременно с возможностью компенсации дефицита электроэнергии в КБР в объеме 1,2 млрд кВт·ч.

В качестве таких проектов с суммарными затратами на строительство в размере 40,8 млрд руб. можно отметить проекты следующей установленной мощностью на реках Верхнебалкарская (31,8 МВт), Эльбрусская (17,9 МВт), Каменноостская (23 МВт), Сармаковская (22,7 МВт), Каскад Курпских ГЭС (184 МВт) [10].

Заключение. Развитие гидроэнергетики выступает одним из приоритетных направлений, которое позволит реализовать к 2060 году государственную задачу по достижению «углеродной нейтральности» [9]. На сегодняшний день в России сформировался один из лучших энергобалансов: около 40% — низкоуглеродная электрогенерация и 48% — газовая генерация. В перспективе достижение «углеродной нейтральности» предполагает поступательное развитие гидрогенерации и технологий в сфере водородной энергетики⁹.

Использование гидроэнергетического потенциала республики Кабардино-Балкария в перспективе окажет положительное влияние на:

— повышение надежности энергоснабжения конечных потребителей электроэнергии, т.к. выработка предполагается в непосредственной территориальной близости от конечного потребителя;

— снижение доли тепловых электростанций в общем объеме энергобаланса и, как следствие, минимизацию выбросов CO₂ в атмосферу и сокращение экологической нагрузки на окружающую среду;

— создание новых рабочих мест в регионе как в части текущего обслуживания новых гидроэлектростанций, так и в перспективе создания новых производств;

— сокращение дефицита и потерь электроэнергии в распределительных сетях.

Повышение приоритетности присутствия в общей структуре энергосистемы гене-

рации на основе возобновляемых источников энергии поддерживается посредством реализации государственных механизмов в сфере инвестиционных программ по софинансированию строительства гидроэлектростанций, подготовки специалистов, обладающих компетенциями в сфере строительства и эксплуатации объектов генерации [2].

В настоящее время Минэнерго России рассматривает варианты снижения рисков по возведению объектов гидрогенерации посредством поиска вариантов софинансирования из федерального бюджета капитальных затрат и налоговых преференций. Крупные инвестиции на первоначальном этапе по мере окупаемости в долгосрочной перспективе станут залогом надежного дешевого источника выработки электроэнергии для растущего количества потребителей.

Таким образом, гидроэнергетика в будущем будет продолжать играть немаловажную роль в обеспечении промышленного развития и энергетической безопасности России.

Список источников

1. Баялиева Ж.А., Нурудинов У.К., Жамангапова А.К. Потенциал гидроэнергетики, ее сильные и слабые стороны // Вестник Кыргызского национального аграрного университета им. К.И. Скрябина. 2021. №1(55). С. 122–127.

2. Гочияев Х.Р., Погорелова Л.А. Новые стандарты современной экономической реальности в энергетической сфере: цифровизация как драйвер развития // Глобализация экономики и российские производственные предприятия. Материалы XX Национальной научно-практической конференции. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2022. С. 186–190.

3. Жуков А.А., Кумратова Ж.Р., Чебанов К.А. Энергетика Северного Кавказа: проблемы и возможные решения // Кавказский диалог. Материалы IX международной научно-практической конференции. Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2018. С. 157–162.

⁹ Распоряжение Правительства от 29.10.2021 г. №3052-р «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 06.03.2023).

4. Килинкарлова С.Г., Гладкова Н.В. Анализ структуры потребления электроэнергии в регионах интенсивного развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. №1(51). С. 55–61.

5. Купреенко А.И., Исаев Х.М., Михайличенко С.М. Развитие сектора энергетики в России на основе возобновляемых источников энергии // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. №3(85). С. 55–60.

6. Майоров С.В. Новая энергетика Северного Кавказа. Потенциал развития // Региональная энергетика и энергосбережение. 2017. №3. С. 100–101.

7. Новоженин В.Д. Российская гидроэнергетика. Проблемы при преимуществах // Энергетик. 2019. №3. С. 3–7.

8. Пежева М.Х., Якимов А.В., Махова И.Х. Современные изменения ихтиофауны бассейна реки Терек (в пределах Кабардино-Балкарии) в свете антропогенной нагрузки // Известия Горского государственного аграрного университета. 2021. Т. 58-2. С. 188–192.

9. Ремизова Т.С., Табуров Д.Ю. Изменение структуры генерации в России в контексте экологического перехода // ЭКО. 2023. №4(586). С. 134–148.

10. Токмакова Р.А., Шагин С.Н., Лигидов Р.М. Зеленая экономика горных территорий (на материалах Кабардино-Балкарской республики) [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. №4(68). URL: <https://eee-region.ru/article/6837/>.

References

1. Bajaliev Zh. A., Nurudinov U. K., Zhamangapova A. K. Potencial gidrojenergetiki, ee sil'nye i slabye storony [The potential of hydropower, its strengths and weaknesses]. *Vestnik Kyrgyzskogo nacional'nogo agrarnogo universiteta im. K. I. Skryabina* [Bulletin of the Kyrgyz National Agrarian University named after K. I. Scriabin]. 2021; 1(55): 122–127. (In Russ.).

2. Gochijaev H. R., Pogorelova L. A. Novye standarty sovremennoj jekonomicheskoy real'nosti v jenergeticheskoy sfere: cifrovizacija kak drajver razvitija [New standards of modern economic reality in the energy sector: digitalization as a driver of development]. Globalizacija

jekonomiki i rossijskie proizvodstvennye predprijatija. Materialy HH Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Globalization of the economy and Russian manufacturing enterprises. Materials of the XX National Scientific and Practical Conference]. Novocherkassk: JuRGPU (NPI), 2022. P. 186–190. (In Russ.).

3. Zhukov A. A., Kumratova Zh. R., Chebanov K. A. Jenergetika Severnogo Kavkaza: problemy i vozmozhnye reshenija [Power engineering of the North Caucasus: problems and possible solutions]. *Kavkazskij dialog. Materialy IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Caucasian Dialogue. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference]. Nevinnomyssk: Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tehnicheskij institut, 2018. P. 157–162. (In Russ.).

4. Kilinkarova S. G., Gladkova N. V. Analiz struktury potreblenija jelektroenergii v regionah intensivnogo razvitija [Analysis of the structure of electricity consumption in regions of intensive development]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University of Economics]. 2014; 1(51): 55–61. (In Russ.).

5. Kupreenko A. I., Isaev H. M., Mihajlichenko S. M. Razvitie sektora jenergetiki v Rossii na osnove vozobnovljaemyh istochnikov jenergii [Development of the energy sector in Russia based on renewable energy sources]. *Vestnik Brjanskoj gosudarstvennoj sel'skhozjajstvennoj akademii* [Bulletin of the Bryansk State Agricultural Academy]. 2021; 3(85): 55–60. (In Russ.).

6. Majorov S. V. Novaja jenergetika Severnogo Kavkaza. Potencial razvitija [New energy of the North Caucasus. Development potential]. *Regional'naja jenergetika i jenergosberezhenie* [Regional energy and energy conservation]. 2017; (3): 100–101. (In Russ.).

7. Novozhenin V. D. Rossijskaja gidrojenergetika. Problemy pri preimushhestvah [Russian hydropower. Problems with advantages]. *Jenergetik* [Energetik]. 2019; (3): 3–7. (In Russ.).

8. Pezheva M. H., Jakimov A. V., Mahova I. H. Sovremennye izmenenija ihtiofauny bassejna reki Terек (v predelah Kabardino-Balkarii) v svete antropogennoj nagruzki [Modern changes in the ichthyofauna of the Terek River basin (within Kabardino-Balkaria) in the light of anthropogenic load]. *Izvestija Gorskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*

[*Izvestiya Gorskogo gosudarstvennogo universiteta*]. 2021; (58-2): 188–192. (In Russ.).

9. Remizova T. S., Taburov D. Ju. Izmenenie struktury generacii v Rossii v kontekste jekologicheskogo perehoda [Changing the structure of generation in Russia in the context of ecological transition]. *JeKO [ECO]*. 2023; 4(586): 134–148. (In Russ.).

10. Tokmakova R. A., Shagin S. N., Ligodov R. M. Zelenaja jekonomika gornyh territor-

ij (na materialah Kabardino-Balkarskoj respublik) [Green economy of mountain territories (based on the materials of the Kabardino-Balkar Republic)] [Elektronnyj resurs]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]*. 2021; 4(68). URL: <https://eee-region.ru/article/6837/>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted on 04.03.2023; approved after reviewing on 20.03.2023; accepted for publication on 14.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Погорелова Людмила Александровна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Область научных интересов: управление производственными системами, анализ финансово-хозяйственной деятельности, организация бухгалтерского учета, аудит.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Lyudmila A. Pogorelova — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests: management of production systems, analysis of financial and economic activities, organization of accounting, audit.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК: 316.343

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-189-197

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Екатерина Анатольевна Попова^{1✉}, Марина Леонидовна Альпидовская²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹p18ekaterina2000@outlook.com✉, ORCID: 0009-0005-9609-2134,

WoS Research ID: HZJ-6032-2023

²morskaya67@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9075-9683,

AuthorID РИНЦ: 691188, SPIN-код:1958-7585

Аннотация. Целью исследования является изучение бедности и социального неравенства в мире, включая особенности возникновения и выявление возможного предотвращения заявленных проблем. Достижение поставленной цели предполагает следующие поставленные задачи: рассмотреть особенности и причины возникновения бедности на примере стран Европы и Африки, обобщить предложенные методы и заключительные выводы в части исследуемой темы на примере оценочных суждений различных авторов.

Методологию исследования составляют сравнительный анализ, аналогия, метод индукции и дедукции, включая постановку проблему и обобщение.

Результаты исследования. Понятия бедности и социального неравенства изучались и изучаются до сих пор. Так, с каждым очередным исследованием возникают всё новые факторы и причины появления нерешённых проблем. Было доказано, что государство должно применять важные стратегические рычаги, которые бы способствовали эффективному управлению экономикой в части правовой, финансовой и социальной защищённости каждого человека.

Перспектива исследования заключается в решении проблемы между сокращением неравенства и искоренением крайней нищеты. Данный вопрос будет оставаться актуальным до тех пор, пока бедность во всём мире продолжает выступать основополагающим ограничителем многих возможностей человека, а именно — уверенности в величине приемлемой оплаты своего труда, как физического, так и умственного, бесплатной и доступной специализированной помощи, услугах образовательного процесса, включая адаптацию и здоровое воспитание будущего поколения.

Ключевые слова: расчёт показателя ВВП на душу населения, Всемирный банк, оценка социально-экономического неравенства, уровень безработицы в США, коэффициент Джини, неравенство и бедность

Для цитирования: Попова Е. А., Альпидовская М. Л. Современные тенденции бедности и социального неравенства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 189–197. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-189-197>.

Original article

CURRENT TRENDS IN POVERTY AND SOCIAL INEQUALITY

Ekaterina A. Popova¹✉, Marina L. Alpidovskaya²

^{1, 2}*Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia*

¹*p18ekaterina2000@outlook.com✉, ORCID: 0009-0005-9609-2134,*

WoS Research ID: HZJ-6032-2023

²*morskaya67@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9075-9683,*

AuthorID RSCI: 691188, SPIN-код:1958-7585

Abstract. *The purpose of the study is to study poverty and social inequality in the world, including the specifics of the occurrence and identification of possible prevention of the stated problems. Achieving this goal involves the following tasks: to consider the features and causes of poverty on the example of European and African countries, to summarize the proposed methods and final conclusions regarding the topic under study on the example of value judgments of various authors.*

The research methodology consists of comparative analysis, analogy, method of induction and deduction, including problem statement and generalization.

The results of the study. The concepts of poverty and social inequality have been studied and are still being studied. So, with each new study, new factors and causes of unresolved problems arise. It was proved that the state should apply important strategic levers that would contribute to the effective management of the economy in terms of legal, financial and social protection of each person.

The perspective of the study is to solve the problem between reducing inequality and eradicating extreme poverty. This issue will remain relevant as long as poverty around the world continues to act as a fundamental limiter of many human capabilities, namely, confidence in the amount of acceptable remuneration for their work, both physical and mental, free and affordable specialized care, educational process services, including adaptation and healthy upbringing of the future generation.

Keywords: *calculation of GDP per capita, World Bank, assessment of socio-economic inequality, unemployment rate in the United States, Gini coefficient, inequality and poverty*

For citation: *Popova E. A., Alpidovskaya M. L. Modern trends of poverty and social inequality // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): нач–конеч. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-нач-конеч>.*

Введение. Неравенство и бедность — разные, но взаимосвязанные понятия. Быть бедным означает, что у человека недостаточно ресурсов для того, чтобы он мог функционировать на социально приемлемом уровне. Национальный уровень бедности обычно измеряется как процентная доля населения, имеющего доход или благосостояние ниже контрольного значения, которое, как считается, представляет собой минимум, необходимый для жизни. На основании этого исследова-

ватели применяют для оценки масштабов неравенства показатель дохода и богатства населения. Анализируя первый параметр, отметим, что речь идёт о денежном потоке на единицу времени, а второй представляет собой запас активов. Таким образом, исходя из этого, рассчитывают различные индексы.

Уровень безработицы в США. В Соединённых Штатах пороговые уровни бедности были установлены в 1960-х годах на основе

стоимости адекватной с точки зрения питания — простой корзины потребления продуктов. Первоначальные пороговые значения были скорректированы с учетом инфляции, но применяются одинаково по всей стране, несмотря на значительные различия в стоимости жизни от одного города или штата к другому. Уровень бедности в США снизился примерно с 22 % в начале 1960-х годов до низкого уровня — порядка 11 % в середине 1970-х годов, после чего он варьировался между 11 % и 15 % в зависимости от состояния экономики [9]. Стоит отметить, что Всемирный банк отслеживал глобальные уровни бедности в течение многих лет на основе исходного порогового уровня дохода в один доллар США в день. Сегодня в США население с трудом пытается выбраться из очередного экономического кризиса, по причине которого уровень безработицы резко растёт

с каждым годом. Анализируя динамику уровня бедности за последние пять лет, можно заметить, что в 2021 году данный показатель составил 11,6%, в 2022 году — 14,4%, а в 2023 году — 16,7% (рисунок 1)¹.

Данные показывают, что с каждым годом более 6,2 млн безработных американцев причисляют себя к инвалидам для получения большой пенсии. Это решение связано с невозможностью найти работу и неким отчаянием [3]. Как следствие, число людей, присвоивших себе статус инвалида, превысило почти в три раза прирост рабочих мест [6].

Совсем недавно контрольный показатель для крайней нищеты был скорректирован с учетом покупательной способности национальных валют и использования счета в условиях крайней нищеты, который в настоящее время определяется как доход менее 1,9 международных долларов в день².

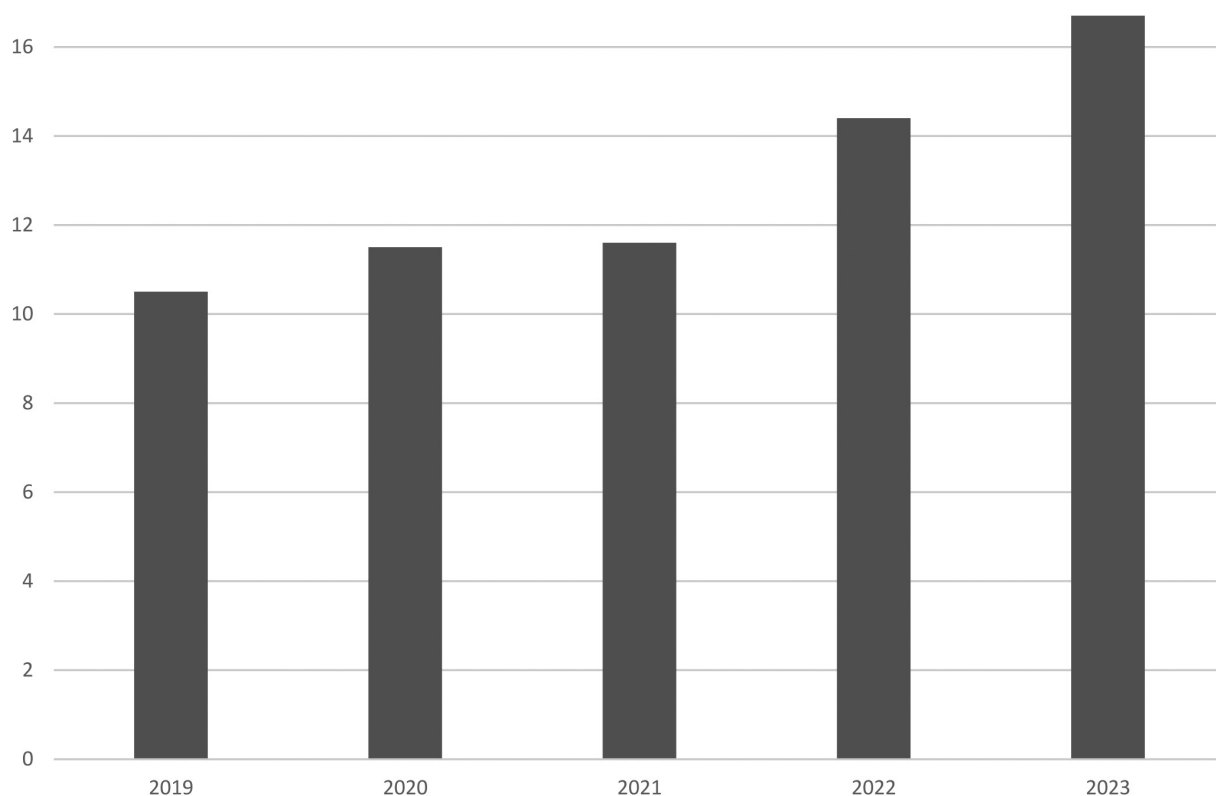

Рис. 1. Динамика уровня бедности среди населения в Соединённых Штатах, %
Fig 1. Dynamics of the level of poverty among the population in the United States, %

¹ Черта и уровень бедности в США в 2022–2023 годах: как живут бедные в Америке [Электронный ресурс]. URL: <https://visasam.ru/emigration/canadausa/bednost-v-ssha.html/> (дата обращения: 04.03.2023).

² Всемирный банк поднял черту бедности до 1,9 долларов США в день [Электронный ресурс]. URL: <https://informing.ru/2015/10/05/vsemirnyy-bank-podnyal-chertu-bednosti-do-19-dollarov-ssha-v-den.html/> (дата обращения: 27.02.2023).

Одной из основных целей развития Организации Объединенных Наций было сокращение к 2015 году уровня крайней бедности в развивающихся странах почти вдвойне относительно 1990 года, когда он составлял 43,4%. Эта цель была фактически достигнута к 2008 году, и уровень крайней бедности в 2013 году снизился до 12,6%.

Экономическое неравенство измеряет положение отдельных групп населения по отношению к остальному обществу. В целом это будет означать, что люди, находящиеся на дне распределения доходов, будут как относительно, так и абсолютно бедны [1]. Неравенство связано с тем, каким образом желаемые вещи, такие как доход, богатство, престиж, благосостояние и т.д., распределяются среди данного населения. Экономическое неравенство включает в себя распределение как дохода, так и богатства, и, хотя эти экономические переменные не имеют внутренней ценности, они, как правило, положительно связаны с такими неотъемлемо ценными атрибутами, как хорошее здоровье, долголетие, образование, а также общее удовлетворение и счастье.

Однако это верно для счастья только до определенного момента. Исследования показывают, что счастье увеличивается с ростом дохода до порога, после которого постоянное увеличение дохода ничего не добавляет к уровню счастья или удовлетворенности жизнью. С другой стороны, очевидно, что люди, имеющие доходы выше средней отметки, как правило, принимают выбор в части лучшего здоровья, образования и способности участвовать в социальной и политической жизни своего общества. Однако существует, по крайней мере, один тип неравенства, который недостаточно хорошо представлен в доходах и богатстве. Шведский социолог Гёран Терборн называет этот тип неравенства «экзистенциальным», указывая на неравные социально-экономические позиции в результате расовой, гендерной или другой дискриминации, основанной на личных характеристиках [5].

Этот тип неравенства, кажется, выходит за рамки неравенства в доходах или богатстве. В Соединенных Штатах афроамериканский мужчина будет вести жизнь, совершенно отличную от жизни европейско-американского мужчины, даже если они одного возраста

и имеют одинаковое образование, доход, богатство, IQ и здоровье. Всё это связано с расовой дискриминацией.

Интерес к неравенству не является новым явлением. В 1753 году Дижонская академия во Франции организовала конкурс на лучшее сочинение на тему: «Каково происхождение неравенства среди мужчин и разрешено ли оно естественным правом?». Выигрышное эссе было представлено Жан-Жаком Руссо, который заметил, что могут быть физические различия между людьми в естественном состоянии, но полагал, что моральное или политическое неравенство возникло только с созданием государства. С того момента, как один человек нуждался в помощи другого, как только считалось полезным, чтобы у одного человека были условия для двоих, исчезло равенство, была введена собственность, стал необходим труд. Металлургия и сельское хозяйство были двумя искусстваами, изобретение которых породило эту великую революцию [2].

Ответ Руссо на первоначальный вопрос, поставленный Академией Дижона, заключался в том, что источником неравенства является развитие политической и правовой власти, вызванной этими двумя революциями. Он также утверждал, что неравенство не может быть оправдано естественным правом.

Современные мыслители, такие как Терборн, согласны с Руссо, что неравенство — это не естественное условие, а скорее что-то социально построенное. Шотландский учёный Джон Прингл обнаруживает растущее неравенство в доаграрном обществе, но другие аналитики поддерживают аргумент Руссо о том, что изобретение сельского хозяйства привело к созданию штатов и правовых институтов и, как следствие, к социальному неравенству. Американский писатель К. Боикс показывает, что даже в естественном состоянии Гоббса (война всех против всех) устойчивое равновесие может возникнуть без создания государства. Но это равновесие хрупкое и может сохраняться со временем только при высокой степени равенства. Это соответствует археологическим данным, которые устанавливают, что ранние охотничьи и собирательные общины, доминирующие социально-экономические структуры на протяжении примерно 95% человеческой истории, были

довольно эгалитарными, хотя и чрезвычайно жестокими. Этот образ жизни был нарушен изобретением сельского хозяйства (неолитическая революция), которое привело к неравенству в ресурсах и растущему неравенству, что привело к более сильному конфликту [8].

Моррис утверждает, что системы человеческих ценностей зависят от базовой социальной организации, утверждая, что охота и собирательство приводили к эгалитарным обществам с большим количеством насилия, в то время как аграрные общества имели тенденцию к высокому неравенству с большим нежеланием прибегать к насилию для урегулирования споров, и промышленно развитые общества оказались в еще большей степени равноправными и снизили ценность, придаваемую насильственному разрешению конфликтов.

После неолитической революции большинство людей работали на небольших фермах, зарабатывая на жизнь натуральными доходами, которых едва хватало для воспроизводства населения и поддержания общества.

Мальтус полагал, что тенденция роста населения быстрее, чем поставки продовольствия, а это означает, что средние доходы всегда будут снижаться до уровня прожиточного минимума. Его наблюдения вполне соответствовали историческим записям до публикации его эссе в 1798 году [4]. Промышленная революция (примерно с 1760 по 1840 годы) привела к необычайным изменениям — к экспоненциальному увеличению средних доходов, чем требовалось бы для прожиточного минимума вопреки тому, что сегодня население Земли превышает в семь раз население 1800 года [10].

Оценка социально-экономического неравенства. На основании данных Maddison-Project, средний рост реальных доходов в родной Британии Мальтуса в период между 1000 и 1820 годами составлял всего 0,12% в год по сравнению с 1,28% в период между 1820 и 2010 годами.

Хотя разница может показаться небольшой, она привела к одиннадцатикратному увеличению реальных средних доходов в Соединенном Королевстве за последние 200 лет

по сравнению с менее чем трехкратным увеличением за предыдущие 820 лет. В дополнение к увеличению средних доходов, улучшению здоровья, увеличению продолжительности жизни и увеличению доступности продовольствия промышленная революция также привела к гораздо большему экономическому неравенству в результате двух факторов.

Во-первых, индустриализация была географически сконцентрирована в Северной части Соединённых Штатов и стран Западной Европы, так что различия в доходах между этими странами и остальным миром резко возросли. Во-вторых, с развитием XIX века концентрация доходов и благосостояния в высокоиндустриализированных странах увеличилась, что привело к возникновению таких исторических периодов, как «Золотая эпоха» (1865–1914) в Соединенных Штатах и «Прекрасная эпоха» (1871–1914) во Франции.

Миланович рассматривает глобальное экономическое неравенство как сочетание неравенства внутри стран и неравенства между другими государствами. Согласно данным Всемирного банка (2017 год), самые богатые десять процентов домохозяйств в Соединенных Штатах почти в 18 раз превышают доходы самых бедных десяти процентов. В Норвегии самые богатые десять процентов имеют доход чуть менее чем в 5,5 раз больше по сравнению с самыми бедными десяти процентами, поэтому различия в доходах в Норвегии ниже, чем в Соединенных Штатах. Средний доход в Соединенных Штатах и Норвегии (с учетом инфляции и покупательной способности) соответственно примерно в 34 и 42 раза выше, чем в Эфиопии, что иллюстрирует большие различия между странами, которые характеризуют современный мир. Наглядно мы можем увидеть это на рисунке 2³.

Так, в 1970 году минимальный уровень ВВП стран Европы составил 1385,2 млрд долл., что почти в 12 раз превышает минимальный уровень ВВП стран Африки (116,7 млрд долл.), а максимальный уровень 2014 года — почти в 8,3 раза.

Миланович приводит оценки степени неравенства среди всех людей на планете, кото-

³ Валовой внутренний продукт мира, 1970–2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/world.html/> (дата обращения: 23.02.2023).

рые намного выше, чем в любой отдельной взятой стране, и утверждает, что большая часть глобального неравенства объясняется очень высокими различиями между странами.

По данным информационной экономической газеты, «85 самых богатых людей в мире имеют столько же богатства, сколько 3,5 миллиарда самых бедных», иначе говоря, распределение глобального богатства еще более концентрированное, чем распределение глобального дохода⁴.

Наиболее часто используемое измерение неравенства заключается в том, что коэффициент может принимать значения от нуля (идеальное равенство, при котором каждый имеет одинаковый доход или богатство) до единицы (идеальное неравенство, в котором у одного человека есть все, а у других остальных — ничего).

Коэффициенты Джини в части располагаемого дохода после уплаты налогов и трансфертов, как правило, выше для государств, получающих высокий уровень дохода. В целом они составляют от 0,26 (Норвегия) до 0,41 (США). Южная Африка, по-видимому, имеет самое не-

равное распределение доходов в мире с оценочным коэффициентом Джини, равным 0,64⁵.

Другой способ измерить неравенство — это оценить долю общего дохода или богатства, принадлежащую самому богатому процентилю (один процент) или децилям (один десятый процент) населения. Пикетти и Аткинсон используют такие меры, чтобы отслеживать эволюцию неравенства доходов и благосостояния в XX веке для Франции, Великобритании, США и некоторых других стран. Их результаты показывают, что как благосостояние, так и неравенство в доходах сократились в XX веке, но начало расти после 1975 года. Т. Пикетти также обнаружил, что около 60% всего богатства приходится на Францию и 70% от общего числа — на Великобританию и США [7]. Эти уровни мало чем отличаются от тех, что были записаны во времена «Золотого века» и «Прекрасной эпохи».

Выводы. Таким образом, какими бы ни были способы определения социальной дифференциации, все они направлены на исследование и сбор неискаженной информа-

Валовой внутренний продукт Европы и Африки, млрд. долл

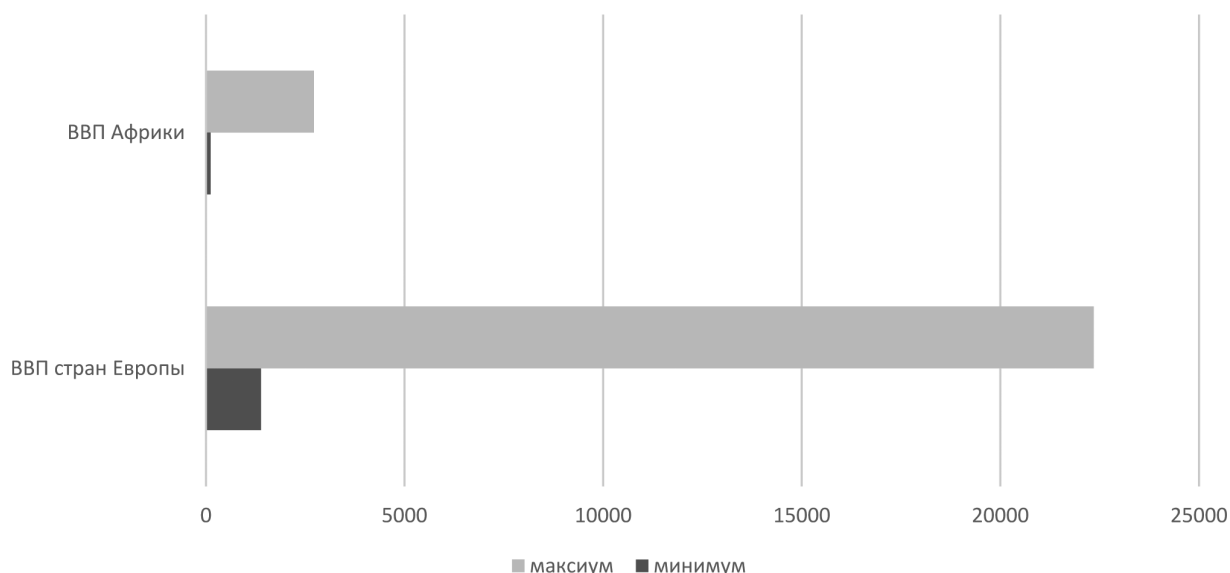

Рис. 2. Соотношение ВВП стран Европы и Африки, млрд долл.

Fig 2. The ratio of the GDP of Europe and Africa, billion dollars

4 Достояние 85 самых богатых людей в мире равняется имуществу 3,5 млрд самых бедных людей [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8519700.html/> (дата обращения: 21.02.2023).

5 Рейтинг стран по коэффициенту Джини [Электронный ресурс]. URL: <https://everychild.ru/rejting/rejting-stran-po-koeffitsientu-dzhini/> (дата обращения: 20.02.2023).

ции и её корректировки в дальнейшем, а также для определения ситуации в стране на определённый период времени.

Список источников

1. Александров Д. Г. Экономическое неравенство в ряде случаев: причины, особенности и пути решения // Инновации и инвестиции. 2018. №4. С. 75–76.

2. Васильченко Д. О. Учение Ж.-Ж. Руссо об общественном договоре, о социальном неравенстве и его причинах // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2019. №12(39). С. 5.

3. Лебедева Л. Ф. Динамика бедности в условиях глобализации: США и другие страны ОЭСР // Международная торговля и торговая политика. 2018. №2(14). С. 53–55.

4. Макклоски Д. Н. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм о книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // Экономическая политика. 2016. №4. С. 154–156.

5. Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. №1(29). С. 185–188.

6. Мартыненко Т. С. Глобальное социальное неравенство: основные методологические подходы в социологии конца XX — начала XXI века // Сборник XIX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. С. 133–134.

7. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введением С. Мэсидо; с коммент. Р. Сифорда, Дж. Д. Спенса, К. М. Корсгаард, М. Этвуд; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 490 с.

8. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Томаса Гоббса // Полития. 2009. №2. С. 154–156.

9. Цены и контроль цен в Великобритании и Соединенных Штатах во время мировой войны: Литман, Саймон, 1873 г. [Электронный

ресурс] // Интернет-архив. URL: <https://archive.org/details/pricespricecontr00litm/page/52/mode/2up/> (дата обращения: 18.02.2023).

10. Щеголевский В. А. Мировая экономическая мысль: современные дискуссии о теории народонаселения Т. Мальтуса // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2010. №2. С. 94–96.

References

1. Aleksandrov D. G. Jekonomicheskoe neravenstvo v rjade sluchaev: prichiny, osobenosti i puti reshenija [Economic inequality in a number of cases: causes, features and solutions]. *Innovacii i investicii* [Innovation and investment]. 2018; (4): 75–76. (In Russ.).

2. Vasil'chenko D. O. Uchenie Zh.-Zh. Russo ob obshhestvennom dogovore, o social'nom neravenstve i ego prichinah [The teaching of Zh.-Zh. Russo on the social contract, on social inequality and its causes]. *Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal «Alleja Nauki»* [Scientific and practical electronic journal «Alley of Science»]. 2019; 12(39): 5. (In Russ.).

3. Lebedeva L. F. Dinamika bednosti v uslovijah globalizacii: SShA i drugie strany OJeSR [The dynamics of poverty in the context of globalization: USA and other OECD countries]. *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika* [International Trade and Trade policy]. 2018; 2(14): 53–55. (In Russ.).

4. Makkloski D. N. Izmerennyj, bezmernyj, preuvelichennyj i bezosnovatel'nyj pessimizm o knige «Kapitalizm v XXI veke» Tomasa Piketti [Measured, immeasurable, exaggerated and baseless pessimism about the book «Capitalism in the XXI century» by Thomas Piketty]. *Jekonomicheskaja politika* [Economic policy]. 2016; (4): 154–156. (In Russ.).

5. Martynenko T. S. Global'naja sociologija G. Terborna: teorija social'nyh neravenstv [Global sociology of G. Terborn: theory of social inequalities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2015; 1(29): 185–188. (In Russ.).

6. Martynenko T. S. Global'noe social'noe neravenstvo: osnovnye metodologicheskie podhody v sociologii konca XX — nachala XXI veka [Global social inequality: basic methodological

approaches in sociology of the late XX — early XXI century]. Sbornik XIX Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija» [Collection of the XIX International Conference «Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience»]. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2016. P. 133–134. (In Russ.).

7. Morris I. Sobirатели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности [Collectors, farmers and fossil fuels. How human values change]. Pod red. i s vvedeniem S. Mjesido; s komment. R. Siforda, Dzh. D. Spensa, K.M. Korsgaard, M. Jetvud; per. s angl. N. Jedel'mana. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. 490 p. (In Russ.).

8. Filippov A. F. Aktual'nost' filosofii Toma-sa Gobbsa [Relevance of Thomas Hobbes' phi-

losophy]. *Politija* [Politiya]. 2009; (2): 154–156. (In Russ.).

9. Ceny i kontrol' cen v Velikobritanii i Soedinennyh Shtatah vo vremja mirovoj vojny: Litman, Sajmon, 1873 g. [Prices and price control in Great Britain and the United States during the World War: Litman, Simon, 1873] [Elektronnyj resurs]. Internet-arhiv [Internet archive]. URL: <https://archive.org/details/pricespricecontr00litm/page/52/mode/2up/> (data obrashhenija: 18.02.2023). (In Russ.).

10. Shhegolevskij V.A. Mirovaja jekonomicheskaja mysl': sovremennye diskussii o teorii narodonaselenija T. Mal'tusa [World Economic Thought: Modern discussions on T. Malthus' theory of Population]. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2010; (2): 94–96. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 18.03.2023; accepted for publication on 14.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Екатерина Анатольевна — студентка 4-го курса (уровень образования — бакалавриат), факультет налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Ekaterina A. Popova — 4th year student (bachelor's degree), Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russia.

49 Leningradsky ave., Moscow, Russia

Альпидовская Марина Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49

Marina L. Alpidovskaya — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of Russia Federation.

49 Leningradsky av., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Попова Е. А. — написание исходного текста; проведение статистического исследования; сбор и систематизация данных; итоговые выводы.

Альпидовская М. Л. — научное руководство; разработка концепции исследования; утверждение окончательного варианта; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Popova E. A. — writing the source text; conducting statistical research; data collection and systematization; final conclusions.

Alpidovskaya M. L. — scientific guidance; development of the research concept; approval of the final version; final conclusions.

Научная статья

УДК 342.5(470+571)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-198-206

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Михайловна Реброва

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

rebrova.natali2016@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-6305-5267

Аннотация. *Целью исследования* является характеристика основных тенденций в развитии местного самоуправления в России в связи с конституционным закреплением места органов местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации и критический анализ отражения этих тенденций в законотворческом процессе.

Методологическую базу составили методы науки муниципального права как общенаучные, так и специальные: системного анализа, синтеза, сравнительного анализа, формально-логический. С их помощью выявлено содержание и дано толкование правовых норм, обозначены спорные положения проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Результаты исследования. В Федеральном законе от 21 декабря 2021 года №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» фактически нашли свое отражение основные тенденции в развитии местного самоуправления в России, выразившиеся в многочисленных поправках в законодательстве о местном самоуправлении, которые закрепили даже то, что изначально не допускалось в отношении местного самоуправления (участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, возможность передачи полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти). Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», призванный законодательно реализовать конституционное положение о вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, имеет существенные недостатки как концептуального характера, так и касающиеся качества его подготовки и требует серьезной доработки.

Перспективы исследования предполагают дальнейший поиск оптимальных вариантов организации местного самоуправления в России, позволяющих вписать местное самоуправление как самостоятельный уровень власти в систему публичной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, единая система публичной власти, муниципальное образование, органы местного самоуправления, государственные органы, законопроект

Для цитирования: Реброва Н. М. Перспективы развития законодательства о местном самоуправлении в единой системе публичной власти в Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №2. С. 198–206. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-198-206>.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Natalya Mikhailovna Rebrova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
rebrova.natali2016@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-6305-5267*

Abstract. *The aim of the study is to characterize the main trends in the development of local self-government in Russia in connection with the constitutional fixing of the place of local governments in the unified system of public power in the Russian Federation and to critically analyze the reflection of these trends in the legislative process.*

The methodological base *was formed by the methods of science of municipal law, both general scientific and special: system analysis, synthesis, comparative analysis, formal logical. With their help, the content and interpretation of legal norms were revealed, the controversial provisions of the draft federal law «On the general principles of organizing local self-government in a single system of public authority» were identified.*

Research results. *The Federal Law of December 21, 2021 №414-FZ «On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation» actually reflected the main trends in the development of local self-government in Russia, expressed in numerous amendments to the legislation on local self-government, which even fixed what was initially not allowed in relation to local self-government (participation of state authorities in the formation of local self-government bodies, the possibility of transferring the powers of local self-government bodies to state authorities). The draft federal law «On the general principles of organizing local self-government in a single system of public power», designed to legally implement the constitutional provision on the entry of local self-government bodies into a single system of public power, has significant shortcomings both conceptually and related to the quality of its preparation and requires serious revision.*

The prospects for the study *involve a further search for the best options for organizing local self-government in Russia, which allow local self-government to be included as an independent level of power in the system of public power in the Russian Federation.*

Keywords: *local self-government, unified system of public authority, municipal formation, local self-government bodies, state bodies, draft law*

For citation: *Rebrova N. M. Prospects for the development of legislation on local self-government in the unified system of public authority in the Russian Federation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 198–206. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-198-206>.*

Введение. Местное самоуправление является важнейшей составляющей системы организации власти в России. Прошло три десятилетия с момента, когда Конституция

РФ¹ провозгласила местное самоуправление как самостоятельный негосударственный уровень власти, обладающий спецификой. В развитие конституционных положений

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).

за этот период последовательно было принято два федеральных закона², закрепляющих общие принципы организации местного самоуправления, которые, несмотря на их одинаковые названия, содержали разные подходы в регулировании территориальных, организационных, экономических и иных основ местного самоуправления. И если принятый в 1995 году закон предоставлял местным сообществам значительную свободу в организации власти в муниципальных образованиях, что создавало условия для множества вариантов, то закон 2003 года уже изначально был нацелен на унификацию, ограничивая возможные модели организации местной власти стандартными вариантами. По мере практической реализации норм этого закона потребовались их корректировки, поскольку прежде всего сельские поселения не вполне вписывались в предлагаемые рамки. Но общая тенденция развития законодательства о местном самоуправлении сохранилась — определение пределов самостоятельности местного самоуправления с акцентом на пределы (прежде всего при определении структуры и способов формирования органов местного самоуправления, закреплении принципиальной возможности и расширении участия государственных органов в этом процессе, формулировании оснований ответственности органов местного самоуправления перед государством).

В декабре 2021 года сенатором Российской Федерации А. А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (законопроект №40361-8)³ и Пояснительная

записка к нему⁴. Мотивы внесения законопроекта — развитие положений Конституции РФ о единой системе публичной власти и совершенствование организации местного самоуправления в России. Это вполне логично, так как после внесенных в Конституцию РФ положений о единой системе публичной власти в России был принят федеральный закон, закрепляющий основные принципы функционирования государственной власти в субъектах РФ как составляющей публичной власти в России⁵. В настоящее время предложенный законопроект №40361-8 находится на стадии рассмотрения законопроекта во втором чтении, хотя фактически он заморожен.

Законопроект №40361-8 вызвал бурную реакцию специалистов в области местного самоуправления: как научных работников, так и практиков. Критике подверглись концептуальные идеи, лежащие в его основе, а также качество подготовки. Авторами выражается сомнение в правильности перехода на одноуровневую систему местного самоуправления и отмечается ее соответствие более интересам регионов, чем муниципальных [9], а ведь главное — чтобы при переходе на одноуровневое местное самоуправление не пострадали качество жизни граждан и их социальное самочувствие [10]; указывается, что законопроект еще больше отдаляет местное самоуправление от населения [1] и не отражает специфики местного самоуправления [3]; ставится вопрос о необходимости создания территориальных органов местной администрации в связи с ликвидацией поселения как вида муниципального образования [5]. М. П. Зазулина прогнозирует реорганизацию местного самоуправления в виде дальнейшего огосударствления, унификации и упрощения [2].

2 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Федеральный закон от 28 августа 1995 г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу).

3 Проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Внесен сенатором Российской Федерации А. А. Клишасом, депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [официальный сайт]. Объекты законотворчества. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 20.01.2023).

4 Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [официальный сайт]. Объекты законотворчества. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 20.01.2023).

5 Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Что же так взбудоражило научное сообщество? Действительно ли законопроект №40361-8 заслуживает подобной критики?

Основные тенденции в развитии законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации. Внесенные в Конституцию РФ положения о единой системе публичной власти уже сами по себе побудили специалистов поднять проблему места местного самоуправления в системе единой публичной власти [4]. Последствия этих конституционных изменений оцениваются неоднозначно. С ними даже связывают возможность возникновения конституционно-правовых конфликтов по вопросам реализации и защиты местного самоуправления [8]. Н.Л. Пешин выразил опасение, что местное самоуправление утратит свою природу и превратится в уровень государственной власти [6; 7].

В Резолюции XXII Российского муниципального форума⁶ законопроект назван преждевременным, поскольку нет утвержденных Основ государственной политики в области развития местного самоуправления до 2030 года. Действительно, таких Основ в качестве самостоятельного документа нет. Однако основные направления этой политики, на наш взгляд, закреплены в законе об организации публичной власти в субъектах РФ. Часть 2 ст. 1 названного закона определяет роль Президента РФ в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия всех органов, входящих в систему публичной власти в России, в том числе и органов местного самоуправления, для чего Президенту РФ предоставлены всевозможные права и средства воздействия. Статья 2 закрепляет принципы единства системы публичной власти, верховенства федерального законодательства, согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на всех ее уровнях, разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти, гарантированности местного самоуправления, самостоятельности местного самоуправления в осуществлении его полномочий, осуществление местного

самоуправления на всей территории России и другие. Статья 6 закрепляет за субъектом РФ принципиальное право осуществлять правовое регулирование различных вопросов в области местного самоуправления в случаях и порядке, установленных федеральным законодателем, в том числе и право на участие в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления. С определенными ограничениями допускается возможность перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

Таким образом, в законе об организации публичной власти в субъектах РФ нашли свое отражение основные тенденции в развитии законодательства о местном самоуправлении, выразившиеся в многочисленных поправках к закону 2003 года, которые закрепили то, что изначально не допускалось в отношении местного самоуправления (участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, возможность передачи полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти), а также курс на укрупнение муниципальных образований.

Критический анализ проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Авторы законопроекта №40361-8 представили свое видение того, в каких конкретно институтах и нормах должны быть реализованы уже обозначенные тенденции. И в этом с ними можно соглашаться или нет.

Прежде всего это касается понятия местного самоуправления. В законопроекте №40361-8 местное самоуправление характеризуется как форма самоорганизации граждан (ст. 1), что противоречит Конституции РФ, где местное самоуправление рассматривается как форма народовластия (ст. 3), как элемент единой системы публичной власти в России (ч. 3 ст. 132). В законопроекте произошло смешение понятий

⁶ Резолюция XXII Российского муниципального форума. 20–22 сентября 2022 года. Анапа (пос. Витязево) [Электронный ресурс] // Ассоциация «Совет муниципальных образований Хабаровского края»: [официальный сайт]. Главные новости. URL: <http://cmokhv.ru/news/2022-10-30-mat20221030-n/> (дата обращения: 21.01.2023).

местного самоуправления и территориального общественного самоуправления (ст. 45), которое также рассматривается как самоорганизация граждан. Местное самоуправление по законопроекту №40361-8 в общем отличается от последнего только объемами и масштабами решаемых вопросов, которые в обоих случаях связаны с непосредственным обеспечением жизнедеятельности населения.

Авторы законопроекта №40361-8 используют понятие «задачи местного самоуправления», в решении которых принимают участие органы публичной власти. Такое же понятие содержится и в названии ст. 6 закона об организации публичной власти в субъектах РФ. Возникает вопрос — что это за задачи местного самоуправления? Этот вопрос требует ответа в специальном законе о местном самоуправлении, поскольку речь идет о сфере взаимодействия государственной власти и местного самоуправления, степени самостоятельности последнего.

Статья 3 законопроекта №40361-8 в правовую основу местного самоуправления включает в том числе «уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты». Уставу муниципального образования и оформленным в виде правовых актов решениям, принятым на местном референдуме (сходе граждан), придается высшая юридическая сила в системе муниципальных правовых актов (ст. 51). Исходя из ст. 44 законопроекта №40361-8, в которой определяется статус схода граждан, вряд ли можно говорить о решениях принятых на сходе граждан как о правовой основе: предлагается на сход граждан выносить вопросы самообложения граждан, выдвижения кандидатуры старосты сельского населенного пункта и досрочного прекращения его полномочий. Современный закон правильно связывает наличие схода как формы непосредственной демократии на местном уровне с численностью жителей поселения, в котором сход граждан осуществляет полномочия представительного органа, или устанавливает возможность его проведения в рамках населенного пункта. В этом и заключается особенность этой формы непосредственной демократии — каждый участник схода может непосредственно выразить свое мнение и заслушать мнение других,

происходит непосредственный обмен взглядами. Законопроект №40361-8 допускает возможность проведения схода только в населенном пункте, только по указанным выше вопросам, более того, предлагается проводить его поэтапно, когда невозможно вместе собрать более половины обладающих избирательным правом жителей населенного пункта. Теряется весь смысл проведения схода.

Опасения специалистов по местному самоуправлению вызывает предложение сократить количество видов муниципальных образований до трех (фактически два вида для основной массы субъектов РФ), ликвидировать поселения (самый многочисленный вид муниципальных образований) и перейти на одноуровневую систему местного самоуправления. Территориальная организация местного самоуправления по законопроекту достаточно проста, гораздо меньше критериев для определения границ муниципальных образований: муниципальные образования, не соответствующие критериям городского округа, будут иметь статус муниципального округа. Но главное, по мнению авторов законопроекта, укрепится финансовая основа муниципальных образований. Но сохранится ли при этом само местное самоуправление как самостоятельная форма народовластия? Не отдалится ли от населения власть, которая по своей сущности должна быть максимально к нему приближена?

На наш взгляд, этот вопрос необходимо рассматривать в тесной связи с предлагаемыми в законопроекте №40361-8 организационными основами местного самоуправления. Например, глава муниципального образования избирается тремя способами, один из которых — представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ. В ныне действующем законе о местном самоуправлении высшее должностное лицо субъекта РФ участвует в формировании конкурсной комиссии, которая представляет кандидатов для избрания представительным органом из их числа главы муниципального образования. Авторы законопроекта №40361-8 право представлять кандидатуры закрепили за высшим должностным лицом субъекта РФ. Уже сам по себе этот способ формирования главы муниципального об-

разования трудно считать избранием: скорее выбрать, а не избрать. В этом случае он возглавляет местную администрацию, занимая одновременно и муниципальную должность, и государственную должность субъекта РФ. Субъекту РФ дано право определять порядок избрания главы муниципального образования. И абсолютно никаких гарантий от того, что законом субъекта РФ не будет установлен этот вариант как единственный безальтернативный. Негативный опыт злоупотребления субъектами РФ таким правом имеется. Да и в двух других вариантах избрания главы муниципального образования при условии, что он будет возглавлять местную администрацию, глава будет одновременно занимать и государственную должность субъекта РФ. Получается, что местная администрация не просто включена в систему публичной власти, ее возглавляет лицо, занимающее государственную должность, что, на наш взгляд, противоречит ст. 12 Конституции РФ.

Местное самоуправление — власть, максимально приближенная к населению. Как предлагают авторы законопроекта №40361-8 в условиях укрупнения муниципальных образований решить проблему приближения власти к населению? В структуру местной администрации городского округа, муниципального округа будут, как правило, входить территориальные органы местной администрации, при наличии которых местная администрация сформируется в виде коллегиального органа. Во-первых, законопроект не дает ответа на вопрос, как это соотносится с положением, что местной администрацией руководит глава местной администрации на принципах единоначалия? Во-вторых, никак не регламентируется участие населения в формировании территориальных органов местной администрации и их руководителей.

Все это очень напоминает советскую систему организации власти, основанную на принципах демократического централизма. Советы как органы государственной власти были выборными, решали все вопросы местного значения. Они формировали, а точнее избирали исполкомы (исполнительные и распорядительные органы), подотчетные как избравшему их Совету, так и вышестоя-

щему органу. В исполкомах Советы образовывали отделы и управления⁷. Согласно законопроекту №40361-8, органы государственной власти принимают участие в формировании органов местного самоуправления, а глава местной администрации может замещать государственную должность. Только что не устанавливается прямое подчинение органов местного самоуправления органам государственной власти, но четко прослеживается тенденция вписать местную власть в единую вертикаль власти.

В целом законопроект №40361-8 очень «сырой», содержит много противоречий, недоработанный понятийный аппарат.

Например, в пояснительной записке отмечается, что решена проблема, что считать официальным опубликованием муниципального правового акта. Однако по-прежнему происходит смешение понятий «обнародование» и «официальное опубликование», в то время как необходимо их четко разграничить. Необходимо четко указать, что официальное опубликование является лишь одним из способов обнародования. И только именно с этим способом обнародования, с официальным опубликованием, связано вступление определенных правовых актов в силу. Официально опубликованные правовые акты могут быть доведены до сведения населения иными способами обнародования, которое включает в себя различные формы ознакомления граждан с муниципальными правовыми актами и не только с ними. В ст. 48 законопроекта устанавливается, что итоги собрания граждан (как и ряда других форм непосредственной демократии) подлежат официальному опубликованию (обнародованию). Но итоги собрания граждан (как и ряда других форм непосредственной демократии) не включены в систему муниципальных правовых актов (ст. 51), которые подлежат обнародованию.

Законопроект сохраняет нормативы численности депутатов представительного органа в зависимости от численности населения муниципального образования. Логично предположить, что исходя из цели укрупнения муниципальных образований (укрепление финансовой основы) существование муниципальных образований с численностью на-

⁷ Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года (первоначальная редакция).

селения менее 1000 человек маловероятно, более того — недопустимо.

Не понятен статус главы местной администрации в случае назначения на эту должность по результатам конкурса. Законопроектом №40361-8 к должностным лицам местного самоуправления отнесены две категории лиц: 1) замещающие муниципальные должности; 2) заключившие контракт (трудовой договор). Глава местной администрации относится к лицам, замещающим муниципальные должности, за исключением одного случая — идет отсылка к ч.15 ст. 19 законопроекта №40361-8, в которой на главу муниципального образования возлагаются определенные обязанности как на лицо, замещающее муниципальную должность, и не содержится никаких исключений. Возникает вопрос — является ли глава местной администрации в случае назначения на эту должность по результатам конкурса муниципальным служащим или нет? Как будут оформляться с ним отношения? Более того, фактически происходит смешение понятий «муниципальная должность» и «должность муниципальной службы».

Более пристальное внимание следует уделить такой фигуре, как староста сельского населенного пункта. Он не должен назначаться представительным органом муниципального образования. Последний должен лишь утверждать кандидата, непосредственно избранного жителями сельского населенного пункта на сходе. Правовой статус старосты должен быть четко определен на федеральном уровне, прежде всего юридические гарантии его деятельности, поскольку именно ему предстоит отстаивать интересы жителей. Старосте должны быть предоставлены реальные инструменты эффективного осуществления своих полномочий, вплоть до компенсации временных и материальных затрат за счет бюджета муниципального образования (например, компенсация за использование собственного транспортного средства при решении общественно значимых вопросов, реальная возможность присутствовать на заседаниях представительного органа, право внеочередного приема главой местной администрации и др.).

Часть 3 ст. 28 законопроекта №40361-8 содержит запрет для депутата представи-

тельного органа и главы муниципального образования на одновременное исполнение ими аналогичных полномочий в других муниципальных образованиях, но при этом допускаются исключения, установленные федеральными законами. Но возможны ли вообще такие исключения при одноуровневой системе местного самоуправления?

Часть 5 ст. 45 законопроекта №40361-8 устанавливает порядок формирования органов территориального общественного самоуправления — избрание на собраниях (конференциях граждан). Однако понятие «конференция граждан» нигде в законопроекте более не упоминается, в том числе и в ст. 48, посвященной собраниям граждан.

Как существенный недостаток следует отметить то, что в законопроекте №40361-8 отсутствует статья, в которой бы содержались легальные определения основных используемых понятий. Можно возразить, что и в законе об организации публичной власти в субъектах РФ подобная статья отсутствует. Однако местное самоуправление является специфическим уровнем публичной власти, где функционируют институты, аналогов которым нет. Должен быть разработан четкий понятийный аппарат, исключающий возможность двусмысленного толкования.

Заключение. Законопроект №40361-8 представляет определенную попытку соединить положения ныне действующего закона о местном самоуправлении с идеями о вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти. Но при всех недостатках действующего закона он все-таки является системным, так или иначе он аккумулировал двадцатилетний опыт своего применения. А законопроект №40361-8, на наш взгляд, как раз и страдает отсутствием системности и продуманности предлагаемых изменений.

Список источников

1. Болдырев О.Ю. Проект нового Закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. №2. С. 65–70.
2. Зазулина М.Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой

федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. №3. С. 275–284.

3. Казанцева О.Л., Кузина Е.В. Местное самоуправление в системе российской государственности: проблемы и перспективы // Правоприменение. 2022. Т. 6. №3. С. 161–171.

4. Килинкарров П.Л. Принципы включения местного самоуправления в систему единой публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. №8. С. 21–25.

5. Кокотов А.Н. Территориальные органы местного самоуправления и укрупнение муниципальных образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №1. С. 28–31.

6. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. №8. С. 24–30.

7. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. №6. С. 10–15.

8. Третьяк И.А. Тенденции развития местного самоуправления в свете конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. №8. С. 60–63.

9. Шугрина Е.С. Новые тренды в местном самоуправлении как поиск баланса между развитием местного самоуправления и развитием территории // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №1. С. 3–7.

10. Шугрина Е.С. Территориальные основы местного самоуправления как поиск баланса интересов разных уровней публичной власти // Тенденции развития местного самоуправления на современном этапе (взгляд ученых и практиков) / Под ред. Е.С. Шугриной, М.П. Ряшина. Коллективная монография. Ханты-Мансийск: Югорский гос. университет, 2022. С. 13–21.

References

1. Boldyrev O. Ju. Proekt novogo Zakona o mestnom samoupravlenii bez samoupravlenija

[Draft of a new law on local self-government without self-government]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2022; (2): 65–70. (In Russ.).

2. Zazulina M.R. Vstroit'sja v sistemu: mestnoe samoupravlenie v uslovijah novoj federal'noj reformy [To integrate into the system: local self-government in the context of the new federal reform]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. 2022; 7(3): 275–284. (In Russ.).

3. Kazanceva O.L., Kuzina E.V. Mestnoe samoupravlenie v sisteme rossijskoj gosudarstvennosti: problemy i perspektivy [Local self-government in the system of Russian statehood: problems and prospects]. *Pravoprimerenie* [Law enforcement]. 2022; 6(3): 161–171. (In Russ.).

4. Kilinkarov P.L. Principy vkljucheniya mestnogo samoupravlenija v sistemu edinoj publichnoj vlasti [Principles of inclusion of local self-government in the system of unified public authority]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. 2022; (8): 21–25. (In Russ.).

5. Kokotov A.N. Territorial'nye organy mestnogo samoupravlenija i ukрупnenie municipal'nyh obrazovanij [Territorial bodies of local self-government and consolidation of municipalities]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. 2023; (1): 28–31. (In Russ.).

6. Peshin N.L. Konstitucionnaja reforma mestnogo samoupravlenija: mehanizmy vstraivaniya mestnogo samoupravlenija v sistemu gosudarstvennoj vlasti [Constitutional reform of local self-government: mechanisms of embedding local self-government in the system of state power]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2020; (8): 24–30. (In Russ.).

7. Peshin N.L. Konstitucionnaja reforma mestnogo samoupravlenija: novaja (staraja) model' sootnosheniya gosudarstvennoj i municipal'noj formy publichnoj vlasti [Constitutional reform of local self-government: a new (old) model of the correlation of state and municipal forms of public power]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2020; (6): 10–15. (In Russ.).

8. Tret'jak I.A. Tendencii razvitija mestnogo samoupravlenija v svete konstitucionnoj reformy [Trends in the development of local self-government in the light of constitutional reform]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2021; (8): 60–63. (In Russ.).

9. Shugrina E.S. Novye trendy v mestnom samoupravlenii kak poisk balansa mezhdru razvitiem mestnogo samoupravlenija i razvitiem territorii [New trends in local self-government as a search for a balance between the development of local self-government and the development of the territory]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. 2023; (1): 3–7. (In Russ.).

10. Shugrina E.S. Territorial'nye osnovy mestnogo samoupravlenija kak poisk balansa interesov raznyh urovnej publichnoj vlasti [Territorial foundations of local self-government as a search for a balance of interests of different levels of public authority]. Tendencii razvitija mestnogo samoupravlenija na sovremennom jetape (vzgljad uchenyh i praktikov) [Trends in the development of local self-government at the present stage (the view of scientists and practitioners)]. Pod red. E. S. Shugrinoj, M. P. Ryashina. Kollektivnaja monografija [In E. S. Shugrina, M. P. Ryashina (eds.). Collective monograph]. Hanty-Mansijsk: Jugorskij gos. universitet, 2022. P. 13–21. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 10.03.2023; approved after reviewing on 25.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реброва Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Natalya M. Rebrova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.546

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-207-216

КОНЦЕПЦИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА В МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ СФЕРЫ ГОСТЕПРИИМСТВА В АРАБСКИХ СТРАНАХ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

База Сармад

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
sarmadbaza007@gmail.com, ORCID: 0009-0007-1430-8953*

Аннотация. *Цель исследования* — использование методов бережливого производства в индустрии гостеприимства путем предложения нового подхода, механизма и инструментов управления деловыми отношениями в гостиницах на основе определения характеристик деловой активности.

Методологическую базу исследования составляют методы сравнительного и динамического научного анализа и оценки влияния инструментов бережливого производства в структуре организационно-инвестиционного механизма на развитие трудовых ресурсов в гостиницах арабских стран.

Результаты исследования. Индустрия гостеприимства вносит основной вклад в ВВП стран, где туризм является профильным, а отели играют важную роль в эффективности отрасли. Учитывая большое количество путешественников со всего мира, арабские отели стремятся повысить свою прибыльность и долю рынка, предлагая инновационные и персонализированные услуги и продукты. Каждый отель предлагает гостям разный спектр услуг, используя новейшие технологии туристического сервиса. Примером является то, что в последнее время индустрия гостеприимства начинает адаптировать и применять инновационные технологии — инструменты бережливого производства в структуре организационно-инвестиционного механизма развития трудовых ресурсов, тем самым увеличивая технологическое сотрудничество работников разных отделов с помощью искусственного интеллекта для повышения качества обслуживания и операционной эффективности с целью удовлетворения ожиданий клиентов с точки зрения качества и цены. Но чтобы методы бережливого производства в данной сфере работали успешно, необходимо проводить обучение, ориентированное на наращивание соответствующих компетенций у персонала отеля. Для этого существуют специальные проекты и программы, предназначенные как для начинающих, так и для работающих сотрудников различных категорий. В учебные программы входит изучение основных видов бережливого производства, используемых инструментов и критериев оценки результатов. Полученные автором на примере арабских отелей рекомендации стандартизированы и унифицированы, что позволяет использовать их в отелях других стран мира.

Перспективы исследования заключаются в разработке и тестировании сценарного подхода к выбору альтернативных вариантов обучения работников, занятых в индустрии гостеприимства, основам, особенностям, специфике и инструментам бережливого производства с целью повышения эффективности использования их ресурсного потенциала.

Ключевые слова: трудовые ресурсы арабских отелей, бережливое производство, организационно-инвестиционные и информационные механизмы, гибкое производство

Для цитирования: Сармад Б. Концепция бережливого производства в механизме развития трудовых ресурсов сферы гостеприимства в арабских странах: информационное обеспечение // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 207–216. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-207-216>.

Original article

THE CONCEPT OF LEAN PRODUCTION IN THE MECHANISM OF LABOR DEVELOPMENT IN THE SPHERE OF HOSPITALITY IN THE ARAB COUNTRIES: INFORMATION SUPPORT

Sarmad Baza

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
sarmadbaza007@gmail.com, ORCID: 0009-0007-1430-8953*

Abstract. *The purpose of the study is to use lean production methods in the hospitality industry by proposing a new approach, mechanism and tools for managing business relations in hotels based on defining the characteristics of business activity.*

The methodological basis of the study *consists of methods of comparative and dynamic scientific analysis and the evaluation of the impact of lean production and the mechanisms of organization and information on the development of labor resources in the hotels of the Arab countries.*

Research results. *The hospitality industry makes a major contribution to the GDP of countries where tourism is specialized, and hotels play an important role in the efficiency of the industry. Considering the large number of travelers from all over the world, Arab hotels are striving to increase their profitability and market share by offering innovative and personalized services and products. Each hotel offers guests a different range of services, using the latest technologies of tourist service. An example is that the hospitality industry has recently begun to adapt and apply innovative technologies — lean manufacturing tools in the structure of the organizational and investment mechanism for the development of labor resources, thereby increasing technological cooperation of employees of different departments using artificial intelligence to improve the quality of service and operational efficiency in order to meet customer expectations in terms of quality and price. But in order for lean production methods in this area to work successfully, it is necessary to conduct training focused on building up the relevant competencies of the hotel staff. To do this, there are special projects and programs designed for both beginners and working employees of various categories. The training programs include the study of the main types of lean manufacturing, the tools used and the criteria for evaluating the results. The recommendations obtained by the author on the example of Arab hotels are standardized and unified, which allows them to be used in hotels in other countries of the world.*

The prospects of the research *are to develop and test a scenario approach to choosing alternative training options for employees engaged in the hospitality industry, the basics, features, specifics and tools of lean manufacturing in order to increase the efficiency of using their resource potential.*

Keywords: labor resources of Arab hotels, lean manufacturing, organizational, investment and information mechanisms, flexible production

For citation: Sarmad B. The concept of lean production in the mechanism of labor development in the sphere of hospitality in the arab countries: information support // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 207–216. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-207-216>.

Введение. Традиционно предпринимателям кажется очевидным, что их главная цель — повысить эффективность своей деятельности, максимизировать прибыль и сократить убытки, а учитывая сложный и постоянно изменчивый характер деловой среды, выживание компаний на рынке, их устойчивость и конкурентоспособность в конечном счете зависят от оперативности их реагирования на объективный и непрерывный способ этих изменений для повышения ценности товара/услуги. По мнению ряда ученых [1; 10; 11], с которыми солидаризируется автор статьи, эти исходные положения в большей своей части вписываются в концепцию «бережливого производства».

Американское общество качества (ASQ) определяет гибкое (бережливое) производство как систему, включающую набор действий и практик по управлению производственными или сервисными операциями с целью повышения эффективности и результативности операций, сокращения отходов и устранения неценных компонент производственного процесса за счет добавления новых мероприятий [3; 4; 17]. Японские компании во главе с Toyota первыми внедрили концепцию бережливого производства. В данном контексте Toyota считается самой эффективной компанией в мире, так как она устанавливает стандарты передовой практики бережливого производства.

Поскольку в концепте бережливого производства одним из фундаментальных понятий, на которые направлены управляющие воздействия, являются потери, их сокращению уделяется особое внимание. Как известно, потери разного вида так или иначе сопряжены с действиями, которые увеличивают затраты различных ресурсов, не добавляя, возможно, ценности продукту (услуге), но вынуждая покупателя платить за него с учетом этой увеличенной стоимости.

Таким образом, выявление и устранение сопряженных с производством продукции

(предоставлением услуг) потерь способствует, во-первых, оптимальному инвестированию ресурсов; во-вторых, снижению затрат; в-третьих, повышению удовлетворенности потребителей (клиентов в сфере гостеприимства) и в-четвертых, увеличению прибыли компании.

Материалы и методы. В процессе исследования с целью уточнения методологического базиса и понятийно-категориальных конструктов, сопряженных с изучением данной темы (в том числе роли, специфики и принципиальной возможности использования концепции бережливого производства в развитии компетенций трудовых ресурсов арабских отелей) традиционная методика управления развитием трудовых ресурсов сферы гостеприимства в арабских странах (биометрический, профессиональный стандарт, нормирование и другие) дополнена специальными методами и инструментами бережливого производства, но адаптированными к специфике гостиничной индустрии. Это позволило сформировать теоретико-методологическую основу для изучения проблемы бережливого производства в развитии профессиональных качеств работников гостиничного хозяйства, а также разграничить традиционные и новые подходы к решению этой современной проблемы в индустрии гостеприимства в арабских странах с учетом их специфики. В частности, она определяется особенностями трудовой деятельности работников отелей, которая проявляется не только в способах и формах использования рабочей силы работников гостиничного производства в этих странах, но и в показателях их заработной платы.

Согласно авторской концепции, для определения состава и структуры производственных операций в индустрии гостеприимства использовались методы динамического сравнительного анализа, которые позволяют

выявлять и ранжировать по приоритетности с точки зрения эффективности использования трудовых ресурсов выполняемые работниками профессиональные обязанности. Также использовалась методика оценки отдельных показателей механизма бережливого производства через призму их адаптации к оценке качественных и количественных характеристик организации процесса использования и развития трудовых ресурсов гостиничной индустрии в арабских странах. Данный методологический прием позволил выявить факторы, которые вносят прямой и косвенный вклад в увеличение притока туристов и доходности гостиничного сектора.

Исследование сущности и содержания бережливого производства в производственных процессах. Гибкое (бережливое) производство — это интегрированная философия управления операциями, которая своей концепцией охватывает непрерывный поток товаров/услуг и отзывов потребителей по требованию. В основе данной концепции находится идея устранения процедур, не добавляющих ценности для клиента, ориентация на максимальное использование ресурсов с наименьшими дефектами и максимально быстрое реагирование на изменение требований заказчика. Хотя гибкое производство может подходить не для всех организаций и имеет следствием негативные последствия в случае непонимания или отсутствия надлежащего применения, руководство организации, желающее следовать гибкому производственному подходу, должно определить его пригодность и готовность к этому, а также обеспечить все необходимое до запуска данного механизма [2; 6; 19].

Следовательно, мы делаем вывод, что термин «бережливое производство» относится к бизнес-практикам, направленным на улучшение всех процессов, снижение затрат и отходов, поддержку инноваций и сокращение времени, необходимого для создания конечного продукта. Эта модель, называемая «бережливое производство», позволяет буквально каждому сотруднику видеть и выявлять потери ресурсов (в том числе временных) и действовать таким образом, чтобы ценность производимого продукта постоянно возрастала. На самом деле, если исследова-

тель лаконично ответит на вопрос «что такое бережливое производство простыми словами?», то можно сказать, что оно представляет собой модель, нацеленную на максимально возможное снижение затрат и в то же время увеличивающую ценность для потребителя конечной продукции.

Таким образом, бережливое производство — это определенная концепция управления. Ее основа — постоянный поиск возможностей устранения потерь на производстве и в офисе. Часто для обозначения данной концепции используются термины «lean-производство» и «lean-технологии». Lean в данном случае означает именно «производство без излишеств» — то, чего должно добиваться любое предприятие.

Концепция бережливого производства: возможности применения и особенности в сфере использования трудовых ресурсов в гостиничной индустрии. Как показывают результаты исследования, в реальной практике бережливое управление уже продемонстрировало свою применимость в сфере услуг или третичном секторе, который включает также сферу гостеприимства и туризма. Тем не менее в современной литературе есть лишь несколько примеров компаний туристической отрасли, внедривших Lean Management в свои организационные процессы, и тем более — в сферу трудовых отношений. Это может быть объяснено различными факторами и причинами. Безусловно, одна из них заключается в том, что методы Lean используются лишь частично в отдельных подразделениях организации и поэтому отсутствует общий подход, охватывающий систему использования трудового потенциала полностью. Следовательно, эти отдельные приложения не относятся к бережливому менеджменту. Особо следует отметить, что когда Lean Management применяется в сфере гостеприимства, это происходит в основном в сочетании с системой управления Six Sigma.

Философия Six Sigma в секторе гостиничной индустрии связана со статистическим контролем процесса предоставления услуг, случайным контролем (связанным с вероятностью) деятельности работников, анализом данных о видах и качестве предоставляемых

услуг, применяемыми кадровым менеджментом гостиниц методами оптимизации использования рабочей силы, планированием эксперимента, анализом отклонений, статистическими методами, предотвращением ошибок, своевременным выполнением задач, минимизацией отходов, согласованностью в процессах. Иными словами, Six Sigma — это практичный инструмент, применение которого позволяет постоянно улучшать качество продукции и повышать производительность труда. Краткое описание возможностей данной модели изложено в ряде публикаций [13; 14; 12; 15] и заключается в следующем.

Во-первых, основанная на реальной информации данная методология анализа основных причин и возникающих проблем в предоставлении гостиничных услуг позволяет выявлять «узкие места» в использовании трудового потенциала и определять направления совершенствования бизнес-процессов путем устранения дефектов (целеориентированное управление выявленными дефектами возможно в отношении примерно шести стандартных отклонений). Это способствует непрерывному улучшению качества продукта или услуги.

Во-вторых, данная технология позволяет повышать и улучшать знания сотрудников в области управления бизнесом на разных его этапах, в том числе на этапе получения конечного результата: сравнение его характеристик с целевыми показателями, что может учитываться в так называемом «контуре обратной связи» — необходимом элементе кибернетического подхода к управлению, позволяющем корректировать управленческие воздействия (в том числе на кадровый потенциал) на следующем этапе технологического процесса.

В-третьих, в рамках данной модели сочетается философия управления трудовыми ресурсами отеля и методы инженерного проектирования при одновременном снижении потенциальных рисков. Здесь главный акцент делается на командной работе и достижении высокого уровня компетентности каждого из работников, а также положительного синергетического эффекта от совместной ориентированной на высокий результат деятельности в команде.

В 1980-х годах Six Sigma называлась выдающейся производственной специализаци-

ей, но теперь она включает широкий спектр видов деятельности и услуг: транспорт, управление, производство, медицину, организацию труда и другие операционные процессы. Таким образом, данную технологию можно использовать практически в любом процессе гостиничной сферы, которая, как система, имеет вход (ресурсы), цели и производит продукцию/услуги (выход).

Компания Starwood Hotels внедрила Six Sigma в 2001 году, что включало запуск 3500 проектов Sigma Six в ее отелях по всему миру. С использованием данной технологии компания быстро увеличила свои доходы на 19%, а общие расходы со стороны клиентов увеличились на 12% после нескольких месяцев внедрения. Общая выручка Starwood Hotels увеличилась с 91 до 141 миллиона фунтов стерлингов после применения «Шести сигм».

Аналогичные результаты получают туристические компании в сфере трансфера из аэропорта в отели, так как использование инструментов Lean, Six Sigma приводит к сокращению времени ожидания и жалоб клиентов. Отели, предоставляющие услуги трансфера в отель и обратно, а также транспорт до других близлежащих мест, таких как торговые центры, на основе запросов клиентов получали высокие доходы, но одновременно результаты анализа показали нехватку кадров (особенно в диспетчеризации). Основанная на этой концепции реорганизация бизнеса представляет собой приоритезацию потребительского спроса (определение добавленной стоимости для клиентов) и упрощение процессов (централизация заказов) [6; 7; 8; 14; 19].

Как было отмечено выше, на сегодняшний день существует множество различных методов и инструментов в области Lean Management. В связи с тем, что бережливое производство зародилось в сфере производства, большинство его инструментов и применяются в этой области. Однако благодаря возможности адаптации данной концепции к другим сферам деятельности, в том числе сфере гостиничных услуг, сегодня она также применима в других областях и больше не относится исключительно к производственной сфере. Тем не менее нужно отдавать себе отчет в том, что не каждый метод Lean Management одинаково подходит для разного вида деятельности. Следовательно, должна

быть проведена адекватная процедура оценки потенциала данной технологии, чтобы получить рейтинг с наиболее подходящими методами бережливого производства для сферы туризма.

Определение подходящих бережливых методов и критериев для гостиничного сектора. Чтобы получить представление о том, какие методы бережливого производства наиболее подходят для сферы гостеприимства, необходимо определить и взвесить соответствующие критерии оценки. В авторской модели валидации были определены четыре критерия с разным весом.

Критерий 1. Усилия и затраты на реализацию. На практике стоимость инвестиций в наращивание профессиональных качеств работников отелей и их эффективное использование должна быть как можно ниже, чтобы обеспечить очень короткий период их окупаемости.

Критерий 2. Время до появления видимости конкретного результата. Данный критерий концентрирует внимание на краткосрочной видимости положительных эффектов в отношении практического применения методов бережливого производства в сфере кадрового потенциала работников гостиниц. Неудача реализуемого инвестиционного проекта, направленного на повышение профессиональных качеств работников, часто вызвана отсутствием результатов в короткие сроки. Поэтому следует учитывать и этот временной фактор.

Критерий 3. Влияние на ключевые показатели эффективности (КПЭ). КПЭ оказывают большое влияние на решения, принимаемые руководством туристической компании в отношении кадрового потенциала, и помогают принять решение о продолжении, продлении, ограничении или прекращении инвестиционного проекта и или другой стратегической деятельности.

Критерий 4. Устойчивость результата и его эффективность. По сравнению с предыдущими критериями основное внимание уделяется достижению устойчивого результата (качества предоставляемых услуг).

Следует дополнительно отметить, что одной из основных целей Lean Thinking является долгосрочная выгода для гостиничного предприятия. Изменения в сознании людей

не могут произойти за несколько дней, на это нужно время. Следовательно, и этот критерий должен быть включен в модель валидации.

Как показывают результаты проведенного исследования, реальной практикой подтверждается наличие организаций, в том числе отелей, которые весьма заинтересованы в применении модели бережливого производства для усиленного наращивания профессиональных компетенций работников, причем именно с использованием соответствующих инвестиционных ресурсов, что предоставляет им новые качества и обновляет имеющиеся у них компетенции, а также повышает их мотивацию к инновациям в гостиничной работе. И осуществляется это не только через обучение, но также с помощью разного рода стимулов и поощрений.

Входными данными в систему и процесс развития компетенций работников в отелях являются результаты оценки текущего состояния их качественных и количественных характеристик, а процессы развития компетенций обеспечивают генерацию, приобретение и обмен ими, а также их использование в соответствии с целями организации.

Структурно-логическая схема построения информационно-организационного механизма повышения конкурентоспособности и качества рабочей силы работников гостиничных предприятий на базе концепции бережливого производства представлена на рисунке 1.

Планируя организацию работы сотрудников, менеджер отеля определяет, что, когда и как каждый человек или отдел должен выполнять. Если эти решения выбираются эффективно, менеджер получает возможность реализовать свои решения, применяя основные принципы мотивации и подготовки, то есть призывая себя и других сотрудников работать для достижения личных целей и целей гостиничных учреждений.

Как видно на рисунке 1, важным условием для принятия эффективных кадровых решений является доступность достаточной и точной информации, что возможно на основе инкорпорирования в структуру данного механизма системы мониторинга, включающей также методы и инструменты оценки и развития трудовых ресурсов гостиницы.

При этом чтобы обеспечить адаптируемость модели валидации к потребностям

различных предприятий индустрии туризма, приведенные выше критерии можно взвешивать по-разному. В процессе исследования автором критерии были взвешены вместе с руководством анализируемого отеля. Третьему критерию (влияние на КПЭ) был придан наибольший вес, чтобы признать тот факт, что зачастую КПЭ являются главным аргументом при принятии стратегических решений в отношении трудовых ресурсов.

Однако дополнительно следует отметить, что не все перечисленные средства и методы бережливого производства одинаково подходят для их применения в сфере гостеприимства. Как и ожидалось, можно заметить, что методы из определенных групп, например, «Организация и персонал», «Материальный поток» и «Макет», являются более подходящими, чем другие. Рассмотрим их.

Машины и оборудование. Методы из этого кластера демонстрируют низкую пригодность в сфере гостиничной индустрии по сравнению с другими, особенно в отношении первого и второго критериев.

Материальный поток и макет. Методы этого класса представляют собой смешанную совокупность. Некоторые из них являются очень хорошо адаптированными к гостиничной специфике, другие — нет. Сильные стороны методов из этого кластера заключаются в их влиянии на ключевые показатели эффективности использования трудового потенциала и устойчивость функционирования гостиничного предприятия.

Организация и персонал. В этом кластере нет больших различий между эффективностью отдельных методов. В целом все они очень хорошо подходят для сферы гостеприимства.

Рис. 1. Структурно-логическая схема механизма повышения конкурентоспособности работников отелей с использованием концепции бережливого производства

Fig. 1. Structural and logical scheme of the mechanism for increasing the competitiveness of hotel employees using the concept of lean manufacturing

Планирование и контроль производства. Эти методы особенно дороги в реализации и требуют усилий и времени, необходимых для получения желаемого результата, хотя они очень устойчивы в использовании и применении в производственной сфере.

Качество. Данный метод сравним с потоком материалов и компоновкой. Некоторые из этих методов трудоемки и очень сложны в реализации. Кроме того, их выгода не всегда узнаваема с первого взгляда [2; 4; 10; 19; 16]. Однако, если гостиничное предприятие обладает необходимыми финансовыми ресурсами, данный метод имел бы высокую эффективность при его применении в отношении оценки качества рабочей силы, производительности труда, качества предоставляемых услуг и др.

Заключение. Результаты проведенного исследования в отношении применимости методов управления Lean в сфере гостеприимства можно оценивать как положительные. Благодаря анализу и целеориентированному процессу проверки Lean Toolbox можно идентифицировать как методы, соответствующие специфике сферы гостеприимства. Однако не все рассмотренные методы абсолютно подходят для индустрии гостеприимства (в частности такие методы, как картирование потока создания ценности и другие). В то же время можно сделать обоснованный вывод, что концепция бережливого управления имеют высокий потенциал для сектора туризма и гостеприимства в будущем. По мнению автора, в ближайшей перспективе туризм должен быть более осведомлен о методах бережливого производства, но при этом методы бережливого производства должны быть адаптированы к конкретным требованиям гостиничного сектора.

Список источников

1. Вершинин О.В. Как помогает бережливое производство и для какого бизнеса подходит [Электронный ресурс] // Популярные услуги Neiros. 27.05.2022. URL: <https://neiros.ru/blog/management/kak-berezhливое-proizvodstvo-pomozhet-i-dlya-kakogo-biznesa-podoydet/?ysclid=lbaxe8zlw542168587>.

2. Гозалова А.В. Социально-трудовые отношения в сфере высшего образования: ме-

ханизм и инструменты развития в условиях цифровизации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 5.2.3. Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2022. 30 с.

3. Arunagiri P., Gnanavelbabu A. Identification of Major Lean Production Waste in Automobile Industries using Weighted Average Method // Procedia Engineering. 2014. №97. P.2167–2175.

4. Chen H., Lindeke R., Wyrick D. Lean automated manufacturing: Avoiding the pitfalls to embrace the opportunities // Assembly Automation. 2010. №30(2). P. 117–123.

5. Chiarini A., Found P., and Rich N. Understanding the Lean enterprise: Strategies, methodologies, and principles for a more responsive organization [Electronic resource]. 2019. URL: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/119416>.

6. Gibbons P., Kennedy C., Burgess S., Godfrey P. The development of a lean resource mapping framework: introducing an 8th waste // International Journal of Lean Six Sigma. 2012. №3(1). P. 4–27.

7. Kwok A., Mian Yan, Xin Hai Deng, Ying Ting Huang. Exploring the facilitating and obstructing factors of using virtual reality for 5S training: An exploratory qualitative study from students' perspectives in an industrial engineering undergraduate course [Electronic resource]. Article Mar 2022. URL: <http://www.process-improvement-japan.com/lean-hotel-operations.html>.

8. Lancaster J.M. Lean and Six Sigma in Hospitality Organizations: Benefits, Challenges, and Implementation. Las Vegas: University of Nevada, 2011. 28 p.

9. Marinelli M., Deshmukh A.A., Janardhanan M., Nielsen I. Lean manufacturing and Industry 4.0 combinative application: Practices and perceived benefits // IFAC-PapersOnLine. 2021. №54(1). P. 288–93.

10. Maware C., Parsley D. The Challenges of Lean Transformation and Implementation in the Manufacturing Sector. 2022. №14(10). P.6287.

11. Parker S. Longitudinal Effects of Lean Production on Employee Outcomes and the Mediating Role of Work // Journal of Applied Psychology. 2003. №88(4). P. 620–634.

12. Pedersen E. R. G., Huniche M. Determinants of lean success and failure in the Danish

public sector // International Journal of Public Sector Management. 2011. №24(5). P. 403–420.

13. Ramadan M.A., Al Dhaheri M.K., Maalouf M. Application of Six Sigma methodology to enhance the productivity and performance of a hotel in the UAE [Electronic resource] // Article Mar 2022. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/TQM-11-2021-0325/full/html>.

14. Raucha E., Damiana A., Holzner P., Mattab D.T. Lean Hospitality — Application of Lean Management methods in the hotel sector [Electronic resource] // Published by Elsevier B.V. Apex Hotels. URL: http://www.rkmsuk.co.uk/casestudies/apex_hotels_accelerate_programme.pdf. (date accessed: 26.02.2014).

15. Sawhney R., Subburaman K., Sonntag C., Rao P., Capizzi C. A modified FMEA approach to enhance reliability of lean systems // International Journal of Quality and Reliability Management. 2010. №27(7). P. 832–855.

16. Sundar R., Balaji A.N., Kumar R.M. S. A Review on Lean Manufacturing Implementation Techniques // Procedia Engineering. 2014. №97. P. 1875–1885.

17. The Impact of Lean Six Sigma (LSS) Methodology on the Quality of Hotel Services Provided to Guests of Rahman in Makkah Al-Mukarramah Hotels: A Field Study, Rasha Alyan Al-Harbi, Saudi Arabia // Umm Al-Qura University / College of Business Administration, 2021.

19. Vadivelu S.M., Sequeira A.H. Lean Service Tools for the Positive Sustainable Growth [Electronic resource] // A Critical Article. July 2022. URL: http://www.starting4.it/metodologia_innovazione/processo-lean-in-hotel-si-puo-fare/.

20. What is Lean? Lean Manufacturing & Lean Enterprise // ASQ. Asq. org. 2022.

References

1. Vershinin O.V. Kak pomogaet berezhlivoe proizvodstvo i dlja kakogo biznesa podhodit [How lean manufacturing helps and what kind of business is suitable for] [Elektronnyj resurs]. Populjarnye uslugi Neiros [Popular services Neiros]. 27.05.2022. URL: <https://neiros.ru/blog/management/kak-berezhlivoe-proizvodstvo-pomozhet-i-dlya-kakogo-biznesa-podoydet/?ysclid=lbaxe8zlw542168587>. (In Russ.).

2. Gozalova A.V. Social'no-trudovye ot-nosheniya v sfere vysshego obrazovaniya: mehanizm i instrumenty razvitiya v usloviyah cifrovizacii: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk: 5.2.3 [Social and labor relations in higher education: mechanism and tools of development in the conditions of digitalization. Ph. D. (Economy) Thesis]. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-on-Don: Juzhnyj federal'nyj universitet, 2022. 30 p. (In Russ.).

3. Arunagiri P., Gnanavelbabu A. Identification of Major Lean Production Waste in Automobile Industries using Weighted Average Method // Procedia Engineering. 2014. №97. P.2167–2175.

4. Chen H., Lindeke R., Wyrick D. Lean automated manufacturing: Avoiding the pitfalls to embrace the opportunities // Assembly Automation. 2010. №30(2). P. 117–123.

5. Chiarini A., Found P., and Rich N. Understanding the Lean enterprise: Strategies, methodologies, and principles for a more responsive organization [Electronic resource]. 2019. URL: <https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/119416>.

6. Gibbons P., Kennedy C., Burgess S., Godfrey P. The development of a lean resource mapping framework: introducing an 8th waste // International Journal of Lean Six Sigma. 2012. №3(1). P. 4–27.

7. Kwok A., Mian Yan, Xin Hai Deng, Ying Ting Huang. Exploring the facilitating and obstructing factors of using virtual reality for 5S training: An exploratory qualitative study from students' perspectives in an industrial engineering undergraduate course [Electronic resource]. Article Mar 2022. URL: <http://www.process-improvement-japan.com/lean-hotel-operations.html>.

8. Lancaster J.M. Lean and Six Sigma in Hospitality Organizations: Benefits, Challenges, and Implementation. Las Vegas: University of Nevada, 2011. 28 p.

9. Marinelli M., Deshmukh A.A., Janardhanan M., Nielsen I. Lean manufacturing and Industry 4.0 combinative application: Practices and perceived benefits // IFAC-PapersOnLine. 2021. №54(1). P. 288–93.

10. Maware C., Parsley D. The Challenges of Lean Transformation and Implementation in the Manufacturing Sector. 2022. №14(10). P.6287.

11. Parker S. Longitudinal Effects of Lean Production on Employee Outcomes and the Me-

diating Role of Work // Journal of Applied Psychology. 2003. №88(4). P. 620–634.

12. Pedersen E.R. G., Huniche M. Determinants of lean success and failure in the Danish public sector // International Journal of Public Sector Management. 2011. №24(5). P. 403–420.

13. Ramadan M.A., Al Dhaheri M.K., Maalouf M. Application of Six Sigma methodology to enhance the productivity and performance of a hotel in the UAE [Electronic resource] // Article Mar 2022. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/TQM-11-2021-0325/full/html>.

14. Raucha E., Damiana A., Holzner P., Mattab D.T. Lean Hospitality — Application of Lean Management methods in the hotel sector [Electronic resource] // Published by Elsevier B.V. Apex Hotels. URL: http://www.rkmsuk.co.uk/casestudies/apex_hotels_accelerate_programme.pdf. (date accessed: 26.02.2014).

15. Sawhney R., Subburaman K., Sonntag C., Rao P., Capizzi C. A modified FMEA

approach to enhance reliability of lean systems // International Journal of Quality and Reliability Management. 2010. №27(7). P. 832–855.

16. Sundar R., Balaji A.N., Kumar R.M. S. A Review on Lean Manufacturing Implementation Techniques // Procedia Engineering. 2014. №97. P. 1875–1885.

17. The Impact of Lean Six Sigma (LSS) Methodology on the Quality of Hotel Services Provided to Guests of Rahman in Makkah Al-Mukarramah Hotels: A Field Study, Rasha Alyan Al-Harbi, Saudi Arabia // Umm Al-Qura University / College of Business Administration, 2021.

19. Vadivelu S.M., Sequeira A.H. Lean Service Tools for the Positive Sustainable Growth [Electronic resource] // A Critical Article. July 2022. URL: http://www.starting4.it/metodologia_innovazione/processo-lean-in-hotel-si-puo-fare/.

20. What is Lean? Lean Manufacturing & Lean Enterprise // ASQ. Asq. org. 2022.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted on 04.03.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 14.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

База Сармад — аспирантка 3-го года обучения, кафедра «Информационная экономика», экономический факультет, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88

Sarmad Baza — Postgraduate Student of the third year of study, Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University.

88 M. Gorky str., Rostov-on-Don, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК: 373.1.013(063)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-217-228

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

*Константин Викторович Воденко¹✉, Петр Андреевич Пономарев²,
Наталья Халиловна Гафиятулина³*

¹*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

²*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия*

³*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

¹*vodenkok@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,*

WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300

²*ponomarev_p@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5373-2174*

³*gafiatulina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7548-1350*

Аннотация. *Цель исследования:* рассмотреть основные проблемы, с которыми сталкивается современное гуманитарное образование, а также перспективы развития современного гуманитарного образования российских вузов.

Методологическую базу исследования составляет социокультурный, аксиологический и коммуникативный подходы в осмыслении проблем и перспектив гуманитарной составляющей образования в российской высшей школе.

Результаты исследования. Авторы публикации рассматривают проблему адаптивности системы образования в условиях цифровизации общества, проблемы взаимодействия вузов и работодателей. Делается акцент на гуманитарном развитии личности и важности введения гуманитарной компоненты как цели воспитательной функции высшей школы. Анализируются перспективы развития гуманитарного образования в российской высшей школе, которые кроются в переосмыслении потенциала критического мышления как его гуманитарной составляющей. Делается вывод о том, что гармоничное развитие личности, способной адаптироваться к происходящим социальным изменениям, не представляется возможным без гуманитарного, личностно-ориентированного образования и практико-ориентированного обучения, призванного закладывать прочную базу коммуникативных знаний, умений и навыков.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении конструктивной стороны социально-гуманитарного образования и необходимости изменения характера взаимоотношений гуманитарного знания и общества.

Ключевые слова: гуманитарное образование, проблемы образования, перспективы, развитие образования, высшая школа, гуманитарное развитие личности, коммуникативная культура, рынок труда

Для цитирования: Воденко К.В., Пономарев П.А., Гафиатулина Н.Х. Проблемы и перспективы развития современного гуманитарного образования в российской высшей школе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 217–228. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-217-228>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF MODERN HUMANITIES EDUCATION IN RUSSIAN HIGHER SCHOOL

Konstantin V. Vodenko^{1✉}, Petr A. Ponomarev², Natalya Kh. Gafiatulina³

¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹vodenkok@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300

²ponomarev_p@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5373-2174

³gafiatulina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7548-1350

Abstract. *The purpose of the research* to consider the main problems faced by modern liberal arts education, as well as the prospects for the development of modern liberal education in Russian universities.

The methodological basis of the study is socio-cultural, axiological and communicative approaches in understanding the problems and prospects of the humanitarian component of education in Russian higher education.

Research result. *The authors of the publication consider the problem of the adaptability of the education system in the context of the digitalization of society, the problems of interaction between universities and employers. Emphasis is placed on the humanitarian development of the individual and the importance of introducing a humanitarian component as the goal of the educational function of higher education. The prospects for the development of humanitarian education in Russian higher education are analyzed, which lie in the rethinking of the potential of critical thinking as its humanitarian component. It is concluded that the harmonious development of a personality capable of adapting to ongoing social changes is not possible without humanitarian, student-oriented education and practice-oriented learning, designed to lay a solid base of communicative knowledge, skills and abilities.*

The prospects of the research lie in the further understanding of the constructive side of social and humanitarian education and the need to change the nature of the relationship between humanitarian knowledge and society.

Keywords: humanitarian education, problems of education, prospects, development of education, higher education, humanitarian development of personality, communicative culture, labor market

For citation: Vodenko K. V., Ponomarev P. A., Gafiatulina N. Kh. Problems and prospects of development of modern humanities education in Russian higher school // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 217–228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-217-228>.

Acknowledgments: the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».

Введение. В последние полтора десятилетия вышло в свет значительное число работ, посвященных нелёгкой судьбе и маргинальной позиции гуманитарной составляющей российского образования и отечественной науки. Лейтмотивом данных публикаций послужил «кризис гуманитарных наук», связанный с сокращением финансирования гуманитарного образования или государственным финансированием его по остаточному принципу.

Этот кризис, по словам О. В. Воробьёвой, заключается «в обвинениях в бесполезности гуманитарных наук в силу невозможности оценить их деятельность в монетарном эквиваленте», а также «в ориентации на подготовку узкопрофильных специалистов без широкой гуманитарной подготовки» [9, с. 22].

Безусловно, проблема образования — это проблема также и национальной безопасности. Гуманитарное знание определяет содержание социальных норм и ценностей, а также обеспечивает передачу социального опыта [7].

Актуальность исследования проблем, перспектив и эффективного развития гуманитарного образования определяется рядом вызовов современности, с которыми сталкивается система образования в России. Стоит отметить, что в рамках данной статьи гуманитарное образование рассматривается не только как высшее образование в сфере общественных наук, но и как блоки дисциплин гуманитарного профиля в школьной программе и других, негуманитарных, направлениях среднего профессионального и высшего образования.

Несмотря на то, что спектр проблем, важных для стабильного функционирования и эффективного развития системы образова-

ния, довольно широк, большинство из них имеют в своей основе одни и те же причины.

Во-первых, высокодинамичное развитие цифровых технологий и быстрых технологических изменений, определяющих специфику взаимодействий в экономической и социальной сферах.

Во-вторых, трансформация рынка труда и требований к профессионально-компетентностным профилям молодых специалистов.

В-третьих, умаление и дискредитация особого, уникального потенциала гуманитарного образования и гуманитарных наук, «который заключается не в утилитарности и практической полезности, а в возможности создавать то, что можно назвать пространством критического мышления» [9, с. 23–24].

Распространение цифровых технологий в течение длительного периода определяет траектории развития экономики и общества и уже не раз приводило к кардинальным изменениям в жизни людей [21].

Цифровизация, проникающая во все сферы социальных взаимодействий, формирует новое публичное пространство [18], а количество транзакций и объемов данных в социально-экономических взаимоотношениях увеличивается скачкообразно.

Таким образом, формируются новые условия функционирования различных систем и требования к скорости и уровню их адаптивности.

Проблема адаптивности системы образования в условиях цифровизации общества. Нетривиальным маркером пренебрежительного отношения к области гуманитарного знания можно считать отсутствие упоминания о нём в большинстве законода-

тельных документов РФ, влияющих на регулирование сферы науки и образования. Речь идёт о программном документе «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ» (2011 г.) и национальном проекте «Наука» (2018 г.), а также ликвидации Российской академии наук (РАН) (2013 г.) в том виде, в котором она формировалась с 1724 г. РАН была «важным инструментом социальной рефлексии, возможностью для общества провести оценку и экспертизу проектов, программ, законов» [1, с. 19–21].

Основная проблема заключается в том, что информационно-коммуникативные технологические изменения и приоритеты научно-технологического развития «осмысливаются вне их гуманитарной компоненты, в сфере интересов которой и находится формирование нового типа мышления, новых моделей поведения и деятельности, а главное — нового типа личности (готовой к диалогу, восприимчивой к расширяющейся информационной среде, умеющей адаптироваться к быстро меняющимся условиям, способной к постоянному самообучению, твор-

ческому решению профессиональных и жизненных задач и т.д.)» [9, с. 23].

Что касается адаптивности системы образования в нынешних условиях, то проблемы, связанные с технологическим и цифровым аспектом, находят свое отражение в том, что формирование и распространение новых профессий происходит быстрее, чем система образования может на это адекватно отреагировать и вводить новые образовательные программы или отдельные дисциплины. Кроме того, новые правила для освоения различных профессий обуславливаются также экономическим кризисом и эпидемиологической ситуацией в России и во всем мире [3].

Если обратиться к эмпирическим данным, например, исследованию ВЦИОМ, то можно увидеть, что значительная часть выпускников вуза сталкивается с проблемами в трудоустройстве. Так, 61 % выпускников сталкиваются с проблемами при трудоустройстве (рис. 1)¹.

Среди причин, по которым выпускники высшей школы испытывают затруднения при трудоустройстве по профессии, стоит отметить недостаток знаний и навыков — эту проблему отмечают 38 % респондентов (рис. 2).

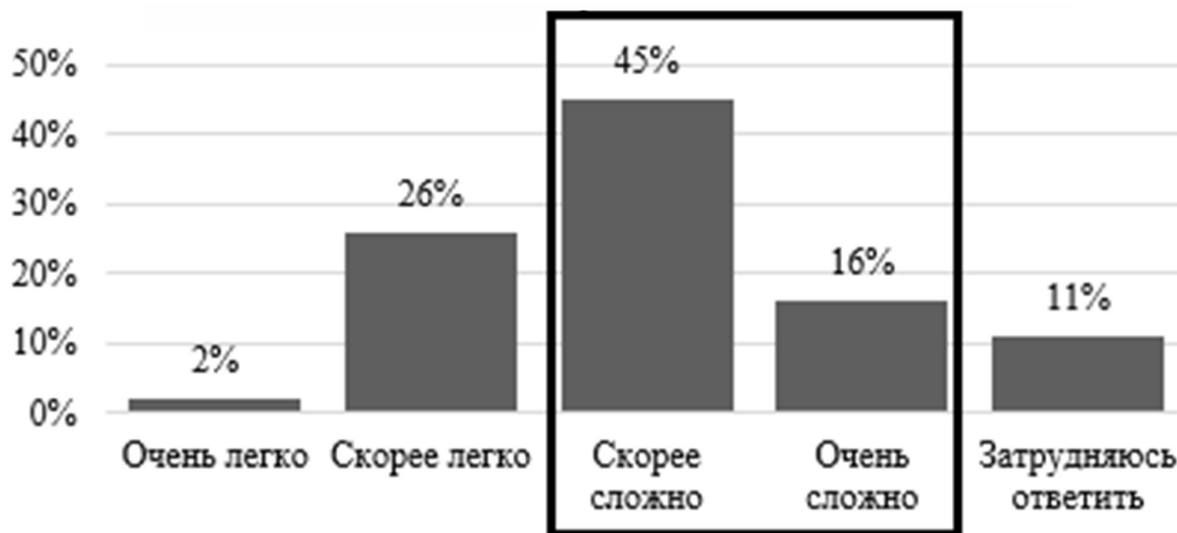

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос

«Если говорить о Вашем личном опыте или опыте Ваших знакомых, насколько легко или сложно выпускнику вуза Вашего направления устроиться на работу по специальности?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question

«If we talk about your personal experience or the experience of your friends, how easy or difficult is it for a graduate of a university in your field to get a job in a specialty?»

¹ Рынок труда в эпоху турбулентности [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/rynok-truda-v-ehpokhu-turbulentnosti>.

Данные этого исследования высвечивают разрыв между возможностями, предоставляемыми высшими учебными заведениями (вузами), и требованиями, предъявляемыми работодателями.

И если раньше речь шла о необходимости прогнозирования рынка труда и маркетинге образовательных услуг в аспекте серьезной реформы системы профессионального образования [5; 15], то сейчас все более актуальными становятся запросы на развитие soft skills у выпускников и формирование t-shaped специалистов. Впервые о таком специалисте и модели его обучения пишет D. Guest в газете «Independent» в 1991 г. Автор говорит о том, что «британскому обществу нужен “гибридный” менеджер, который может комбинировать знания и опыт в бизнесе с навыками в области информационных технологий»².

В российском обществе интерес к формированию t-shaped специалиста активно развивается в последние годы [14]. Отличительными чертами таких специалистов являются автономность, универсальность, гибкость и адаптивность [14].

Для инновационного социального и экономического развития России приоритет системы

образования заключается в формировании креативных навыков учащейся молодежи [8].

Таким образом, перед высшей школой становится другая задача — формирование у будущих выпускников универсальных навыков, отвечающих за способность к постоянному и быстрому самообучению, высокую адаптивность, гибкость, самостоятельное принятие решений, способность эффективно работать в смежных областях. Это позволит сократить время, необходимое на адаптацию к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Подобный подход формирует такой стиль жизни, как lifelong learning — обучение на протяжении целой жизни — позволяющий «эффективно использовать современные технологии, быть открытым для обучения, быть социальным, активным, предприимчивым, должен иметь культурную осведомленность и компетентность в самовыражении» [22, с. 102].

Это позволяет решить проблему быстрой адаптации к динамично меняющейся социально-экономической обстановке, однако может сформировать иные, ценностно-психологические, проблемы у студентов и выпускников высших учебных заведений.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «С какими сложностями сталкиваются выпускники вузов при трудоустройстве на работу?», множественный выбор, % ответивших
Fig. 2. Distribution of answers to the question «What difficulties do university graduates face when applying for a job?», multiple choice, % of respondents

² The hunt is on for the Renaissance Man of computing [Electronic resource] // The Independent (London), 1991. URL: https://www.researchgate.net/publication/319560599_The_T_shaped_designer_expertise_The_reverse-T_shaped_designer_horizon.

Гуманитарное развитие личности как цель воспитательной функции высшей школы. 2023 год Указом Президента РФ В.В. Путина объявлен годом педагога и наставника и приурочен к 200-летию юбилею одного из основателей педагогики К.Д. Ушинского. Мероприятия года направлены на повышение престижа педагогической профессии и важности развития гуманитарной составляющей в профессионально-педагогической практике.

На современном этапе миссия гуманитарного образования заключается «не столько в знаниевой подготовке, сколько в обеспечении условий для самоопределения и самореализации личности, передачи культурного наследия из поколения в поколение» [17, с. 26].

Постоянная концентрация на работе и профессиональных навыках может привести к потере ценностных ориентаций, поскольку ориентация личности претерпевает изменения и становится рыночной. Согласно теории Э. Фромма, личность с рыночной ориентацией оценивает себя и окружающих как товар, одновременно ощущая себя и продавцом, и покупателем [19].

Подобная потенциальная проблема усиливает потребность в воспитательной функции высшей школы, которая выражается в том числе и в гуманитарном развитии личности.

Гуманитарное развитие личности позволяет найти точку пересечения между интересами личности и общества через установление морально-нравственных ориентиров. В связи с этим российской высшей школе предписывается не только функция специфически профессиональной подготовки специалистов в той или иной области, но и функция воспитания активных, социально ответственных людей с активной гражданской позицией.

Иногда вузы действуют вне контекста социальных, гражданских и моральных проблем, что является преградой для всестороннего развития молодого гражданина России.

Поэтому представляется необходимым введение единой воспитательной системы в рамках высшей школы, сочетающей в себе принципы:

— гуманитарной направленности, на-
сущно необходимой для раскрытия потенциала личности и адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности;

— принцип сотрудничества, раскрывающий эффективное взаимодействие главных акторов образовательного процесса: преподавателя и студента;

— непосредственно принцип воспитывающей среды, создающей условия для самореализации личности и раскрытия её творческого потенциала [6].

В таких условиях студент, а затем и специалист, поймет, как выстроить свою профессиональную жизнь и социальные взаимодействия таким образом, чтобы гармонично достигать собственных целей и приносить определенную пользу обществу. Для этого необходимо достичь целостности компетенций выпускников, что становится возможным при высоком уровне системной согласованности и практико-ориентированности в образовательном процессе.

Взаимодействие вузов и работодателей. Эффективная практико-ориентированность образовательного процесса становится возможной лишь при тесном взаимодействии вузов и работодателей. Такое взаимодействие способствует достижению сразу нескольких целей: наработка трудового опыта уже во время обучения, формирование представления у студентов о реальной профессиональной деятельности и преодоление столкновения материальных и постматериальных ценностей у студентов.

Проблема отсутствия опыта у студентов освещена в исследовании ВЦИОМ, которое приведено выше. Так, 89% респондентов отметили, что испытывали проблемы при трудоустройстве по причине недостатка опыта, а 71% столкнулись с низким доходом из-за отсутствия опыта (рис. 2).

В другом исследовании [2] 35,5% респондентов ответили, что совмещали учебу и работу ради получения необходимого в будущем опыта: 12,5% — для «разведки» рынка труда (понимание реалий рынка труда), 23% — для получения опыта работы, который работодатели должны оценить; еще 6,1% работали во время учебы для наработки нужных контактов и связей.

Практико-ориентированное обучение, включающее практику у реальных работодателей, позволяет не только снизить количество выпускников, не имеющих необходи-

мого для успешного трудоустройства опыта, но и избежать формирования «у молодежи своего представления о рабочем месте, которое не совпадает с реальностью»³.

Взаимодействие вузов с работодателями нужно ещё и для решения важной для самого работодателя задачи — понять, как заинтересовать молодого специалиста. Это связано с тем, что, к сожалению, «молодые люди не воспринимают работу как самоценность»⁴.

Перспективы развития гуманитарного образования в российской высшей школе. Перспективы развития гуманитарного образования в российской высшей школе кроются, прежде всего, в переосмыслении потенциала критического мышления как его гуманитарной составляющей. Ибо «гуманитарные науки полностью раскрывают свой потенциал не тогда, когда стараются быть научными и практичными, а тогда, когда занимаются производством и накоплением разных способов мысли, постановкой новых вопросов и проблем, влияющих, в конечном счёте, на культуру и общественную среду, что позволяет им оставаться открытыми для перемен» [9, с. 24].

Одним из актуальных и перспективных направлений развития гуманитарной сферы российского высшего профессионального образования, по данным 2023 г., является потенциально планируемое введение курса «Обучение служением». Данный курс опирается на практико-ориентированный подход в рамках организации урочной и внеурочной деятельности как определённого единого образовательно-воспитательного пространства «через введение инструментов добровольчества, соединяющих теоретические знания, получаемые на занятиях, с практической деятельностью, осуществляемой на добровольной основе и по собственному выбору учащимися во время внеурочной деятельности» [16, с. 8].

В будущем понадобятся специалисты с широким образованием, включающим гуманитарную составляющую, связанную с процессом возрождения духовно-нравственных традиций, относящихся к развитию индивида

как личности, а также проявлению личностных способностей [20], а именно: важность будет приобретать коммуникативная культура, связанная с высоким уровнем развития коммуникативных навыков и социальных способностей, позволяющем специалисту воссоздавать «усвоенные им знания, ценности, моральные и этические нормы, проявляя индивидуальные и личностные качества, достигать конгруэнтного общения» [20, с. 109].

Коммуникативная культура по праву считается важнейшей составляющей всякой профессиональной культуры [10], «главными условиями которой является понимание её необходимости, желание всестороннего развития коммуникативного потенциала учащихся и основы гуманизации образовательного пространства высшей школы, которая может адекватно их обеспечить» [20, с. 109].

Условиями гуманизации образования в высшей школе, которая выступает в качестве ключевого фактора формирования коммуникативной культуры, Л. А. Черных называет: личностно-ориентированное обучение, «поощрение творческой активности и познавательного интереса в обучении и коммуникативной деятельности», «организацию межличностного диалогового аудиторного и внеаудиторного общения на занятиях в системах “студент-студент”, “студент-преподаватель”», «повышение мотивации получения коммуникативных знаний, умений и навыков», «поощрение коммуникативной самореализации в процессе учебных бесед, дискуссий, диспутов, тренингов, ролевых игр, выступлений на конференциях, в волонтерстве» и пр. [20, с. 110].

Навыки делового и межличностного общения, коммуникативные навыки и социальные способности личности, по предвосхищающим словам В. Йонгена, «в будущем станут незаменимыми в розничной торговле от традиционного магазина до подсобного помещения интернет-магазина», поскольку «будут влиять на перемены не в последнюю очередь потому, что это навыки, в которых люди превосходят роботов и машины» [12, с. 261].

В качестве перспективного развития гуманитарного образования является также внед-

³ Валерия Касамара: Чего современная молодежь и работодатели ждут друг от друга [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/20151-chego-sovremennaya-molodezh-i-rabotodateli-zhdut-drug-ot-druga>.

⁴ Там же.

рение т.н. Т-образных программ для удовлетворения потребностей рыночного общества. Как подчеркивает В. Йонген, университетские учебные программы и профессиональные курсы «должны найти способы внедрения Т-образных программ для удовлетворения потребностей розничного рынка. В настоящее время эти курсы все еще нуждаются в разработке и должны сочетать специальные знания (вертикальная полоса Т) с общими знаниями (горизонтальная полоса Т)» [12, с. 261].

Учащейся и студенческой молодёжи предстоит научиться совмещать работу в междисциплинарных командах и экспериментирование с актуальными электронными кейсами из делового бизнес-сообщества. Инновационные методологии ведения проекта, такие, например, как scrum, также должны быть детально изучены и применяться в практической жизни. Что касается обучения личностному развитию и настройке социальных навыков, то они также призваны стать частью опыта обучения молодёжи. Пока данные аспекты образования зачастую исключаются из учебно-образовательных программ с целью экономии времени и финансовых средств, однако необходимо понимать, что получение социально-гуманитарных знаний, способствующих развитию коммуникативных навыков и социальных способностей, «являются необходимым условием того, чтобы талантливая молодёжь преуспевала в новых профессиях, связанных с ритейлом» [12, с. 262].

Заключение. Последние годы определяют потребность в расширении контактов между выпускниками вузов и потенциальными работодателями. Это способствует повышению качества образовательных услуг. Однако необходимо сохранять классический академизм, основанный на фундаментальных знаниях и компетенциях, которые позволяют развивать коммуникативную культуру и личность в целом. Несмотря на деление труда, важно сохранять уровень высшего образования в направлении широкого кругозора и гуманистического потенциала [8].

Необходимо помнить о том, что сфера образования в целом и социально-гуманитарные науки в частности, по своей истинной сути, изучают процессы формирования личности в рамках культивирования системы

ценностных ориентаций и «имеют возможности создания инструментов воздействия на эти процессы» [9, с. 24].

Бесспорно, что гармоничное развитие личности, способной адаптироваться к происходящим социальным изменениям, не представляется возможным без гуманитарного, личностно-ориентированного образования и практико-ориентированного обучения, призванного закладывать прочную базу коммуникативных знаний, умений и навыков.

Список источников

1. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Институциональное обеспечение сбалансированного развития региона. Сборник материалов национальной научно-практической конференции (с международным участием) Академии МУБиНТ. Ярославль, 2021. С. 18–21.
2. Бекова С.К. Совмещение учебы в университете и работы: от бакалавриата до аспирантуры // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2022. №22(39). 28 с.
3. Беликова Н.В., Ширяева Т.Ю. Изменения на рынке труда в контексте появления новых профессий // Вестник РУК. 2021. №1(43). С. 16–20.
4. Беличенко В.С. Многопрофильные сотрудники в сфере управления // Вестник науки и образования. 2019. №23-1(77). С. 28–31.
5. Бодров А.Н. Прогнозирование рынка труда и стимулы занятости // Научные исследования в образовании. 2009. №8. С. 13–18.
6. Божонов З.С. Основные функции воспитательной работы со студентами вуза // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №6–3. С. 1–4.
7. Брестовицкая Н.М. Проблема гуманитарного образования в России в условиях модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15–1. С. 532–534.
8. Воденко К.В., Гурба В.Н., Черных С.С. Академическое лидерство: институциональные и региональные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №1. С. 7–17.
9. Воробьева О.В. О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гу-

манитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. №11. С. 22–33.

10. Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Социальная коммуникация в профилактике конфликтов: учебно-метод. пособие для студентов. М.: Русайнс, 2021. 164 с.

11. Данилкова М. П. Проблемы гуманитарного образования в условиях новых вызовов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. №2(31). С. 158–163.

12. Йонген В. Ритейл будущего. Жизнь online / Пер. Д. А. Шалаевой. М.: Бомбора, 2021. 320 с.

13. Карапетян Е. А., Лугинина А. Г. Социокультурные изменения коммуникации в системе онлайн-образования высшей школы: угрозы VS возможности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №11–1. С. 30–34.

14. Корнюшина А. С. Необходимость T-shaped специалистов в эпоху индустрии 4.0 // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2022): сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. Т. 4. М.: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2022. С. 58–61.

15. Лебедева Д. С. К вопросу о прогнозировании рынка труда // Экономика и социум. 2017. №1-1(32). С. 1107–1110.

16. Обучение служением: Методическое пособие / Под редакцией О. В. Решетникова, С. В. Тетерского. М.: АБЦ, 2020. 216 с.

17. Слободин А. К., Маратканова Л. А. Гуманитарное образование — основа успешности социально-адаптированной личности / Сборник статей региональной научной конференции «Проблемы и перспективы современного гуманитарного образования». Ижевск: Удмуртский университет, 2017. С. 26–30.

18. Тропинова Е. А. Государство как платформа // Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 275–285.

19. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: АСТЛТД, 1998. 556 с.

20. Черных Л. А. Гуманизация высшей школы как условие формирования комму-

никативной культуры студентов // Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. №1. С. 107–111.

21. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 82 с.

22. Yefremtseva T. Quality of lifelong learning // Вестник PMAT. 2022. №2. С. 93–104.

References

1. Ahromeeva T. S., Malineckij G. G., Posashkov S. A. Institucional'noe obespechenie sbalansirovannogo razvitija regiona. Sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) Akademii MUBiNT [Institutional support of balanced development of the region. Collection of materials of the national scientific and practical conference (with international participation) MUBiNT Academy]. Jaroslavl', 2021. P. 18–21. (In Russ.).

2. Bekova S. K. Sovmeshhenie ucheby v universitete i raboty: ot bakalavriata do aspirantury [Combining university studies and work: from undergraduate to postgraduate studies]. Monitoring jekonomiki obrazovanija. Informacionnyj bjulleten' [Monitoring of the economics of education. Newsletter]. Moscow: NIU VShJe, 2022; 22(39): 28. (In Russ.).

3. Belikova N. V., Shirjaeva T. Ju. Izmenenija na rynke truda v kontekste pojavlenija novyh professij [Changes in the labor market in the context of the emergence of new professions]. Vestnik RUK [Bulletin RUK]. 2021; 1(43): 16–20. (In Russ.).

4. Belichenko V. S. Mnogoprofil'nye sotrudniki v sfere upravlenija [Multidisciplinary employees in the field of management]. Vestnik nauki i obrazovanija [Bulletin of Science and Education]. 2019; 23–1(77): 28–31. (In Russ.).

5. Bodrov A. N. Prognozirovanie rynka truda i stimuly zanjatosti [Forecasting the labor market and employment incentives]. Nauchnye issledovanija v obrazovanii [Scientific research in education]. 2009; (8): 13–18. (In Russ.).

6. Bozhonov Z. S. Osnovnye funkicii vos-pitatel'noj raboty so studentami vuza [The main

functions of educational work with university students]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2016; (6-3): 1–4. (In Russ.).

7. Brestovickaja N. M. Problema gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii v usloviyakh modernizatsii [The problem of humanitarian education in Russia in the conditions of modernization]. *Rossija: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and prospects of development]. 2020; (15-1): 532–534. (In Russ.).

8. Vodenko K. V., Gurba V. N., Chernyh S. S. Akademicheskoe liderstvo: institucional'nye i regional'nye aspekty [Academic leadership: institutional and regional aspects]. *Vestnik Juzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2023; 16(1): 7–17. (In Russ.).

9. Vorob'jova O. V. O problemakh i perspektivakh razvitiya gumanitarnykh nauk i gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii [On the problems and prospects of the development of humanities and humanities education in Russia]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2019; (11): 22–33. (In Russ.).

10. Gafiatulina N. H., Samygin S. I. Social'naja kommunikacija v profilaktike konfliktov: uchebno-metod. posobie dlja studentov [Social communication in conflict prevention: educational method. manual for students]. Moscow: Rusajns, 2021. 164 p. (In Russ.).

11. Danilkova M. P. Problemy gumanitarnogo obrazovaniya v usloviyakh novykh vyzovov [Problems of humanitarian education in the conditions of new challenges]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. 2021; 2(31): 158–163. (In Russ.).

12. Jongen V. Ritejl budushhego. Zhizn' online [Retail of the future. Life online]. Per. D. A. Shalaevoj. Moscow: Bombora, 2021. 320 p. (In Russ.).

13. Karapetjan E. A., Luginina A. G. Socio-kul'turnye izmeneniya kommunikacii v sisteme onlajn-obrazovaniya vysshej shkoly: ugrozy VS vozmozhnosti [Sociocultural changes of communication in the system of online higher school education: threats VS opportunities]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhest-*

vennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2021; (11-1): 30–34. (In Russ.).

14. Kornjushina A. S. Neobkhodimost' T-shaped specialistov v jepohu industrii 4.0 [The need for T-shaped specialists in the era of industry 4.0]. *Social'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noj samorealizacii* (Social'nyj inzhener-2022): sbornik materialov Vserossiyskoj nauchnoj konferencii molodykh issledovatelej s mezhdunarodnym uchastiem [Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization (Social engineer-2022): collection of materials of the All-Russian Scientific Conference of Young researchers with international participation]. Vol. 4. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni A. N. Kosygina (Tekhnologii. Dizajn. Iskusstvo), 2022. P. 58–61. (In Russ.).

15. Lebedeva D. S. K voprosu o prognozirovanii rynka truda [On the issue of forecasting the labor market]. *Jekonomika i socium* [Economy and society]. 2017; 1-1(32): 1107–1110. (In Russ.).

16. Obuchenie sluzheniem: Metodicheskoe posobie [Teaching by ministry: A methodological guide]. Pod redakciej O. V. Reshetnikova, S. V. Teterskogo [In O. V. Reshetnikov, S. V. Tetersky (eds.)]. Moscow: AVC, 2020. 216 p. (In Russ.).

17. Slobodin A. K., Maratkanova L. A. Gumanitarnoe obrazovanie — osnova uspešnosti social'no-adaptirovannoj lichnosti [Humanitarian education is the basis for the success of a socially adapted personality]. *Sbornik statej regional'noj nauchnoj konferencii «Problemy i perspektivy sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya»* [Collection of articles of the regional scientific conference «Problems and prospects of modern humanitarian education»]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2017. P. 26–30. (In Russ.).

18. Tropinova E. A. Gosudarstvo kak platforma [The state as a platform]. *Publichnaja politika: instituty, cifrovizacija, razvitie: kollektivnaja monografija* [Public policy: institutions, digitalization, development: collective monograph]. Pod red. L. V. Smorgunova In L. V. Smorgunov (eds.). Moscow: Aspekt Press, 2018. P. 275–285. (In Russ.).

19. Fromm Je. Psihoanaliz i jetika [Psychoanalysis and ethics]. Moscow: ASTLTD, 1998. 556 p. (In Russ.).

20. Chernyh L. A. Gumanizacija vysshej shkoly kak uslovie formirovaniya kommunika-

tivnoj kul'tury studentov [Humanization of higher school as a condition for the formation of students' communicative culture]. *Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2017; (1): 107–111. (In Russ.).

21. Chto takoe cifrovaja jekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie: doklad k XX Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva (Moskva, 9–12 aprelja 2019 g.) [What is the digital econo-

my? Trends, competencies, measurement: report to the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development (Moscow, April 9–12, 2019)]. G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, L. M. Gohberg et al.; nauch. red. L. M. Gohberg. Moscow: Izd. dom VShJe, 2019. 82 p. (In Russ.).

22. Yefremtseva T. Quality of lifelong learning // *Vestnik RMAT* [Bulletin RMAT]. 2022; (2): 93–104.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted on 03.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 12.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

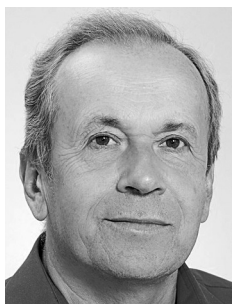

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Пономарев Петр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета.

Россия, г. Новошахтинск, ул. Куйбышева, 20

Pyotr A. Ponomarev — Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Don State Technical University.

20 Kuibysheva str., Novoshakhtinsk, Russia

Гафиатулина Наталья Халиловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры моделирования социальных процессов факультета социологии и политологии, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Natalia Kh. Gafiatulina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Modeling of Social Processes, Faculty of Sociology and Political Science, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.
160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Воденко К. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Пономарев П. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Гафиатулина Н. Х. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vodenko K. V. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Ponomarev P. A. — writing the source text; final conclusions.

Gafiatulina N. Kh. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-229-235

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей Александрович Дементьев

Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия
s.a.dementiev2014@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-6201-3686

Аннотация. В этой статье предпринимается попытка изучить понятие безопасности человека в сети Интернет. Для этого автор разбирает понятия экзистенциальной, психологической и информационной безопасности в контексте виртуализации человеческих отношений в сети Интернет. Очерчены основные проблемные поля, связанные с каждым из вышеописанных видов безопасности, и сделан вывод о том, что глобальная сеть может считаться полноценной социальной реальностью, обладающей своими нормами и ценностями, к которым пользователь должен приспособиться. Основные риски для безопасности человека в сети Интернет связаны с низкой технической грамотностью пользователей и попустительским отношением к собственным персональным данным. Автор утверждает, что запретительные меры со стороны законодателя по отношению к глобальной сети не являются эффективными, и предлагает сосредоточить внимание на повышении культуры общения и повышении технической грамотности пользователей.

Ключевые слова: глобальная сеть, безопасность личности, персональные данные, информационная безопасность, экзистенциальная безопасность, психологическая безопасность, виртуализация общения

Для цитирования: Дементьев С.А. Безопасность человека в сети Интернет: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 229–235. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-229-235>.

Original article

HUMAN SECURITY ON THE INTERNET: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sergey A. Dementiev

*South Russian Humanities Institute, Rostov-on-Don, Russia
s.a.dementiev2014@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-6201-3686*

Abstract. *This article attempts to explore the concept of personal security on the Internet. To do this, the author examines the notions of existential, psychological, and informational security in the context of virtualization of human relations on the Internet. The main problem connected with each of the above-mentioned types of safety are outlined and the conclusion is made that the global web can be considered as a full-fledged social reality with its norms and values, to which a user must adapt. The main risks to personal security on the Internet are related to low technical literacy of users and conniving attitude towards own personal data. The author argues that prohibitive measures on the part of the legislator in relation to the global network is not effective and proposes to focus on improving the culture of communication and improving the technical literacy of users.*

Keywords: *global network, personal security, personal data, information security, existential security, psychological security, virtualization of communication*

For citation: *Dementiev S. A. Human security on the Internet: problems and prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 229–235. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-229-235>.*

Introduction. Безопасность человека и личности имеет важное значение для общества, так как она напрямую связана с одним из важнейших гуманистических принципов — важностью жизни отдельно взятого человека. Однако современный мир характеризуется состоянием турбулентности, неопределенности и фрагментированности. Это связано, в первую очередь, с кризисом «великих нарративов» и последовавшей за ней экзистенциальной неопределенностью множества людей, живущих в современных государствах XXI века. Иными словами, люди перестают верить в «великие проекты» развития человечества от простого к сложному, от зла к добру, от бедности к богатству и так далее. В такой ситуации человек попадает в своеобразную экзистенциальную ловушку, в которой он испытывает трудности в нахождении собственного жизненного пути. Поиск смысла в бессмысленном существовании и умение распоряжаться собственной свободой в условиях неопределенности уже достаточно давно является популярной темой для философских изысканий и социальных

исследований, но современное цифровизированное и компьютеризированное общество ставит научное сообщество перед необходимостью поиска новых путей изучения этих, казалось бы, классических проблем. Объясняется это тем, что современный мир проходит стадию «виртуализации», то есть перехода большинства устоявшихся социальных интеракций в сетевой/онлайн/цифровой режим, имеющий свои особенности и отличия от привычной нам реальности. В данной работе мы предпримем попытку сконструировать структурные элементы безопасности личности в контексте цифровизации и виртуализации современного мира и определить особенности, характерные именно для интернет-среды, значительно отличающейся по своей сути от реальной.

Materials and methods. Интерес к теме интернет-личности и её безопасности проявляют ученые по всему миру. Некоторые исследователи изучают поведение людей в интернете и анализируют степень их безопасности [7], принципы, стоящие за безопас-

ностью личности [10], особенности безопасности несовершеннолетних пользователей [11]. Примечательны также работы специалистов, концентрирующих своё внимание на соотношении приватности информации, безопасности личности и удобства пользования интернет-ресурсами [9] и проблемном поведении в интернете (PiU) среди молодежи [8]. В рамках этой работы мы будем опираться на когнитивный подход к личности и использовать результаты вышеприведенных зарубежных исследований, посвященных личности в интернет-пространстве для изучения особенностей безопасности человека в глобальной сети Интернет.

Results. Безопасность личности в сети Интернет состоит из трёх взаимосвязанных элементов:

- 1) экзистенциальная безопасность;
- 2) психологическая безопасность;
- 3) информационная безопасность.

Экзистенциальная безопасность — устойчивая система экзистенциальных ценностей и ориентаций, определяющая субъективную ценностную позицию и адекватное психоэмоциональное отношение к миру [2]. Она выступает своеобразным ядром иных видов безопасности, так как позволяет определить понимание индивидом того, что хорошо, плохо, желательно, принято и т.д. В современном цифровизирующемся мире экзистенциальная безопасность деформируется и трансформируется, что связано, в первую очередь, с размыванием культурных, национальных, языковых и прочих границ. Постоянный доступ к коммуникации, фактическое исчезновение границ между странами (в контексте коммуникации) размывает привычные ценности и нравственно-моральные ориентиры, выстраиваемые агентами социализации той или иной страны. Индивид превращается из гражданина какой-то конкретной страны в человека глобального, вынужденного сталкиваться с различными, зачастую взаимоисключающими, ценностями [5]. С одной стороны это ведет к положительным изменениям, обусловленным повышением открытости разума людей, но с другой очерчивает серьезные различия между жизнью конкретного пользователя и другими. Пользователи интернета как бы

«выходят» из своей социальной реальности и попадают в совершенно иную, живущую по другим законам. В таком случае множество людей могут ощутить серьезную разницу между своей жизнью и жизнью других людей. Ощущение этой разницы можно охарактеризовать как обоюдоострое лезвие, так как с одной стороны человек может получить заряд мотивации измениться, подстроиться под стандарты других пользователей, но с другой он может стать жертвой эмоционального выгорания, впасть в депрессию и утратить веру в правильность своих ценностей и ориентиров. Таким образом, если рассуждать именно в контексте цифровизации и виртуализации современного мира, то можно прийти к выводу о том, что экзистенциальная безопасность личности при переходе в виртуальную реальность находится под угрозой, так как фактически требует ресоциализации индивида.

Следующей проблемой безопасности человека в сети Интернет может стать интернет-эскапизм, логично вытекающий из невозможности достигнуть состояния экзистенциальной безопасности. Работает это следующим образом: индивид, побывав в виртуальной реальности, начинает считать её более совершенной, чем оффлайн-реальность, и постепенно переходит в неё. Люди, испытывающие трудности в коммуникации со сверстниками и коллегами, могут найти утешение в социальных сетях, чатах и онлайн-играх, те, кто не могут построить свою жизнь в реальности, могут сделать это в Интернете, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на отношениях с реальным оффлайн-обществом [6]. Интернет-эскапизм можно считать серьезной проблемой, имеющей перспективу оказать значительное негативное влияние на безопасность личности.

Психологическая безопасность — это состояние защищенности личности, обеспечивающее ее целостность как активного социального субъекта и возможности развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой [3]. Иными словами, она связана с устойчивостью к внешним факторам окружающей среды. Психологическая безопасность, по нашему мнению, имеет связь с экзистенциальной

и может считаться её продолжением. В рамках нашей работы она выделяется отдельно по причине того, что поведение пользователей глобальной сети значительно отличается от поведения людей в реальности, что объясняется ощущением анонимности, безнаказанности, а также самим характером технически опосредованной коммуникации. В привычной нам реальности поведение большинства людей регулируется социальными нормами, в то время как Интернет, по сути, является отдельной реальностью, продуцирующей свои нормы и ценности. В последнее время сетевое пространство институционализируется, становится всё более контролируемым и предсказуемым, но нельзя сказать, что этика общения пользователей Всемирной Паутины идентична той, которая наблюдается в оффлайн-реальности. Можно сказать, что при общении в Интернете человек может почувствовать явный диссонанс того, как устроено общение в реальности, и того, как оно устроено во всемирной сети. Объясняется это тем, что описанное выше ощущение анонимности и технической опосредованности влияет на поведение человека и как бы «снимает» ответственность за все его поступки [1]. Особенно это касается общения в ситуациях, когда реальные имена участников коммуникации остаются неизвестными. Значительное количество площадок для общения пользователей сети можно охарактеризовать как «токсичные», то есть те, в которых пользователи, прикрываясь ощущением анонимности и безнаказанности, могут своими действиями и словами разрушить веру других людей в себя и окружающий их мир. В таких ситуациях человек неподготовленный или просто восприимчивый к оскорблениям и психическому давлению может быть подвержен так называемому «кибербуллингу» (цифровой травле) и поставить свое психическое здоровье под удар. Таким образом, психологическая безопасность человека в Интернете зависит целиком от особенностей общения с другими пользователями, а главную опасность оно представляет для тех, кто болезненно воспринимает диссонанс привычных социальных норм и правил поведения с теми, которые наблюдаются в современном Интернете.

Информационная безопасность человека в Интернете связана с его отношением к потреблению информационного контента и своим персональным данным. Информационный контент, который можно найти в Интернете, значительно отличается от того, что существует в реальности, так как на сегодняшний день фактически отсутствуют реально работающие механизмы его регуляции и контроля со стороны государства и правоохранительных органов. Неопытный пользователь не только может столкнуться с сомнительным или запрещенным фото- и видеоконтентом, но также стать жертвой мошенников и интернет-троллей. В привычной нам реальности можно быть практически уверенным в том, что несовершеннолетние дети не будут иметь доступ к информации о том, как собрать оружие в домашних условиях, не смогут выйти на настоящих наркодилеров и находить порнографический контент в открытом доступе на всеобщем обозрении. Однако в глобальной сети все вышеприведенные сценарии возможны и часто наблюдаемы, что объясняется сложностью регуляции бесконечно обновляемого потока информационного контента, которым наполняется Интернет каждую секунду. Описанное выше ощущение анонимности и безнаказанности создает благоприятную среду не только для распространения запрещенного законами контента, но и для ведения откровенно вредительской деятельности, пропаганды девиантного и социально-опасного поведения, суицидов и участия в экстремистской и террористической деятельности [4]. Очевидно, что подобный контент не просто вреден, но и опасен для молодых неокрепших умов, а также для многих людей, не обладающих серьезной психической устойчивостью к давлению и шок-контенту. Таким образом, основная проблема информационной безопасности человека в Интернете, связанная с контентом и его потреблением, проявляется в практически неконтролируемом доступе к контенту, который в оффлайн-реальности был бы запрещен к распространению.

Discussion. Вторым важным элементом информационной безопасности человека в Интернете является сохранность его персо-

нальных данных. Человек, по сути, является суммой его персональных данных. Информация о материальном, семейном положении, увлечениях, месте жительства и т.д. позволит создать портрет человека и с высокой точностью сказать, что о нём известно всё. В оффлайн-реальности персональные данные являются объектом правовой защиты, а их незаконное получение считается преступлением. Аналогична ситуация и в глобальной сети, но в ней, как говорилось ранее, затруднительно что-либо контролировать и регулировать из-за технической опосредованности коммуникации. Это означает, что в Интернете намного проще и быстрее украсть персональные данные человека и использовать их против него. Проблему представляет то, что неопытные пользователи глобальной сети не обладают технической грамотностью и не понимают того, насколько легко по неосторожности «слить» свои данные в Интернет. Многие люди, не думая, переходят по спам-ссылкам, вводят свои банковские реквизиты в сомнительные интернет-магазины и в целом безответственно относятся к своим данным, рассчитывая, что ничего плохого с ними не произойдет. Примечательно то, что в оффлайн-реальности люди относятся к своим данным намного более ответственно, так как сама по себе «опасность» намного более ощутима в реальности, чем за компьютером. Внешняя среда также выступает серьезным фактором, повышающим риски утраты персональных данных в Интернете. Мошенники, хакеры, интернет-тролли, рекламные агентства и представители корпораций на регулярной основе формируют базы данных о посетителях сети и используют их в собственных интересах. Проблема заключается в том, что человек ставится перед необходимостью оценивать интернет-ресурсы по степени их надежности, что практически невозможно реализовать без обладания специальными техническими знаниями о том, как тот или иной сайт берет информацию от пользователей и что с ней делает.

Conclusion. Итак, безопасность человека в Интернете складывается из экзистенциальной, психологической и информационной. Каждая из них имеет свои особенности, характерные для виртуальной сетевой реальности, которые необходимо учитывать при социально-философском анализе сетевой

личности современного человека. Техническая опосредованность интернет-коммуникации, анонимность общения вкупе с неопытностью множества интернет-пользователей позволяет сделать вывод о том, что Интернет выступает отдельной социальной реальностью, обладающей своими постоянно меняющимися нормами, под которые необходимо уметь подстраиваться. Непонимание пользователями этих норм и ценностей, а также невозможность их принять может выступить серьезным фактором, повышающим риски, связанные с безопасностью человека в глобальной сети. Мы считаем, что попытки институционализировать интернет-коммуникацию и превратить сетевую реальность в контролируемую и предсказуемую не смогут увенчаться успехом, так как государственный регулятор не сможет своевременно вносить изменения в нормативно-правовые документы, связанные с интернет-коммуникацией. Таким образом, погружение в глобальную сеть в ближайшее время останется таким же опасным, как и раньше, и забота о безопасности личности в ней должна перейти от запретительных мер со стороны государственной власти к повышению технической грамотности пользователей и работе над культурой общения в дистанционной коммуникации.

Список источников

1. Алексеева К. А. Анонимность и ее влияние на самопрезентацию личности в виртуальной реальности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №5. С. 32–35.
2. Балаев Р. С. Деформация экзистенциальной безопасности личности в условиях сетевых войн // Теория и практика общественного развития. 2015. №12. С. 367–370.
3. Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник ЧГУ. 2013. №4. С. 196–202.
4. Использование Интернета в террористических целях [Электронный ресурс] // UNODC — Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf (дата обращения: 04.07.2021).

5. Лейбин В.М. Человек как глобально-уникальная проблема современности // Век глобализации. 2011. №1. С. 130–139.

6. Шапинская Е.Н. Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности // Культура культуры. 2014. №4(4). URL: <http://cult-cult.ru/escapism-in-cyberspace-boundless-opportunities-and-new-dangers/>.

7. Abubakar A.M., Al-zyoud M.F. Problematic Internet usage and safety behavior: Does time autonomy matter? [Electronic resource] // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101501/>

8. Pettorruso M., Valle S., Cavic E., Martinotti G., Giannantonio M., Grant J.E. Problematic Internet use (PIU), personality profiles and emotion dysregulation in a cohort of young adults: trajectories from risky behaviors to addiction [Electronic resource] // Psychiatry Research. 2020. Vol. 289. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113036>.

9. Şerbu R., Rotariu I. Privacy Versus Security in the Internet Era // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 27. P. 73–76.

10. Shillair R., Cotton S.R., Tsai H.S., Alhabash S., Larose R., Rifon N.J. Online safety begins with you and me: Convincing Internet users to protect themselves // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 48. P. 199–207.

11. Tomczyk L., Kopecký K. Children and youth safety on the Internet: Experiences from Czech Republic and Poland // Telematics and Informatics. 2016. Vol. 3(3). P. 822–833.

References

1. Alekseeva K.A. Anonimnost' i ee vliyanie na samoprezentaciju lichnosti v virtual'noj real'nosti [Anonymity and its influence on self-presentation of personality in virtual reality]. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2019; (5): 32–35. (In Russ.).

2. Balaev R.S. Deformacija jekzistencial'noj bezopasnosti lichnosti v uslovijah setevyh vojn [Deformation of the existential security of the individual in the conditions of network wars]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2015; (12): 367–370. (In Russ.).

3. Verbina G.G. Psihologicheskaja bezopasnost' lichnosti [Psychological security of the individual]. *Vestnik ChGU* [Bulletin of ChSU]. 2013; (4): 196–202. (In Russ.).

4. Ispol'zovanie Interneta v terroristicheskikh celjah [The use of the Internet for terrorist purposes] [Elektronnyj resurs]. UNODC — Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti [UNODC — United Nations Office on Drugs and Crime]. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf (data obrashhenija: 04.07.2021). (In Russ.).

5. Lejbin V.M. Chelovek kak global'no-unikal'naja problema sovremennosti [Man as a globally unique problem of modernity]. *Vek globalizacii* [Century of Globalization]. 2011; (1): 130–139. (In Russ.).

6. Shapinskaja E.N. Virtual'naja real'nost' kak prostranstvo jeskapizma: bezgranichnye vozmozhnosti i novye opasnosti [Virtual reality as a space of escapism: limitless possibilities and new dangers]. *Kul'tura kul'tury* [Culture of Culture]. 2014; 4(4). URL: <http://cult-cult.ru/escapism-in-cyberspace-boundless-opportunities-and-new-dangers/>. (In Russ.).

7. Abubakar A.M., Al-zyoud M.F. Problematic Internet usage and safety behavior: Does time autonomy matter? [Electronic resource] // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101501/>

8. Pettorruso M., Valle S., Cavic E., Martinotti G., Giannantonio M., Grant J.E. Problematic Internet use (PIU), personality profiles and emotion dysregulation in a cohort of young adults: trajectories from risky behaviors to addiction [Electronic resource] // Psychiatry Research. 2020. Vol. 289. URL: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113036>.

9. Şerbu R., Rotariu I. Privacy Versus Security in the Internet Era // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 27. P. 73–76.

10. Shillair R., Cotton S.R., Tsai H.S., Alhabash S., Larose R., Rifon N.J. Online safety begins with you and me: Convincing Internet users to protect themselves // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 48. P. 199–207.

11. Tomczyk L., Kopecký K. Children and youth safety on the Internet: Experiences from Czech Republic and Poland // Telematics and Informatics. 2016. Vol. 3(3). P. 822–833.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 12.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьев Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Южно-Российский гуманитарный институт.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 108

Sergey A. Dementiev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, South Russian Humanitarian Institute.

108 Krasnoarmeyskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 141.7; 316.75; 504 (075.32)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-236-242

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Вера Александровна Захарова

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Симферополь, Россия*

zakharova7vera@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID РИНЦ: 857178

Аннотация. *Цель исследования* заключается в выявлении философско-антропологических акцентов в определении феномена экологического поведения как одной из базовых компонент формирования экологичного технологического уклада в контексте реализации инновационной стратегии развития современной России.

Методологическая база исследования представлена диатропикой как гносеологическим комплексом познавательных средств, направленных на обоснование доминанции принципа равноценности права на жизнь всех ее форм как системообразующего элемента коэволюционного процесса, являющегося естественным условием формирования экологичного технологического уклада в нашей стране.

Результаты исследования. В статье в контексте философско-антропологической рефлексии раскрывается специфика феномена экологического поведения, обосновывается его типологизация. Характеристика разных его типов связывается с определением путей взаимодействия их репрезентантов. Анализируются их возможности как факторов обеспечения гармонизации отношений субъектов и объектов экосферы в целях создания благоприятных условий для формирования экологичного технологического уклада в России, гарантирующего высокие стандарты безопасной и комфортной жизни ее граждан. Выявляется роль институтов образования и гражданского общества в консолидации разных половозрастных групп молодежи в решении экологических проблем.

Перспективы исследования связаны с разработкой теоретико-концептуальных оснований решения актуальной научной проблемы формирования модели обеспечения органами государственной власти и институтами гражданского общества в Российской Федерации перехода от акцента на формально-декларативный тип экологического поведения молодежи к акценту на сознательно-ответственный тип ее экологического поведения.

Ключевые слова: философская антропология, дуальность человеческой природы, молодежь, экологическое поведение, экологичный техноуклад

Для цитирования: Захарова В. А. Философско-антропологические смыслы экологического поведения человека // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 236–242. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-236-242>.

Original article

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL MEANINGS OF HUMAN ECOLOGICAL BEHAVIOR

Vera A. Zakharova

*Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education «Russian State University of Justice», Simferopol, Russia
zakharova7vera@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID RSCI: 857178*

Abstract. *Purpose of the study* is to identify philosophical and anthropological accents in defining the phenomenon of environmental behavior as one of the basic components of the formation of an environmentally friendly technological order in the context of implementing an innovative development strategy for modern Russia.

The methodological base of the study is presented by diatropics as an epistemological complex of cognitive means aimed at substantiating the dominance of the principle of equivalence of the right to life of all its forms as a system-forming element of the co-evolutionary process, which is a natural condition for the formation of an environmentally friendly technological order in our country.

Research results. In the article in the context of philosophical and anthropological reflection the specificity of the phenomenon of ecological behavior is revealed, its typology is substantiated. The characteristic of its different types is associated with the determination of the ways of interaction of their representatives. Their capabilities are analyzed as factors in ensuring the harmonization of relations between subjects and objects of the ecosphere in order to create favorable conditions for the formation of an environmentally friendly technological order in Russia, which guarantees high standards of a safe and comfortable life for its citizens. The role of educational institutions and civil society in the consolidation of different gender and age groups of young people in solving environmental problems is revealed.

The research prospects are connected with the development of theoretical and conceptual foundations for solving the actual scientific problem of forming a model for ensuring the transition from an emphasis on the formally declarative type of environmental behavior of young people to an emphasis on a consciously responsible type of their environmental behavior by state authorities and civil society institutions in the Russian Federation.

Keywords: philosophical anthropology, duality of human nature, youth, ecological behavior, ecological techno-structure

For citation: Zakharova V.A. Philosophical and anthropological meanings of human ecological behavior // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 236–242. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-236-242>.

Введение. С тех пор, как мыслители древности на Востоке и Западе мирового сообщества заявили о необходимости самопознания человека как условия определения им жизнеутверждающей, экологичной траектории своего поведения, прошло больше двух с половиной тысячелетий [1; 7]. Однако, и ныне такая постановка вопроса все еще ос-

тается актуальной, тем более что в течение, по крайней мере, последних трех столетий некоторые представители западной цивилизации предпринимают попытки ее пересмотра, выдвинув идею покорения природы во имя все более полного удовлетворения людьми своих насущных потребностей [2]. Обосновывается выдвижение ими такой эго-

антропоцентрической идеи тем, что именно на ее ментальной почве можно выстроить якобы вполне нормативный правовой порядок отношений социума с объектами природной среды, включая в их число и население колонизированных европейцами огромных территорий Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и архипелагов Тихого океана. На самом деле этот правовой порядок, обретая международное признание, по сути своей означает узаконение режима колонизации и эксплуатации жизненных ресурсов оккупированных западноевропейцами гигантских территорий нашей планеты. Впрочем, в результате мощного освободительного движения покоренных народов в XX веке удалось создать существенные предпосылки для восстановления исторической справедливости в форме международного признания их независимости и суверенитета. Одновременно стала создаваться международная платформа для восстановления экологической справедливости и обеспечения на этой основе курса на устойчивое развитие мирового сообщества¹.

Значимость философско-антропологического обоснования решения современных экологических проблем. Новый виток обострения геополитического противостояния в современных условиях, знаменующий попытки евроатлантистов, натовцев в целом вернуться к излюбленной ими модели мирового правопорядка, основанной на формате неокOLONIALИЗМА, ставит под угрозу не только возможности продолжения курса на устойчивое экологическое развитие мирового сообщества, но и само существование человечества и биосферного разнообразия. Воспроизведение в современных условиях концептов политического эгоизма, проявляющихся в таких опасных для биосферной жизни формах, как широкомасштабное развитие сети лабораторий, осуществляющих апробацию смертоносных штаммов, как это, в частности, имело

место на территории Крыма, когда он находился под юрисдикцией украинских властей, а затем и Донбасса, население которого встало на защиту своих прав и законных интересов, противостоя злой воле организаторов государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года, лишний раз подтверждает необходимость решительных мер по возврату к политическому диалогу адептов разных социокультурных традиций, исходя из имеющегося у них потенциала компромиссной биосоциальной природы, присущей человеческим существам в той же мере, в какой им присуща конфронтационная сторона их природы [5; 8; 10–15]. А потому обращение к философско-антропологическому анализу проблемы экологического поведения актуализируется с новой силой в контексте реализации указанных возможностей компромиссной природы человеческих существ, если следовать обоснованному еще П.А. Сорокиным принципу «позитивной поляризации» социокультурных субъектов [9], во многом воспроизводящему смысл древней мудрости: «... противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все через распрю создается» [1, с. 76].

Особенности философско-антропологического акцента в определении алгоритма перехода к эффективным типам экологического поведения молодежи. В контексте вышеизложенного особое значение приобретает определение степени креативности определенных типов экологического поведения социальных субъектов, а главное — их способность к плодотворному взаимодействию во имя достижения целей экологического развития: безопасной и комфортной жизни репрезентантов всех ее форм.

Автором ранее в процессе осуществления эмпирического исследования на примере молодого поколения, представленного студенчеством целого ряда регионов Юга России, с помощью метода факторного ана-

1 Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability. Fact sheet [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goals_7_fs.pdf; Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development, World Commission on Environment and Development, 1987 [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm/>; Report of the United Nations Conference on environment and development (Rio de Janeiro, 3–14 June 1992). A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). P. 3–7; Report of the United Nations Conference on Sustainable Development (Rio de Janeiro, Brazil, 20–22 June 2012). A/CONF.151/26/Rev.1. URL: <http://www.uncsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf>.

лиза были выделены типы экологического поведения по четырем компонентам: экологические знания, экологическая оценка экологических качеств личности, ее мотивация и экологические действия [4]. При этом репрезентативность содержания сформированной в данной связи матрицы экологического поведения представителей данной возрастной группы обеспечивалась за счет использования метода главных компонент и вращения Varimax, позволивших выделить три фактора в каждом компоненте, объясняющие в совокупности 40% дисперсии. Сформированная таким образом матрица дала возможность описать смысловую связь факторов и тем самым выделить искомые типы экологического поведения: формально-декларативный, сознательно-ответственный и индифферентный (безразличный).

Как выяснилось, наиболее распространенным типом экологического поведения молодежи на Юге России является формально-декларативный, которому причастны 55% опрошенных молодых людей, вторым по масштабам охвата опрошенных молодых людей стал сознательно-ответственный тип, доля репрезентантов которого составила 37%, наименее масштабным по охвату выявился индифферентный тип поведения, составивший 18% опрошенных [4]. Указанное соотношение репрезентантов этих типов поведения позволяет говорить о сформировавшемся в молодежной среде Юга России достаточно масштабном «костяке» экоактивистов, целеустремленно действующих, а не просто декларирующих свои экофильные убеждения. При этом основной формой их выражения являются, как правило, коллективные (групповые) экологические акции, имеющие непрерывный характер. Из числа представителей данного типа активного экологического поведения формируется в целом преобладающий социальный ресурс конструируемого экологического сообщества, осваивающий на уровне магистерской формы обучения педагогический профессиональный профиль высшего образования [4], а потому способный в будущем компетентно повести за собой не столько сверстников, сколько представителей школьной молодежи, формируя тем самым так необходимую современному российскому обществу генерацию молодых со-

отечественников, равнодушных к делу созидания инновационного технологического уклада, ориентированного на использование с помощью новейшего физико-технического инструментария потенциала принципиально новых биосферных ресурсов, не нарушая исторически сложившегося жизнеутверждающего гомеостаза [3; 6].

Впрочем, на пути переключения усилий современной российской молодежи на созидание инновационного технологического уклада, в полной мере опирающегося на динамично развивающийся механизм цифровизации, важно преодолеть и вскрывшиеся препятствия. Речь идет, прежде всего, о поиске эффективных способов включения в сферу креативного экологического активизма представителей достаточно многочисленной половозрастной группы молодежи — юношей в возрасте 19–20 лет, осваивающих бакалаврские программы инженерно-технической подготовки, — которые, как, впрочем, и некоторые иные их сверстники, демонстрируют формально-декларативный тип экологического поведения [4], сужающий потенциальные возможности прорыва к состоянию солидарного общения с природной средой на почве не только ментальной поддержки идеи сохранения биоразнообразия, но и действенных усилий по его защите и охране. Важно, опираясь на присущий репрезентантам данного типа поведения запрос на экологические тренды, неподдельный интерес к экологической проблематике, развивать их устремленность до уровня сформированности убеждения в необходимости личного участия в обеспечении мер экологического благополучия.

В еще большей мере необходимы усилия для преодоления инерции индифферентного отношения к экологическим проблемам и включения в креативный экоактивизм студентов более младшего возраста (17–18 лет), которым, к сожалению, присуща такая мировоззренческая позиция, тем более, что они осваивают бакалаврские программы все того же инженерно-технического профиля [4], столь значимого ныне для осуществления курса на созидание нового типа технологического социально-экономического уклада. Поэтому институтам высшего образования и гражданского общества, в том числе студенческого самоуправления и добровольчества (волон-

терства), необходимо инициировать, поддерживать, стимулировать и поощрять усилия представителей сознательно-ответственного и формально-декларативного типов экологического поведения по вовлечению молодых людей, занимающих индифферентную позицию в экологических проблемах, в нетривиальные форматы экообщения, способствующие переосмыслению ими своей позиции и, по крайней мере, развитию у них интереса к данной проблематике.

Выводы. Опираясь на полученные в ходе эмпирического исследования результаты, можно убедиться в необходимости в ближайшей перспективе с использованием потенциала долгосрочной политики экологического развития России² превратить сознательно-ответственный тип экологического поведения в доминирующий. Совершенно недостаточно ныне уповать на приемлемость существующего положения в молодежной среде, по крайней мере, сложившегося на Юге России, которое характеризуется преимущественно декларативной поддержкой молодыми людьми мер по решению экологических проблем. Тем более, недопустимой является простая констатация факта того, что каждому пятому будущему молодому специалисту безразличны усилия государства и гражданского общества в сфере обеспечения экологического благополучия и можно и дальше оставаться в стороне от участия в решении связанных с этим задач.

Философско-антропологический анализ феномена экологического поведения на примере его проявления в трех вышеупомянутых основных форматах, присущих прежде всего студенческой молодежи Юга России как ближайшему социальному ресурсу творцов инновационного технологического экологического уклада в нашей стране, позволяет понять, какие ее слои нуждаются в акцентированной поддержке, требующей соответствующего воспитательного сопровождения. При этом совершенно очевидны те акценты, которые важны в рамках такого сопровождения в первую очередь для включения

в креативный экоактивизм студенчества, осваивающего программы высшего образования инженерно-технического профиля. Ведь именно с учетом реализации их компетентностной подготовки только и возможно перейти к воплощению в жизнь стратегии созидания инновационного технологического экологического уклада в Российской Федерации. Все это лишний раз указывает на обоснованность утверждений о необходимости повышения ведущей роли и ответственности субъектов системы образования в целом и высшего образования в частности, как фундаторов традиции взращивания у молодых людей ответственного ментального и деятельного отношения к защите и охране природной среды как единственного источника обеспечения жизни на нашей планете. Именно социальные институты образовательной направленности, обладая качествами инновационных, экспериментальных «площадок», могут наиболее эффективно обеспечивать связь формируемых ими знаний и практических навыков у будущих специалистов как творцов экологического социума, консолидируя и упрочивая в этом процессе связи молодых экоактивистов с институтами как государственной власти и управления, так и гражданского общества.

Список источников

1. Антология мировой философии: в 4-х т. // Серия «Философское наследие». Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969–1972. 576 с.
2. Асмус В.Ф. Декарт Рене // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 146–147.
3. Горшков В.В., Горшков В.Г., Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Макарьева А.М. Биотическая регуляция окружающей среды // Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. М.: Научный мир, 2011. С. 205–221.
4. Захарова В.А. Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10(49). №3. С. 128–137.

2 Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: СПС. Версия Проф.Электрон.дан.: Консультант Плюс, 2013.

5. Лосев К. С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-е изд., доп. М.: Научный мир, 2011. 224 с.
6. Печчеи А. Сохранение природы // Лосев К. С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-е изд., доп. М.: Научный мир, 2011. С. 5–7.
7. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. III / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; пер. с др.-греч. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
8. Сахроков В. А., Шилин К. И. Экософфия культуры ислама: социология будущего. М. — Новосибирск: ЮКЭА, 2001. 154 с.
9. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т. С. Васильевой. М.: Наука, 1997. 351 с.
10. Субетто А. И. Экокультура как форма неклассического социоприродного гомеостаза на базе общественного интеллекта // Экологическая культура в научных, философских и богословских интерпретациях: материалы IX международного конгресса (С.-Петербург, 17–19.10.1996 г.). СПб.: Наука, 1996. С. 112–116.
11. Шефель С. В., Шилин К. И. Сотворение человека будущего: экософские основания. М.: Нефть и газ, 2003. 328 с.
12. Bormann F. H., Kellert S. R. Ecology, economics, ethics. New Haven: Yale University Press, 1991. 233 p.
13. Higgins R. The Seventh Enemy. The Human Factor in the Global Crisis. L. etc., Hodder&Stoughton, 1978. 303 p.
14. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.
15. Petulla J. American environmentalism: Values, tactics, priorities. College Station: Texas A & M University Press, 1980. 264 p.
3. Gorshkov V. V., Gorshkov V. G., Danilov-Danil'jan V. I., Losev K. S., Makar'eva A. M. Bioticheskaja reguljacija okruzhajushhej sredy [Biotic regulation of the environment]. Losev K. S. Mify i zabluzhdenija v jekologii [Losev K. S. Myths and misconceptions in ecology]. Moscow: Nauchnyj mir, 2011. P. 205–221. (In Russ.).
4. Zaharova V. A. Vysshee obrazovanie v sisteme razvitija jekologicheskogo povedenija rossijskoj molodezhi [Higher education in the system of development of ecological behavior of Russian youth]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2021; 10(49): 128–137. (In Russ.).
5. Losev K. S. Mify i zabluzhdenija v jekologii [Myths and misconceptions in ecology]. 2-е изд., доп. Moscow: Nauchnyj mir, 2011. 224 p. (In Russ.).
6. Pechchei A. Sohranenie prirody [Nature conservation]. Losev K. S. Mify i zabluzhdenija v jekologii [Losev K. S. Myths and misconceptions in ecology]. 2-е изд., доп. Moscow: Nauchnyj mir, 2011. P. 5–7. (In Russ.).
7. Platon. Gosudarstvo [The state]. Platon. Sobranie sochinenij: v 4-h t. [Plato. Collected works: in 4 vols.]. Vol. III. Obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi [In A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi (eds.)]. Per. s dr.-grech. Moscow: Mysl', 1994. P. 79–420. (In Russ.).
8. Sahrokov V. A., Shilin K. I. Jekosofija kul'tury islama: sociologija budushhego [The Ecosophy of the culture of Islam: sociology of the future]. Moscow -Novosibirsk: JuKJeA, 2001. 154 p. (In Russ.).
9. Sorokin P. A. Glavnye tendencii nashego vremeni [The main trends of our time]. Per. s angl., sost. i predisl. T. S. Vasil'evoj. Moscow: Nauka, 1997. 351 p. (In Russ.).
10. Subetto A. I. Jekokul'tura kak forma neklassicheskogo socioprirodnogo gomeostaza na baze obshhestvennogo intellekta [Ecoculture as a form of non-classical socio-natural homeostasis based on public intelligence]. Jekologicheskaja kul'tura v nauchnyh, filosofskih i bogoslovskih interpretacijah: materialy IX mezhdunarodnogo kongressa (S.-Peterburg, 17–19.10.1996 g.) [Ecological culture in scientific, philosophical and theological interpretations: materials of the IX International Congress (St. Petersburg, 17–19.10.1996)].

References

1. Antologija mirovoj filosofii: v 4-h t. [Anthology of world philosophy: in 4 volumes]. Serija «Filosofskoe nasledie» [Series «Philosophical heritage»]. Vol. 1. Part 1. Moscow: Mysl', 1969–1972. 576 p. (In Russ.).
2. Asmus V. F. Dekart Rene [Descartes Rene]. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. Moscow: Respublika, 2001. P. 146–147. (In Russ.).

Saint Petersburg: Nauka, 1996. P. 112–116. (In Russ.).

11. Shefel' S. V., Shilin K. I. Sotvorenie cheloveka budushhego: jekosofskie osnovaniya [Creation of a man of the future: ecosophical foundations]. Moscow: Neft' i gaz, 2003. 328 p. (In Russ.).

12. Bormann F. H., Kellert S. R. Ecology, economics, ethics. New Haven: Yale University Press, 1991. 233 p.

13. Higgins R. The Seventh Enemy. The Human Factor in the Global Crisis. L. etc., Hodder&Stoughton, 1978. 303 p.

14. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

15. Petulla J. American environmentalism: Values, tactics, priorities. College Station: Texas A & M University Press, 1980. 264 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted on 28.02.2023; approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 12.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Захарова Вера Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5

Vera A. Zakharova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice».

5 Pavlenko str., Simferopol, Russia

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-243-249

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ КАК ФОРМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСЛАВИЯ

Андрей Александрович Мекушкин

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
pkit.dstu@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 752462, SPIN-код: 7716-4054

Аннотация. *Цель исследования.* Статья посвящена раскрытию специфики философии как формы интеллектуальной культуры православия.

Методология исследования. В ней осуществляется экспликация таких теоретико-методологических концептов, как культура, религиозная культура, интеллектуальная культура православия.

Результаты исследования. Раскрываются различные типы оценочного отношения к разуму и его корреляции с религиозной верой. Анализируются антиномистические и холистические версии соотношения разума (знания) и веры. Выявляются особенности христианской философии схоластического типа. Раскрывается специфика проекта православной философии славянофилов, опирающейся на святоотеческую традицию.

Перспективы исследования. Выявление специфики философии как формы интеллектуальной культуры православия позволит в дальнейшем построить теоретическую модель православной интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: философия, православие, интеллектуальная культура, преображение, схоластика, цельность духа, верующее мышление

Для цитирования: Мекушкин А. А. Специфика философии как формы интеллектуальной культуры православия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 243–249. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-243-249>.

Original article

THE SPECIFICS OF PHILOSOPHY AS A FORM OF INTELLECTUAL CULTURE OF ORTHODOXY

Andrey A. Mekushkin

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
pkit.dstu@mail.ru, AuthorID RSCI: 752462, SPIN-code: 7716-4054*

Abstract. *The purpose of the study.* The article is devoted to the disclosure of the specifics of philosophy as a form of intellectual culture of Orthodoxy.

The methodological basis. It explicates such theoretical and methodological concepts as culture, religious culture, intellectual culture of Orthodoxy.

Research result. Various types of evaluative attitude to reason and its correlation with religious faith are revealed. Antinomistic and holistic versions of the correlation of reason (knowledge) and faith are analyzed. The features of Christian philosophy of the scholastic type are revealed. The specifics of the project of the Orthodox philosophy of the Slavophiles, based on the patristic tradition, are revealed.

The prospect of the study. The identification of the specifics of philosophy as a form of intellectual culture of Orthodoxy will allow us to build a theoretical model of Orthodox intellectual culture in the future.

Keywords: philosophy, Orthodoxy, intellectual culture, apologetics, criticism, transfiguration, scholasticism, integrity of the spirit, believing thinking

For citation: Mekushkin A. A. The specifics of philosophy as a form of intellectual culture of orthodoxy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 243–249. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-243-249>.

Введение. Глобальные вызовы современности, ставящие человека перед необходимостью духовного выбора, вновь возвращают философское сообщество к осмыслению проблематики, история которой насчитывает почти два столетия, памятуя о полемике славянофилов и западников, развернувшейся в 40-е годы XIX века, а также идеях евразийцев, включившихся в этот спор в первые десятилетия XX века. Современный конфликт между Россией и коллективным Западом, который не желает принять независимую политику российского государства, ведущую к формированию нового мирового порядка — многополярного мира, становится всё более угрожающим. Так называемая «гибридная война» происходит не только непосредственно на полях сражений, что само по себе трагично. Она ведётся самым активным образом в информационном пространстве на эмоциональном, рациональном, бес-

сознательном уровнях. Предпринимаются попытки навязывания нашим соотечественникам ценностей, чуждых традиционной российской культуре. В результате возникает опасность разрушения социокультурной идентичности российского народа, оснований самобытной русской культуры, исторически укоренённой в православии.

Данная ситуация наводит на мысль о том, что наряду с геополитическими и экономическими причинами многолетнего противоборства России и Западного мира существуют некие социально-культурные предпосылки данного противостояния. В связи с этим представляется весьма значимым исследование глубинных православных оснований российской культуры, которые особым образом выражаются в её различных видах. Данная статья посвящена рассмотрению специфики философии как формы православной культуры в интеллектуальной сфере.

Методологические аспекты исследования. Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению заявленной темы, следует осуществить экспликацию некоторых базовых понятий. Так, под культурой мы понимаем универсальный способ человеческой жизнедеятельности, который характеризует внутренний мир самого человека во всей его сложности и полноте, а также технологии его деятельности и её результаты, включающие и трансформации самого субъекта, и систему его отношений с окружающим миром. При этом мы придерживаемся точки зрения, согласно которой самобытность и своеобразие любой культуры в значительной степени обусловлены спецификой религии. Данную позицию отстаивали, как правило, многие религиозные мыслители на Востоке и на Западе [5].

В этой связи представляется методологически правомерным применение в научных исследованиях таких теоретико-методологических концептов, как «религиозная культура», «христианская культура», «православная культура».

Если культура — это универсальный способ человеческой жизни, то религиозная культура представляет собой способ жизнедеятельности, ядром которого является религиозная вера. Религиозная вера понимается нами как одна из разновидностей многоаспектного феномена веры, предметом которой является некое сверхъестественное мистическое начало. Соответственно, когда речь идёт об основах православной культуры, подразумевается универсальный способ жизнедеятельности человека, опирающийся на православную традицию. При этом данный способ жизнедеятельности воплощается в основных сферах человеческого бытия — нравственной, интеллектуальной, художественной, политической, правовой, экономической и других областях. Иначе говоря, если за основание классификации культуры взять классификацию базовых отношений человека к миру, а также классификацию человеческой деятельности, то правомерно выделение в рамках православной культуры таких её разновидностей, как интеллектуальная, нравственная, художественная, политическая, правовая, экономическая культура.

Далее следует отметить, что в рамках парадигмы рациональности, в которой мы

работаем, «разум» интерпретируется как философский концепт, выражающий родовую сущность человека, и, следовательно, любая человеческая деятельность в той или иной степени разумна по определению. Вместе с тем, как известно, существуют виды деятельности, в которых разум является главным когнитивным инструментом, то есть, в первую очередь, философия и наука. В их сущностных характеристиках и специфике, на наш взгляд, воплощается ядро интеллектуальной культуры конкретного общества или этноса. Соответственно ядром православной интеллектуальной культуры являются сущностные характеристики и специфика философии и науки в контексте их корреляций с христианско-православным вероучением. В связи с этим возникает необходимость раскрытия, в первую очередь, специфики разума в его соотношении с верой в православной богословской и религиозно-философской традициях.

Апологетика и критика разума. В современной философии неоднократно осуществлялась типологизация оценочного отношения мыслителей к разуму, а также взаимосвязей разума и веры (работы С. С. Хоружего, Т. П. Матяш, С. Н. Нижникова, Е. Ю. Положенковой, К. В. Воденко и др.). Заслуживает внимания подобная типология, осуществлённая современным исследователем Д. К. Бурлакой. В ней за основу берётся различная оценочная интерпретация места и значимости разума во всех сферах бытия. Исследователем выделяется три типа данного отношения: апологетика, критика и преображение [2].

Апологетическая оценка разума, представленная, в работах Платона, Аристотеля, Г. Гегеля и др., заключается в его признании в качестве высшей ценности в онтологии, гносеологии, аксиологии. Данное положение становится основой рационалистической европейской философии Нового времени. При этом следует отметить, что истоки новоевропейского рационализма в значительной степени коренятся в средневековой схоластике. Так, согласно теологическому учению Фомы Аквинского, человеческому разуму Богом дана удивительная способность самостоятельно познавать сущности явлений природы. Исходя из позиции умеренного реа-

лизма, Фома следующим образом раскрывает механизм когнитивного акта разума и онтологическую основу этого механизма: разум из чувственно воспринимаемых свойств, природных явлений путём логической операции абстрагирования выделяет их умопостигаемые сущности, в которых отражаются божественные идеи.

Известный французский католический мыслитель Э. Жильсон, сопоставляя учение Аквината с теорией познания Августина, отмечает, что у Фомы Аквинского человеческий разум, способный к самостоятельному постижению истины, — это и есть великий дар Божий. «У Августина Бог непрерывно участвует в познании человеком глубочайших истин, мистически освещая его разум... У св. Фомы божественная иллюминация есть наличие самого интеллекта, достаточного для получения истины... Интеллектуальные методы постижения Бога отчуждаются от мистического опыта общения человека с ним» [8, с. 251]. При этом обосновывается приоритет разума также по отношению к остальным психическим способностям человека: его воле, эмоциям и, прежде всего, вере. В подобной иерархичности человеческих способностей явно ощущается влияние Аристотеля, а именно — его понимание разума как наиболее общей, наиндивидуальной, видовой «формы» человеческого тела. Вера же интерпретируется как сугубо индивидуальное проявление человеческой личности.

Второй тип отношения к разуму в философской литературе Д. К. Бурлака связывает с его критикой. Критическая позиция выражается в агностицизме И. Канта, а также в иррационалистических учениях западноевропейских и русских мыслителей. При этом мыслители, критикующие разум, не отрицают его полностью. Они подчёркивают его ограниченные возможности, недоступность для него решения самых глубинных, фундаментальных мировоззренческих вопросов. На данную ограниченность разума, как известно, впервые указал Кант, связав её с априорной и антиномистической природой человеческого интеллекта. [2].

Мыслители, критически относящиеся к познавательным возможностям разума, как правило, достаточно жёстко противопостав-

ляют его религиозной вере. При этом следует отметить, что античность не знает проблемы соотношения разума (знания) и веры. Сложные противоречивые взаимоотношения между ними складываются внутри самого христианского богословия, пытающегося осмыслить соотношение истин Откровения и языческого знания. «Данную “гносеологическую драму” приносит христианство»... Истоки антиномистической традиции противопоставления разума вере «можно обнаружить уже в тертуллиановском “Верую, ибо абсурдно”, её продолжение — в иррационалистической философии С. Кьеркегора и современной протестантской мысли на Западе...» [6, с. 8]. В русской философии в той или иной степени последователями религиозного антиномизма становятся Л. Шестов, Ф. М. Достоевский, П. А. Флоренский.

В наиболее радикальной форме противопоставление религиозной веры и разума воплощается в работах Л. Шестова. В своём философском творчестве мыслитель постоянно борется с рационалистической западноевропейской философией, опирающейся на самодостаточный разум [9]. При этом он пытается вернуться к другому источнику постижения истины — к религиозной вере, которую он понимает как некий иррациональный, экзистенциальный акт бытия. Иными словами, вера выступает как нечто абсурдное, противоположное разуму, так как разум познаёт необходимые внутренние повторяющиеся связи, в вере же, с точки зрения Л. Шестова, нет ничего необходимого, всё случайно. «Бога нет постоянно, Он тоже является и исчезает... А то, что всегда возникает и исчезает — как его уловить? Уловить разумом абсолютно невозможно. Его можно постичь только верой...» [9, с. 366].

Радикальный фидеизм Л. Шестова неоднократно подвергается критике, в том числе со стороны русских религиозных мыслителей. Так, С. Н. Булгаков, рассуждая с позиции православного богословия, считает, что столь жёсткое противопоставление разума вере надумано, ведь, если его признать, то тогда как интерпретировать христианскую догматику? Как возможна богословская рациональность, рациональное познающее начало в богословии? Булгаков называет «бессмысленную веру» «парадоксальной» выдумкой [1].

Специфика холистической интерпретации веры и разума. Наряду с апологетическим и критическим отношением к разуму К. Д. Бурлака, как уже отмечалось выше, выделяет в качестве особого типа отношения к нему его интерпретацию сквозь призму необходимости духовного преобразования на пути восстановления его внутренней глубинной связи с верой [2]. Данная интерпретация разума представляет собой важнейшую тему русской духовно-академической философии, «светской» линии в русской религиозной мысли, а также неопатристического богословия. В этой связи цель нашего исследования обуславливает необходимость анализа сущности и специфики разума и его взаимоотношений с верой в рамках православной традиции.

Современный исследователь К. В. Воронцов справедливо отмечает тот факт, что в работах по русской религиозной философии последних десятилетий зачастую остаются в тени произведения мыслителей, трудившихся в российских духовных академиях. Именно они первыми поставили те проблемы, которые впоследствии стали главной темой учения славянофилов: самобытность русской культуры, связанная с определённым типом мышления, его соотношением с верой [3].

Славянофилы (И. В. Киреевский и А. С. Хомяков и др.) продолжают начатую в духовно-академической философии критику западного рационализма и разработку холистической концепции единства веры и разума, введя в философию понятия «цельность духа», «верующее мышление», «цельность знания», «живое знание». Так, в работах И. В. Киреевского намечается разработка своего рода модели «христианской православной философии», в основе которой лежит идея цельного духа и её философская конкретизация в понятии верующего мышления. Понятие цельности духа сформулировано русским мыслителем в результате освоения святоотеческой антропологии, а также переживания собственного религиозного опыта. Данная идея раскрывает особым образом организованный внутренний мир человека. Этот мир представляет собой особую целостность, ядром которой является «внутренний человек», тесно связанный с «эмпирическим» слоем лич-

ности. Выстраивается целостная иерархия взаимосвязей духа, души и тела. В ней разум как одна из способностей души, соединяясь с верой, получает силу постижения и онтологическое основание. Иными словами, логосность разума представляет собой фундаментальную черту православной философии.

Далее И. В. Киреевский следующим образом раскрывает такую особенность верующего мышления, как созерцательность или внутреннее внимание: «... Из собрания отдельных умственных и душевных сил в одну совокупную деятельность, от этого соединения их в первобытную цельность — зажигается в уме особый смысл, которым он познаёт предметы, зрению одного рассудка недоступные...» [4, с. 339]. Другая сущностная черта верующего мышления, выделяемая русским философом, — антиномичность. Указывая на неё, он пишет: «Многое, что для рассудка кажется беспорядочным нарушением его законов, то для высшего смысла ума является выражением высшего порядка» [4, с. 339]. Антиномичность верующего мышления имеет глубокие антропологические корни: она связана с антиномизмом, пронизывающим весь религиозный опыт православного человека, который основывается на двух догматах: о человеке как образе и подобии Божьем и утрате человеком Богоподобия в первородном грехе. Данная экзистенциальная ситуация определяет сотериологический вектор жизни православного человека, заключающийся в обожении.

В этой связи И. В. Киреевский подчёркивает, что «... не только смысл логический, но и нравственный смысл... должен быть развит в человеке...» [4, с. 338]. В православной святоотеческой традиции, на которую опирается мыслитель, религиозное познание предваряется нравственно-практическим деланием. Очищение тела и души от страстей (праксис) подготавливает очищение ума в созерцании (гносис). По Киреевскому, духовно-нравственное совершенствование человека, стремящегося к Богопознанию, и характеризует православный святоотеческий опыт.

Заключение. Итак, в данной статье раскрыта специфика философии как формы интеллектуальной культуры православия. В отличие от западноевропейской рационалистической философии, опирающейся

на культ отвлечённого ratio, в русской религиозной мысли рождается проект философии на христианско-православных основаниях. Согласно проекту христианско-православной философии И.В. Киреевского, её главным инструментом должно быть верующее мышление, обладающее такими чертами, как логосность, онтологизм, созерцательность, антиномичность, единство гносиса и праксиса, предметом же, постигаемым верующим мышлением, — сложная система взаимоотношений «человек — мир — Бог». Следует отметить, что в данном проекте И.В. Киреевского можно обнаружить основу теоретической модели православной философии, в которую включаются её сущностные характеристики. Сама же православная философия, как уже отмечалось выше, выступает в качестве одной из основных форм православной интеллектуальной культуры.

Список источников

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 427 с.
2. Бурлака Д. К. Мышление и откровение. Систематическое введение в христианскую метафизику. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2007. 445 с.
3. Воденко К.В. Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик. Новочеркасск: Лик, 2012. 292 с.
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 386 с.
5. Матяш Т.П. Философия и богословие: Запад — Россия // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2002. С. 119–133.
6. Положенкова Е.Ю. Соотношение религиозной философии и христианского богословия в русской религиозно-философской мысли XIX — нач. XX вв. Новочеркасск: Лик, 2009. 230 с.
7. Рожковский В.Б. Реконструкция идей И.В. Киреевского о специфике русской религиозно-философской мысли // Наследие И.В. Киреевского. Опыты философского осмысления. Ростов н/Д: Наука. Пресс, 2006. С. 15–41.
8. Сильницкий Г.Г. Разум человека по учениям исихастского и схоластического богословия // Синергия. Проблемы мистики и аскетики православия: научн. сб. под ред. Хоружего С.С. М.: ДИ-ДИК, 1995. 386 с.
9. Шестов Л.С. Признавал ли хоть один философ Бога? // На переломе. Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. 359 с.
10. Meyendorff J.A. Byzantine Hesychasm: Historical, Theological, Social Problems. London: Variorum Reprints, 1974. 592 p.

References

1. Bulgakov S.N. Svet nevechernij: Sozercanija i umozrenija [The light of the evening: Contemplation and speculation]. Moscow: Respublika, 1994. 427 p. (In Russ.).
2. Burlaka D.K. Myshlenie i otkrovenie. Sistematicheskoe vvedenie v hristianskuju metafiziku [Thinking and revelation. A systematic introduction to Christian Metaphysics]. Saint Petersburg: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2007. 445 p. (In Russ.).
3. Vodenko K.V. Religija i nauka v evropejskoj kul'ture: dinamika sootnoshenija kognitivnyh praktik [Religion and science in European culture: dynamics of the correlation of cognitive practices]. Novocherkassk: Lik, 2012. 292 p. (In Russ.).
4. Kireevskij I.V. Kritika i jestetika [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 386 p. (In Russ.).
5. Matjash T.P. Filosofija i bogoslovie: Zapad — Rossija [Philosophy and theology: West — Russia]. Gumanitarnyj ezhegodnik [Humanitarian Yearbook]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2002. P. 119–133. (In Russ.).
6. Polozhenkova E. Ju. Sootnoshenie religioznoj filosofii i hristianskogo bogoslovija v russkoj religiozno-filosofskoj mysli XIX — nach. XX vv. [The correlation of religious philosophy and Christian theology in Russian religious and philosophical thought of the XIX — beginning XX centuries]. Novocherkassk: Lik, 2009. 230 p. (In Russ.).
7. Rozhkovskij V.B. Rekonstrukcija idej I.V. Kireevskogo o specifike russkoj religiozno-filosofskoj mysli [Reconstruction of I.V. Kireevsky's ideas on the specifics of Russian religious and philosophical thought]. Nasledie I.V. Kireevskogo. Opyty filosofskogo osmyslenija [Heritage of I.V. Kireevsky. Ex-

periments of philosophical understanding]. Rostov-on-Don: Nauka. Press, 2006. P. 15–41. (In Russ.).

8. Sil'nickij G.G. Razum cheloveka po uchenijam isihastского i sholasticheskogo bogoslovija [The human mind according to the teachings of Hesychastic and scholastic theology]. Sinergija. Problemy mistiki i asketiki pravoslavija: nauchn. sb. pod red. Horuzhego S.S. [Synergy. Problems of Mysticism and Asceticism of Orthodoxy: scientific Collection/ In

Khoruzhiy S. S. (eds.)]. Moscow: DI-DIK, 1995. 386 p. (In Russ.).

9. Shestov L. S. Priznaval li hot' odin filosof Boga? [Did at least one philosopher recognize God?]. Na perelome. Filosofija i mirovozzrenie [On a fracture. Philosophy and worldview]. Moscow: Politizdat, 1990. 359 p. (In Russ.).

10. Meyendorff J.A. Byzantine Hesychazm: Historical, Theological, Social Problems. London: Variorum Reprints, 1974. 592 p.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 07.03.2023; approved after reviewing on 22.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мекушкин Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Православная культура и теология», Донской государственной технической университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Andrey A. Mekushkin — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University.

Gagarin sq. 1, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-250-257

ДИАЛЕКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Павел Викторович Павлов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pvravlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID РИНЦ: 402794*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ проблем института образования в современном капиталистическом обществе. Рассматриваются теоретические подходы к исследованию тенденций современного капитализма, изучается проблема образования и социально-экономического неравенства, анализируются возможности становления «универсально образованной личности» в контексте дискуссий о капитализме и посткапитализме.

Методология исследования. *Статья базируется на диалектической методологии, которая позволяет выявить и рассмотреть противоречия института образования в качестве репрезентаций основных противоречий и тенденций современной социальной реальности.*

Результаты исследования. *Диалектика образования как института современного общества является отражением противоречивых тенденций современного капитализма. Эти тенденции связаны, прежде всего, с проблемами роста неравенства и социальной поляризации, а также с развитием новых цифровых технологий. В статье делается вывод о крайне сложном и противоречивом проблематичном характере современного образования как способа преодоления социально-экономического неравенства и формирования универсально развитой личности.*

Ключевые слова: образование, университет, капитализм, посткапитализм, знание, неравенство, капитал, личность

Для цитирования: Павлов П. В. Диалектика образования в контексте дискуссий о современном капитализме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 250–257. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-250-257>.

Благодарности: *статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».*

Original article

DIALECTICS OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF DISCUSSIONS ABOUT MODERN CAPITALISM

Pavel V. Pavlov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID RSCI: 402794*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the problems of the institution of education in modern capitalist society. Theoretical approaches to the study of the trends of modern capitalism are considered, the problem of education and socio-economic inequality is studied, the possibilities of becoming a «universally educated person» are analyzed in the context of discussions about capitalism and post-capitalism.*

Research methodology. *The article is based on dialectical methodology, which allows to identify and consider the contradictions of the institution of education as representations of the main contradictions and trends of modern social reality.*

Research results. *The dialectic of education as an institution of modern society is a reflection of the contradictory tendencies of modern capitalism. These trends are primarily related to the problems of growing inequality and social polarization, as well as the development of new digital technologies. The article concludes about the extremely complex and contradictory, problematic nature of modern education as a way to overcome socio-economic inequality and the formation of a universally developed personality.*

Keywords: *education, university, capitalism, post-capitalism, knowledge, inequality, capital, personality*

For citation: *Pavlov P. V. Dialectics of education in the context of discussions about modern capitalism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 250–257. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-250-257>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. Образование как институт современного общества подвергается разносторонней критике. Эта критика относится, в первую очередь, к институту высшего образования, порождая различные дискуссии о кризисе университета. Тотальная формализация и бюрократизация, внедрение в академический мир рыночных отношений и конкуренции, превращение университета в «бюрократическую корпорацию», нацеленную на извлечение прибыли и вписанную в общий поток движения капитала — эти тен-

денции хорошо известны и достаточно давно описаны, прежде всего, в известной книге Билла Ридингса «Университет в руинах» [9].

В свете этих тенденций происходит радикальная смена приоритетов: студент рассматривается как потребитель, центральное место в университете занимает административный персонал, а отнюдь не профессор и преподаватель, подавленный различной отчетностью, рейтингами и прочими формальными критериями и показателями «эффективности». Диалектическое единство

преподавания и исследования, характерное для классического университета, поглощается тотальным администрированием. Как пишет Б. Ридингс, «всеобщий принцип администрирования замещает диалектику преподавания и исследования, в силу чего преподавание и исследование как аспекты профессиональной жизни оказываются в подчинении у администрирования» [9, с. 199]. Согласно Ридингсу, основная причина трансформаций, происходящих в сфере высшего образования, заключается в том, что культура вытесняется глобальным капиталом, поэтому университет уже не нацелен на образование субъектов культуры, как это было в классическом университете: субъекты культуры замещаются потребителями.

Обозначенные кризисные тенденции в сфере высшего образования носят глобальный характер, и поэтому следует говорить лишь о «региональной специфике» проявления этих тенденций в различных странах. Можно сказать, что порожденные капиталом глобальные тенденции, превращающие «университет в руины», под видом «инноваций» и «модернизации» трансформируются на различных региональных почвах. Тем самым вполне очевидно, что критический анализ института образования предполагает, прежде всего, анализ тенденций современного общества, которое по своей сути является капиталистическим. Иначе говоря, диалектику современного образования, его «парадоксы» и превратности следует рассматривать в контексте дискуссий о тенденциях современного капитализма.

Дискуссии о тенденциях современного капитализма. Среди множества теоретических подходов к анализу и оценке современного капитализма и его тенденций можно выделить несколько, зачастую прямо противоположных, позиций. Так, можно выделить подходы, нацеленные преимущественно на анализ и критику негативных тенденций современного капитализма, связанных, в первую очередь, с проблемами неравенства и социальной поляризации в глобальных масштабах, с проявлениями «неофеодализма». Особое место среди этих дискуссий занимают крайне противоречивые точки зрения на роль новых цифровых технологий в динамике сов-

ременного капиталистического общества. Так, согласно концепции Ш. Зубофф [4], развитие новых цифровых технологий в современном обществе привело к «злокачественной мутации капитализма» — «надзорному капитализму», который поставил под угрозу «человечность», базовый принцип «суверенитета личности», превращая человеческий опыт в «данные», которые изымаются и используются в коммерческих целях.

Иные теоретические подходы сосредоточены на поиске альтернатив современному капитализму, которые нередко усматриваются в посткапитализме. При этом некоторые теоретики рассматривают современную «информационную революцию», новые цифровые технологии в качестве важнейшего фактора перехода к миру посткапитализма. Так, согласно Полу Мейсону [7], новые информационные технологии и сетевые отношения разрушают рыночные механизмы и мир капиталистической иерархии, приближая нас к посткапитализму, в центре которого будут находиться «универсально образованный человек», «образованное сетевое поколение». Эти идеи во многом схожи с выдвигавшимися прежде идеями об «обществе знаний», «когнитивном капитализме», в котором знания — то, что Андре Горц именовал «нематериальным» [3] — являются важнейшим источником создания стоимости.

Конечно же, есть и множество сторонников капитализма, которые предлагают его не преодолевать, но лишь «улучшить». Так, в своей недавней книге «Будущее капитализма» Пол Коллиер [6] предлагает идею «улучшения» капитализма, при этом признавая ряд существенных негативных аспектов, «расколов» современного общества, связанных, прежде всего, с проблемой неравенства, в том числе и с проблемой образовательного неравенства. Как полагает Коллиер, капитализм должен стремиться к увеличению благосостояния всех: по крайней мере, таковы были тенденции капиталистической системы в период после 1945 года и вплоть до 1970-х годов. Однако, начиная с 1980-х годов капитализм пошел по «неправильному» пути, усиливая социальную поляризацию. В этой связи, согласно Коллиеру, сегодня крайне необходим «этический капитализм», в основе которого — принципы взаимных обязательств и мо-

рального (разумного) прагматизма в противовес современному индивидуализму, характерного для «homo economicus». Капитализм должен не только производить материальное благосостояние, но и быть нравственным: по мысли Коллиера, такого рода «этический капитализм» может воплотиться, прежде всего, в «моральном государстве», «моральной компании» и «моральной семье».

Впрочем, насколько благоразумно «читать мораль» капитализму — это, конечно, дискуссионный вопрос, интересно здесь другое. П. Коллиер особо подчеркивает заявившую о себе проблему «возвышения образованного класса», которая, по его мнению, определяет специфику социального расслоения в современном обществе. Именно «возвышение нового образованного класса», полагает он, «вызвало явное обострение социального неравенства» [6, с. 309]. Современное классовое расслоение — это, прежде всего, расслоение «между процветающим образованным сословием и впадающими в отчаяние менее образованными слоями» [6, с. 40]. Представители «образованного сословия» получили элитное образование в лучших университетах мира, освоили новые востребованные профессии и превратились в новый «правлящий класс», положение которого «стремительно улучшается и тянет за собой общенациональные экономические показатели» [6, с. 12]. Как правило, «новый образованный класс» проживает в процветающих столичных центрах и позиционирует себя в качестве «граждан мира». Напротив, менее образованные слои населения, преимущественно проживающие в провинции, оказываются в кризисной ситуации, стремительно теряя рабочие места. Именно эту «остроту социального расслоения» между преуспевающим «образованным классом» и менее образованными слоями необходимо, полагает П. Коллиер, «смягчить». Однако действительно ли современный институт образования способен справиться с проблемой неравенства, существенным образом «смягчить» социальное расслоение? Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Образование, неравенство и капитал. Образование и неравенство — комплексная проблема, включающая в себя ряд

взаимосвязанных аспектов. Обеспечение социальной мобильности, проблема равного доступа к качественному образованию, образование как способ преодоления социально-экономического неравенства — вот лишь важнейшие из этих аспектов. Однако обеспечивает ли современный институт образования социальную мобильность? По крайней мере, так ставит вопрос Томас Пикетти в своем известном труде «Капитал в XXI веке» [8]. Выводы Пикетти интересны тем, что они позволяют существенным образом пересмотреть современные идеи об инвестициях в человеческий капитал, идеи меритократии, согласно которым личные способности и достоинства, труд, достижения и образование являются существенными факторами социального продвижения и сокращения социально-экономического неравенства в современном обществе.

Важнейшими представлениями современного капиталистического общества являются представления о том, что в современном мире происходит существенное увеличение роли образования, возрастает значимость человеческого капитала — знаний, умений и навыков — в социально-экономическом развитии. В частности, такова роль образования в становлении среднего класса, в процессе перехода от «общества рантье» к «обществу менеджеров». Конечно, инвестиции в образование и повышение квалификации — важный механизм сокращения неравенства, особенно в долгосрочной перспективе. Как отмечает Т. Пикетти, образование и распространение знаний представляют собой основные «силы сближения», которые способствуют сокращению неравенства и росту производительности. При этом наиболее отчетливо эти «силы сближения» заявили о себе в эпоху «Славного тридцатилетия» (период после 1945 года и до середины 1970-х годов), для которого характерны высокие темпы экономического роста и существенное сокращение доходности наследственного капитала, прежде составлявшего основу «общества рантье». Казалось, что мир наследственного капитала, «мир рантье» окончательно ушел в прошлое, а образование, труд и личные достижения стали рассматриваться в качестве важнейшего механизма социального восхождения и преодоления неравенства.

Однако, начиная с 1980-х годов, после эпохи «Славного тридцатилетия», наметились явные тенденции существенного увеличения социально-экономического неравенства. При этом, как показывают исследования Т. Пикетти, к началу XXI века в современном мире неравенство в капитале, имущественное неравенство стало проявляться в крайних формах. Согласно Пикетти, в современном мире «взяли верх» «силы расхождения», связанные с тем, что доходность накопленного капитала стала превышать темпы экономического роста («ключевое противоречие капитализма»). Концентрация капитала и высокие доходы с него на фоне медленного экономического роста «дестабилизируют» современное общество: «силы расхождения», увеличивающие неравенство, являются, уверен Пикетти, главной угрозой демократии и ценностям социальной справедливости, поскольку в известном смысле возвращают нас обратно в прошлое, в «общество рантье», для которого характерно крайнее экономическое неравенство. В этой связи, как убедительно показывает Пикетти, весьма проблематичным становится «меритократический идеал», поскольку существенный рост уровня образования в современном мире «парадоксальным» образом отнюдь не сокращает неравенство: наоборот, социально-экономическое неравенство резко усиливается. Но тем самым во многом уже не образование и труд определяют основной путь социального восхождения; путь к социальному успеху в большей степени определяется наследственным капиталом и доходами с него, как это было в «мире рантье».

В этом свете следует рассматривать и проблему образовательного неравенства. Обеспечение равного доступа к образованию вне зависимости от социального происхождения и, как следствие, обеспечение социальной мобильности — декларируемая цель, которая провозглашается в современном обществе. Однако действительно ли существует реальное равенство возможностей, равный доступ к высшему образованию? Проблема «неравных шансов» и «неравного отбора», которую еще во второй половине прошлого века анализировали Пьер Бурдьё и Жан-Клод Пассрон [2], остается актуальной и по сей день. Доступность высшего образования

для молодых людей во многом определяется финансовыми возможностями их родителей. Как правило, для большинства элитных университетов характерна высокая плата за обучение, которая наиболее отчетливо характеризует принципиальное неравенство в доступе к высшему образованию. Кроме того, помимо собственно «финансового отбора» действуют также «скрытые» механизмы социального и культурного отбора (эти механизмы проанализированы в исследованиях П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона). В целом же, как подчеркивает Т. Пикетти, «доход родителей стал почти идеальным показателем доступности университетского образования», что весьма «плохо увязывается с представлениями о том, что отбор студентов осуществляется исключительно на основании их личных достоинств. Контраст между официальным меритократическим дискурсом и реальностью достигает крайних форм» [8, с. 485].

Институт образования постоянно воспроизводит неравенство, что уже давно показали П. Бурдьё, Ж.-К. Пассрон, а также Иван Иллич в своей известной книге о системе школьного образования [5]. Так, согласно И. Илличу, школьное образование, будучи формально призванным предоставлять равные возможности, на самом деле способствует социальной поляризации. Выводы, сделанные этими авторами, остаются актуальными и в XXI веке, что весьма убедительно показывают исследования Т. Пикетти. Как полагает Пикетти, сегодня «нет простого способа добиться реального равенства возможностей в области высшего образования. Это ключевая задача для социального государства в XXI веке, и идеальную систему еще предстоит придумать» [8, с. 487].

«Универсально образованный человек» в мире посткапитализма: иллюзии и реальность. Впрочем, современные теории посткапитализма настроены весьма оптимистично относительно преодоления образовательного неравенства: с их точки зрения, образование и знания в мире свободной информации будут доступны практически всем, кто умеет пользоваться новыми информационными технологиями. Согласно П. Мейсону, одним из «пророков посткапитализма» является «гуру менеджмента» Питер Друкер,

который еще в 1990-е годы «предсказал» появление «универсально образованной личности». П. Друкер наметил контуры нового «посткапиталистического общества» [10], в котором центральную роль играют знания и образование. В современной экономике и обществе в целом, согласно Друкеру, знания становятся ключевым ресурсом, ключевым фактором производства, оттесняя традиционные факторы — труд, землю и капитал. И если символом («архетипом») капиталистического общества выступала буржуазия, то символом посткапитализма становится «универсально образованный человек», соединяющий в себе менеджера и интеллектуала, управленческие навыки и способность оперировать идеями.

Согласно П. Мейсону, сегодня «универсально образованный человек» — это человек со смартфоном, «индивид, подключенный к сети», «сетевой индивид», который приобщается к «бесплатным» товарам в мире свободной информации, в пространстве новых информационных технологий. «Подключенные к сети индивиды начала XXI века... точно соответствуют тому типу людей, появления которого ожидал Друкер: универсально образованного человека», — пишет Мейсон [7, с. 169]. Сегодня, уверен он, каждый индивид, обладающий базовым образованием и подключенный к интернету, становится «универсально образованной личностью».

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что описанный Полом Мейсоном универсально образованный «сетевой индивид», конечно, не тождествен универсальной, всесторонне развитой личности, идею которой отстаивала классическая мысль вплоть до К. Маркса. Напротив, этот новый «индивид, подключенный к сети» характеризуется в постмодернистском духе как обладающий «множеством идентичностей». «Сетевой индивид, — подчеркивает П. Мейсон, — создает более сложную реальность: он живет параллельными жизнями на работе, во множестве фрагментированных субкультур и в интернете» [7, с. 293].

Вполне понятно, что теоретические построения П. Мейсона и других теоретиков посткапитализма не без оснований вызывают ряд серьезных вопросов. Соответствуют ли эти построения реалиям современного капи-

тализма? Способствуют ли цифровые технологии преодолению неравенства и становлению действительно «образованной личности»? Если же «универсально образованный человек» понимается в качестве « сетевого индивида », потребляющего информационные товары, то по сути дела перед нами обычный потребитель, который, по словам Алена Бадью, полностью зависит от «обращения товаров и пустопорожного мелькания на экране картинок и символов» [1, с. 121]. Можно сказать, что «сетевой индивид» является лишь «симулякром» действительно всесторонней, универсально развитой личности. Иными словами, необходимо проводить конкретное, содержательное различие между «сетевым индивидом» с множественными и фрагментированными идентичностями и действительно свободным, творческим развитием личности, которая является подлинным субъектом культуры и исторического творчества, «автором собственной исторической драмы», по известному выражению К. Маркса.

Заключение. Проблемы института образования репрезентируют диалектику современного капиталистического общества, его коллизии и противоречивые тенденции. В свете этих тенденций возникает ряд проблем, связанных с социальной поляризацией, образовательным и социально-экономическим неравенством, дискуссионными вопросами о возможности «универсально образованной личности» в современном обществе. Способно ли современное образование как социальный институт формировать универсальных, всесторонне развитых личностей или же логика движения современного капитала лишь увеличивает отчуждение и неравенство, и соответственно система образования с необходимостью воспроизводит одностороннего («одномерного»), «частичного» человека? Существуют ли в современном мире реальные тенденции формирования «универсально образованного человека» и обеспечивают ли новые цифровые технологии путь к свободе, о чем мечтают теоретики посткапитализма? Или же, напротив, эти технологии только усугубляют неравенство и становятся угрозой для личностной свободы, формируя мир «надзорного капитализма»?

Эти вопросы и проблемы необходимо существенно образом актуализировать, избегая, впрочем, поспешных ответов и решений. По крайней мере, вполне ясно, что современный институт образования носит крайне проблематичный и противоречивый характер: будучи призванной формировать личность и способствовать преодолению неравенства, система образования в своей деятельности нередко приводит к совершенным иным, «превратным» результатам. Эти «превратности» являются отражением противоречивых тенденций движения современного капиталистического общества, критический анализ которых с необходимостью требует конкретно-исторического, диалектического исследования.

Список источников

1. Бадью А. Истинная жизнь. М.: РИПОЛ классик, 2018. 176 с.
2. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Государственного университета ВШЭ, 2010. 208 с.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
5. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. 160 с.
6. Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 376 с.
7. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ad Marginem Press, 2016. 416 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem Press, 2015. 592 с.
9. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом Государственного университета ВШЭ, 2010. 304 с.

10. Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993. 204 p.

References

1. Bad'ju A. Istinnaja zhizn' [True life]. Moscow: RIPOl klassik, 2018. 176 p. (In Russ.).
2. Burd'e P., Passron Zh.-K. Vosproizvodstvo: jelementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction: elements of the theory of the education system]. Moscow: Prosveshhenie, 2007. 267 p. (In Russ.).
3. Gorc A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital [Immaterial. Knowledge, value and capital]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta VShJe, 2010. 208 p. (In Russ.).
4. Zuboff Sh. Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh rubezhah vlasti [The era of supervisory capitalism. The Battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2022. 784 p. (In Russ.).
5. Illich I. Osvobozhdenie ot shkol. Proporcional'nost' i sovremennyy mir [Exemption from schools. Proportionality and the modern world]. Moscow: Prosveshhenie, 2006. 160 p. (In Russ.).
6. Kollier P. Budushhee kapitalizma [The Future of Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021. 376 p. (In Russ.).
7. Mejsen P. Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushhemu [Post-Capitalism. A guide to our future]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 416 p. (In Russ.).
8. Piketti T. Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 592 p. (In Russ.).
9. Ridings B. Universitet v ruinah [University in Ruins]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta VShJe, 2010. 304 p. (In Russ.).
10. Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993. 204 p.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 07.03.2023; approved after reviewing on 22.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Павел Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Pavel V. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК. 316.334

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-258-265

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Людмила Львовна Штофер¹, Ольга Михайловна Шевченко²✉

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Filosophiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID РИНЦ: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID РИНЦ: 479776

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении деструктивного влияния коррупции на инновационное развитие российского общества.

Методологической основой исследования выступает институциональный подход и положения теории институциональных матриц.

Результаты исследования. Коррупция представляет системное явление и ведет к ряду деструктивных последствий: подтачивает государственную власть, делая её беспринципной и безынициативной; препятствует развитию национальной экономики, уничтожая возможность её конкурентного развития; разлагает общество, ставя под вопрос правовые и нравственные основы его существования. Факторами, препятствующими борьбе с коррупцией в российском обществе, являются архаичные политические институты и их консервация; бюрократическая система, персонализированные представители которой вполне удовлетворены наличной ситуацией и не стремятся к её изменению; закрытость органов власти от общественного контроля, несформированность институтов гражданского общества; легитимация коррупции в массовом сознании.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования причин и специфики коррупции в российском обществе.

Ключевые слова: коррупция, социальные институты, социальные группы, корпоративные интересы, клиентские отношения, институты гражданского общества

Для цитирования: Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Деструктивное влияние коррупции на российские социальные институты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 258–265. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-нач-конеч>.

Original article

THE DESTRUCTIVE IMPACT OF CORRUPTION ON RUSSIAN SOCIAL INSTITUTIONS

Lyudmila L. Shtofer¹, Olga M. Shevchenko²✉

¹Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Filosofiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID RSCI: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID RSCI: 479776

Abstract. *The purpose of the study is to identify the destructive impact of corruption on the innovative development of Russian society.*

The methodological basis of the study is the institutional approach and the provisions of the theory of institutional matrices.

Research results. *Corruption is a systemic phenomenon and leads to a number of destructive consequences: it undermines state power; making it unprincipled and lacking initiative; impedes the development of the national economy, destroying the possibility of its competitive development; decomposes society, calling into question the legal and moral foundations of its existence. Factors hindering the fight against corruption in Russian society are archaic political institutions and their conservation; a bureaucratic system whose personalized representatives are quite satisfied with the current situation and do not seek to change it; the closeness of government bodies from public control, the lack of formation of civil society institutions; legitimization of corruption in the mass consciousness.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the causes and specifics of corruption in Russian society.*

Keywords: corruption, social institutions, social groups, corporate interests, client relations, civil society institutions

For citation: Shtofer L. L., Shevchenko O. M. The destructive impact of corruption on Russian social institutions // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 258–265. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-258-265>.

Введение. В настоящее время перед Россией все отчетливее стоит проблема инновационного развития, интеграции в современный стремительно меняющийся мир и обретения в нем места, соответствующего её геополитической, исторической и культурной значимости.

Среди основных инструментов обычно называют формирование и развитие институтов гражданского общества, демократизацию политической системы, борьбу с коррупцией. Последний фактор чрезвычайно важен, поскольку имеет в России длительную историю существования, находя отражение в различ-

ных источниках, включая отечественную литературу, традиционно обличавшую негативные социальные явления. Следует отметить, что коррупция в форме взяточничества, широко распространенная среди российских должностных лиц, считалась нормой, а если и осуждалась, то по Н.В. Гоголю, лишь в одном случае: «Не по чину берешь!». В целом терпимое отношение к данному явлению сохранялось на протяжении царского, имперского, советского периодов. Однако на фоне радикальных изменений в политике, экономике, социальной сфере, реформирования ценностно-мировоззренческих основ об-

пественной жизни коррупция обрела невиданный доселе размах и начала осознаваться как деструктивный фактор, угрожающий развитию страны.

Данное обстоятельство побуждает к осмыслению коррупции, выявлению её признаков, стимулов, потенциальных субъектов, источников и причин возникновения, факторов, способствующих распространению, методов борьбы и пр.

Методология и методы исследования.

Методологической основой исследования выступает институциональный подход, позволяющий исследовать специфику и функционирование социальных институтов [1]. Концептуальной для исследования коррупции в российском обществе является теория институциональных матриц [5], в которой обосновывается идея о наличии различных институциональных моделей, определяющих вектор развития общества и специфику его институтов.

Результаты. На сегодняшний день в специальной литературе можно выделить три основных подхода к осмыслению сущности коррупции.

Согласно первому коррупция — это незаконное использование лицом прав, источником которых выступает занимаемая должность и соответствующие функциональные обязанности, с целью личного обогащения [3].

В рамках второго подхода коррупция понимается как вид социально-экономических отношений, имеющих цивилизационную (западную и восточную) специфику. Отмечается, что коррупция для Запада — явление единичное и временное, в то время как для Востока — системное и устойчивое, базирующееся на сложившихся моделях социального взаимодействия различного уровня (родственного, земляческого, корпоративного, профессионального и др.) [2].

Коррупция как стратегия поведения социальных групп рассматривается в рамках третьего подхода. Речь идет, во-первых, о представителях крупного бизнеса, стремящихся контролировать и направлять решения, принимаемые властной элитой (стратегия «захвата государства»); во-вторых, о действиях государственной власти, стремящейся

неформально контролировать бизнес-структуры с целью получения административной ренты (стратегия «захвата бизнеса») [7].

Вариативность интерпретации понятия «коррупция» не отменяет главного: коррупция — это всегда нелегитимное использование определенных полномочий лицом (группой лиц) с целью получения личной выгоды различного масштаба. В связи с этим основным стимулом к коррупционным действиям — получение экономической прибыли (ренты), связанной с использованием имеющихся властных полномочий.

Коррупция как социальный феномен является деструктивным явлением, содержащим конфликт между действиями должностного лица (группы лиц), преследующего (преследующих) частные (корпоративные) интересы, и интересами иных субъектов социального взаимодействия, прежде всего персонифицированного представителя общества (общества как коллективного субъекта).

Наиболее опасна коррупция, носящая системный характер. Будучи принудительной для работающих в коррумпированных государственных организациях, она выражается в том, что низовой уровень работников осуществляет поборы с объектов деятельности (юридических и физических лиц) и делится незаконно полученными доходами с вышестоящими лицами для сохранения своего места в служебной иерархии (продвижения по карьерной лестнице). В связи с этим потенциальными субъектами коррупции выступают работники органов исполнительной власти, правоохранительной и судебной систем, администраторы различных уровней и т.д., представляющие государство.

Источником коррупции является наличие у субъекта дискреционной власти — полномочий действовать в рамках закона по личному усмотрению в сфере распределения каких-либо не принадлежащих ему ресурсов. В силу многообразия реальных ситуаций и объективной невозможности отражения их в законе в непредусмотренной законом ситуации администратор способен руководствоваться как соображениями общественной пользы, так и наиболее выгодной рентой.

Парадокс заключается в том, что зарплата служащих относится к числу расходов, покрываемых в конечном итоге за счёт потре-

бителя (посредством налоговых отчислений), однако деятельность служащих определяется волей работодателя (государства). Это приводит к ситуации, когда потребитель получает необходимую услугу от государственного служащего, но не может напрямую влиять на его деятельность.

Таким образом, принцип управления, построенный на делегировании властных полномочий, праве распоряжения властным ресурсом, сам по себе содержит возможность для коррупции. Эта возможность перерастает в объективные условия, когда потенциальная выгода преобладает над рисками (например, риском уголовного преследования).

Основной причиной высокой коррупции является несовершенство институтов, которые призваны обеспечить внутренние и внешние механизмы сдерживания данного деструктивного явления: несформированность механизмов продуктивного взаимодействия институтов власти (прежде всего, регулирование одной и той же деятельности различными инстанциями); отсутствие механизмов конструктивного взаимодействия институтов власти и гражданских институтов; низкий уровень участия граждан в контроле над государством, их зависимость от чиновников.

Среди обстоятельств, способствующих распространению коррупции, значительную роль играет зависимость стандартов и принципов работы бюрократического аппарата от политики правящей элиты (например, кумовство и политическое покровительство приводит к формированию тайных соглашений и ослабляет механизмы контроля над коррупцией).

Наконец, коррупция возрастает в ситуации слабости правовых механизмов: «рыхлости» национального законодательства (большой удельный вес двусмысленных законов), проблем с правоприменением вплоть до правового релятивизма и нигилизма, властного беспредела на фоне низкого уровня юридической грамотности населения [9].

Мировой опыт свидетельствует, что снижение коррупции возможно при соблюдении ряда условий.

Прежде всего, должна сократиться регулятивная роль государства, там же, где она необходима, основой должны быть не запреты и разрешения, а стимулы. Не ставя под

угрозу национальную безопасность, необходимо обеспечить максимальную открытость ведомственных систем («прозрачности» происходящих внутри ведомств операций можно достичь посредством обнародования внутриведомственных документов в общедоступной сети Интернет). Необходимо сокращение или исключение из законодательства правовых норм, ограничивающих конституционные права и свободы человека (коррупциогенная составляющая наиболее значима у норм, нарушающих права и свободы человека и гражданина, закреплённые в Конституции). Государственные служащие должны иметь высокий уровень социального обеспечения, который на фоне совершенствования правовых механизмов сформирует условия, в равной мере выгодные и для чиновника, и для общества (боязнь лишиться законных преференций, связанных с занимаемым местом, будет «перевешивать» для должностного лица потенциальную выгоду от «торговли» своим должностным функционалом).

Изменения в экономической сфере должны сводиться к росту конкуренции как универсального принципа, сокращающего возможность добиться преимущественного положения на рынке посредством протекционизма, а также к отмене монополии государства на определённые услуги и возникновению конкуренции в их оказании (поскольку у потребителя услуг появится выбор, это приведет к снижению уровня вымогательства взяток должностными лицами).

Наконец, эффективные механизмы контроля за деятельностью исполнительной власти, в том числе посредством независимого правосудия и институтов гражданского общества, должны быть дополнены полноценным информационным обеспечением граждан, включая правовое просвещение.

В борьбе с коррупцией необходимо придерживаться принципа разумной достаточности в силу её чрезвычайно высокой затратности (в частности, полное искоренение коррупции невозможно по экономическим причинам), что не исключает последовательности и суровости в борьбе с данным явлением.

Логика борьбы с коррупцией должна основываться на стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность склонения личности (группы

лиц) к совершению коррупционных действий, обозначенных в литературе как «Сингапурская стратегия борьбы с коррупцией».

Если факт коррумпированности органов государственной власти в России давно стал общим местом, то его последствия для страны требуют анализа и всестороннего теоретического осмысления. Речь идет прежде всего о наиболее значимых сферах: политической, экономической, социальной, духовно-нравственной.

Коррупция в политической сфере препятствует развитию демократии, поскольку ведет к «приватизации» власти узкой группой лиц, её клановости. В результате функционирование демократических институтов в стране становится имитативным — принятие политических решений происходит без участия граждан внутри замкнутой группы лиц, персонифицирующих власть, (политическая элита) и приближенных к ним (высшая бюрократия). Разрешение конфликта интересов внутри данной группы, по мнению исследователей, чаще всего носит коррупционный характер [7]. В результате нарушаются фундаментальные демократические принципы социальной справедливости (равный доступ граждан к имеющимся благам и их распределению) и справедливости правовой (принятие законов в интересах граждан и обеспечение их исполнения, а также равенство всех перед законом).

Коррупция в политической сфере ведет к расхождению целей страны и целей коррумпированных представителей власти, общенациональных интересов и личных интересов чиновников. В подобной ситуации эффективное государственное строительство невозможно, напротив, нарастает уязвимость политической системы, а многообразные как внешние, так и внутренние вызовы ставят под вопрос устойчивость государства. Фактически люди, облеченные властными полномочиями, изнутри разрушают государственные структуры, а следовательно, само государство [10].

Самозамыкание властно-бюрократической группы рамками частных интересов ведет к поляризации отношений «власть — общество». Отчуждение коррумпированной власти от общества сопровождается снижением доверия населения к властным институтам,

долженствующим выражать права и законные интересы граждан [4].

В качестве самостоятельной можно рассматривать проблему коррупции в экономической сфере. После перехода от планово-директивной к рыночной экономике и легитимации бизнеса возникла новая социальная группа — предприниматели. Предпринимательская активность в стране напрямую зависит от инвестиционного климата, действенности правовых механизмов, уровня налогов, ставок по кредитам, а главное — поддержания честной конкуренции.

Коррупция разрушает основу рыночной экономики — конкурентный механизм, заменяя его скрытым или явным лоббированием интересов бизнес-структур, приближенных к власти. Ухудшение инвестиционного климата, связанное с перманентными изменениями в законодательстве, увеличением налогов, лишает бизнес долгосрочных перспектив, вызывает естественное желание получить прибыль здесь и сейчас [8].

Повышение риска в экономической деятельности способствует разорению мелких и средних предпринимателей, их поглощению крупными игроками, стремящимися договориться с властью на неформальной основе [6]. Поскольку в выигрыше оказывается не конкурентоспособный, а тот, кто установил с властью клиентские отношения, утрачивается важнейшая основа любой, в том числе и предпринимательской, деятельности — доверие. Результат закономерен: экономика страны начинает пробуксовывать и стагнировать, коррупция резко сокращает круг лиц, готовых прийти в бизнес и способствовать не только повышению уровня личного благосостояния, но и росту национальной экономики.

Пагубна коррупция и для социальной сферы в целом. Начавшаяся в постсоветский период стремительная социальная дифференциация под влиянием распространения коррупции имеет тенденцию к усугублению: продолжается расслоение общества по уровню доходов и связанных с ними возможностей, общее снижение качества жизни подавляющего большинства населения, поляризация богатства и бедности. Данное обстоятельство усиливает социальную напряженность и содержит в себе возможность открытого проявления общественного недовольства.

Наконец, разрастание коррупции ведет к моральным потерям. В общественном сознании разрушаются устойчивые представления о должном и недолжном, допустимом и недопустимом, заслуживающим уважения и, напротив, порицания. Как результат — представления о добре и зле релятивизируются, а моральные императивы теряют свою общеобязательность. В практическом выражении разложение индивидуального и общественного морального сознания ведет к нравственной легитимации извлечения преступного дохода из исполнения служебных обязанностей любым лицом, безответственности государственных служащих, разрушению деонтологических и возбладанию гедонистических ориентаций, нарастанию воинствующего индивидуализма и эгоизма.

Оценивая деструктивность коррупции как социального явления, исследователи считают её одним из самых опасных, обесценивающих достигнутое в различных сферах и препятствующих решению наиболее значимых российских проблем, связанных с социальной стабильностью, инновационным экономическим развитием, позитивным имиджем страны на международной арене [10].

Заключение. Следует отметить, что Россия — не единственное государство, для которого актуальна проблема борьбы с коррупцией. Это косвенно подтверждает опыт стран, находящихся в разных регионах мира. Проблема заключается в наличии политической воли руководства страны с одной стороны и активизации деятельности институтов гражданского общества с другой, а главное — согласованности их действий.

Очевидно, что для борьбы с данным явлением недостаточно антикоррупционной риторики власти и ужесточения уголовного законодательства. Основным препятствием выступают архаичные политические институты и их консервация; бюрократическая система, персонализированные представители которой вполне удовлетворены наличной ситуацией и не стремятся к её изменению; закрытость органов власти от общественного контроля, несформированность институтов гражданского общества; возникновение биоценоза коррупционеров и их клиентов на всех уровнях; легитимация коррупции в массовом сознании.

Вывод, к которому можно прийти, вполне очевиден. Коррупция представляет системное явление и ведет к ряду деструктивных последствий: подтачивает государственную власть, делая её беспринципной и безынициативной; препятствует развитию национальной экономики, уничтожая возможность её конкурентного развития; разлагает общество, ставя под вопрос правовые и нравственные основы его существования.

Для решения проблемы требуются системные изменения, последовательность в их осуществлении и длительный период времени, основой которых выступает симбиоз открытости власти и широкой гражданской инициативы.

Список источников

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 365 с.
2. Гостева С.Р., Рашкин В.Ф. Коррупция в России: исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия. М.: Еврошкола, 2010. 325 с.
3. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. 297 с.
4. Имгрунт С.И. Гражданская идентификация современных россиян в условиях сложившейся системы социального неравенства. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. 289 с.
5. Кирдина-Чэндлер С.Г. Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2018. №1. С. 73–88.
6. Койнова Е.С. Коррупция как угроза экономической безопасности: оценка восприятия коррупции и пути совершенствования антикоррупционного законодательства // Россия и регионы мира: воплощение идей и экономика возможностей. Материалы XI Евразийского экономического форума молодежи. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета, 2021. С. 241–243.
7. Мудрак А.В. Коррупция в современной России // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. М.: Российс-

кая академия адвокатуры и нотариата. 2012. №1. С. 109–114.

8. Муравьева С.В. Институты гражданского общества как субъект антикоррупционной политики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. М., 2013. 25 с.

9. Нисневич Ю.А. Коррупция: инструментальная концептуализация // Социологические исследования. 2016. №5. С. 61–68.

10. Серапина А. Влияние коррупции на политические процессы в стране // Россия и мусульманский мир. 2010. №11. С. 5–16.

References

1. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [Theory of the leisure class]. Moscow: Progress, 1984. 365 p. (In Russ.).

2. Gosteva S.R., Rashkin V.F. Korrupcija v Rossii: istoricheskie korni, prichiny, sostojanie, osnovy sovremennoj normativno-pravovoj bazy protivodejstvija [Corruption in Russia: historical roots, causes, state, foundations of the modern regulatory framework of counteraction]. Moscow: Evroshkola, 2010. 325 p. (In Russ.).

3. Dobren'kov V. I., Ispravnikova N. R. Korrupcija: sovremennye podhody k issledovaniju [Corruption: modern approaches to research]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2009. 297 p. (In Russ.).

4. Imgrunt S. I. Grazhdanskaja identifikacija sovremennyh rossijan v uslovijah slozhivshejsja sistemy social'nogo neravenstva [Civil identification of modern Russians in the conditions of the current system of social inequality]. Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2016. 289 p. (In Russ.).

5. Kirdina-Chjendler S. G. Zapadnye i nezapadnye institucional'nye modeli vo vremeni i prostranstve [Western and non-Western institutional models in time and space]. *Voprosy teor-*

eticheskoy jekonomiki [Questions of theoretical economics]. 2018; (1): 73–88. (In Russ.).

6. Kojnova E. S. Korrupcija kak ugroza jekonomicheskoy bezopasnosti: ocenka vosprijatija korupcii i puti sovershenstvovanija antikorrupcionnogo zakonodatel'stva [Corruption as a threat to economic security: assessment of the perception of corruption and ways to improve anti-corruption legislation]. *Rossija i regiony mira: voploshhenie idej i jekonomika vozmozhnostej. Materialy XI Evrazijskogo jekonomicheskogo foruma molodezhi* [Russia and the regions of the world: the embodiment of ideas and the economy of opportunities. Materials of the XI Eurasian Economic Youth Forum]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta, 2021. P. 241–243. (In Russ.).

7. Mudrak A. V. Korrupcija v sovremennoj Rossii [Corruption in modern Russia]. *Uchenye trudy rossijskoj akademii advokatury i notariata* [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariate]. Moscow: Rossijskaja akademija advokatury i notariata. 2012; (1): 109–114. (In Russ.).

8. Murav'eva S. V. Instituty grazhdanskogo obshhestva kak sub'ekt antikorrupcionnoj politiki: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Civil society institutions as a subject of anti-corruption policy. Ph. D. (Policy) Thesis]. Moskovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. N. Je. Bauman. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.).

9. Nisnevich Ju. A. Korrupcija: instrumental'naja konceptualizacija [Corruption: instrumental conceptualization]. *Sociologičeskije issledovanija* [Sociological research]. 2016; (5): 61–68. (In Russ.).

10. Serapina A. Vlijanie korupcii na političeskie processy v strane [Influence of corruption on political processes in the country]. *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. 2010; (11): 5–16. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted on 02.03.2023; approved after reviewing on 17.03.2023; accepted for publication on 10.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Lyudmila L. Shtofer — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture.

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Olga M. Shevchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Штофер Л.Л. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Шевченко О.М. — разработка методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Stofer L. L. — research concept; writing the source text; final conclusions.

Shevchenko O. M. — development of methodology; revision of the text; final conclusions.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ACTUAL PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION

Научная статья

УДК: 378.147(075)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274

КУРС «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» КАК МЕХАНИЗМ УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ И ДОВЕРИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Сергей Иванович Самыгин^{1✉}, Гаджи Сафижуллаевич Малучиев²,
Александр Михайлович Шевченко³

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

³Гуковский институт экономики и права (филиал),

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Гуково, Россия

¹darya.maksimovich@gmail.com ✉, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806

²mgs11@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0740-6658

³Serq1952@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 885392, SPIN-код: 1751-4354

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении целей и функций нового курса «Обучение служением» и обосновании его необходимости для российских вузов.

Методологическая база исследования опирается на общенаучные методы научного исследования, в теоретическом плане — на элементы институционального подхода и концепции гражданского общества.

Результаты исследования. Преподавание курса «Обучение служением» является актуальным для развития гражданского общества в России. Обучение служением позволит не только укрепить связь вузов с сообществами, но также усилить мотивацию студентов участвовать в общественной жизни и социальной деятельности. Для более эффективного достижения результатов курса необходимо осуществлять комплексный подход к обучению, объединяя участие в волонтерских проектах с теоретическим обучением.

Перспективы исследования. Внедрение курса «Обучение служением» позволит усилить воспитательную функцию высших учебных заведений, усилить чувство морального долга и социальной ответственности учащихся, что может в перспективе способствовать укреплению социальной солидарности и формированию климата социального доверия в обществе.

Ключевые слова: обучение служением, волонтерство, социальная солидарность, помогающее поведение, гражданское общество, высшее образование, социальное доверие, социальная ответственность

Для цитирования: Самыгин С.И., Малучиев Г.С., Шевченко А.М. Курс «Обучение служением» как механизм укрепления социальной солидарности и доверия в российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 266–274. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-266-274>.

Original article

THE COURSE «LEARNING BY SERVICE» AS A MECHANISM FOR STRENGTHENING SOCIAL SOLIDARITY AND TRUST IN RUSSIAN SOCIETY

Sergey I. Samygin¹✉, Gadzhi S. Maluchiev², Alexander M. Shevchenko³

¹*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

²*Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

³*Gukovo Institute of Economics and Law (Branch),*

Rostov State University of Economics (RSUE), Gukovo, Russia

¹*darya.maksimovich@gmail.com ✉, AuthorID RSCI: 429210, SPIN-код: 6390-7806*

²*mgs11@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0740-6658*

³*Serq1952@mail.ru, AuthorID RSCI: 885392, SPIN-code: 1751-4354*

Abstract. *The purpose of the research is to study the goals and functions of the new course «Learning by Service» and substantiate its necessity for Russian universities.*

The methodological basis *is based on general scientific methods of scientific research, in theoretical terms — on the elements of the institutional approach and observation of society.*

Research results. *Teaching the course «Service-learning» is relevant for the development of society in Russia. Service learning does not necessarily strengthen the connection of universities with communities, but also increases the motivation of students to participate in community and social activities. To more effectively achieve results, it is necessary to develop an integrated approach to learning, to combine participation in volunteer projects with theoretical training.*

The prospect of the study. *The introduction of the «Teaching for Service» course makes it possible to establish the educational specialty of higher educational institutions, to strengthen the sense of moral duty and social receptivity of students, which can lead to the emergence of social solidarity and the formation of a climate of trust in society.*

Keywords: *service training, volunteering, social solidarity, helping behavior, civil society, higher education, social trust, social responsibility*

For citation: *Samygin S. I., Maluchiev G. S., Shevchenko A. M. The course «Learning by Service» as a mechanism for strengthening social solidarity and trust in Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(2): 266–274. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-266-274>.*

Введение. С недавнего времени в российских вузах предлагается ввести новый курс «Обучение служением». Это название является калькой термина Service-learning, который довольно трудно точно перевести на русский язык. Авторы вышедшего в 2020 году издания «Обучение служением: Методическое пособие» отмечают: «Используемое в большинстве стран и международных неправительственных организаций понятие “service” (англ.) в переводе на русский язык может трактоваться как “обслуживание”, “служба”, “служение”, “услуга”, “помощь”, “подача”,

“добровольчество”, “добровольный выбор”. Из всех этих вариантов “служение” — наиболее адекватный перевод, поскольку, согласно “Словарю русского языка” С.И. Ожегова, “Служение — работа на пользу чего-нибудь (высокого стиля), не предполагающая обязательности (как армейская служба), регулярности (как церковная служба), односторонности воздействий (как социальная помощь)”. Служение — это отношение к профессиональной и общественной работе, основанное на стремлении к полной реализации ценностного потенциала деятельности

и мотивированное бескорыстными гуманистическими потребностями, чувством долга и социальной ответственностью» [5, с. 10].

Service-learning — образовательный подход, который подразумевает вовлечение учащихся в жизнь сообщества, когда участие в реализации различных социальных и волонтерских проектов становится частью жизненного опыта и обучения, оказывает непосредственное влияние на формирование личности учащихся, повышая их социальную ответственность, и способствует укреплению доверия и солидарности в сообществах.

Очевидно, что введение подобной образовательной практики в России является весьма актуальным, поскольку не только потенциально способствует укреплению моральных норм, общественной солидарности и социального доверия, но может помочь эффективному решению социальных проблем, поддержке незащищенных и нуждающихся групп населения, улучшить навыки самоорганизации и самоуправления, стимулировать развитие гражданского общества в России.

В данной статье мы рассмотрим результаты имеющихся исследований, касающихся задач и механизмов Service-learning, а также необходимость распространения этой формы образовательной деятельности в российском обществе.

Задачи и механизмы обучения служением. Система высшего образования сталкивается со многими проблемами, выходящими за рамки только лишь профессионального обучения. От вузов ожидается, что они предоставят учащимся качественное образование, подготовят их к профессиональной деятельности. Однако высшее образование едва ли может ограничиваться только функцией профессиональной подготовки, поскольку общество нуждается не только в специалистах, но также в активных ответственных гражданах. Высшие учебные заведения обычно рассматриваются изолированно от гражданских, социальных, экономических и моральных проблем. Осознание ограниченности такого подхода к обучению и деятельности системы высшего образования и привело к появлению Service-learning как особого подхода к образованию.

Service-learning, «обучение служением» в отечественной терминологии, может

не только полнее интегрировать высшие учебные заведения в рамки местного (городского, регионального) сообщества, но и улучшить подготовку студентов к разным формам гражданской активности и участию в общественной жизни.

Существуют различные определения обучения служением (Service-learning). Так, Джейкоб [11] определяет Service-learning как форму образования, при которой учащиеся участвуют в деятельности, связанной с реализацией потребностей сообщества. Он выделяет три критических параметра, квалифицирующих образовательный проект как опыт обучения служением:

- 1) наличие определенного учебного курса;
- 2) предоставление услуги некоммерческой организации, которая реализует определенный социальный проект;
- 3) выделение времени для учебы и практики, связь опыта общественной волонтерской деятельности с основным направлением обучения.

Как форма экспериментального образования проект по обучению служением должен подкреплять теорию практикой, помогая общественным некоммерческим организациям. В последние годы западными исследователями были предприняты попытки изучения реального воздействия такой формы обучения на студентов, прошедших соответствующий курс.

Маркус, Ховард и Кинг [12] продемонстрировали, что студенты лучше справлялись с тестами в результате участия в проекте обучения служением. Босс [7] обнаружил, что чувствительность учащихся к моральным вопросам улучшилась и что студенты преодолели негативные стереотипы в результате взаимодействия с другими людьми в ходе реализации образовательного проекта.

Коэн и Кинси [8] отмечали, что в качестве педагогического инструмента обучение служением повышает мотивацию к обучению и контекстуальное понимание конкретного предметного материала курса. Такер и Маккарт [15] обнаружили, что эффективность презентаций студентов повысилась в результате участия в проекте обучения служением.

Однако в литературе отсутствуют эмпирические исследования, которые дают представления об усилении долговременной мо-

тивации студентов продолжать участвовать в общественных проектах.

Обучение служением направлено на формирование мотивации к «помогающему поведению».

Помогающее поведение — психологический термин, который обозначает «действия, направленные на благо других и за которые не предусматривается внешних вознаграждений. Оно относится к категории просоциального поведения, охватывающего все положительные формы социальных действий, имеющие своей целью пользу или выгоду других. Помогающее поведение включает в себя такие действия, как делиться, дарить, помогать и подбадривать»¹.

Помогающее поведение охватывает множество ситуаций, в которых люди могут прийти на помощь другим, начиная от ситуаций, когда социальное давление побуждает и принуждает к помощи, до ситуаций, когда мотивом являются личные нормы и ценности. Помогающее поведение — это, в сущности, синоним альтруизма. Альтруизм в человеческом сообществе не является абсолютно спонтанным поведением, его проявление может быть стимулировано. Альтруизму, безусловно, можно научить.

Как полагают некоторые исследователи, помогающее поведение можно объяснить тремя психологическими процессами (часто переплетенными между собой):

- 1) эмоциональным или эмпатическим возбуждением;
- 2) активацией социальных ожиданий;
- 3) активацией самоожиданий.

Теория альтруизма Шварца предполагает, что как когнитивные, так и аффективные влияния мотивируют людей помогать другим [13].

Когнитивное воздействие активизирует нормы и ценности личной помощи, тогда как аффективное влияние действует через эмпатическую реакцию на потребности других людей.

Вероятность проявления помогающего поведения больше, когда присутствуют оба влияния, чем если присутствует только одно или ни одного. Эти два влияния действуют через многоэтапный процесс, включающий

три фазы: активация, осознание обязанности и защита [14].

Фаза активации.

На этом этапе человек должен осознать неудовлетворенную потребность другого. Осознание потребности является триггером для инициирования эмоциональной реакции и активации самоожиданий. Осознание потребности другого стимулирует когнитивные влияния, потому что воспринимаемое состояние потребности не соответствует ожиданиям, касающимся того, каким должно быть состояние другого.

На первоначальную осведомленность влияют три фактора:

- 1) заметность потребности в окружающей среде;
- 2) ясность в отношении природы потребности;
- 3) индивидуальная восприимчивость к восприятию потребности [10].

Как только потенциальный помощник осознает потребность другого, он должен понимать, что есть действия, которые необходимо предпринять для удовлетворения потребности другого, и что он может предпринять хотя бы одно из этих действий. Завершающий этап активации — это чувство ответственности помощника за свое предполагаемое участие. Чувство ответственности происходит из чувства связи с нуждающимся человеком (людьми), независимо от того, как эта связь возникла — через ролевые отношения, случайную встречу, прямую апелляцию или зависимость.

Фаза осознания обязанности.

Переход от фазы активации к фазе обязанности производится благодаря самоожиданиям, переживаемым как чувство морального долга, а не просто интеллектуальные суждения о добре и зле [13]. Помогающее поведение является функцией интенсивности чувства морального обязательства, которое человек ощущает в той или иной ситуации.

Защитная (или негативная) фаза.

Чувство морального долга может быть нейтрализовано до того, как помогающее действие будет реализовано. Человек взве-

¹ Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/770/%D0%9F%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B5%D0%B5 (дата обращения: 25.03.2023).

шивает свои обязательства и реальные возможности, он может отказаться от оказания помощи. Защита включает оценку потенциальной помощи по критерию затрат и выгод [9]. Чувство внутреннего конфликта переживается тогда, когда ожидаемые затраты на помощь слишком высоки. Чтобы избежать этого конфликта, помощник может бессознательно или сознательно нейтрализовать чувство долга или деактивировать нормы, переопределив ситуацию тремя общими способами:

- 1) отрицание состояния нужды другого;
- 2) отрицание своей ответственности;
- 3) изменение отношение человека к помощи как к адекватной реакции.

Если человек проходит через все три этапа без активации «защиты», то он поможет нуждающемуся.

Альтруистическое или помогающее поведение имеет когнитивную составляющую. Участие в проекте «Обучения служением» может усилить осознание того, что учащиеся действительно способны помочь нуждающимся, а также чувство ответственности и сопереживания тем, кому они помогают. Однако необходимо, чтобы у учащихся формировалась устойчивая система представлений о необходимых потребностях людей, о том, в чем люди нуждаются и чего они по каким-то причинам оказываются лишены.

Исследования показали, что жертвам чаще оказывается помощь, если их потребности воспринимаются как законные [6].

Таким образом, преподаватель, желающий повлиять на осведомленность студентов о потребностях и усилить их альтруистические установки, может строить свой лекционный курс так, чтобы ознакомить студентов с законными потребностями людей, пониманием природы общественных отношений, которые могут генерировать негативные последствия для определенных групп.

Преподаватель должен показать, что проблемы нуждающихся людей и групп часто не являются следствием их личной вины или недостатков.

Предполагаемый результат обучения — рост когнитивной осведомленности о потребностях других, ослабление «защит», которые человек часто выстраивает, чтобы избежать помощи другим, даже если у него есть возможности для такой помощи.

Вероятность проявления помогающего поведения выше, когда присутствуют оба влияния: когнитивное и аффективное.

Таким образом, учащиеся с большей вероятностью будут участвовать в общественной работе, если они интеллектуально осознают ее важность и когда они испытывают (или ожидают испытать) эмоциональную связь с теми, кому помогают.

Исходя из вышесказанного, выглядит очевидным, что «Обучение служением» должно строиться как сочетание теоретического обучения с практической волонтерской деятельностью. При этом необходимо учитывать направление профессионального обучения студентов. При многообразии возможных вариантов социальной активности лучше, если работа студентов будет связана с их будущей профессией. В этом случае курс «Обучение служению» станет частью профессиональной социализации, а не дополнительной, пусть и полезной, нагрузкой.

Необходимость внедрения «Обучения служением» в российских вузах. Российское общество, как и всякое другое, сталкивается с большим количеством социальных проблем. К ним можно отнести комплекс проблем, связанных с социальным неравенством, наличием групп и лиц, возможности которых для удовлетворения жизненных потребностей и самореализации ограничены в силу объективных факторов, это также экологические проблемы, защита окружающей среды и обеспечение благоприятных условий жизни, это проблемы, связанные с защитой прав и свобод граждан, а также обширное поле проблем, связанных с сохранением и развитием культурного наследия, исторической памяти.

Частично решением подобных проблем занимается государство, но мировой опыт показывает, что эффективнее они решаются при содействии гражданского общества.

Однако в России гражданское общество еще не является достаточно сильным и развитым, что обусловлено специфическим историческим опытом, особенностями общественного и политического развития, связанными с советским наследием и его постсоветской трансформацией.

К сожалению, результатом нескольких десятилетий кризисного российского разви-

тия является атомизация общества, ограниченность жизненных интересов большинства россиян лишь сферой частного, благополучием семьи, недостаточный уровень социальной солидарности, низкий уровень взаимного доверия граждан. Эти факторы предопределяют относительную слабость российского гражданского общества.

Так, например, в начале 2000-х годов большинство россиян не считало деятельность НКО сколько-нибудь важной. Н. Деева отмечает: «... в 2003 году отношение к существующим в России общественным организациям, призванным представлять интересы различных групп и слоев населения, было таким: по мнению россиян, они неспособны решить эту задачу. Большинство опрошенных считало, что такие объединения не оказывают вообще никакого влияния на общественную и политическую ситуацию (33%), либо оказывают незначительное влияние (39%). И только 15 процентов опрошенных сочли влияние неправительственных организаций на жизнь российского общества на тот момент значительным» [4, с. 144].

Однако ситуация постепенно менялась. Более поздние социологические исследования показывают, что россияне всё больше осознают необходимость гражданского общества, активной общественной деятельности, но всё же движение в этом направлении осуществляется довольно медленно.

В связи с этим был предпринят ряд государственных инициатив, направленных на поддержку развития гражданского общества. Так, например, 2018 год был официально объявлен Годом волонтера, что повлекло за собой определенные действия: «Были внесены важные поправки в законодательство, направленные на стимулирование волонтерства. Вступили в силу закон о добровольчестве, который уравнивал понятия “волонтер” и “доброволец”, определил статус такой деятельности, были внесены изменения в Налоговый кодекс, освободившие добровольцев от уплаты налогов на доходы, получаемые в рамках волонтерской деятельности. Государственная поддержка не ограничивается инфраструктурой. По линии Фонда президентских грантов

в этом году 900 волонтерских проектов получили финансирование на 1,7 млрд рублей (в прошлом году было поддержано более 700 проектов на сумму около 1,5 млрд рублей). Значительные средства были выделены по линии грантового конкурса Росмолодежи и из иных источников»².

В 2019 году ВЦИОМ провел всероссийский опрос о состоянии гражданского общества в России, благодаря которому выяснилось, что 35% взрослых граждан принимали участие в каких-либо формах общественной деятельности, но при этом 69% из них действовали индивидуально, а не в рамках существующих НКО, т.е. это были, скорее всего, некоторые единоразовые пожертвования, что, несомненно, является важной деятельностью, но все же не систематической.

Постоянная гражданская активность не является для большинства россиян обычной практикой, отдельные действия изолированных индивидов не могут сформировать устойчивые сети социального доверия и взаимодействия. В связи с этим очевидна необходимость формирования соответствующих навыков, и внедрение нового курса должно стать важным шагом в этом направлении.

При этом внедрение и успешное преподавание этого курса не только может способствовать воспитанию граждан с развитым чувством социальной ответственности, готовых принимать участие в общественной жизни, испытывать солидарность со своими согражданами, но также способно усилить участие вузов в жизни местных сообществ, укрепить связи и сотрудничество между вузами, обществом и бизнесом.

Заключение. Преподавание курса «Обучение служением» является актуальным для развития гражданского общества в России. Обучение служением позволит не только укрепить связь вузов с обществом, но также усилить мотивацию студентов участвовать в общественной жизни и социальной деятельности. Для более эффективного достижения результатов курса необходимо осуществлять комплексный подход к обучению, объединяя участие в волонтерских проектах с теоретическим обучением.

² Год добровольца. Российское волонтерское движение выходит на новый уровень [Электронный ресурс] // ТАСС. 5 декабря 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5876263> (дата обращения: 17.03.2023).

Внедрение курса «Обучение служением» позволит укрепить воспитательную функцию высших учебных заведений, усилить чувство морального долга и социальной ответственности учащихся, что может в перспективе способствовать укреплению социальной солидарности и формированию климата социального доверия в обществе.

Список источников

1. Гафиатулина Н.Х., Барановский С.Б., Самыгин С.И. Угроза общественной безопасности как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №6. С. 25–29.

2. Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Вектор разработки образовательной парадигмы в контексте персонифицированного образования в эпоху развития цифровых технологий / Образование и молодежь в условиях цифровой экономики будущего. Материалы Международной научной конференции. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. 2020. С. 17–21.

3. Гафиатулина Н.Х., Тарасенко Л.В., Самыгин С.И. Социальное здоровье и восприятие рисков студенческой молодежью юга России (на материалах социологического опроса в г. Ростов-на-Дону) // Анализ риска здоровью. 2017. №4. С. 66–75.

4. Деева Н.В. Гражданское общество в постсоветской России: особенности эволюции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. №3. С. 136–148.

5. Обучение служением: методическое пособие / Под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. М.: АБИЦ, 2020. 216 с.

6. Berkowitz L., Klanderman S. B., Harris R. Effects of experimenter awareness and sex of subject and experimenter on reactions to dependency relationships. *Sociometry*. 1964. №27. P. 327–337.

7. Boss J. The effect of community service work on the moral development of college ethics students // *Journal of Moral Education*. 1994. №23. P. 183–198.

8. Cohen J., Kinsey D. «Doing good» and scholarship: A service-learning study // *Journalism Educator*. 1994. P. 4–14.

9. Cialdini R. B., Kenrick D. T., Baumann D. J. Effects of mood on prosocial behavior in children and adults // *The development of prosocial behavior* / In N. Eisenberg (ed.). New York: Academic Press, 1982.

10. Eisenberg N. Altruistic emotion, cognition, and behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1986. 274 p.

11. Jacoby B. Service-Learning in today's higher education // *Service learning in higher education: Concepts and practices* / In B. Jacoby (ed.). San Francisco: Jossey-Bass, 1996. P. 3–25.

12. Markus G. B., Howard J. P. F., King D. C. Integrating community service and classroom instruction enhances learning: Results from an experiment // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 1993. №4. P. 410–419.

13. Schwartz S. H. Normative influences on altruism // *Advances in experimental social psychology* / In L. Berkowitz (ed.). New York: Academic Press, 1977. P. 221–279.

14. Schwartz S. H., Howard J. A. Altruism and helping behavior // In J. P. Rushton & R. M. Sorrentino (eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1981.

15. Tucker M. L., McCarthy A. M. Presentation self-efficacy: Increasing communication skills through service-learning // *Journal of Managerial Issues*. 2001. №XIII(2). P. 227–244.

References

1. Gafiatulina N. H., Baranovskij S. B., Samygin S. I. Ugroza obshhestvennoj bezopasnosti kak faktor vlijaniya na social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi [The threat of public safety as a factor of influence on the social health of Russian student youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2018; (6): 25–29. (In Russ.).

2. Gafiatulina N. H., Samygin S. I. Vektor razrabotki obrazovatel'noj paradigmy v kontekste personificirovannogo obrazovaniya v jepohu razvitija cifrovyh tehnologij [Vector of educational paradigm development in the context of personalized education in the era of digital technology development]. *Obrazovanie i molodezh' v uslovijah cifrovoj jekonomiki budushhego*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Education and youth in the digital economy of the future. Materials of the International Scientific

Conference]. Novocherkassk: Juzhno-Rossiiskij gosudarstvennyj politehnicheskij universitet (NII imeni M. I. Platova. 2020. P. 17–21. (In Russ.).

3. Gafiatulina N. H., Tarasenko L. V., Samygin C. I. Social'noe zdorov'e i vosprijatie riskov studencheskoj molodezh'ju juga Rossii (na materialah sociologicheskogo oprosa v g. Rostov-na-Donu) [Social health and risk perception by students of the South of Russia (based on the materials of a sociological survey in Rostov-on-Don)]. *Analiz riska zdorov'ju* [Health risk analysis]. 2017; (4): 66–75. (In Russ.).

4. Deeva N. V. Grazhdanskoe obshchestvo v postsovetsoj Rossii: osobennosti jevoljucii [Civil society in post-Soviet Russia: features of evolution]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power]. 2018; (3): 136–148. (In Russ.).

5. Obuchenie sluzheniem: metodicheskoe posobie [Ministry training: a methodological guide]. Pod red. O. V. Reshetnikova, S. V. Teterskogo [In O. V. Reshetnikov, S. V. Tetersky (eds.)]. Moscow: AVC, 2020. 216 p. (In Russ.).

6. Berkowitz L., Klanderman S. B., Harris R. Effects of experimenter awareness and sex of subject and experimenter on reactions to dependency relationships. *Sociometry*. 1964. №27. P. 327–337.

7. Boss J. The effect of community service work on the moral development of college ethics students // *Journal of Moral Education*. 1994. №23. P. 183–198.

8. Cohen J., Kinsey D. «Doing good» and scholarship: A service-learning study // *Journalism Educator*. 1994. P. 4–14.

9. Cialdini R. B., Kenrick D. T., Baumann D. J. Effects of mood on prosocial behavior in children and adults // *The development of prosocial behavior* / In N. Eisenberg (ed.). New York: Academic Press, 1982.

10. Eisenberg N. Altruistic emotion, cognition, and behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1986. 274 p.

11. Jacoby B. Service-Learning in today's higher education // *Service learning in higher education: Concepts and practices* / In B. Jacoby (ed.). San Francisco: Jossey-Bass, 1996. P. 3–25.

12. Markus G. B., Howard J. P. F., King D. C. Integrating community service and classroom instruction enhances learning: Results from an experiment // *Educational Evaluation and Policy Analysis*. 1993. №4. P. 410–419.

13. Schwartz S. H. Normative influences on altruism // *Advances in experimental social psychology* / In L. Berkowitz (ed.). New York: Academic Press, 1977. P. 221–279.

14. Schwartz S. H., Howard J. A. Altruism and helping behavior / In J. P. Rushton & R. M. Sorrentino (eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1981.

15. Tucker M. L., McCarthy A. M. Presentation self-efficacy: Increasing communication skills through service-learning // *Journal of Managerial Issues*. 2001. №XIII(2). P. 227–244.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted on 03.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Малучиев Гаджи Сафижуллаевич — кандидат педагогических наук, директор ГБУ Республиканская специальная библиотека для слепых, доцент Дагестанского государственного университета.

Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а

Gadzhi S. Maluchiev — Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the Republican Special Library for the Blind, Associate Professor of Dagestan State University.

43a str. M. Gadzhiev, Makhachkala, Russia

Шевченко Александр Михайлович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой «Гуманитарно-правовые дисциплины», Гуковский институт экономики и права (филиал), Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Гуково, ул. Мира, 13а

Alexander M. Shevchenko — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Humanities and Legal Disciplines, Gukovo Institute of Economics and Law (branch), Rostov State University of Economics (RSUE).

13a Mira str., Gukovo, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК: 378.147(075)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283

КУРС «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» КАК ИННОВАЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТОДИКА

Михаил Андреевич Суржиков¹, Анастасия Михайловна Усенко²,
Сергей Иванович Самыгин³✉

^{1, 2, 3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹2980135@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8790-8270

²vodoleika-y@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8531-5789

³darya.maksimovich@gmail.com✉, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806

Аннотация. В статье рассмотрена связь образовательного процесса и социальных практик, составляющих социальное служение, чей синергетический эффект выражается в методологии обучения служением. Рассмотрены ключевые принципы, задачи и структура обучения служением. Разграничены отдельные социальные и образовательные практики и систематизированный подход к обучению служением. Рассмотрены различные этапы и вклад российских ученых и педагогов в становление и развитие методологии обучения служением в России.

Ключевые слова: обучение служением, гражданственность, патриотизм, сопричастность, волонтерство, жизненная позиция, развитие личности, социальные отношения, добровольчество, социальные практики

Для цитирования: Суржиков М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. Курс «Обучение служением» как инновационная российская образовательная методика // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 275–283. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283>.

Original article

THE COURSE «LEARNING BY SERVICE» AS AN INNOVATIVE RUSSIAN EDUCATIONAL METHODOLOGY

Mikhail A. Surzhikov¹, Anastasia M. Usenko², Sergei I. Samygin³✉

^{1, 2, 3}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹2980135@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8790-8270

²vodoleika-y@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8531-5789

³darya.maksimovich@gmail.com✉, AuthorID RSCI: 429210, SPIN-code: 6390-7806

Abstract. *The article examines the relationship between the educational process and social practices that make up social service, whose synergetic effect is expressed in the methodology of teaching service. The key principles, tasks and structure of ministry training are considered. Separate social and educational practices and a systematic approach to teaching by ministry are differentiated. Various stages and the contribution of Russian scientists and teachers to the formation and development of the methodology of teaching ministry in Russia are considered.*

Keywords: *service-learning, citizenship, patriotism, involvement, volunteerism, life position, personal development, social attitudes, volunteerism, social practices*

For citation: Surzhikov M. A., Usenko A. M., Samygin S. . The course «Learning by Service» as an innovative Russian educational methodology // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2023; 16(2): 275–283. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283>.

Введение. Государственный курс Российской Федерации в социально-экономической сфере комплексно направлен на повышение уровня гражданственности и социальной активности молодежи, развитие патриотического воспитания, добровольческой работы с молодежью группы риска, повышение воспитательного потенциала образовательного процесса, духовно-нравственного развития личности гражданина России [1; 3; 5].

Документы, регулирующие деятельность социальных институтов в этой сфере, а также Концепция и Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, предполагают «полноценное использование в образовательных программах воспитательного потенциала учебных дисциплин» через внедрение методики «Обучение служением» в учебно-образовательный процесс [7, с. 7].

Обсуждение. Обучение служением представляет собой особую педагогическую прак-

тику, образовательную методику, которая реализует одновременно процессы обучения и служения обществу. Еще экс-министр образования и просвещения О.Ю. Васильева сказала следующее: «Нам нужно просто изменить, и это нужно сделать сейчас, сегодня и сразу, отношение общества к служению учителя. У нас должны исчезнуть, уйти услуги. Услуг не может быть в области образования» [9, с. 62].

Методология обучения служением, будучи встроенной в весь образовательный процесс, а не только в отдельные дисциплины, обладает большим воспитательным потенциалом, что отвечает актуальным запросам государства. В этом случае методология обучения служением обладает и другим значительным преимуществом — обучение, особенно в гуманитарных направлениях, становится более практико-ориентированным, ибо способствует развитию у обучающихся ответственности за себя и окружающую среду, личностному развитию, выстраиванию индивидуальной образовательной траектории в соответствии

с собственными внутренними ресурсами, возможностями и интересами.

Таким образом, данная методология направлена на воспитание граждан с активной социальной позицией и высоким профессиональным потенциалом.

Критически важным моментом для реализации этого подхода является равновесность обучения и служения — в этом случае достигается синергетический эффект, а ценность, значимость и результативность каждого из этих процессов усиливается за счет другого.

Ключевым принципом обучения служением можно назвать «учиться, оказывая общественные услуги», а синергетический эффект выражается в том, что студенты получают необходимые компетенции через практики, полезные для других, и направляют свои усилия и таланты не только на себя, но и на благо общества [10, с. 9].

Данная образовательная практика для России является весьма актуальной, поскольку социальная, экономическая и политическая сферы сейчас претерпевают изменения, под которые обществу необходимо быстро адаптироваться, сплотиться, развивать и использовать собственный созидательный потенциал.

Так, в январе этого года Президент РФ Владимир Путин поручил к 1 сентября 2023 г. разработать и включить в образовательные программы высшего образования курс (модуль) «Обучение служением»¹. Для этой цели ведется совместная работа Министерства образования и науки России, Министерства труда России, Росмолодежи и Ассоциации волонтерских центров.

Согласно методическому пособию «Обучение служением», разработанному Ассоциацией волонтерских центров [7], практико-ориентированный подход этой методики основывается на введении инструментов добровольчества, но не ограничивается ими.

Работа будет вестись в образовательных учреждениях общего начального, среднего и высшего образования.

Чтобы лучше понять цели, задачи и принципы обучения служением, сначала обратимся к структуре этого понятия, в рамках которой можно выделить четыре основных элемента.

1. Служение — действия, направленные на решение конкретных социальных проблем. Однако оно представляет собой не просто конкретный вид деятельности, оно связано с внутренней системой мотивации и ценностей человека, причем на первый план выходят гуманистические ценности. Служение базируется на высоких моральных принципах и, вовлекая население в определенные социальные практики, становится фундаментом гражданского общества. Служение также имеет свои компоненты:

а) нравственные (в том числе, религиозные) основания — они побуждают к добровольным и жертвенным действиям;

б) социальная ответственность — безусловно, она должна присутствовать в каждом гражданине, но она обуславливается рядом факторов, например, социальным статусом, наличием талантов, способностей, ресурсов и возможностей;

в) гражданские обязанности, связанные с правами и свободами.

2. Связанность — содержание образовательной программы и социальные практики должны образовывать единую систему с четкими задачами и соответствующими видами деятельности.

3. Участие — практико-ориентированная образовательная деятельность строится на тесном сотрудничестве молодежи, преподавателей, потенциальных работодателей и социальных организаций.

4. Рефлексия — каждый участник, особенно студенты, должен проводить внутренний анализ полученного опыта на регулярной основе, за счет чего повышается синергетический эффект методики обучения служением.

Сочетание обучения и служения положительно сказывается на качестве образования студентов по следующим основаниям:

— за счет вовлеченности в социальные практики повышается мотивация к изучению основных предметных дисциплин;

— организовывается и усиливается междисциплинарность образовательной программы;

— формируется и развивается активная гражданская позиция обучающихся;

¹ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. Пр-173ГС, п. 8 [Электронный ресурс] // Сайт «Президент России». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421>.

— формируются и развиваются так называемые «softskills» — «социально-психологические навыки: коммуникативные, лидерские, командные, публичные и другие, которые могут пригодиться в большинстве жизненных ситуаций, связаны с тем, каким образом люди взаимодействуют между собой»; «унифицированные навыки и личные качества, которые повышают эффективность работы и взаимодействия с другими людьми» [10; 11].

На современном рынке труда softskills крайне важны, они повышают конкурентоспособность молодых специалистов, а также помогают в профессиональном развитии и способствуют карьерному росту.

Стоит четко разграничивать обучение служением и отдельные социальные и образовательные практики: волонтерство как определенный ресурс [4], разовые добровольческие акции и «полевую» образовательную работу, поскольку по отдельности они делают упор либо на общественно значимую работу, либо на образовательный компонент (см. рис. 1) [8, с. 11].

Так, например, волонтерство, безусловно, является частью обучения служением, но само по себе оно не имеет образовательного компонента и не основывается на специальных знаниях и навыках, получаемых в школах и вузах. Чаще всего, для участия в волонтерских проектах не требуется квалификации.

Обозначенная на рисунке 1 полевая работа — это различные стажировки, студенческие практики, учебные и исследовательские проекты, в которых может быть задействована

учащаяся и студенческая молодежь. Если эти стажировки, практики и учебно-исследовательские проекты сами по себе не содержат социальную направленность, то они ориентированы только на профессиональное развитие.

Разовые добровольческие инициативы, как видно из названия, не обладают систематичностью, как следствие — уровень их социального воздействия недостаточно высок, образовательный компонент тоже не является систематизированным и его эффект не столь сильный.

Как уже было отмечено, социальное служение включает в себя добровольческие, волонтерские практики, но не ограничивается ими. Можно выделить 4 основных направления в рамках социального служения [7].

1. Благотворительная деятельность. Участие в благотворительности может осуществляться двумя путями или через их сочетание: финансовое участие и организационное. Студенты, и тем более школьники, не обладают, как правило, широкими материальными возможностями, поэтому их финансовый вклад чаще минимальный и носит символический характер, определяющий большую личностную значимость. Однако они могут внести значительный вклад в организационную деятельность, например, сбор пожертвований, социальная реклама, привлечение внимания потенциальных спонсоров.

2. Добровольческая (волонтерская) деятельность — наиболее распространенная форма участия молодых людей в социальном служении, которая реализуется посредством лич-

Рис. 1. Соотнесение различных образовательных и социальных практик
Fig. 1. Correlation of various educational and social practices

ного труда через активное и свободное участие в решении социально значимых проблем.

3. Миротворческая деятельность — деятельность по преодолению конфликтов, возникающих на разных основаниях. Участие молодежи связано с гуманитарной поддержкой, т.е. с помощью в формировании и развитии жизненно важных навыков, умений и компетенций — молодые люди принимают участие в мероприятиях по ликвидации безграмотности, информировании и профилактике зависимостей и т.д.

4. Правозащитная деятельность — это отдельное от политики направление деятельности по защите закона и человеческих прав. Молодежь может принимать участие в судебных и внесудебных мероприятиях, неполитических акциях, митингах, кампаниях.

Эти направления реализуются системно, за счет чего достигаются и образовательные, и социальные цели. Также с образовательным и научно-исследовательским процессом тесно связаны этапы служения:

1) образный — на этом этапе определяются смысл, значения и значимость конкретной деятельности на личном уровне для каждого участника и на социальном для общества в целом;

2) теоретический — происходит формулировка цели, объекта социального воздействия, структуры и причинно-следственных связей и отношений между ними;

3) методический — осуществляется выбор источников материальных и нематериальных ресурсов и источников, способы и пути достижения результата, определяются приемы, методы, средства обработки и анализа необходимой информации, на основе этого вырабатываются рекомендации по образовательной деятельности;

4) процедурный — на этом этапе осуществляется непосредственное решение поставленных практических задач, направленных на реализацию выработанных рекомендаций, выявляются и устраняются недостатки в рекомендациях, отрабатывается и закрепляется алгоритм действий.

Само же обучение служением строится на трех основных компонентах (два из них уже были обозначены ранее):

1) служение как добровольный выбор социально значимых и полезных действий,

важный аспект — действия соответствуют изучаемым в образовательном учреждении предметам;

2) непосредственно сам процесс обучения;

3) деятельность преподавателя, направленная на то, чтобы связать первые два компонента и включить инструменты добровольчества в процесс проведения занятия.

Общая задача методики обучения служением — «интегрировать процесс служения и обучения в единое образовательное пространство» [7, с. 54].

Из этой задачи вытекают три более узких:

1) предоставить для обучающегося возможности для практического применения знаний, навыков, умений, получаемых в образовательном процессе;

2) повысить уровень вовлеченности обучающихся в социальные практики, которые направлены на удовлетворение общественных потребностей и, как следствие, повышение уровня жизни своей настоящей и будущей семьи, а также всего общества;

3) создать такие условия, в которых рефлексия всех участников процесса способствовала бы повышению качества образования и опыта служения.

Заметим, что обучение служением сейчас довольно широко распространено во всем мире, и многие страны разрабатывают и применяют методики обучения служения с учетом собственных государственных устоев. Однако важно подчеркнуть, что эта практика имеет обширный исторический опыт использования в России и Советском Союзе. Так, например, в период с XIX века до революции 1917 года организовывались школы, больницы и богадельни при храмах и монастырях; князья делали пожертвования на общественные нужды; образованная молодежь устраивала «хождение в народ» с целью культурного и образовательного просвещения и облегчения жизни простых людей и т.д. Как подчеркивает П.В. Власов, благотворительность являлась неким «священным ритуалом, обычаем, традицией, нормой поведения. В день бракосочетания и при рождении детей московские князья и цари раздавали милостыню, совершали другие благотворительные дела» [2, с. 13].

В советский период реализовывалось так называемое «управляемое» молодежное добровольчество — поездки учеников и сту-

дентов на сборы урожая в трудовые лагеря, формировались народные дружины, общественные организации и органы общественного самоуправления и т.д.

Что касается постсоветского периода, то он характеризуется бурным расцветом различных организаций — региональные службы добровольчества, благотворительные фонды, неправительственные профессиональные организации, НКО, специализированные центры поддержки добровольчества, координационные комитеты всероссийских акций.

На современном этапе особенно стоит выделить 2014 год, ставший переломным, и инициативы Владимира Владимировича Путина: «...государство берет на себя функции поддержки и контроля за развитием волонтерства, деятельностью благотворительных учреждений и некоммерческих организаций, частичного финансирования работы некоторых из них, а главное — создает единую стройную систему законов, нормативной базы, стимулов для оказания помощи нуждающимся и тем, кто им помогает, через систему льгот, поощрений» [7, с. 33].

Особо стоит выделить создание Ассоциации волонтерских центров, которая стала флагманом российского волонтерства.

Возвращаясь к историческому вопросу зарождения и развития обучения служению, необходимо отметить роль Льва Выгодского, чьи работы отражали идеи социального конструктивизма, стали оригинальными концепциями социализма и «легли в основу современного образования во всем мире» [7, с. 61].

Важную роль в становлении методологии обучения служением сыграли А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский. Затем отметим И.П. Иванова: «...наибольший прорыв в методике обучения служением совершил педагог из Санкт-Петербурга И.П. Иванов, который адаптировал метод коллективного воспитания А.С. Макаренко и системную методику длительной игры И.Н. Жукова к условиям обычных школ и внешкольных учреждений» [7, с. 66].

Как самостоятельная образовательная методика обучения служением начала активно развиваться в России с 1999 года. В качестве успешного современного примера приведем внедрение курса «Обучение действием», участие в котором «способствует воспитанию

у школьников общероссийской идентичности, гражданской ответственности, правового самосознания, толерантности, приверженности гуманистическим и демократическим ценностям, закрепленным в Конституции Российской Федерации» [6].

Как подчеркивает О.Н. Смолин, «объектом образовательных правоотношений является образование как социальное благо — совокупность универсальных (общекультурных) и (или) профессиональных способностей (знаний, умений), формируемых и развиваемых в результате освоения образовательных программ» [9, с. 13].

Заключение. Подводя итог, подчеркнем, что эффективность обучения служением основывается на методе активной и рефлексивной педагогики, сетевом взаимодействии образовательных учреждений и социальных организаций и формирующем и преобразующем воздействии на жизнь общества и государства. Роль российских ученых, мыслителей и педагогов в создании и развитии методологии обучения служением является основополагающей, что позволяет эффективно обновлять и использовать эти методики в настоящее время без оглядки на зарубежный опыт.

Список источников

1. Бурмистров В.С., Самыгин С.И. Роль общественных волонтерских объединений и благотворительных фондов в процессах интеграции России и Донбасса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 22–26.
2. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001. 443 с.
3. Гафиатулина Н.Х., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №1. С. 27–30.
4. Касьянов В.В., Латышева А.Т. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №2. С. 61–66.

5. Ковров В.В. Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №4. С. 292–296.

6. Обучение действием: внедрение инновационных моделей просоциального и толерантного поведения детей и молодежи в местном сообществе: сборник материалов. М.: Созидание, 2015. 167 с.

7. Обучение служением: методическое пособие / Под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. М.: АБИЦ, 2020. 216 с.

8. Обучение служением через проектно-прикладную деятельность. Методические рекомендации для университетов / АНО «Агентство социальных инвестиций и инноваций»; отв. ред. М.Ю. Славгородская. М.: Грифон, 2022. 90 с.

9. Смолин О.Н. Услуга или служение? О некоторых философско-экономических основах образовательной политики // Народное образование. 2020. №1. С. 7–30.

10. Татаурщикова Д. Soft skills [Электронный ресурс] // Блог 4brain. URL: <https://4brain.ru/blog/softskills>.

11. Шипилов В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития [Электронный ресурс] // Корпоративный менеджмент. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml.

References

1. Burmistrov V.S., Samygin S.I. Rol' obshchestvennykh volonterskikh ob'edinenij i blagotvoritel'nykh fondov v processah integracii Rossii i Donbassa [The role of public volunteer associations and charitable foundations in the processes of integration of Russia and Donbass]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2023; (1): 22–26. (In Russ.).

2. Vlasov P.V. Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii [Charity and mercy in Russia]. Moscow: Centrpoligraf, 2001. 443 p. (In Russ.).

3. Gafiatulina N.H., Latysheva A.T., Samygin S.I. Volonterskaja dejatel'nost' v sisteme organizacii social'noj raboty s molodezh'ju gruppy riska [Volunteer activity in the system of organizing social work with at-risk youth].

Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2020; (1): 27–30. (In Russ.).

4. Kas'janov V. V., Latysheva A.T. Volonterskaja dejatel'nost' kak resurs povyshenija social'nogo zdorov'ja rossijskoj molodezhi [Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2020; (2): 61–66. (In Russ.).

5. Kovrov V.V. Vlijanie volonterstva na social'nuju aktivnost' obuchajushhihsja v rossijskikh vuzah [The influence of volunteering on the social activity of students in Russian universities]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2022; (4): 292–296. (In Russ.).

6. Obuchenie dejstviem: vnedrenie innovacionnykh modelej prosocial'nogo i tolerantного povedenija detej i molodezhi v mestnom soobshchestve: sbornik materialov [Learning by action: the introduction of innovative models of prosocial and tolerant behavior of children and youth in the local community: Collection of materials]. Moscow: Sozidanie, 2015. 167 p. (In Russ.).

7. Obuchenie sluzheniem: Metodicheskoe posobie [Ministry training: a methodological guide]. Pod red. O.V. Reshetnikova, S.V. Teterskogo [In O.V. Reshetnikov, S.V. Tetersky (eds.)]. Moscow: AVC, 2020. 216 p. (In Russ.).

8. Obuchenie sluzheniem cherez proektno-prikladnuju dejatel'nost'. Metodicheskie rekomendacii dlja universitetov [Service training through design and applied activities. Methodological recommendations for universities]. ANO «Aгентstvo social'nykh investicij i innovacij»; отв. ред. М. Ю. Славгородская [ANO «Agency for Social Investment and Innovation». In M.Y. Slavgorodskaya (eds.)]. Moscow: Griфон, 2022. 90 p. (In Russ.).9. Smolin O.N. Us-luga ili sluzhenie? O nekotorykh filosofsko-jekonomicheskikh osnovah obrazovatel'noj politiki [Service or service? On some philosophical and economic foundations of educational policy]. *Narodnoe obrazovanie* [National education]. 2020; (1): 7–30. (In Russ.).

10. Tataurshhikova D. Soft skills [Elektronnyj resurs] // Blog 4brain. URL: <https://4brain.ru/blog/softskills>. (In Russ.).

11. Shipilov V. Perechen' navykov soft-skills i sposoby ih razvitiya [List of soft-skills and ways of their development] [Elektronnyj resurs]. Korporativnyj menedzhment [Corporate management]. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted on 06.03.2023; approved after reviewing on 23.03.2023; accepted for publication on 14.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суржиков Михаил Андреевич — доктор экономических наук, декан факультета менеджмента, профессор кафедры «Финансовый и HR менеджмент», Ростовский государственный экономический университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Mikhail A. Surzhikov — Doctor of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Management, Professor of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics.

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Усенко Анастасия Михайловна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансовый и HR менеджмент», Ростовский государственный экономический университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Anastasia M. Usenko — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Financial and HR Management, Rostov State University of Economics.

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Уважаемые авторы!
**Правильное оформление статьи значительно ускоряет процесс
ее обработки и передачи в работу для подготовки в печать**

Все статьи проверяются системой «Антиплагиат» (оригинальность текста не менее 85 %).

При оценке заимствований учитываются два параметра (если по одному из них выявляется превышение нормы, статья не принимается к публикации). Норма:

1-й параметр — отдельные фрагменты заимствований (в статье ни один фрагмент заимствований не должен быть выше 10 %);

2-й параметр — общая сумма заимствований (сумма всех фрагментов заимствований не должна превышать 20 %).

Статья представляется в текстовом формате, включает в себя сведения об авторе, аннотацию, текст статьи, список литературы. Все эти разделы подаются одним файлом.

Сведения об авторе

Необходимо в обязательном порядке представить:

1. ФИО автора (авторов) (на русском и англ. языках).
2. Название организации (на русском и англ. языках).
3. ORCID, Author ID РИНЦ авторов. При наличии могут быть представлены и дополнительные идентификаторы (Scopus ID и др.).
4. Указать автора, ответственного за переписку.
5. Информация об авторе: полная расшифровка имени и отчества, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, e-mail. Необходимо также указать адрес вуза (на русском и англ. языках).
6. Сведения о вкладе в работу над статьей каждого автора (на русском и англ. языках).
7. Фотография автора хорошего качества, на которой видно лицо. Фотографию можно присылать отдельным файлом.

Название и аннотация

1. Обязательно указывается тип статьи:

научная статья,

обзорная статья,

дискуссионная статья,

персоналии,

редакторская заметка,

рецензия на книгу,

рецензия на статью,

информационно-методическое сообщение,

краткое сообщение.

2. Перед названием необходимо указать УДК.

3. Название статьи (на русском и англ. языках). В названии не должно быть аббревиатур.

4. Аннотация (от 150 и не больше 250 слов) должна быть разделена на разделы:

Цель

Методология

Результаты

Перспективы исследования

Ключевые слова: 3–10 ключевых слов или словосочетаний

Благодарности

Финансирование

В аннотации не должно быть фамилий, ссылок и сокращений.

Текст

Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.
- в статье должна быть выделена структура. Для этого текст нужно разбить на части (Введение, Методика, Результаты, Обсуждение, Заключение). В качестве частей могут быть выделены смысловые блоки, но обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение».
- текст должен содержать 21–35 000 знаков (с пробелами). Сведения об авторе, аннотация и список литературы не учитываются. Минимально — 21 000 знаков с пробелами.

Оформление текста:

1. Основной текст располагается в 1 колонку.
2. Шрифт текста — Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
3. В тексте не должно быть расставленных вручную переносов.
4. В тексте не должно быть автоматических нумерованных и маркированных списков.
5. В тексте не должно быть ссылок и гиперссылок.
6. Буквы, обозначающие переменные в формулах и размещенные в тексте статьи, не должны быть вставлены в текст в виде формул или картинок, только в виде латинских или греческих символов (пункт меню «Вставка → Символ...»).
7. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation 3,0 или Math Type 5,0–6,0 Equation, располагаются в тексте в одну колонку.
8. Таблицы в текст должны быть вставлены в виде таблиц, а не картинок.
9. Иллюстрации только черно-белые (чтобы можно было оценить читаемость при ч/б печати), использование цвета и фона не допускается. Вместо выделения цветом на диаграммах (в Excel) делаются различные штриховки или используются оттенки черного цвета, графики выполняются пунктирными, штрихпунктирными и т.п. линиями.
10. Иллюстрации должны быть хорошего качества и размера: не стоит пытаться поставить несколько очень маленьких рисунков в ряд — они не будут читаться.
11. Все рисунки и таблицы должны иметь название.
12. Все иллюстрации, собранные из надписей в Word, необходимо сохранять и вставлять в текст в виде рисунков (.jpg, .tif, .png).
13. Рисунки могут пересылаться отдельными файлами, но в тексте нужно указать их место.
14. Абзац («красная строка») выставляется только автоматически, а не с помощью клавиш «пробел» или «табуляция».
15. Сокращения использовать не надо. Но если они и используются, то все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы.
16. Абзац не должен начинаться с фамилии автора.

Список источников

В тексте обязательны ссылки на источники:

- обычная ссылка — номер источника из списка литературы в квадратных скобках;

— ссылка при цитате — номер источника из списка литературы + номер страницы в квадратных скобках. В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Оформление списка источников:

- выполняется на русском языке
- строго в алфавитном порядке;
- английские источники в Списке пишутся по-английски и идут после русских (так же в алфавитном порядке); в текстовых ссылках номера страниц английских источников указываются как pages ([12, p. 5]);
- должно быть минимум 10 источников цитирования, обязательно 20 % на английском языке;
- в списке литературы под одним номером — один источник, а не список;
- самоцитирование не более 1–2 источников;
- обязательно указывать город и название издательства источника: М.: Наука, 2000;
- обязательно указывать общее количество страниц в источнике или номера страниц, которые занимает источник, если он является частью сборника, журнала и т.д.;
- транслитерация списка литературы и перевод на английский язык не нужна;
- электронные источники оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008. Для электронных источников нужно указать те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В списке литературы в качестве электронных источников могут использоваться только электронные журналы.

В список литературы не включаются:

- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

В принципе не допустимо использование в научных статьях:

- статей из внутривузовских сборников;
- авторефератов диссертаций и диссертаций;
- учебных пособий.

Для аспирантов очной формы обучения, статьи которых в порядке очереди публикуются бесплатно, необходимо представить справку с места учебы. Также для аспирантов необходима рекомендация от кафедры.

Только правильно оформленная статья с приложением всех необходимых сопроводительных документов будет рассматриваться редакцией.

При повторном обращении с неполным комплектом документов статья рассмотрена не будет.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2021